

Институт археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

*приложение к журналу,
Выпуск 35*

Н.М. Малкова

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
МОРДВЫ В XVI – НАЧАЛЕ XIX ВВ.**

Казань
2025

УДК 902.2
ББК 63.48
М 19

Журнал «Археология евразийских степей»
приложение к журналу
издается с 2007 года
Выпуск 35

Научное издание

Печатается по решению Ученого совета Института археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

Ответственный редактор:
д.и.н. Ю.А. Зеленева

Рецензенты:
д.и.н. В.И. Вихляев, к.и.н. О.В. Зеленцова

Редакционная коллегия
д.и.н. В.А. Иванов, д.и.н. Т.Б. Никитина, д.и.н. Е.М. Пигарев,
к.и.н. Р.Р. Саттаров, к.в.н. Г.Ш. Асылгараева, Р.Р. Мухаметшин

Малкова Н.М. Погребальные традиции мордвы в XVI – начале XIX вв. / Н.М. Малкова; отв. ред. Ю.А. Зеленева. – Казань: Изд-во АН РТ, 2025. – 240 с. (Серия «Археология евразийских степей»; вып. 35).

ISBN 978-5-9690-1396-4

DOI: <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-1396-4>

Монография Н.М. Малковой представляет собой систематизированный анализ археологических материалов могильников мордвы эпохи позднего средневековья. Впервые представлены комплексные результаты исследования погребальных комплексов эрзи и мокши. История изучения этих памятников рассмотрена автором в контексте развития археологической науки. В книге проанализированы элементы погребальной обрядности, дана характеристика погребальных комплексов мордвы, проведена классификация предметов погребального инвентаря и деталей костюма. На основе этого выделены типы моделей погребального обряда, наборов инвентаря и элементов костюма.

Книга предназначена для археологов, историков, этнографов и всех, интересующихся историей и культурой этносов Среднего Поволжья.

Монография подготовлена в рамках реализации государственного задания Академии наук Республики Татарстан на 2025 г. Издана за счет средств, выделенных на проведение Всероссийской научной конференции «Ананьинский мир: археология бронзового и раннего железного веков Северной Евразии (к 130-летию со дня рождения А.В. Шмидта)» с 11 по 14 ноября 2025 г

ISBN 978-5-9690-1396-4

© Малкова Н.М., 2025

© Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2025

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ	4
ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МОРДВЫ ...	12
Накопление источниковой базы	12
Историография погребальной обрядности.....	20
ГЛАВА II. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ МОРДВЫ	27
Постановка проблемы и методы исследования	27
Признаки и модели погребального обряда	28
Характеристика погребальных комплексов	35
Вещевой инвентарь в системе погребальных комплексов.....	46
Наборы погребального инвентаря.....	52
ГЛАВА III. ХАРАКТЕРИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ.....	54
Орудия труда	54
Предметы быта.....	55
Сосуды	57
Символы христианской веры.....	59
Монеты и счетные жетоны.....	60
Датировка и этническая идентификация могильников	62
ГЛАВА IV. КЛАССИФИКАЦИЯ ДЕТАЛЕЙ КОСТЮМА И УКРАШЕНИЙ.....	65
Головные уборы и украшения головы	65
Шейно-нагрудные украшения	71
Поясные и набедренные украшения	83
Украшения рук	85
Остатки обуви.....	89
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	90
Список литературы	97
Список сокращений	110
Список сокращенных названий могильников	112
Список иллюстраций	113
ПРИЛОЖЕНИЯ: 1. Модели погребального обряда	117
2. Типы наборов погребального инвентаря	124
3. Модели костюма.....	128
Таблицы.....	132
Иллюстрации.....	185

ОТ РЕДАКЦИИ

Народы Среднего Поволжья обладают богатым историко-культурным наследием и давно привлекают внимание исследователей. Изучение традиций и истории этих народов остается актуальным направлением науки в исследованиях Академии наук Республики Татарстан, поскольку позволяет восполнить пробелы в нашем понимании процессов, происходивших в этом ключевом регионе Евразии. Одним из крупных финно-угорских народов Поволжья является многочисленное население региона, представленное мордвой. Мордва сыграла заметную роль в этнокультурной мозаике России. Поэтому обращение к ее прошлому, особенно к сферам духовной и материальной культуры, представляет большой интерес как с точки зрения региональной истории, так и в контексте общих закономерностей взаимодействия тюркских, славянских и финно-угорских народов и культур.

Монография Н.М. Малковой «Погребальные традиции мордвы в XVI – начале XIX вв.» является значительным вкладом в изучение археологии и этнокультурных традиций Среднего Поволжья. Эта работа посвящена комплексному исследованию погребального обряда мордвы в XVI – начале XIX вв. на основе обширных археологических материалов. Предметом изучения стали погребальные памятники мордвы – эрзи и мокши – датируемые XVI – началом XIX в. Указанный хронологический диапазон охватывает время важных перемен в жизни мордовского этноса: от включения мордовских земель в состав Российского государства в XVI в. до начала XIX в., когда традиционный уклад значительно трансформировался под влиянием социальных и культурных процессов. Выбор именно этого периода

обусловлен необходимостью восполнить существенные лакуны в источниковой базе по истории мордвы. Письменные сведения о мордовской культуре скудны для рассматриваемого времени: полноценные исторические описания появляются лишь с середины XVII столетия, а первые этнографические свидетельства – лишь к концу XIX в., когда многие архаические черты уже начали исчезать. Кроме того, собственная письменность у мордовских народов возникла только в XVIII в., что оставило значительный пробел в фиксации их культурных традиций более раннего времени.

В этих условиях археологические источники приобретают первостепенное значение для реконструкции жизни мордовского общества в XVI–XVIII вв. Особую ценность представляют материалы погребений, поскольку похоронные обряды, как известно, отличаются консерватизмом и сохраняют следы древних верований и мировоззренческих представлений. Погребальные памятники служат своеобразными летописями, запечатлевшими сведения о материальной культуре (через инвентарь и детали костюма), социальной структуре (через атрибуцию захоронений половозрастным группам, статусным предметам) и духовном мире народа (через погребальную обрядность, ритуальные действия, жертвоприношения). Кроме того, элементы погребального обряда часто являются этническими маркерами, позволяя различать культурно-этническую принадлежность археологических памятников. Таким образом, изучение погребальных традиций мордвы дает возможность пролить свет на ее этническую историю и дополнить недостающие знания о развитии культуры эрзи и мокши.

Исследование Н.М. Малковой весьма актуально и с точки зрения общей исторической динамики региона. Период XVI – начала XIX вв. был переломным для народов Среднего Поволжья. После присоединения к Русскому государству во второй половине XVI в. мордовское общество постепенно втягивалось в орбиту новых социально-экономических отношений. В XVII–XVIII вв. происходили масштабные сдвиги: часть мордовского населения переселяется на новые земли на юго-востоке (в том числе в Заволжье, на территорию современного Самарского Поволжья), а на землях расселения средневекового мордовского населения все более ощутимым становится присутствие русских переселенцев. Эти процессы сопровождались сохранением традиционного пашенного земледелия в хозяйстве и охотничьих и бортнических промыслов. Одновременно шло интенсивное взаимодействие мордвы с татарским и русским населением и другими соседними народами, что приводило к культурным заимствованиям и постепенной нивелировке отдельных черт традиционной культуры эрзи и мокши. Особенно сильное воздействие оказало распространение мусульманских традиций и христианства, что не могло не отразиться на ее обрядности и мировоззрении. Погребальный обряд оказался той сферой, в которой сохранились как консервативные черты народной культуры, так и происходившие изменения. Монография наглядно демонстрирует, какие элементы похоронной традиции оставались неизменными на протяжении веков, а какие подверглись трансформации в новых исторических условиях. Мордовские погребения исследуемого периода совершались в грунтовых могилах – традиция, уходящая корнями в далекое прошлое. Покойников, как и прежде, укладывали на спину с вытянутыми ногами – этот обычай непрерывен у мордвы с начала I тыс. н. э. В то же время положение рук умершего менялось: если в XVI–XVII вв. чаще руки вытянуты вдоль тела или слегка согнуты у таза, то в более поздних захоронениях XVIII в. покойникам

обычно складывали руки в районе живота – черта, связанная с влиянием мусульманских и христианских канонов. Проникновение новых традиций проявилось и в появлении в могилах символов христианской веры (крестиков и иных атрибутов). Наряду с христианскими новшествами, в мордовских похоронах долго сохранялись исконные языческие элементы. Археологические находки свидетельствуют, что вплоть до конца XVIII – начала XIX в. мордва придерживалась обряда поминальных тризн: в могилы клали пищу (например, яйца), оставляли кости жертвенных животных, а на кладбищах устраивали поминки с обильным угощением, табачным окуриванием могил, пением и игрой на музыкальных инструментах. Эти живые детали обряда, зафиксированные как этнографами, так и археологами, показывают преемственность мировоззренческих представлений мордвы даже в условиях интеграции в состав Российской империи.

Книга Н.М. Малковой имеет большое значение для археологического и этнографического изучения Поволжья, поскольку вводит в научный оборот обширный и ранее во многом недоступный материал. Автором проделана колоссальная работа по сбору, систематизации и анализу данных о погребениях мордвы позднего средневековья. В исследовании обобщены сведения о десятках могильников XVI–XVIII вв., расположенных на территории современного Среднего Поволжья – от Республики Мордовии и Нижегородской области до Пензенской, Саратовской, Ульяновской и Самарской областей. Благодаря этому широкому географическому охвату прослеживаются общие черты и локальные особенности погребального обряда разных групп мордовского народа. Всего привлечены данные о сотнях отдельных захоронений (по архивным источникам и результатам раскопок), что обеспечивает надежную статистическую основу для выводов. Особо следует отметить объем и разноплановость привлеченного фактического материала: помимо отчетов о раскопках, изучены кол-

лекции погребального инвентаря из музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Самары, Казани и других центров. В итоге автор исследовала и классифицировала свыше пяти тысяч предметов из мордовских погребений – от орудий труда и утвари до украшений и деталей традиционного костюма. Эта впечатляющая источниковая база позволила подойти к теме максимально полно и разносторонне.

Методологическая строгость и научная добросовестность исследования также заслуживают высокой оценки. Н.М. Малкова опирается на современные методы археологического анализа, сочетая их с междисциплинарным подходом. Для датировки могильников активно использован нумизматический материал: найденные в захоронениях монеты позволили установить время функционирования каждого памятника и выстроить точную хронологическую рамку исследования. Это, в свою очередь, дало возможность соотнести изменения в обряде с конкретными историческими периодами. Кроме того, автор привлекает данные антропологии и сопоставляет археологические сведения с этнографическими описаниями мордовских похоронных обычаев, зафиксированными в более позднее время. Такой комплексный подход обеспечивает всестороннее освещение темы и повышает надежность интерпретаций. Важным достижением работы стало уточнение этнической принадлежности изученных могильников – на основании совокупности признаков (географического положения, типологии инвентаря, особенностей обряда) Н.М. Малкова дифференцирует памятники эрзянской и мокшанской групп. Это значительно продвигает вперед задачу этнокультурной идентификации археологических культур Поволжья, позволяя более уверенно соотнести археологические находки с конкретными народами.

Монография тщательно структурирована и логически выстроена. Автор прослеживает историю изучения позднесредневековых мордовских могильников, показывая, как на протяжении более века накапливалась и ос-

мысливалась источниковая база. Далее исследуются сами погребальные комплексы: выделяются типичные признаки захоронений XVI–XVIII вв., проводится их сравнение с более ранними (раннесредневековыми и золотоордынскими) памятниками, а также рассматривается последующая эволюция обряда вплоть до этнографической современности (конца XIX – начала XX вв.). Большое внимание уделено систематизации вещевого инвентаря: создается классификация предметов, выявляются устойчивые наборы погребальных принадлежностей и деталей костюма, характерные для того или иного времени и субэтнической группы. Такой анализ позволил автору реконструировать так называемые «модели» погребального обряда – обобщенные варианты захоронений, отражающие наиболее распространенные комбинации признаков (ориентация тела, присутствие или отсутствие гроба, жертвенные вклады и т. д.). На основании этих моделей и типологий в книге делаются глубокие выводы о культурно-исторических процессах, происходивших с мордвой в исследуемый период.

Предлагаемая читателю работа Н.М. Малковой не только восполняет важный пробел в науке, но и служит примером исследования, сочетающего широту охвата с глубиной анализа. Ее значение выходит за рамки узкой темы – результаты монографии будут полезны и интересны широкому кругу специалистов: археологам, этнографам, историкам, всем, кто занимается изучением народов Поволжья и процессов культурной интеграции в исторической перспективе. Работа обобщает и систематизирует колоссальный фактический материал, ранее рассеянный по разрозненным публикациям и архивам, и предлагает его целостное осмысление.

Монография «Погребальные традиции мордвы в XVI – начале XIX вв.» производит впечатление зрелого, фундаментального исследования, выполненного с большим тактом к материалу и научной тщательностью. Уверены, что эта книга займет достойное место в ряду изданий по археологии и этнографии

Поволжья и послужит прочной основой для дальнейших изысканий в области истории и культуры мордовского народа.

Выход в свет этого научного труда является существенным вкладом Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук

Республики Татарстан в работу по изучению археологического наследия Поволжья. Книга способствует осмыслению процессов формирования этнокультурных традиций Среднего Поволжья.

ВВЕДЕНИЕ

Этноним «мордва» не является самоназванием народа. Это слово ираноязычного происхождения в настоящее время объединяет несколько этнических групп, самые крупные из которых – эрзя и мокша. Формирование древнейшего финно-угорского этноса с удивительно богатой материальной и духовной культурой происходило в начале первого тысячелетия нашей эры в междуречье Волги, Оки и Суры.

Внимание исследователей неоднократно привлекала этническая история мордвы. Однако различные ее хронологические периоды освещены неравномерно. Ряд проблем, таких, например, как этногенез мордвы, время формирования и причины разделения ее на племенные союзы – эрзю и мокшу, этническая идентификация буртасов и другие, еще не решены и ждут дальнейших исследований. Существенным пробелом в истории и археологии мордвы является также период с конца XIV до начала XIX вв.

Исследования археологов до настоящего времени посвящены в основном анализу материалов памятников мордвы раннего Средневековья, в меньшей степени – эпохи Золотой Орды. Крайне мало известно памятников археологии мордвы конца XIV – XV вв. Они расположены в основном на территории Саратовской области (Аткарский и другие могильники). Этот факт можно объяснить сложной политической обстановкой того времени, началом смуты и распадом Орды. Вероятно, одна часть мордовского населения, переселенная на земли Среднего Поволжья, была ассимилирована татаро-монголами, другая – вернулась на свои исконные или прилегающие к ним территории (Малкова, 1999, с. 88). В этот период почти все коренные мордов-

ские земли входили в сферу влияния Казанского ханства. В некоторых местах, особенно в долине Алатыря, на месте мордовских поселений возникли татарские (Козлов, 1994, с. 9).

В исторических источниках до середины XVII в. история мордвы представлена лишь отрывочными сведениями, содержащимися в записках иностранных путешественников, а также писцовых книгах, межевых и жалованных грамотах, челобитных. Целые комплексы источников появляются только после включения мордовских территорий в состав Российского государства. Это в основной своей массе документы различных казенных организаций Российского государства: фонды Сената, Поместного приказа, Коллегии экономии, Главной Дворцовой канцелярии, приказных изб: писцовые и переписные книги, ревизские сказки и пр. В них по большей части содержится информация социально-экономического плана: о миграции населения, уплате налогов и сборов, положении различных категорий населения. Между тем отсутствует информация о духовной и материальной культуре, о верованиях и традициях эрзя и мокши.

Самые ранние этнографические источники по интересующему нас вопросу относятся к последней четверти XVIII в. Представленные в них сведения о культуре мордвы имеют весьма фрагментарный характер. Целый пласт этнографических материалов, дающих нам представления о традициях, одежде, обрядах и верованиях мордвы, появляется только в конце XIX в.

Таким образом, мы практически не имеем археологических источников с конца золотоордынского периода и до XVI в., полноценные

исторические источники появляются с середины XVII в., этнографические – с конца XIX в. Поскольку письменность у мордвы появилась лишь в середине XVIII в., необходимо признать существование значительного пробела в истории материальной и духовной культуры эрзи и мокши. Археологические материалы – основной тип источников, который может восполнить имеющуюся лакуну в истории мордовского народа. Тем большую актуальность приобретает исследование материалов могильников эрзи и мокши XVI – начала XIX вв.

Анализ погребальных памятников чрезвычайно важен, он дает нам ценнейшую информацию, так как погребальные традиции наиболее консервативны, они являются этническим и хронологическим индикатором, отражают религиозные верования и систему мировоззрения. Тщательное изучение и анализ археологических источников с привлечением современных методов исследования и данных антропологии, нумизматики и других вспомогательных исторических дисциплин помогает осветить многие аспекты истории мордвы в этот период: расселение, особенности материальной и духовной культуры и их эволюцию.

Мордовские могильники XVI – начала XIX вв. исследованы к настоящему времени от междуречья Тешы и Пьяны на севере до нижнего течения Узы на юге, от верховий Мокши и правобережья Вада на западе до бассейна р. Суры на востоке, а также территории Самарского Поволжья (рис. 1). Согласно административному делению областей и республик Российской Федерации, эта территория охватывает Республику Мордовию, Нижегородскую, Пензенскую, Саратовскую, Ульяновскую и Самарскую области.

Хронологические рамки исследования (XVI – начало XIX вв.) определены временем функционирования могильников, которое установлено нами по нумизматическому материалу. Необходимо отметить, что в течение этого периода происходили весьма существенные перемены в социально-эконо-

мической и политической жизни не только мордовского, но и татарского, чувашского и других народов. Перемены эти связаны с важным политическим событием, происшедшим во второй половине XVI в., когда территории, на которых проживала мордва, татары и другие народы Среднего Поволжья и Приуралья, были включены в состав Русского государства – «государю царю и великому князю служить и хотеть во всем добра, и от города Свияжского неотстатным быти...» (ПСРЛ, 1914, с. 64–65). Это событие послужило толчком для достаточно быстрых перемен в экономической жизни мордвы, татар, чувашей и других народов.

С середины XVII в. начинается активное переселение групп мордовского населения на новые территории, обусловленное различными социально-экономическими и политическими причинами (аграрное перенаселение, бегство от внедряемых феодальных порядков, русской помещичьей колонизации, христианизации и др.). Вместе с русским, татарским и чувашским народами шло освоение окраинных земель.

По свидетельству историков, еще во второй половине XVII в., после строительства Закамской сторожевой линии вдоль реки Черемшан, на левом берегу Волги появились первые поселения мордвы. Заселение происходило с северных и северо-западных районов – из Нижегородского, Арзамасского, Алатырского и Казанского уездов, населенных в основном эрзей (Козлов, 1994, с. 10). Археологические материалы пока не подтверждают этих данных. Со второй половины XVII в. южные лесостепные районы Заволжья начинает заселять мордва Пензенско-Саратовского края. К концу XVIII в. мордовские переселенцы расселяются по линии засечных черт. Погребальные памятники мордвы этого времени распространяются до среднего течения р. Узы, устья р. Камы и территории Самарского Заволжья. Происхождение мокшанских селений в северо-западной части Заволжья, вблизи устья р. Камы, связано с той группой мордвы-мокши, которая была

переселена татарскими феодалами Казанского царства в пределы своей метрополии еще до XVI в. (Козлов, 1958, с. 52).

С другой стороны, российское правительство в XVII в. старалось заселить районы засечных черт на мордовских землях русскими служилыми людьми. По историческим источникам, во второй половине XVII в. в Мордовии уже было 300 русских сел, в первой половине XVIII в. мордвы здесь осталась только четверть (Заварюхин, 1976, с. 20–42).

Удаленная от коренных территорий мордва и та, что осталась жить на своих исконных землях, стремительно включалась в жизнь Российского государства. Происходило разложение традиционного патриархально-родового уклада жизни мордовского народа. Раннефеодальные отношения испытывали на себе давление русского феодализма, происходило включение хозяйства мордвы во всероссийский рынок. Как и все российское крестьянство, мордва, татары, чуваш и другие присоединенные народы несли на себе тяжелое бремя феодальных повинностей: постоянные сборы денег, провианта, фуража, подъемных и фуражных лошадей, участие во всех общероссийских стройках, рекрутство. Многочисленные отработочные повинности были проявлением все большего вовлечения государственных крестьян в сферу крепостнических отношений. Основой экономики мордовского хозяйства в то время было пашенное земледелие. Скотоводство, бортничество, рыболовные промыслы и охота не играли существенной роли в хозяйстве. Со второй половины XVII в. роль промыслов сокращается, значение земледелия еще более возрастает.

Постепенно под влиянием социально-экономических причин и благодаря тесному соседству с другими народами бытовавшие ранее традиционные элементы духовной и материальной культуры эрзи и мокши нивелируются, появляются новые, имеющие

уже скорее не этническое, а территориальное своеобразие. Постепенные перемены прослеживаются и в традиционной языческой системе верований. Материалы археологических раскопок позволяют нам фиксировать эти изменения. Для воздействия на традиционные верования этносов правительство предпринимало экономические меры: с первой четверти XVIII в. вводятся налоги с языческих кереметей, свадеб и т. д. Судя по документам, с последней четверти XVII в. православную веру начала принимать феодальная верхушка мордвы – мурзы и князья. Случаи крещения в это время единичны. Перепись Тимофея Измайлова 1627–1628 гг. отметила лишь несколько дворов мордвы-новокрещенов всего в нескольких деревнях Арзамасского уезда: Тоторшево (2 чел.), Поясново (1) и Кардовиль (Биленко, 1980, с. 182). Массовая христианизация крестьян проходила позднее – с середины 20-х по 50-е гг. XVIII в. (Заварюхин, 1976, с. 29, 123, 168).

В течение столетней истории изучения поздних мордовских могильников накоплено достаточное количество археологического материала. Источниковой базой для данной работы послужили: отчетная документация по полевым археологическим исследованиям грунтовых и курганно-грунтовых могильников эрзи и мокши XVI – начала XIX вв.; коллекции погребального инвентаря, хранящиеся в фондах Москвы (ИА РАН, ГИМ), Санкт-Петербурга (ИИМК), Саранска (Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И.Д. Воронина, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовии) и Самары (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина)¹. Использованы также немногочисленные публикации материалов раскопок могильников. Автором собраны

¹ Автор выражает глубокую признательность сотрудникам всех организаций, предоставивших возможность работать с материалами коллекций.

данные по 664 погребениям из 44 могильников, созданы классификации для более 5 тыс. предметов погребального инвентаря. Кроме того, привлечены этнографические источники из фондов Русского географического общества (г. Санкт-Петербург), а также материалы, опубликованные в изданиях конца XIX – начала XX вв.

Исследование содержит всесторонний анализ и систематизацию имеющихся материалов погребальных памятников эрзи и мокши XVI – начала XIX вв. Проанализированы элементы погребальной обрядности мордвы и проведена классификация предметов погребального инвентаря.

В главе I прослежен процесс накопления источниковой базы, проведен анализ ее информативности. Определена степень изученности погребальной обрядности эрзи и мокши XVI – начала XIX вв. по сравнению с исследованиями по культуре мордвы эпохи раннего Средневековья и других этносов позднего периода. Рассмотрены также признаки погребений, на основе которых созданы типичные модели погребений.

Характеристика погребальных комплексов приведена в главе II. Признаки погребений исследуемого периода соотнесены с признаками, характерными для раннесредневековых и золотоордынских могильников мордвы. Обращение к этнографическим материалам по погребальным традициям мордвы конца XIX – начала XX вв. позволило проследить дальнейшую эволюцию элементов погребального обряда.

Проанализировано расположение предметов погребального инвентаря в могильных ямах относительно погребенных. Выявлены традиции в расположении вещей. Обращение к материалам раннесредневековых могильни-

ков позволило определить время зарождения традиции помещения того или иного предмета в погребения. Созданы варианты наборов различных категорий погребального инвентаря.

В главе III представлена классификация вещевого инвентаря. Уточнена датировка могильников на основании нумизматического материала, определена их более узкая этническая принадлежность. Проанализированы полученные модели погребального обряда, наборы инвентаря и модели костюма в соответствии с датировкой могильников и их этнической принадлежностью.

Остатки костюма и его украшения в погребальных комплексах рассмотрены в главе IV по следующим категориям: головные уборы и украшения головы, шейно-нагрудные застежки и украшения, украшения рук, поясные и набедренные украшения, остатки обуви и одежды. Созданы модели костюма, создана классификация его украшений.

Данная работа является первой попыткой обработать и проанализировать материалы погребальных памятников эрзи и мокши XVI – начала XIX вв. Впервые на основе нумизматического материала определены хронологические рамки функционирования могильников, их этническая принадлежность (эрзя-мокша). В научный оборот вводятся данные раскопок поздних могильников, в том числе и автора, а также рисунки более 300 предметов погребального инвентаря из коллекций, хранящихся в фондах различных учреждений. В результате проведенной работы создана база для последующих реконструкций мировоззрения и некоторых аспектов быта эрзи и мокши на основе методологического приема интеграции археологических, этнографических и других материалов.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МОРДВЫ

Накопление источниковой базы

Археологическое изучение позднесредневековых могильников мордвы началось в последней трети XIX в. В течение более чем полуторавековой истории накоплено достаточное количество археологического материала.

Нужно отметить, что история изучения мордовских могильников XVI – начала XIX вв. неразрывно связана с развитием археологической науки в России, которое происходило, в свою очередь, в контексте конкретных политических событий в нашей стране.

В истории археологических исследований позднесредневековых могильников мордвы можно выделить четыре хронологических этапа: 1) последняя треть XIX в. – 1914 г.; 2) начало 20-х – начало 30-х гг. XX в.; 3) конец 30-х – конец 50-х гг. XX в.; 4) начало 60-х гг. XX в. – по настоящее время. Каждый из этапов отличался разной степенью интенсивности накопления археологического материала, качеством проведения раскопок, фиксации и обработки полученных артефактов, полнотой введения их в научный оборот (табл. 1).

Интерес к отечественным древностям у российских археологов появился в первой половине XIX в., придя на смену увлечению античностью (Формозов, 1986, с. 69). Первоначально внимание ученых привлекли курганы – «мары», хорошо заметные на поверхности. Первый шаг в изучении поздних мордовских могильников сделал В.А. Аунов-

ский¹, предпринявший в 1869 г. раскопки курганно-грунтового Рыбкинского могильника мордвы-мокши, расположенного на территории Пензенской губернии, ныне – Кочкуровский район Республики Мордовии (Ауновский, 1869, с. 92).

Чуть позже в поле зрения любителей старины попали и грунтовые могильники. В 1880 г., по поручению казанского Общества естествоиспытателей, местный любитель-краевед Чугунов исследовал два эрзянских могильника – Атяшевский и Шугуровский в Ардатовском уезде Симбирской губернии (ныне – Атяшевский район Республики Мордовии) и Мокшанский – у с. Возжай (Смирнов, 1892, с. 179). Материалы раскопок утрачены.

В конце XIX в. пензенский краевед В.М. Терехин провел небольшие раскопки еще трех могильников: Рыбкинского, Старошиндровского (Привольевского) (ныне – территория Республики Мордовии) и Коржевского в Пензенской губернии (Терехин, 1890). К сожалению, имеются лишь сведения об этих раскопках, материалов исследований не сохранилось.

Важным событием в развитии археологической науки стало образование в 90-е гг. XIX в. Санкт-Петербургской Императорской Археологической комиссии. В 1892 г. ее члены организовали несколько экспедиций по изучению древностей Пензенской и Тамбовской губерний. Профессором Императорского Казанского университета И.Н. Смирно-

¹ Педагог, этнограф, статистик. В 1858–1872 гг. преподаватель учебных заведений в Пензе, Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске.

вым и коллежским советником А.А. Спицыным разработан план археологической разведки, по которому археологическому обследованию подверглась территория от г. Краснослободска вниз по течению р. Мокши. Это первая разведка на территории современной Республики Мордовии, в ее результате открыто семь могильников мордвы XVI–XVIII вв. (Смирнов, 1885). В том же году И.Н. Смирнов начал исследование Мордовско-Паркинского могильника и, совместно с А.А. Спицыным, продолжил раскопки могильника у с. Рыбкино (Смирнов, 1892; Спицын, 1892).

После создания Ученых архивных комиссий в губернских городах российской провинции: Тамбове, Саратове, Нижнем Новгороде, Казани и других – к раскопкам подключились местные исследователи. В 1896 г. симбирский ученый В.Н. Поливанов, вошедший в историю археологии как исследователь знаменитого Муранского могильника в Самарской губернии, осуществил раскопки на Атяшевском 1 и Сабанчеевском могильниках на территории современной Республики Мордовии (Поливанов, 1925). В 1901 г. памятник, указанный последним, привлек внимание и финского ученого Г.И. Гейкеля. Он исследовал участок могильника и, по сведениям П.Д. Степанова, «вещи из 50–60 могил взял с собой» (Степанов, 1969). В 1913 г. любитель старины помещик Богодуров по поручению Нижегородской УАК раскопал два кургана Коринского могильника в Нижегородской губернии (Горюнова, 1948, с. 56). Никаких чертежей и дневников этих раскопок найти не удалось. В следующем году члены Саратовской УАК М. Радищев и Б. Федоров провели небольшие раскопки в Саратовской губернии. Исследовано несколько погребений Старо-Яблонского и Старо-Печеурского могильников (Радищев, 1914, с. 145–147; Федоров, 1914, с. 138–144). Результаты этих раскопок в краткой форме опубликованы в одном из выпусков регулярно издававшихся Трудов Саратовской Ученой Архивной Комиссии.

В тот же период предприняты попытки составления первых археологических карт

губерний, которые содержали информацию о местонахождении памятников и находках с их поверхности. Карты создавались на основе данных опроса местного населения и сборов подъемного материала. По Симбирскому уезду составлена карта П.Л. Мартынова (Мартынов, 1896), видимо, вошедшая в карту В.Н. Поливанова 1900 г., дополненную в свою очередь археологами Симбирского уезда в 1925 г. Здесь мы находим информацию об Урусовском, Папулевском, Поводимовском могильниках и сборах подъемного материала у с. Сабанчеево (Поливанов, 1925).

Первый этап в истории формирования источниковой базы характеризуется как этап первоначального накопления материала и определения задач нового археологического направления в исторической науке. В этот период происходили создание и апробация методики археологических раскопок, а также разработка и уточнение методов научных исследований. Чаще всего в курганных могильниках вскрывали по 1–2 погребениям и по 1–3 погребениям – в грунтовых. Раскопки столь малого количества захоронений объясняются тем, что археологи того времени не ставили перед собой задачи проведения масштабных работ. Первостепенной целью являлась реконструкция отечественных древностей для выяснения их даты и этнической принадлежности. Заслуга исследователей прошлого столетия состоит в том, что они стали пионерами изучения мордовских древностей.

Археологические раскопки в конце XIX – начале XX вв. проводились как профессиональными учеными-историками, так и любителями старины, не имеющими специального образования и подготовки. Полевая работа велась зачастую на примитивном, с точки зрения современных методик, уровне. Грунтовые могильники копали методом закладки траншей, что не позволяло проследить планиграфию могильника. Любители старины не уделяли внимания характеристике погребального сооружения: параметрам могильной ямы, ее заполнению и положению погребенного. В большинстве случаев не вы-

черчивались планы раскопов и погребений. В публикациях провинциальных раскопщиков отсутствуют описания погребений и рисунки вещей. Не на должном научном уровне была организована паспортизация и хранение находок. Между тем к началу XX в. уже были заложены теоретические и методологические основы археологической науки: существовала система открытых листов и отчетов о раскопках, графическая, фото- и текстовая фиксация находок; последующая передача коллекций в государственное собрание; оперативно и на высоком полиграфическом уровне организована публикация результатов раскопок.

В течение первого этапа накопления источниковой базы предприняты 16 археологических раскопок на 11 могильниках. В основном в данный период исследовались памятники, находящиеся на территории современной Республики Мордовии. Наиболее активно (четырежды) исследовался Рыбкинский могильник. Раскопки Атяшевского и Сабанчеевского могильников предпринимались дважды (табл. 1).

К сожалению, для исследования пригодны материалы по пяти раскопкам, по 11 не сохранилось никакой информации. Отчеты имеются лишь по раскопкам Рыбкинского могильника, однако в них отсутствуют полевые планы и рисунки вещей (Спицын, 1892; Смирнов, 1892). Для анализа нами привлечены находки из этого могильника, хранящиеся в фондах ГИМ.

За этот период опубликованы и тем самым введены в научный оборот материалы лишь четырех погребений Старо-Яблонского и Старо-Печеурского могильников (Радищев, 1914; Федоров, 1914). Однако в кратких публикациях даны только описания погребений, их планы и рисунки находок отсутствуют. По обозначенным выше причинам в качестве источников для исследования можно исполь-

зовать материалы только 57 из известных нам 100 раскопанных погребений (точное количество определить невозможно).

Следующий этап в истории изучения поздних могильников мордвы – начало 20-х – начало 30-х гг. XX в. Он связан с появлением и функционированием в стране новой социальной системы и ее институтов. В рамках этого этапа важную роль в изучении археологических памятников сыграла деятельность сотрудников палеоэтнологического отряда под руководством археолога и антрополога Б.С. Жукова. Отряд создан в рамках Антропологической комплексной экспедиции при НИИ антропологии МГУ. Руководство Антропологического института, следуя концепции Д.Н. Анучина², поставило перед экспедицией комплексные задачи единовременного изучения обширной территории Центральной Промышленной области РСФСР. Работы велись в 1925–1928 гг. одновременно в нескольких направлениях: соматической и этнической антропологии, народоведении, палеоантропологии и палеоэтнологии (Жуков, 1927, с. 264). Предполагалось, что полученные материалы по столь тесно связанным между собой дисциплинам должны дополнять и контролировать друг друга, создавая базу для более углубленного освещения научных проблем. Эти экспедиции стали настоящим прорывом в изучении огромной неисследованной территории Центральной России. В процессе работы сотрудники экспедиции опирались на местную базу – музейные, краеведческие учреждения, образовательные и общественные организации, давая, таким образом, толчок для их развития. Была установлена живая связь между научными кадрами института и работниками упомянутых организаций. Вывоз добытых коллекций не был целью экспедиции – таким образом пополнялись фонды местных музеев. Этнографический отряд АКЭ изучал жилища, ко-

² Создатель русской академической географии, антропологии, этнографии и археологии. С 1894 г. бессменный председатель антропологического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; с 1888 г. товарищ председателя (позже председатель) и фактический руководитель Московского археологического общества.

стюм и промыслы жителей ЦПО. Исследованы некоторые элементы материальной культуры мордвы-терюхан Нижегородского уезда и эрзи Арзамасско-Лукояновского района.

В рамках экспедиций НИИ учениками Б.С. Жукова раскопан ряд поздних мордовских могильников. На территории Нижегородской области А.Е. Алихова и М.В. Воеводский (1-й МГУ) провели обследование, а затем сотрудник Центрального музея народоведения Е.И. Горюнова продолжила начатые в прошлом веке раскопки курганно-грунтового могильника у с. Корино, исследовала Сарлейский курганно-грунтовой могильник. Палеоэтнологический отряд под руководством М.В. Воеводского и Е.И. Алиховой осуществил раскопки на Тоторшевском, Парапинском, Старо-Дракинском, Кужадонском, (современная территория Республики Мордовии), Большемакателемском, Кардовильском, Ревезенском (Нижегородская область) и Бутском (Пензенская область) могильниках. Итоги трехлетних работ АКЭ по ЦПО подведены в обобщающем отчете (Жуков, 1927).

В этот период активно проводили раскопки работники местных музеев, археологи-любители и краеведы. Работа Нижневолжского краевого музея по раскопкам могильников мордвы XVII–XVIII вв. представлена в обобщающей статье хранителя по Отделу археологии Н.К. Арзютова «Мордва 17–18 вв.» (Арзютов, 1932). Исследования проведены на территории Пензенской (Армиевский 2, Старо-Яксарский, Мачкаский, Усть-Узинский) и Саратовской губерний (Сучкинские 1 и 2 могильники). Саратовские же ученые А.А. Кротков³ и А.А. Гераклитов (известнейший историк) в 1927–1928 гг. вскрыли несколько погребений Дигилевского могильника на территории современной Республики Мордовии. К сожалению, ни отчета, ни публикаций результатов этих раскопок не обнаружено⁴.

В тот же период работала этнографическая экспедиция Пензенского краеведческого музея и Пензенского Общества любителей естествознания и краеведения. Ее участники – И.Н. Спрыгина, Б.И. Гвоздев, И.Г. Тимофеев и др. – обследовали Городищенский, Краснослободской, Наровчатский и Спасский уезды. Собрана большая коллекция костюмов, уборов, вышивки, украшений, сделаны описания жилищ и бытовых обрядов мордвы. Н.А. Спрыгина составила археологическую карту Пензенской губернии. Основой для ее работы послужили материалы профессора геоботаники И.И. Спрыгина 1894–1917 гг., дополненные почвоведческими исследованиями Губернского земства в 1909–1912 гг. В карту вошли также материалы по археологическим памятникам, полученные Пензенским обществом любителей естествознания и краеведения в 1925 г. В карте впервые указаны поздние мордовские могильники Аловский 1, Болдовский, Паевский, Вязовский, Ново-Пырменский, Коржевский и Мало-Мересевский (Спрыгина, 1925).

Второй этап в истории изучения могильников мордвы заканчивается в начале 1930-х гг., полевые работы прерываются на несколько лет. В этот период в основном проводилось целенаправленное изучение древностей. Исследователи стремились охватить широкий круг памятников, получить территориально развернутый материал по материальной культуре мордвы. Поэтому подвергнутая в этот период археологическому изучению территория значительно расширилась – кроме современной территории Республики Мордовии активно исследовались Пензенская и Нижегородская области, в меньшей степени – Саратовская. Проведены 21 раскопки на 19 могильниках, все они были впервые найдены и исследованы (табл. 1). На Сарлейском могильнике раскопки предприняты дважды разными исследователями – С.М. Парийским в 1925 г. и Е.И. Горюновой

³ Археолог, ученый секретарь Нижне-Волжского областного научного общества краеведения, сотрудник Нижне-Волжского краевого музея.

⁴ Коллекция Дигилевского могильника с указанием авторов и даты раскопок хранится в МРОКМ.

в 1926 г. Одно погребение Бутского могильника исследовал А.П. Павлович в 2023 г., один курган того же могильника – А.Е. Алихова в 1927 году (табл. 1). Полевые работы по-прежнему носили рекогносцировочный характер. Наиболее масштабные раскопки в этот период провели Е.И. Горюнова на Сарлейском и Коринском могильниках в Нижегородской области и А.Е. Алихова – на Бутском могильнике в Республике Мордовии.

Объем материала, введенный в научный оборот в течение второго этапа, незначителен: имеем сведения о раскопках на 15 памятниках. Отчеты имеются по шести раскопкам. Материалы еще по семи могильникам в очень краткой форме опубликованы в «Сборнике Нижне-Волжского краевого музея» (Арзютов, 1932). В качестве источниковой базы привлечены материалы 129 погребений. Точное количество погребений, исследованных в этот период, неизвестно.

Методика полевых исследований в течение второго этапа постепенно совершенствовалась. Более тщательным становился уровень фиксации процесса раскопок. Исследователи начали обращать внимание на топографию памятника, указывать параметры могильных сооружений, характер заполнения могильных ям и курганных насыпей. Однако раскопки грунтовых могильников в большинстве случаев по-прежнему велись траншейным способом. Курганы копались «колодцами» произвольного размера или «под снос», что значительно ухудшало качество фиксации. Далеко не всегда археологи прилагали к отчетам планы раскопок и погребений.

Отдельно отметим деятельность А.Е. Алиховой и Е.И. Горюновой, для которых изучение материальной истории мордвы стало делом всей жизни. Их полевые материалы отличаются высоким для своего времени уровнем методики раскопок и фиксации артефактов. А.Е. Алихова предприняла раскопки шести могильников мордвы XVI–XVIII вв., позднее этот материал отражен в обобщающей работе по истории материальной культуры этноса (Алихова, 1959, с. 13–54). Е.И. Го-

рюнова исследовала четыре позднесредневековых памятника мордвы, среди них – интереснейшие материалы курганно-грунтовых Коринского и Сарлейского могильников в Нижегородской области.

Третий этап в истории накопления источникового материала начинается с конца 1930-х гг., когда после восьмилетнего перерыва возобновляются раскопки поздних мордовских могильников. В это время в советской археологической науке доминировали теории автохтонности и стадильности развития общества. Их возникновение, по всей видимости, связано с идеей возможности построения социализма в отдельно взятой стране, внедряемой в тот период в общественное сознание. Установки, выработанные в ГАИМК, становились обязательными для всех учреждений, связанных с археологией. В этот период предпочтительно организовывали раскопки поселенческих памятников как наиболее перспективных для воссоздания социальной картины жизни древнего общества. Разработка этнической истории, типологии («вещизма») были подвергнуты жестокой критике. После разгрома палеоэтнологии, разрыва связей с учеными-естественниками идеи комплексных научных исследований, осуществляемые Б.С. Жуковым и его учениками, подверглись жесткой обструкции. Многие исследователи в 1930-е гг. были репрессированы. По этим причинам публикации учеников опальных мэтров археологии увидели свет спустя два с лишним десятка лет. Все это не могло не сказаться на развитии археологической науки. К 1933 г. были закрыты все краеведческие общества, многие их члены осуждены (Формозов, 1995). Количество раскопок и число публикаций резко сократилось.

Тем не менее раскопки поздних мордовских могильников возобновлены в 1937 г. А.Е. Алихова раскопала в центре Горького (совр. Нижнего Новгорода), на ул. Свердлова, мордовский могильник с христианской символикой (Алихова, 1939). В 1939 г. Е.И. Горюнова исследовала могильники у с. Торжок

в Нижегородской области и Нароватовский на территории Республики Мордовии.

В рамках третьего этапа начали полевые исследования саранские археологи. В 1939 г. С.П. Вернер, сотрудник МНИИЯЛИЭ, вскрыл несколько погребений Нароватовского могильника. К сожалению, материалы раскопок утеряны. В предвоенную пору в истории археологии Мордовии начался новый этап, ознаменованный приездом в Саранск П.Д. Степанова, ставшего первым местным археологом-профессионалом. В 1940–1941 гг. он провел рекогносцировочные раскопки на могильниках у сел Адашево, Паево и Лобаски. В 1945–1946 гг. исследовал по несколько погребений Налитовского, Краснолуговского, Ардатовского, Анютинского и Редкодубского могильников. В 1950-е гг. осуществил раскопки пяти погребений Беловодского могильника в Ульяновской области и Козловского 1 на территории Республики Мордовии. В итоговой работе по обследованным археологическим памятникам П.Д. Степанов приводит данные о 59 могильниках мордвы XVI–XVIII вв., 46 из которых открыты им лично (Степанов, 1969).

После десятилетнего перерыва, связанного с событиями Великой Отечественной войны, полевые исследования поздних мордовских памятников продолжили археологи московской школы. В начале 50-х гг. XX в. антрополог М.С. Акимова провела целенаправленные раскопки ряда мордовских, марийских и чувашских могильников. Цель ее работы – сбор и изучение антропологических материалов. Ею исследованы в том числе могильники XVII–XVIII вв. у сел Паево, Новая Пырма, Мордовские Парки и Адашево в Республике Мордовии. Наиболее полно исследован Ново-Пырменский могильник, где вскрыто 152 погребения на площади 1672 кв. м. Однако на большей части памятников изучено лишь по несколько погребений. Объем работ на могильнике напрямую зависел от степени сохранности костных остатков. Так, раскопки Адашевского могильника были прекращены после вскрытия 10 погребений именно по

причине плохой сохранности антропологического материала (Акимова, 1951, л. 2). Специфика научных изысканий автора раскопок определила качество отчетной информации. К сожалению, составлены лишь краткие описания работ с приложением одного-трех планов погребений и нескольких рисунков вещей с каждого памятника.

В 1950-х гг. проведены первые исследования позднесредневековых могильников на территории Республики Чувашии. В частности Н.В. Трубникова начала рекогносцировочные раскопки на Новоядринском могильнике (АКРЧ, 2015, с. 208–209). В 1950 г. экспедицией СГПИ под руководством П.Д. Степанова обследован Сыресинский (Ташта Калма) могильник (АКРЧ, 2014, с. 161–162).

Таким образом, в течение третьего этапа предпринято 28 раскопок, исследовано более чем 328 (точное количество неизвестно) погребений в 24 могильниках мордвы XVI–XVIII вв. (табл. 1). По трем памятникам материалы раскопок не обнаружены. Не сохранились данные о 259 погребениях, в основном из раскопок М.С. Акимовой. В данной работе использованы материалы 69 погребений, пригодных для исследования.

Третий этап так же, как и предыдущие два, характеризуется небольшой долей публикаций материалов раскопок поздних мордовских памятников по сравнению с раннесредневековыми. В этой связи необходимо отметить активную деятельность П.Д. Степанова, который ввел в научный оборот практически все раскопанные им погребения. Его работы были опубликованы в регулярно издававшихся трудах МНИИЯЛИЭ, саратовских госпединститута и университета. Кроме того, спустя 22 года был, наконец, опубликован в Саранске 1 том Археологического сборника по материалам раскопок мордовских могильников в 1920-х гг.

В рамках третьего этапа расширилась территория изысканий, но в основном работы велись на территории Республики Мордовии, что связано с появлением в этот период нового археологического центра в Саранске.

Незначительное количество раскопок (2) осуществлено в Пензенской и Нижегородской областях, впервые проведены исследования на территории Ульяновской области (табл. 1). Наиболее масштабные работы провели московские ученые Е.И. Горюнова и М.С. Акимова. Методика раскопок грунтовых памятников, предпринимаемая в этот период, была достаточно передовой для того времени. Однако при раскопках курганных могильников П.Д. Степанов все еще использовал метод «колодца», что полностью уничтожало информацию о конструкции, структуре и составе насыпи, а также околокурганных сооружений.

Четвертый этап накопления источниковой базы – 60-е гг. XX в. – по настоящее время. С его начала раскопки поздних могильников мордвы велись достаточно регулярно. Чаще всего они связаны с крупными новостроечными работами. В 1960-е гг. М.Ф. Жиганов провел небольшие рекогносцировочные раскопки на поздних могильниках мордвы: Тоторшевском в Нижегородской области, Журавкинском 3 и Привольском в Республике Мордовии (Жиганов, 1956; 1958).

В 1963 г. краевед из Zubовой Поляны Б.Е. Смирнов открыл Кельгининский могильник (Смирнов, 1965), археологические раскопки на котором впоследствии становятся регулярными. В том же году I Мордовским отрядом Поволжской экспедиции под руководством А.С. Воскресенского здесь проведены сначала рекогносцировочные раскопки, а затем совместной экспедицией Мордовского государственного университета и МНИИЯЛИЭ под руководством Р.Ф. Ворониной – полномасштабные (Воскресенский, 1963; Воронина, 1963). В следующем году работы на памятнике продолжила экспедиция МНИИЯЛИЭ под руководством А.Е. Алиховой (Алихова, 1964). К сожалению, к отчету 1964 г. не приложены планы раскопок и захоронений. Работы в Кельгинино продолжил в 1966 г. саранский археолог

А.В. Циркин (Циркин, 1966). В то же время он исследовал Вертелимский (Циркин, 1965) и Мордовско-Паркинский⁵ могильники. Приходится лишь сожалеть, что при раскопках Вертелимского могильника автор применил недопустимую для могильников методику раскопок «участками 2×2 м» (Циркин, 1965), фактически – шурфами, от которой археологи отказались уже в конце XIX в.

В Пензенской области в этот период археологическими исследованиями занимался М.Р. Полесских. Он раскопал по одному погребению Вязовского и Селиксенского 2 могильников мордвы XVII–XVIII вв. (Полесских, 1960). Разведками открыл еще два поздних мордовских могильника – у сел Татарская Пенделка и Рахмановка («Могильный бугор») (Полесских, 1968). Масштабные раскопки поздних могильников эрзи и мокши им не проводились, так как этот период не входил в сферу научных интересов исследователя.

В 1969, 1971, 1972 гг. отряд Чебоксарской археологической экспедиции под руководством И.С. Вайнера и Ю.А. Краснова, а затем в 2006 г. – М.И. Федулова и Е.П. Михайлова продолжил раскопки Новоядринского позднесредневекового могильника в Республике Чувашии. Здесь «исследовано 220–230 погребений в неглубоких грунтовых ямах прямоугольной формы». Могильник содержит два разновременных слоя, один из которых авторами раскопок отнесен к XIV–XV вв., другой – к XVI–XVIII вв. Позднесредневековые погребения могильника, судя по зафиксированным деталям костюма, содержат «как финно-угорские, так и тюркские элементы» (АКРЧ, 2015, с. 209). Та же экспедиция в 1975 г. вскрыла 95 погребений Бахтигильдинского могильника XVI–XVIII вв., по мнению исследователя В.Ф. Каховского, здесь содержались как мордовские, так и появившиеся позднее чувашские погребения (АКРЧ, 2013, с. 106–107). Материалы данных могильников представляют большой

⁵ Отчета в архивах ИА РАН и МордГУ не обнаружено.

интерес в плане сосуществования и взаимопроникновения элементов погребального обряда, инвентаря и костюма мордовского и чувашского этносов и требуют проведения дальнейшей исследовательской работы.

В 70–90-е гг. XX в. раскопки поздних мордовских могильников осуществляло уже новое поколение археологов. В начале 1970-х гг. Ю.А. Зеленева раскопал шесть погребений Дубровского могильника (Зеленева, 1976), А.Ф. Богачев – 11 захоронений Тоторшевского могильника. Материалы последнего сохранились лишь в краткой публикации (Богачев, 1979). В.И. Вихляев осуществил охранно-спасательные раскопки Русского-Маскинского и Ачадовского могильников (Вихляев, 1979; 1985). В 1991 г. сотрудник МордГУ Н.А. Акимов исследовал участок Мордовско-Паркинского могильника (Акимов, 1991). В.Н. Шитов в ходе разведки 1995 г. вскрыл погребение на разрушающемся Нароватовском могильнике (Шитов, 1995).

В большинстве случаев поздние памятники мордвы не являлись объектом специального внимания саранских исследователей, в основном раскопки были связаны с охранно-спасательными работами. Исключение – деятельность ученицы П.Д. Степанова, сотрудника Саранского краеведческого музея В.Д. Артемовой. В 1970-е гг. она предприняла целенаправленные разведки поздних мордовских памятников. Ею открыты могильники у сел Паракино, Русское Маскино, Старое Ардатово и Старые Селищи. Кроме того, проведена работа по паспортизации материалов мордовских могильников XVI–XVIII вв., хранящихся в фондах музея.

В 1969 г., после открытия Самарского государственного университета, под руководством Г.И. Матвеевой возник самарский научный археологический центр. В 1970 г. ею и В.А. Ивановым проведены первые на территории Самарской области раскопки позднего мордовского могильника у с. Шелехметь (Матвеева, 1970; Иванов, 1975). Спустя 25 лет автор данной работы начала проводить целенаправленную полевую работу по изуче-

нию мордовских могильников позднего периода. Были продолжены раскопки Шелехметского 1 могильника – вскрыто 10 погребений (Малкова, 1996; 2013), затем исследовано 97 погребений Коноваловского 1 грунтового могильника (Малкова, Морозов, 1996; Малкова, 1998; 1998а; 1998б; 2000).

В 1994 г. совместная экспедиция МордГУ и Саранского краеведческого музея продолжила раскопки Кельгининского могильника. Исследования памятника велись саранскими археологами под руководством доцента Мордовского государственного университета В.И. Вихляева в течение семи лет (Вихляев, 1998; 1999; 2000; 2001). Всего на памятнике за весь период археологических работ исследовано 420 погребений, 153 (36,4%) из которых датируются эпохой позднего Средневековья.

В 1996 г. И.Р. Газимзяновым в Лаишевском районе Республики Татарстан проведены раскопки могильника у с. Карташиха.

В 2021 г. археологом О.В. Михайловой исследован грунтовой могильник в с. Левжа Рузаевского района Республики Мордовии. На площади 3133 кв. м изучено 590 погребений, насчитывающих 645 костяков. Основная часть погребений датируется концом XVII – первой половиной XIII вв. (Бакаев, Тропин, 2023, с. 2)

В итоге в течение третьего этапа предприняты 27 раскопок на 15 могильниках XVI – начала XIX вв. Общее количество исследованных погребений нам неизвестно, поскольку отсутствуют отчеты по пяти могильникам. Из 1019 известных нам раскопанных захоронений доступны для исследования сведения о 421 погребении. Опубликованы материалы пяти раскопок (табл. 1).

В рамках последнего этапа поздние могильники мордвы за редким исключением не являются объектом специального внимания археологов. Их раскопки связаны с предполагающимися новостройками, или с предотвращением дальнейшего разрушения.

Таким образом, более чем за полутора вековой период археологических исследований

накоплен материал по 129 мордовским могильникам XVI – начала XIX вв. Данные об их месторасположении, месте хранения коллекций, опубликованных и архивных источниках представлены в таблице 2. В качестве источников для исследования привлечены материалы 46 могильников, 38 из которых грунтовые, восемь – курганно-грунтовые. Наиболее масштабные работы проведены на могильниках у с. Левжа (590 погребений), Кельгининском (154), Ново-Пырменском (152) и Коноваловском (97). Всего раскопано более 1,5 тыс. погребений, однако в настоящее время анализ погребального обряда возможен лишь по 664 погребениям (548 грунто-

вым и 116 курганно-грунтовыми), которые мы используем в данной работе (табл. 3).

Могильники мордвы XVI – начала XIX вв., согласно административному делению областей и республик РФ, расположены на территории республик Мордовии, Чувашии, а также Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Ульяновской и Самарской областей (рис. 1). Большая часть памятников находится на территории от междуречья Тешы и Пьяны на севере до нижнего течения Узы на юге, от верховий Мокши и правобережья Вады на западе до бассейна р. Суры на востоке. Небольшая группа могильников исследована на территории Самарского Поволжья.

Историография погребальной обрядности

Внимание исследователей-археологов не раз привлекали вопросы погребальной обрядности мордвы эпохи раннего Средневековья. В конце 20-х гг. XX в. появились обобщающие исследования по истории материальной культуры отдельных народов на основе анализа археологических источников. Проблемы датировки погребального инвентаря памятников мордвы с III по XVIII вв. рассмотрела в своей работе В.В. Гольмстен. Известные к тому времени типы украшений мордовского костюма она разделила на четыре хронологические группы. Для каждого из выделенных периодов она определила особый облик предметов, который испытывал на себе влияние различных этносов. В.В. Гольмстен отметила, что «высший расцвет финнов» приходится на VIII–XI вв., в XV–XVIII вв. наблюдается регресс древних форм украшений, значительно упрощается технология их изготовления (Гольмстен, 1923, с. 1–17).

Проблему происхождения народа, оставившего рязано-окские могильники, рассматривали П.П. Ефименко и Ю.В. Готье (Ефименко, 1926; Готье, 1930). Первый считал это население пришлым, второй – местным финским. Позднее во многих работах шла дискуссия о происхождении могильников и вещевого инвентаря, чертах погребальной обрядности средневековой мордвы (Алихова,

1949; 1959; Смирнов, 1952; 1971; Третьяков, 1966; Седов, 1966). В 1991 г. Р.Ф. Ворониной было написано диссертационное исследование погребальной обрядности средневековой мордвы, создана типология вещевого инвентаря (Воронина, 1991). В.И. Вихляев в 1977 г. опубликовал работу по классификации основных категорий украшений и о погребальном обряде мордовских могильников Верхнего Посурья и Верхнего Примокшанья II–VII вв. (Вихляев, 1977). В конце 1980-х гг. внимание исследователей, занимающихся историей мордвы, в большей степени сосредотачивалось на погребальной обрядности. Так, Ю.А. Зеленева в ряде работ выделил основные черты погребального обряда мордвы VI–XI вв., создал модели погребений этого периода (Зеленева, 1987, с. 90–116; 1990, с. 115–126; 1992, с. 64; 1996, с. 41). Погребальному обряду средневековой мордвы VII–XI вв. посвящены работы 1990-х гг. Р.Ф. Ворониной и О.В. Зеленцовой (Воронина, 1991; Зеленцова, 1998). Определены относительная и абсолютная хронологии массовых видов украшений, проанализированы взаимовстречаемость таких культурно-определяющих признаков, как погребальный обряд, детали головного убора и типы глиняной посуды. Я.В. Беляев выявил особенности планиграфии, характер могильных сооружений и по-

гребальных конструкций, положение погребенных в могильной яме, указал некоторые аналоги погребальных традиций мокши XII–XIV вв. и привел варианты их интерпретаций (Беляев, 1987, с. 79–84).

Первую попытку анализа погребального обряда мордвы позднего периода предпринял И.Н. Смирнов в конце 80-х гг. XIX в. Он опубликовал крупную монографию по истории материальной и духовной культуры мордвы (Смирнов, 1892), где впервые обобщены немногочисленные к тому времени теоретические исследования по истории, языку и культуре. И.Н. Смирнов отметил, что территория «мордовского края представляет в археологическом отношении почти нетронутое поле». Тем не менее он представил сведения обо всех известных к тому времени мордовских древностях. Среди прочих он назвал мары (курганы) близ сел Болдово и Паево, кладбище у с. Парки. Кратко описал результаты раскопок памятников, в том числе и интересующего нас периода: Возжай и Рыбкинского. Он впервые обратился к проблемам этногенеза мордвы, этнической идентификации буртасов, которые не решены до сих пор. И.Н. Смирнов попытался определить этническую принадлежность раскопанных к тому времени памятников, впервые отметил «генетическую» связь материалов известного к тому времени Муранского могильника XIII–XIV вв. на Самарской Луке и Рыбкинского могильника XVII–XVIII вв. Увидел отдаленное их родство с древностями Лядинского и Томниковского могильников. Близость эта чувствуется, пишет исследователь, в «характере орнамента и приемах производства некоторых украшений». Ученый констатировал «отсутствие единства» в ориентировке и погребальном инвентаре разновременных захоронений мокши, однако не смог предположить, чем оно вызвано.

В отчетной работе по раскопкам могильника у с. Рыбкино И.Н. Смирнов попытался найти причины отсутствия в погребениях некоторых предметов инвентаря (например, топора), а также украшений, которые «можно

видеть даже в настоящее время на мордовках». По его мнению, в «могилу поступали наименее ценные вещи, остальное, с позволения усопшего, которое испрашивалось перед смертью, удерживали уже живые». Он впервые отождествил «убранство косы» – накосник-пулокерь, найденный в женских погребениях Муранского и Рыбкинского могильников, предпринял попытку реконструкции элементов костюма (Смирнов, 1892, с. 21, 172–173).

Материалы по духовной культуре мордвы с последней четверти XIX в. дополняют данные этнографии. Этнографическое изучение культуры мордвы началось после открытия в 1845 г. Русского географического общества и его отделения географии, статистики и этнографии. В конце XIX в. открылись Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при МГУ, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и Финно-угорское общество в Гельсингфорсе. В записках путешественников этого времени содержатся сведения по костюму, некоторые данные об обрядах и религиозных верованиях мордовского народа (Паллас, 1773, ч. 1; Георги, 1776; Майнов, 1878; 1885).

С этого же времени в этнографических источниках можно найти сведения по погребальной обрядности мордовского народа. В основном это наблюдения или донесения церковнослужителей верховному духовенству. Источники такого типа содержат информацию о верованиях, языческих обрядах, бытовых традициях и элементах одежды мордвы. Многие из этих материалов опубликованы в Епархиальных Ведомостях губернских городов. Источники характеризуются разной степенью подробности и достоверности. Примером являются записки уездного землемера Мильковича, интересовавшегося экзотическими обрядами мордвы (Милькович, 1905, с. 815–831).

По материалам раскопок мордовских могильников в Саратовской области в 1932 г. вышла обобщающая работа сотрудника Ниж-

неволжского краевого музея Н.К. Арзютова «Мордва 17–18 вв.». Основное внимание исследователь уделил вещевому материалу, выделив лишь некоторые черты погребального обряда. Подобный дисбаланс анализа объясняется уровнем методики раскопок того времени, не позволявшем «увидеть» все многообразие элементов погребального инвентаря. Н.К. Арзютов рассмотрел погребальный инвентарь по категориям: украшения, сьолгамы, головные уборы, сделал попытку поиска аналогий некоторым типам вещей в синхронных и диахронных погребениях мордвы, а также их этнографических воплощений (Арзютов, 1932, с. 39–50).

Рассматривая погребальный обряд мордвы, Н.К. Арзютов напрямую связал ориентировку погребенного с религиозной принадлежностью: «если нет восточной ориентировки – мордва еще языческая» (Арзютов, 1932, с. 37) – возможно, имея в виду направление ног покойного. Он зафиксировал также взаимозависимость ориентировки и этнической принадлежности погребенных. На основании чего Старо-Яблонский, Сучкинский 2, Рузлатский, Старо-Яксарский, Старо-Печурский могильники отнесены к мокше, а Усть-Узинский, Мачкасский, Армиевский 2 – эрзе. Этническими индикаторами послужили типы сьолгам и наличие пулокеря в женских погребениях. Исследователь верно заметил, что отсутствие четкости в ориентировке погребенных – признак «сожителства двух финно-угорских групп (эрзи и мокши – Н.М.) или последовательное использование погребального поля». В качестве примера названы Лядинский, Пичпандинский, Муранский, Гагинский и Рыбкинский могильники (Арзютов, 1932, с. 38, 51–52).

Н.К. Арзютов также отметил связь между Армиевским 2, Гагинским и Рыбкинским могильниками и сделал вывод о переселении мордвы в пределы бывшей Пензенской и Саратовской губерний. Верен также его вывод о том, что наличие луба или гроба в погребении связано не с социальным положением покойного, а с обычаями той или иной груп-

пы мордвы. Присутствие угля в заполнении погребения, считал исследователь, является символом домашнего очага (Арзютов, 1932, с. 38).

А.Е. Алихова в своих работах рассмотрела черты погребальной обрядности. В частности, ею отмечено появление у мордвы-эрзи в XIV в. курганного способа захоронения, получившего к XVII в. широкое распространение. В качестве примера она называет курганы у сел Большой Макателем и Корино (Алихова, 1959, с. 33–35). Однако нужно отметить, что указанные памятники по имеющемуся в нашем распоряжении монетному материалу датируются не XIV в., а XVI–XVII вв. Она полагала, что не нужно связывать появление нового типа памятников с изменениями в религиозных представлениях мордвы, поскольку, наряду с появившимся курганным обычаем захоронения, продолжает бытовать старый обряд – грунтовой. А.Е. Алихова объяснила появление курганов у северной группы мордвы инокультурным влиянием: «малочисленность курганов говорит о том, что этот обряд не был всеобщим, часть из них нужно отнести к кочевникам, которые жили на территории мордвы». Однако отметим, что малочисленность наблюдается не на всех памятниках – могильники Больше-Макателемский и Торжок имеют больше 60 насыпей. Исследователь считает, что коринские и сарлейские курганы оставлены кочевниками, осевшими в северных, пограничных с русскими владениями районах (Ализова, 1959, с. 34–35). Насыпи Сарлейского могильника по присутствию большого количества в засыпке угля, костей овцы, по захоронению коня в одной могиле с умершим, по ориентировке головой на север она считала близкими с «выделенной С.А. Плетневой пятой группой кочевнических могил», которая оставлена «отюрченным завоеванным населением донецких степей» (Алихова, 1959, с. 34). Однако погребение с конем, названное в качестве примера, относится к раннему комплексу могильника. Ряд черт, прослеженных в курганах Коринского могильника, полага-

ла она, указывает на их генетическую связь с южными кочевниками. При этом А.Е. Алихова приводит аналогии традиции выкладки вокруг костяка восьмиугольника из дубовых плах, отмеченные А.А. Спицыным в кочевническом кургане близ с. Колодистого, где найдено шесть плах вместо восьми. Еще одна общая черта – наличие костей домашних животных в засыпи курганов. Одновременное захоронение в этих курганах вместе с мужчиной и женщины, а также богатый набор украшений указывает на их особый социальный статус, полагала А.Е. Алихова. Размышляя о происхождении курганов, она отметила Младший Кужандеевский в Горьковской (Нижегородской) области и Мало-Терюшевский, упоминание о которых встречено впервые (Алихова, 1959, с. 35).

А.Е. Алихова отметила также обычай помещения птичьих костей в сосуде и яичной скорлупы в погребениях XVII–XVIII вв. Она считала, что этот элемент обряда характерен лишь для детских захоронений. Его происхождение объясняла влиянием южных соседей, в качестве аналогий она приводит мужские детские погребения салтовского круга, содержащие скорлупу яиц (Алихова, 1959, с. 35–36). Однако отметим, что этот обычай распространялся и на многие погребения взрослых женщин. Яркий пример тому – материалы Бутского могильника, раскопанные самой исследовательницей еще в 1927 г. В более поздних раскопках скорлупа яиц зафиксирована и в мужских взрослых захоронениях Коноваловского могильника (Малкова, 1998, с. 10–11).

Е.И. Горюнова, раскопавшая целый ряд поздних мордовских могильников, также уделила внимание анализу погребальной обрядности. В статье о Коринском могильнике она провела анализ надмогильных и внутримогильных сооружений и предприняла попытку реконструкции погребального обряда. При анализе топографии Коринского могильника археолог отметила отсутствие какой-либо «правильности» расположения курганов относительно друг друга (Горюнова, 1948,

с. 61–62). Единственная из исследователей, занимавшихся раскопками мордовских могильников этого времени, Е.И. Горюнова провела простейший анализ стратиграфии курганных насыпей. При этом она сделала вывод, что «двойные» и «тройные» курганы, то есть самые крупные и вместе с тем наиболее «содержательные» (имеется в виду богатство погребального инвентаря – Н.М.), занимают центральное положение в могильнике. Ею также впервые была дана характеристика погребальных сооружений, названных довольно точно «погребальными оболочками». При этом Е.И. Горюнова отметила, что гроб чаще ставился не прямо на землю, а на некотором возвышении из подложенных поперек двух бревен. Береста и луб, по ее мнению, выполняли функцию гроба (Горюнова, 1948, с. 61–63).

Сделав попытку реконструкции процесса погребения, она предположила, что плахи, выложенные восьмеркообразной фигурой вокруг погребаемого, поджигались одновременно. В момент наибольшего возгорания дерева со всех сторон начиналась засыпка землей, после чего возводилась курганный насыпь. Большее или меньшее отклонение от доминирующей СЗ ориентировки погребенных, зафиксированной в Коринском могильнике, автор абсолютно правильно связывает с положением солнца в момент захоронения, то есть временем года (Горюнова, 1948, с. 63).

Анализ погребального обряда могильника у с. Сарлей Е.И. Горюнова провела в статье «Сарлейский могильник». Она считает, что между ранним комплексом этого могильника (XIII–XIV вв.) и поздним (XVII–XVIII вв.) существовал разрыв, в течение которого могильник не функционировал. Погребений переходного типа не найдено. Исследователь предположила, что поздний комплекс могильника оставлен предками современных терюхан. Это предположение она подтверждает наличием характерных женских украшений, а также традицией оставлять у изголовья покойной бурачок с неоконченным рукоделием, зафиксированной в могильнике. Кроме того,

ею проанализированы надмогильные и внутримогильные сооружения, погребальные конструкции, сопутствующий погребальный инвентарь и костюм погребенных. При этом отмечено, что вещи в заполнении происходили из разрушенных могил более раннего комплекса. Ямы в поздних погребениях глубже ранних, они составляют в среднем 0,7 м. Отмечено также разнообразие «погребальных оболочек» и положения рук погребенных. У погребенных мужчин руки вытянуты, а у женщин – одна вытянута, другая согнута в локте, предплечья покоятся на груди (Горюнова, 1948, с. 17–20).

Традицию помещения даров в погребения отмечали исследователи, занимавшиеся изучением финно-угорских и прикамских финнов Средневековья. Среди них такие, как Е.И. Горюнова (1948, с. 64; 1948а, с. 14), Т.В. Истомина (1982, с. 83), Ю.А. Зеленева (1987, с. 99; 1990, с. 116), Л.А. Голубева (1987а, с. 74; 1987б, с. 84–85; 1987в, с. 102; 1987г, с. 110), Р.Л. Розенфельд (1987а, с. 124–125), В.В. Гришаков (1988, с. 72) и другие. Ю.А. Зеленева в работе, посвященной классификации элементов погребального обряда мордвы V–XI вв., выделил среди прочих модель погребения с жертвенными комплексами вещей. Причем в мужских захоронениях дары состояли в основном из женских вещей, а в женских погребениях – из мужских. Он указал, что жертвенные комплексы в основном характерны для богатых мужских погребений, раскопанных в бассейне среднего течения реки Цны. Автор обозначил три позиции размещения даров в погребениях: на дне захоронения (6,2%), в засыпи могильной ямы (0,15%), на дне и в засыпи погребения одновременно (0,05%). Ю.А. Зеленева выделил несколько вариантов содержимого жертвенных комплексов: только женские вещи (5,65%), только мужские вещи (1,4%), неопределенные вещи (0,45%), мужские и женские вещи одновременно (0,39%) (Зеленева, 1987, с. 99; 1990, с. 116). Специальная работа по изучению погребений с дарами проведена И.В. Белоцерковской (Белоцерковская, 1997).

Она рассмотрела погребения с дарами в рязано-окских могильниках IV–VII вв.: Кораблино, Борки, Кошибеево, Гавердово и Щатрищи.

П.Д. Степанов, проводивший раскопки в общей сложности на одиннадцати поздних могильниках, в своих отчетах и публикациях также выделил несколько черт погребальной обрядности мордвы. Так, им было отмечено наличие во всех пяти исследованных захоронениях Беловодского могильника в юго-восточном углу ямы столба, выходившего на поверхность. Он считал, что это не остатки крестов – «перед нами ритуал некрещеной мордвы». Наличие захоронений мужчины и женщины исследователь трактовал как пережиток «парных захоронений» (Степанов, 1956, с. 78).

Исследование черт погребального обряда мордвы Ачадовского могильника провел автор его раскопок В.И. Вихляев. Изучив планировку могильника, он определил ее как рядовую. Ориентируясь на взрослые захоронения, он выделил четыре ряда погребений, вытянутых с севера на юг с некоторым отклонением. В рядах он проследил гнезда, состоящие из захоронений брачных пар и их детей. Исследователь отметил также наличие внешних обозначений погребений – столбовых ям в погребениях 20 и 25. В.И. Вихляев зафиксировал западную ориентировку в погребениях с отклонениями к северу и югу при доминировании последних (40%). Характеристика стенок и дна могильных ям показала, что для детских погребений свойственны небольшие параметры, в то время как длина ям с захоронениями взрослых превышает во многих случаях два метра (Вихляев, 1985, с. 75).

Кроме того, ученый отметил обычай помещать сосуд вверх дном на уровне засыпки могильных ям (три случая). В одном случае сосуд стоял в восточном конце ямы (в ногах погребенного), в двух – в западном (в головах). Наличие сравнительно большого количества фрагментов керамики в первом штыке культурного слоя, после которого обычно фиксировался дневной уровень могил, по-

зволило автору раскопок предположить, что и на уровне дневной поверхности других могил могли находиться такие же сосуды. Присутствие в головах погребенного сосуда он назвал рудиментом древнего погребального обряда мордвы. Исследователь также отметил обычай помещения монеты в рот погребенного. Кроме того, он провел предварительную типологию предметов погребального инвентаря: керамики и украшений костюма. При этом отмечена бедность мужских погребений. Ачадовский могильник, считает автор раскопок, принадлежит мордве-мокше. Вывод этот сделан на основании преобладания юго-западной ориентировки могильных ям и доминирования в погребениях лопастных скюлгам. Нумизматический материал позволил датировать памятник XVII в. (Вихляев, 1985, с. 76, 77).

Необходимо также отметить масштабную работу, проведенную саранскими археологами под руководством В.И. Вихляева по исследованию Кельгининского могильника. По результатам раскопок 1990-х гг. издан труд, где предварительно проанализирован погребальный обряд и инвентарь могильника, при этом отдельно выделен комплекс погребений позднего периода (Беляев и др., 1998). Характеристика обряда и инвентаря дана в отчетах о раскопках могильника в 1998, 1999, 2000 и 2001 гг. (Вихляев, 1999; 2000; 2000а; 2001). При дальнейшей характеристике погребального обряда отмечено, что длина, ширина и глубина женских захоронений несколько меньше, чем мужских (Беляев и др., 1998, с. 10). Размеры гробовищ в основном соответствовали размерам погребенных. Обозначена стабильность ориентировки – в основном головой на ЗЮЗ. Самое распространенное расположение погребенных: ноги вытянуты, кисти рук – на тазовых костях. Из черт погребальной обрядности указано на остатки обугленной плахи в детском погребении 238. Зафиксировано обилие украшений в женских захоронениях, частота присутствия в мужских погребениях ножей и кресал. Выделена традиция класть монету в рот погребенному.

Есть упоминание об обозначении захоронений на поверхности специальными знаками – столбиками.

Поздний этап могильника датирован XVII – началом XVIII вв., данный слой перекрыв и частично разрушил более ранний погребальный слой X – начала XIII вв. Материалы раскопок 1999 г. позволили расширить датировку раннего периода до XIV–XV вв. (Вихляев, 2000, с. 5). Раскопки 2000 г. уточнили верхнюю дату функционирования могильника – до середины XVIII в. По мнению автора, об этом свидетельствуют находки двух монет времени Анны Иоанновны, чеканенных в 1734 г. (Вихляев, 2000а, с. 4). Выявлены данные о проникновении христианства в среду мордовского населения. Особенно это заметно в погребальном обряде, где языческая ориентировка покойников головой на юго-восток постепенно вытесняется «христианской» западной (Вихляев, 2000а, с. 77). Таким образом, во времени функционирования могильника существовал перерыв с XV до XVII вв. Вопрос о месте бытования мордовского населения на протяжении более 100 лет остается открытым.

Впервые все имеющиеся материалы погребальных памятников мордвы XVI – начала XIX вв. обработаны и проанализированы автором данной работы в диссертационном исследовании (Малкова, 2000а). Прослежен процесс накопления источниковой базы на фоне развития археологической науки и совершенствования методики раскопок в России. Проведен анализ информативности источников, создана база данных погребальных комплексов. Проанализировано расположение предметов в могильных ямах относительно погребенных, выявлены традиции месторасположения вещей. Проведена классификация погребального инвентаря и выделены типичные наборы инвентаря в захоронениях. В результате исследования деталей костюма и создания классификации его украшений созданы типичные модели костюма. Полученные модели погребального обряда, наборы инвентаря и модели костюма проа-

нализированы в соответствии с датировкой могильников и их этнической принадлежностью. Впервые на основе нумизматического материала определены хронологические рамки функционирования могильников и их более узкая этническая атрибуция (эрзя – мокша). Проведена корреляция датировок могильников и моделей погребений и костюма, наборов погребального инвентаря. Выделены модели и наборы, характерные для различных хронологических периодов, для эрзи и мокши. Признаки погребений соотношены с признаками, зафиксированными в раннесредневековых и золотоордынских могильниках мордвы. Прослежены отголоски традиций погребальной обрядности мордвы в этнографических материалах конца XIX – начала XX в.

В отдельных работах автор рассмотрел вопросы заселения мордвой Самарского Поволжья (Малкова, 1999), украшения мордовского костюма в XVIII – начале XIX вв. (Малкова, 1996), эволюцию головных уборов (Малкова, Мишина, 1998б; Малкова, 1999а), погребальный обряд эрзи (Малкова, 1998; 1999б; 2001; 2001а) и инвентарь (Малкова, 2000б; 2004) в XVIII – начале XIX вв.

К настоящему времени написано несколько работ, посвященных костюму мордвы конца XIX – начала XX вв. Его элементы рассмотрены в работах этнографов Н.И. Спрыгиной, В.Н. Белицер, Т.И. Ведерниковой и др. (Спрыгина, 1925; Белицер, 1973; 1977, с. 193–200; Ведерникова, 1991). Погребальные и поминальные традиции мордвы исследованы А.А. Шахматовым, Т.П. Федянович (Шахматов, 1910; Федянович, 1974; 1990, с. 96–125). Работы Т.П. Федянович содержат в основном свод фрагментов этнографических источников, подобранных по погребально-поминальной тематике. Исследователь считает, что архаичные черты в погребальных традициях

мордвы сохраняются дольше, чем у других народов, что обусловлено сохранением культа предков в религиозных верованиях (Федянович, 1974, с. 194). Автор отмечает общность некоторых элементов погребальной обрядности мордвы и русских, марийцев, удмуртов, объясняя их «соседством, сходством их социально-экономического развития, взаимным культурным обменом» (Федянович, 1990, с. 123). Специфика погребально-поминальных традиций мордвы в конце XIX – начале XX вв. в том, что они имеют не этническое, а, скорее, региональное своеобразие. Т.П. Федянович на основе полевых этнографических материалов сделала вывод, что с конца XIX в. по настоящее время этих локальных отличий становится все меньше (Федянович, 1974, с. 194).

В 1980-х – начале 1990-х гг. появились серьезные обобщающие работы по материальной и духовной культуре различных этносов XVI – начала XIX вв. Обобщены сведения по раскопкам поздних памятников, исследователи выделили характерные черты обряда захоронения, систематизировали предметы погребального инвентаря и создали классификации вещей. Н.И. Шутова, И.Г. Шапран провели исследования культуры удмуртов данного периода (Шутова, 1987, с. 61–88; 1991, с. 4–34; 1992; Шапран, 1995, с. 190–206), Т.Б. Шикаева – марийцев (Шикаева, 1984, с. 173–185; 1988), и Б.В. Каховский – чувашей (Каховский, 1980).

Таким образом, в настоящее время существует целый ряд исследований по погребальным традициям и анализу вещевого инвентаря мордвы позднего Средневековья, большинство из них содержат общие описания раскопанных могильников и рассматривают отдельные черты погребальных традиций и вещевого инвентаря.

ГЛАВА II. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ МОРДВЫ

Постановка проблемы и методы исследования

Погребальные традиции отличаются особой консервативностью, являются своего рода этническим индикатором, поскольку отражают религиозные верования и систему мировоззрения любого народа. Погребальный обряд представляет собой «совокупность стереотипно-символических (реальных, целесообразных, нормативных) действий, совершаемых в соответствии с определенными нормами, несущими идеологическую нагрузку в процессе подготовки и совершения захоронения умершего». Структуру погребального обряда можно разделить на две сферы: идеологическую, связанную с ментальной деятельностью, и практическую – с реальной физической человеческой деятельностью (Ольховский, 1993, с. 85). Действия, направленные на посмертное обращение с телом умершего, распадаются на три относительно самостоятельные и в то же время взаимозависимые стадии. Первая связана с циклом предваряющих операций, ориентированных в основном на тело умершего. Вторая – с циклом завершающих операций, направленных на создание погребального комплекса. Третья – с циклом последующих действий, ориентированных как на умершего, так и на погребальное и/или иное сооружение, с ним связанное, в целях продления его «посмертного» существования, а также сбережения памяти о нем (Смирнов, 1997, с. 24). Все три стадии в той или иной степени можно проследить, исследуя погребальные комплексы. В реконструкции первой стадии нам могут помочь этнографические источники. В данной главе рассмотрены обрядовые действия, связанные с завершающим циклом посмертного обра-

щения, в нашем случае – преднамеренным погребением.

Погребальный комплекс представляет собой совокупность взаимосвязанных и расположенных в определенном порядке компонентов, т. е. систему, основным блоком или ядром которой являются останки умершего, образующие внутреннюю структуру комплекса. В качестве внешней структуры выступает погребальное сооружение, представляющее собой любой тип вмещающего объема, специально созданного или использованного для размещения останков умершего (Смирнов, 1997, с. 30). Рассмотрим существующие элементы внутренней и внешней структур в их взаимосвязи.

Погребение – сложная система взаимосвязанных элементов, строго ограниченных традицией. Процесс анализа обряда захоронения заранее определен некоторыми условиями. Проанализированы источники с определенным (ограниченным) набором признаков, обусловленных качеством конкретного источника. Последнее, в свою очередь, напрямую связано с состоянием археологической науки на момент раскопок и профессиональным уровнем исследователя. Следующий этап исследования – выделение основных признаков (элементов) погребения – также достаточно условен, поскольку является, по сути, продуктом обработки исследователем определенной информации. При помощи систематизации отобранных признаков выделены модели погребальных комплексов. Следующий этап – интерпретация элементов погребальных традиций. Обращение к материалам эпохи раннего Средневековья и Золотой Орды по-

зволило выявить наиболее древние элементы обряда захоронения мордвы. Привлечение этнографических данных о погребальных ритуалах в конце XIX в. дало нам некоторые представления о роли того или иного элемента в общей системе обрядности.

Погребальный инвентарь – часть погребального набора – определяется перечнем предметов (артефактов и неартефактов), предназначенных к захоронению вместе с умершим и/или отдельно от него. Посмертный набор, по крайней мере подавляющая его часть, составляется по избирательному принципу из набора прижизненного (Смирнов, 1997, с. 34–35). В данном исследовании погребальный инвентарь включает в себя предметы погребального набора, находящиеся в пределах могилы или в непосредственной близости с останками умершего (в погребениях на дневной поверхности), но не являющиеся конструктивными элементами погребального сооружения (вещи в насыпи). Вещевой инвентарь рассмотрен отдельно в рамках двух условных групп, для каждой из которых создано несколько типов моделей. Первая группа – сохранившиеся детали костюма и его украшения. Вторая – собственно сопровождающий инвентарь, прижизненно необходимые предметы. Понятие «прижизненный набор» определяет все множество предметов, которыми пользовался или мог пользоваться человек на протяжении своей жизни. Предметы христианского культа как символы православной веры, монеты и жетоны, а также

жертвенные вещи или дары рассмотрены отдельно.

Прежде отметим, что пять памятников мордвы XVI–XVIII вв. располагаются на одном погребальном пространстве вместе с комплексами более раннего времени (табл. 2). Курганы Коринского курганно-грунтового могильника частично перекрывают исключительно грунтовой комплекс мордвы XII–XIII вв., расположенный в южной «напольной части» площадки могильника. Грунтовые захоронения Сарлейского могильника находятся на территории курганного памятника XII–XIV вв. (Горюнова, 1948, с. 17). Мордовско-Паркинский могильник расположен на одном погребальном пространстве с комплексом XII–XIII вв., Нароватовский – с могильником XIII–XIV вв., Кельгининский – X–XIII вв.

Необходимо также обратить внимание на то, что из 46 памятников 38 грунтовых и восемь курганно-грунтовых. К последней группе отнесены могильники, на площадке которых одновременно сосуществуют и грунтовые ямы, и курганные насыпи, содержащие синхронные и однокультурные погребения. Здесь проведены лишь рекогносцировочные раскопки с целью знакомства с материальной культурой и выяснения этнической принадлежности погребенных. Обработка материалов курганно-грунтовых могильников представляется более сложной задачей, поскольку имеющиеся в нашем распоряжении источники имеют разную степень информативности.

Признаки и модели погребального обряда

В ходе исследования материалов средневековых могильников мордвы зафиксированы следующие признаки погребальных комплексов:

Месторасположение могильника. Имеются описания местонахождений 16 памятников. Планы месторасположения существуют только для девяти из них, исследованных в 1990-е гг.

Планиграфия памятников. К сожалению, исследователи не уделили должного внима-

ния планиграфии как грунтовых, так и курганно-грунтовых могильников. В нашем распоряжении планы всего десяти памятников (восьми грунтовых и двух курганно-грунтовых).

Курганные насыпи:

Стратиграфия курганных насыпей.

По данному признаку имеется также мало сведений. Нет ни одного стратиграфического плана исследованных курганов. Существует лишь схематический профиль кургана № 10

Коринского могильника (Горюнова, 1948). Признак не использован.

Ровик около кургана. Признак зафиксирован для двух курганов из 20 (табл. 5). Отсутствие ровиков в остальных курганных насыпях можно предположительно объяснить использованием авторами раскопок методики раскопок «колодцем».

Форма курганной насыпи. Признак описан исследователями для 17 из 20 курганов (табл. 5). При этом даны различные определения одной и той же формы насыпи: «округлая», «круглая», «округло-куполовидная», «полусферовидная», «вытянутая». Авторы раскопок Рыбкинского могильника не указали, какие из погребений находятся под курганными насыпями.

Размеры курганной насыпи указаны относительно 17 курганов. Признак не использован, поскольку числовой разброс данных небольшой (табл. 5).

Следы горения в курганной насыпи. Признак зафиксирован для трех могильников (табл. 5). Здесь в 11 курганных насыпях обнаружены: уголь (9), зола (1) или обожженная плашка (2). Признак использован.

Кости домашних животных зафиксированы в 10 из 20 курганных насыпей (табл. 5, 8). Признак использован.

Фрагменты керамики в курганной насыпи и засыпке могильных ям. Зафиксированы в 30 грунтовых погребениях и четырех курганных насыпях (табл. 5, 10). Признак не использован, поскольку авторы не указывали культурную принадлежность фрагментов керамики и их датировку.

Вещи в курганной насыпи. Признак зафиксирован в курганах Коринского могильника, в трех насыпях из 20. В одном случае (курган 5) это стрела, воткнутая острием в землю, во втором – обломок железного ножа (курган 15), в третьем – украшения женского костюма (курган 1). Поскольку памятник содержит захоронения двух временных периодов, а автор не указывает датировку данных вещей, признак не использован.

Количество погребений в курганной насыпи. 16 курганов из 20 содержат по одному захоронению; три кургана – по два; один – три (табл. 5). Курган 1 Коринского могильника содержит четыре захоронения, три из которых – детские впускные, поэтому также относим его к группе курганов с единственным захоронением (табл. 3).

Дополнительные включения в курганной насыпи. В насыпи кургана 3 Больше-Макателемского могильника обнаружено два обломка обожженного кварцита. Признак не используем, поскольку он единичен.

Погребение на дневной поверхности. Зафиксированы только под курганными насыпями, их 14. Признак использован (модель 5).

Погребения в грунтовой могильной яме.

Уголь в заполнении могильной ямы. Зафиксирован в насыпи 34 погребений – 25 грунтовых и 6 подкурганных. Признак не учитывался, поскольку не всегда авторы раскопок указывали, принадлежит ли уголь к заполнению захоронения либо ранее возникшего сооружения (табл. 9). В Рыбкинском могильнике данный параметр не фиксировался.

Характеристика параметров могильной ямы. Авторы раскопок указывали параметры только одиночных захоронений, поэтому парные погребения здесь не рассматривались.

✓ Форма могильной ямы. Параметр учтен для 264 погребений, 14 из них разрушены, их форма не установлена. Нет данных по 188 захоронениям, причем авторы не указывают, разрушено ли оно, либо его перекрывают более поздние захоронения, либо признак не учтен. Форма не указана ни для одной из шести ям под курганной насыпью.

В 260 погребениях яма имела подпрямоугольную со скругленными углами форму. Нужно отметить, что для обозначения одной и той же формы использовалась разная терминология: «прямоугольные» (197 погребений), «подпрямоугольные» (58), «подчетырехугольные» (4) и «неправильно четырехугольная» (1). Указаны также три овальные ямы (Русское Маскино, погр. 10, 13 и Ачадо-

во, погр. 40) и одна подтреугольная (Ачадово, погр. 31) (рис. 20: 4). Вероятно, это захоронения детей. Признак не используется.

✓ Ориентировка могильной ямы во всех погребениях совпадала с осью расположения костяка. Направление черепа костяка совпадало с одним из направлений оси захоронения. Поэтому признак не использовался.

✓ Соотношение длины и ширины могильной ямы. Имеются данные по 194 погребениям (табл. 6). Одно из них парное (Лобаски, к. 2, погр. 1), его размеры 240×135 см. Нет сведений по 142 погребениям, в 98 – параметры не установлены, поскольку имело место нарушение ямы. Признак использован. При помощи корреляции этих двух параметров нами выделены три группы. Первая представлена захоронениями длиной 60–100 см и шириной 20–60 см (30 погребений). По всей вероятности, это погребения младенцев. Погребения второй группы (детские) имели длину 101–150 см и ширину 31–70 см (40). И третьей (взрослые) – длину 151–298 см и ширину 41–111 см (124 погребения).

✓ Глубина могильной ямы (табл. 4). Параметр указан для 371 погребения. Нет данных по 72 захоронениям, в 29 случаях глубина не установлена. Для подкурганных могил исследователи отметили глубину в трех случаях от современной поверхности, в четырех – от уровня вершины насыпи, в двух – точка отметки не указана. Признак использован только для погребений в грунтовой могильной яме. Для создания моделей выделено три группы: 1) глубина до 0,5 м (69 погребений); 2) от 0,51 до 1 м (209); 3) от 1,01 до 1,60 м (61).

✓ Характер стенок и дна учтен исследователями, проводившими раскопки в 90-е гг. XX столетия. Имеются данные по стенкам в 190 и дну в 193 погребениях. Стенки ям в большинстве случаев (183) отвесные, в семи – наклонены вовнутрь (Ачадово, погр. 4, 11, 20, 21, 47, 48; Русское Маскино, погр. 13). Дно ровное в 190 погребениях, наклонное к востоку в двух (Кельгинино, погр. 157, 159) и в одном – к ЗЮЗ (Русское Маскино,

погр. 10). Не установлен признак для 18 разрушенных захоронений. Не учтен для 166 погребений. По причине недостаточности информации признак не использовался.

Ступенька у стенки могильной ямы зафиксирована в Ачадово (погр. 59) (рис. 19). Ширина ступеньки до 18 см, располагалась вдоль северной стенки могильной ямы (Вихляев, 1985, с. 70). Признак не использован, поскольку единичен.

Подстилка или подушечка с остатками вышивки найдена под черепом мужчины в Кельгинино (погр. 166). Признак единичен, не использован.

Способ обращения с телом умершего во всех случаях одинаков. Все погребения моноритуальны – совершены по обряду ингумации. Пять захоронений Мордовско-Паркинского могильника определены автором раскопок как вторичные (Акимов, 1991). Четыре из них и погребение 10 в Тоторшево являются вторичными (табл. 12). Погребение 104 в Мордовских Парках, судя по хаотичному расположению костей, разрушено грызунами (рис. 21).

Во многих случаях авторы раскопок не смогли объяснить причину беспорядочного расположения костей в погребении. Достаточно сложно определить их как вторичные, поскольку велика вероятность смещения костей вследствие разрушения могилы грызунами. Безусловно отнесены в эту группу погребения, в которых кости расположены приблизительно в анатомическом порядке, однако не соблюдены естественные расстояния между предполагаемыми частями тела. Так, например, в погребении 22 Мордовско-Паркинского могильника кости правой руки далеко расположены от костей позвоночника (рис. 17). Признак не использован.

Ориентировка черепа. Параметр учтен для 523 погребений: 445 грунтовых (табл. 14) и 28 подкурганных (табл. 15). Всего выделено 16 направлений ориентировки черепа: север (11); северо-восток (9); северо-северо-восток (1); северо-запад (40); северо-северо-запад (13); юг (24); юго-восток (20);

юго-юго-восток (9); юго-запад (54), юго-юго-запад (5); запад (54); запад-юго-запад (113), запад-северо-запад (40); восток (9); восток-северо-восток (4); восток-юго-восток (2); нет данных (74); не определена (8). Признак использован, учитывая, что некоторые отклонения в ориентировке имеют сезонный характер, а также для создания моделей погребений ориентировки объединены в группы по сторонам света.

По́за погребенного. Все костяки расположены на спине, ноги во всех случаях вытянуты. Лишь в одном подкурганном захоронении скелет мужчины несколько развернут влево на бок (Корино, курган 10). Череп располагался на затылке, на левом или на правом виске. Положение черепов отмечено лишь для трети погребенных. Поэтому в качестве признака использовано только положение рук. Положение обеих рук указано для 140 погребенных в грунтовых захоронениях (табл. 22А). Всего выделено 16 вариантов расположения костей рук: 1 – обе руки вытянуты (57 погребений, 27,7%); 2 – обе руки в районе груди (8); 3 – обе руки в районе пояса (38, 18,4%); 4 – обе руки в районе тазовых костей (47, 22,8%); 5 – левая рука вытянута, правая в районе груди (2); 6 – левая вытянута, правая в районе пояса (4); 7 – левая вытянута, правая в районе таза (1); 8 – правая вытянута, левая в районе груди (1); 9 – правая вытянута, левая в районе пояса (1); 10 – правая вытянута, левая на костях таза (5); 11 – левая в районе груди, правая – пояса (1); 12 – левая в районе груди, правая – таза (6); 13 – левая в районе пояса, правая – груди (7); 14 – левая в районе пояса, правая – таза (12); 15 – правая в районе пояса, левая – таза (4); 16 – правая в районе груди, левая – таза (3).

Для подкурганных захоронений положение черепа указано лишь в двух случаях из 11 (табл. 22Б). Положение костей рук указано/установлено в 11 случаях из 20. Автор раскопок Е.И. Горюнова указывала две позиции костей рук – «вытянуты» вдоль костяка и «согнуты» в области тазовых или лобковых костей, поэтому рассматриваем положение

костей рук относительно этих позиций. Признак используем.

В корреляционной таблице 22 сравнивалось положение правой руки по отношению к левой. Выяснено, что доминирующие цифры располагаются в точке пересечения одинаково расположенных рук. Расположение рук у различных частей тела – частные случаи. Признак использован.

Антропологические определения пола и возраста сделаны только для Коноваловского могильника (73 костяка) научным сотрудником НЦАИ ИИ АНТ г. Казани И.Р. Газимзяновым в 1998 г. (табл. 16). Проведена краниометрическая характеристика 13 черепов из позднесредневекового слоя Кельгининского могильника (Лошкарев и др., 2015, с. 71–79). Половозрастные определения остальных захоронений предложены авторами раскопок (табл. 19). Параметр не использован.

Возраст погребенных определен для Коноваловского могильника (табл. 16). Признак не использован.

Внутримогильная конструкция. Имеются данные по конструкциям внутри 467 погребений, из которых 437 – грунтовых (табл. 17) и 30 подкурганных (табл. 18). В 277 захоронениях (263 грунтовых и 14 подкурганных) конструкция отсутствует – костяк располагается на дне могильной ямы. Гробовище (128 погребений) и колода (16) найдены только в грунтовых погребениях. Покрывало зафиксировано в семи погребениях (двух грунтовых и пяти подкурганных). В подкурганных это в одном случае луб, в четырех – береста. Подстилка обнаружена в 22 погребениях (грунтовых – 21 и одно подкурганное). В грунтовых захоронениях подстилкой служило дерево, луб или войлок, в подкурганных – береста и ветви деревьев (рис. 19). Сруб обнаружен в трех захоронениях – двух подкурганных и одном грунтовом. Конструкцию в виде рамы содержали восемь подкурганных захоронений на дневной поверхности. Оборачивание умершего тканью зафиксировано в единственном женском погребении 15 в Ачадово. Признак использован.

Солома на дне погребальной конструкции отмечена в восьми женских погребениях Коноваловского могильника. Признак локален, не использован.

Остатки деревянного столба в могильной яме зафиксированы в 15 погребениях – 14 грунтовых и 1 подкурганном (табл. 20). Не использован.

Количество погребенных. 408 захоронений – одиночные (394 грунтовых и 14 подкурганных), 19 – парные (11 грунтовых и 8 подкурганных). В 18 парных погребениях захоронены мужчина и женщина, в одном – дети (Ачадово, погр. 52). В 14 случаях мужской костяк располагался справа от женского, в трех – наоборот (табл. 13). Единственное погребение троих детей зафиксировано в Торшево (погр. 7, 7а и 7б). В десяти захоронениях костных остатков не найдено (табл. 11). Они не интерпретированы авторами раскопок как кенотафы: судя по размерам ям, это детские погребения с несохранившимися костями. Пять погребений Вертелимского могильника не докопаны, количество и пол погребенных не установлены. Признак не использован.

Кости домашних животных обнаружены в 71 грунтовом погребении. Из них в 52 случаях – в погребении, в 19 – в насыпи могильной ямы. Osteологические определения костей не проводились, определения вида животных даны авторами раскопок (табл. 7). В 63 случаях авторы указали вид животного и часть скелета, в восьми – подобных сведений нет, поэтому в качестве признака использовано наличие или отсутствие костных остатков. Признак использован.

Камень зафиксирован в 14 погребениях двух могильников, раскопанных в 1990-е гг. (табл. 21). Возможно, ранее авторы раскопок не учитывали этот признак.

Скорлупа яиц отмечена для 361 погребения, из которых в 29 скорлупа присутствует, в 332 – нет (табл. 7). Признак использован.

Растительные остатки в погребении:

✓ скорлупа лесных орехов зафиксирована в Ачадово. В погребении 10 (девочки) они

располагались у левой кисти руки, женщины (погр. 15) – в области груди слева. Признак единичен, не использован;

✓ косточка фруктового дерева встречена в погребении 32 (девочки) того же могильника. Интересно, что косточка найдена в наперстке, имевшем отверстие и цепочку для подвешивания. Признак не использован, поскольку единичен.

Посыпка мелом сочленений костей рук отмечена в мужском погребении 51 Коноваловского могильника. Признак единичен, не использован.

Комок глины зафиксирован в погребении мальчика 5–6 лет в Коноваловке (погр. 7). Ком ярко-оранжевой глины располагался за пределами погребальной конструкции, вплотную к ней, слева в головах. Признак не использован, поскольку единичен.

Таким образом, отобраны восемь признаков погребений, пригодных для создания моделей: соотношение длины и ширины могильной ямы, глубина могильной ямы, ориентировка черепа, положение рук, тип/наличие внутримогильной конструкции, наличие следов огня в насыпи кургана, костей животных в погребении/насыпи кургана, скорлупы яиц.

В результате исследования получаем шесть типов моделей, из них четыре типа – грунтовые захоронения, они сгруппированы согласно ориентировке головы. Подкурганные погребения на дневной поверхности и подкурганные захоронения в грунтовой могильной яме составили отдельные модели 5 и 6 соответственно (Приложение 1).

Модель 1. Погребения с восточной ориентировкой – самая малочисленная группа (3% от общего количества). Модель доминантна для погребений эрзянского Беловодского могильника. Захоронения с такой моделью из Рыбкинского и мокшанского Мордовско-Паркинского могильников, расположенных неподалеку друг от друга на правом берегу среднего течения Мокши, являются отклонениями от большинства исследованных в памятниках. Все могильные ямы этой группы имеют достаточно большие размеры:

длина 191–241 см, ширина 61–80 см. Глубина от 51 до 120 см. Обе руки вытянуты вдоль туловища. Все погребения Беловодского могильника совершены в гробу или колоде, Мордовско-Паркинского и Рыбкинского – без конструкции, одно из Мордовско-Паркинского – с подстилкой. Кости животных присутствуют в 20%.

Модель 2. Погребения с западной ориентировкой и отклонениями к северу и югу. Сюда входит большая часть захоронений – 53,8%. По типу погребального сооружения выделено шесть групп.

ГРУППА АI – погребения в гробах без костей домашних животных (9,4%). Глубина могильных ям в более ранних памятниках от 51 до 140 см, в поздних – от 10 до 100 см. Для погребений Коноваловского могильника (60-е гг. XVIII – начало XIX вв.) это распространенная модель. Также в данную группу включены захоронения могильников Кельгинино, Налитово, Ачадово, Красные Луга (XVII – середина XVIII вв.). По расположению рук погребенных в группе выделено пять типов.

Тип 1. Обе руки вытянуты, или одна из них согнута и располагается у тазовых костей. Соотношение длины и ширины могильной ямы характерно для взрослых погребений (группа 3).

Тип 2. Обе руки в области тазовых костей. Глубина погребений от 10 до 50 см. Только погребения взрослых.

Тип 3 (Коноваловка). Одна рука в области таза, другая в области пояса. В одном случае встречена скорлупа яйца.

Тип 4 (Коноваловка). Обе руки в области пояса. В одном случае встречена скорлупа яйца.

Тип 5. Одна рука в области таза, другая на груди (Ачадово, Коноваловка).

ГРУППА АII – захоронения в гробах с костями животных. Здесь 41% от всех погребений с западной ориентировкой. Модель распространена в Коноваловке, Кельгинино, Ачадово, также имеется в могильниках Русское Маскино и Старая Яблонка. В группе

выделено шесть типов по расположению рук.

Тип 1. Обе руки вытянуты, или одна из них согнута на тазовых костях. Здесь только взрослые захоронения. Глубина могильных ям от 51 до 140 см.

Тип 2. Обе руки в области тазовых костей. Погребения подростковые или взрослые. Глубина 10–50 см. В одном встречена скорлупа яйца (Коноваловка).

Тип 3. Одна рука в области пояса, другая – таза. Все погребения принадлежат взрослым. Более ранние имеют большую глубину.

Тип 4. Одна рука в области таза, другая – на груди. Это детские и подростковые захоронения, в одном зафиксирована скорлупа яйца. Глубина могильных ям от 51 до 100 см.

Тип 5. Обе руки в области пояса. Подростковые и взрослые захоронения. Глубина в поздних погребениях от 10 до 100 см, в ранних – от 51 до 120 см. Два погребения со скорлупой яйца.

Тип 6. Обе руки на груди. Захоронения взрослых и подростков. Глубина ям от 10 до 100 см. Одно погребение из Ачадово, остальные из Коноваловки.

ГРУППА БI. Погребения без конструкций и костей животных. Группа немногочисленна (2,6%). Подобные детские, подростковые и взрослые захоронения зафиксированы в могильниках Ачадово, Кельгинино, Коноваловка, Шелехметь. Глубина могильных ям 10–100 см. Положение рук: правая согнута у таза, левая вытянута, либо одна рука в области таза, другая – пояса.

ГРУППА БII. Погребения без конструкций на дне могильных ям с костями домашних животных. Сюда включено 40% погребений с западной ориентировкой. Для могильников Ачадово, Кельгинино, Старые Печеуры, Ревезено это характерная модель. Также модели этой группы имеются в могильниках Русское Маскино, Шелехметь, Сучкино 2, Анютино. По положению рук погребенных выделено четыре типа.

Тип 1. Обе руки вытянуты, или одна из них – на тазовых костях. Здесь погребения

ния всех возрастных групп. Глубина от 10 до 120 см.

Тип 2. Обе руки в области таза, или одна из них – на груди. Погребения всех возрастных групп. Глубина от 10 до 50 см (поздние захоронения), от 51 до 110 см (ранние).

Тип 3. Обе руки в области пояса.

Тип 4. Обе руки на груди. Эти два типа очень малочисленны. Глубины погребений от 51 до 100 см.

ГРУППА В – захоронения на подстилке, в одном случае с костями животных (Коноваловка), в двух – без костей (Усть-Уза, Кельгинино). Малочисленная группа – всего 1,6% всех погребений с западной ориентировкой. Положение рук: левая вытянута, правая согнута; обе руки в области тазовых костей.

ГРУППА Д – погребения в колоде без костей животных (3,6%). Модель зафиксирована в могильниках Коноваловка, Козловка, Анютино, СП. В одном случае найдена скорлупа яйца (Коноваловка). В этой группе захоронения детей, подростков и взрослых. Глубина в Коноваловке 10–80 см, в Анютино – 111–120 см. В одном погребении руки в области пояса, в остальных – положение не установлено.

Модель 3. Погребения с северной ориентировкой и отклонениями к востоку и западу (17% от общего количества). По типу погребального сооружения выделено четыре группы.

ГРУППА А – погребения в гробах без костей животных (16,6%). Типичная модель для могильников Тоторшево и Сарлейского, одно погребение из Корино. По положению рук погребенных выделено четыре типа.

Тип 1. Обе руки вытянуты, или левая вытянута, правая согнута. Северная и СЗ ориентировки. Длина ям 191–240 см, ширина 41–80 см.

Тип 2. Одна рука в области таза, другая – пояса. Северная и северо-западная ориентировки. Глубины погребений от 100 до 150 см.

Тип 3. Обе руки в области пояса. Северная ориентировка, глубина 51–100 см (только Тоторшево).

Тип 4. Обе руки на груди. Северная ориентировка, глубина 51–100 см (Тоторшево).

ГРУППА Б. Погребения в колоде без костей домашних животных – 13,4% захоронений с северной ориентировкой. Положение рук: обе вытянуты, или левая согнута, правая вытянута. Ориентировка: С, СВ, СЗ. Глубины от 101 до 150 см. Модель характерна для Армиевского 2 могильника, имеется в Сарлейском и Рыбкинском.

ГРУППА В. Захоронения без конструкций в яме и костей домашних животных. Модель типична для погребений с северной ориентировкой (60%). Характерна для большего количества погребений в Тоторшево, Сарлях и Редкодубье. Захоронения этой группы встречены в могильниках Мордовские Парки, Рыбкино и Корино. По положению рук погребенных выделено четыре типа.

Тип 1. Обе руки вытянуты, или левая согнута, правая вытянута, или правая согнута, левая вытянута. С, СЗ и СВ ориентировки. Захоронения подростков и взрослых. Глубина от 51 до 150 см.

Тип 2. Обе руки в области тазовых костей. Северная и северо-западная ориентировки. Глубины погребений от 101 до 140 см.

Тип 3. Обе руки в области пояса, северная ориентировка, глубина 51–100 см (Тоторшево).

Тип 4. СЗ ориентировка. Обе руки на груди, глубина 20–50 см (Сарлей).

ГРУППА Г. Погребения с северной, северо-восточной и северо-западной ориентировкой на подстилке без костей животных – 66,6% (Сарлей) – или с костями – 33,4% (Ардатово). Составляет 10% погребений с северной ориентировкой. Глубины от 80 до 160 см.

Модель 4. Погребения с южной ориентировкой и отклонениями к востоку и западу (18,8% общего количества). По типу погребального сооружения выделено три группы.

ГРУППА А – без конструкций и костей животных. Характерны для захоронений с южной ориентировкой (85,3%) в могильниках Рыбкино, Вертелю, Шелехметь, Паево, Кельгинино. Также в этой группе за-

хоронения из Нароватова, Русское Маскино, Ачадово, Черемис, Редкодубья, Сучкино¹. По положению рук выделено четыре типа погребений.

Тип 1. Обе руки вытянуты, или левая вытянута, правая согнута, или правая вытянута, левая согнута. Ю, ЮЗ и ЮВ ориентировки. Только погребения взрослых. Глубины от 10 до 100 см.

Тип 2. Обе руки в области таза. Ю, ЮЗ ориентировки, захоронения взрослых. Глубины от 51 до 140 см.

Тип 3. Обе руки в области пояса. ЮЗ ориентировка.

Тип 4. Обе руки на груди. ЮЗ ориентировка, глубина 51–100 см.

ГРУППА Б. Погребения на подстилке с костями домашних животных (Адашево) или без них (Вертелим, Нароватова) – 6,2% погребений. ЮЗ и ЮВ ориентировки. Положение рук: правая согнута, левая вытянута; руки в области тазовых костей. Только погребения взрослых. Глубина 40–100 см.

ГРУППА В. Погребения в гробах без костей животных (6,2%). Характерна для захоронений подростков и взрослых Русско-Маскинского могильника. Южная и ЮЗ ориентировки. Глубины от 15 до 70 см. Положение рук: обе вытянуты; обе в области таза.

Единственное захоронение с ЮЗ ориентировкой в колоде зафиксировано в Журавкинском могильнике.

Модель 5. Подкурганные погребения на дневной поверхности (4%). Выделено семь типов.

Тип 1. Северная и северо-западная ориентировки, обе руки вытянуты, без конструкции, кости животных отсутствуют, есть следы горения (Корино, Сарлей).

Тип 2. Северная и северо-западная ориентировка. Парные погребения (мужчина и женщина). Обе руки вытянуты, или

левая согнута, правая вытянута. Погребение в раме, на подстилке с покрывалом со следами использования огня (Корино).

Тип 3. СЗ ориентировка, на подстилке, руки на тазовых костях. Со следами использования огня (Корино).

Тип 4. СЗ ориентировка. Парное погребение в раме, обе руки вытянуты, или левая согнута, правая вытянута. Со следами огня (Корино).

Тип 5. Северная ориентировка. Парное, в раме на подстилке. Со следами использования огня (Корино).

Тип 6. СЗ ориентировка. Парное погребение в срубе и раме с покрывалом. Обе руки на тазовых костях. Со следами огня (Корино, кург. 9).

Тип 7. Западная ориентировка. Парное погребение в срубе. Обе руки вытянуты. Со следами использования огня (Торжок, кург. 2, погр. 3, 4).

Модель 6. Подкурганные погребения в грунтовой яме – 1,7%.

Тип 1. Западная ориентировка. Погребальная конструкция отсутствует, взрослые захоронения с костями домашних животных. Глубина 90 см. В насыпи – следы использования огня (Лобаски, кург. 1, погр. 1).

Тип 2. Западная ориентировка. Парное, в срубе, без костей животных. Длина ямы 240 см, ширина 135 см, глубина 90 см (Лобаски, кург. 2).

Тип 3. Восточная ориентировка. Без конструкции и костей домашних животных. Длина ямы 200 см, ширина 100 см, глубина 100 см (Сабанчеево).

Тип 4. Северная и северо-западная ориентировки. Без конструкций и костей животных. Это детские впускные погребения 2–4 кургана 1 Коринского могильника.

Для 1,7% подкурганных погребений тип захоронения не определен.

Характеристика погребальных комплексов

Все памятники мордвы XVI – начала XIX вв. занимали площадку на возвышенном месте – на дюне или мысе, участке (иногда

и склоне) первой надпойменной террасы, берега реки или оврага. Во всех случаях для могильника использовали территорию, за-

щищенную естественным образом с одной или двух сторон рекой, ручьем либо оврагом (рис. 2–7). Несколько памятников располагались в непосредственной близости от леса. Редкодубский могильник и село разделяло непроходимое болото. Границами площадок могильников служили естественные преграды. На могильнике Лобаски зафиксированы остатки ограды (рис. 8). Она представляла собой «правильный выступ, возвышающийся над уровнем склона с северной, восточной и южной сторон могильника» (Степанов, 1941, л. 321). Судя по описанию поминальных обрядов на могиле покойного, кладбищенская территория представляла собой особый замкнутый мир умерших, где действуют особые законы. И этот мир, эта особая «волшебная» зона требует определенной изоляции. Возможно, ограда существовала на каждом могильнике, в некоторых случаях она не сохранилась, в некоторых – не зафиксирована авторами. В этнографических свидетельствах есть упоминание об «окопе, коим обведено кладбище» (Секторов, 1865, XXVIII, л. 4), об ограждении в виде вала и воротах для въезда на кладбище (Смирнов, 1895, с. 187).

В расположении погребений на площадке могильников закономерности не наблюдается. Вскрытые участки памятников заполнены неравномерно. На многих памятниках наблюдается тенденция к группировке нескольких захоронений (двух и более) в одном месте – некая «гнездность». В Новой Пырме десять взрослых погребений размещены вплотную, не перекрывая друг друга (рис. 14). Автор раскопок в Тоторшево отметил, что четыре погребения из семи раскопанных образовывали вплотную расположенные пары (Богачев, 1979, с. 163). В половине случаев рядом с такими парами совершено несколько детских захоронений. В северной части раскопа Ачадовского могильника выделяется участок площадью приблизительно 32 кв. м, где расположены только детские погребения. Основная масса поздних погребений эрзи и мокши не перекрывают друг друга. Исключением являются два погребения в Ачадово (15 и 57)

и 68 захоронений в Коноваловке, где погребения находят друг на друга короткими и длинными стенками могильных ям (рис. 11, 12).

Особая черта планиграфии Коноваловского могильника – группировка на небольших участках по несколько захоронений, хотя общее погребальное поле имеет еще достаточно обширные лакуны. Здесь захоронения группируются не по парам «мужское и женское», на небольшом участке сосредоточены, например, мужское и три женских погребения (№ 39 и 25, 50, 49), поверх которых впущены еще четыре детских (23, 23А, 38, 24). Скорее всего, это стремление сгруппировать захоронения членов одной семьи на одном участке, свидетельствующее о сохранении крепких семейно-родственных отношений у мордвы.

Плотность размещения захоронений на погребальных площадках различна. На каждое погребение Ново-Пырменского могильника приходится 11 кв. м площади памятника (рис. 14), Мордовско-Паркинского – 9, Шелехметского – 8 (рис. 13); Русско-Маскинского и Черемисского – 6, Ачадовского – 3. Наибольшая плотность захоронений зафиксирована в Коноваловском могильнике, самом позднем из исследованных: на каждые 1,5 кв. м приходится по погребению (рис. 11, 12). Отсутствие достаточного количества данных не позволило определить зависимость плотности захоронений от датировки, места расположения и др.

На межмогильных пространствах четырех памятников зафиксирована традиция принесения ритуальных жертв – целые сосуды, фрагменты керамики, уголь, кости животных, вещи. Жертвенные остатки на Редкодубском могильнике представляли собой кострище диаметром 0,92 м, где найдены обожженный череп коровы, коровья бабка и фрагменты керамики (Степанов, 1946, л. 489). К сожалению, траншейная методика раскопок, предпринятая автором, не позволила зафиксировать расположение находки относительно захоронений. Кости животных и огромное количество керамики обнаружены в межмогильном пространстве в Ачадо-

во. Автор раскопок предположил, что они происходят из «скотомогильника, активно разрушаемого местным населением» либо являются остатками тризн. А «все фрагменты керамики, которые в основном встречаются в первом штыке, принадлежат к сосудам, когда-то стоявшим на засыпке могильных ям, а затем разрушившимся и распространившимся по площади могильника» (Вихляев, 1985, с. 5–6). На площадке Шелехметского могильника найдены развалы четырех сосудов, также оставленных при совершении жертвоприношений (рис. 13).

В межмогильном пространстве в Ачадово и Тоторшево обнаружены вещевые жертвы или «дары». В Ачадово они представляли собой семь украшений костюма, располагавшихся по отдельности (Вихляев, 1985). Определить принадлежность вещей к конкретным захоронениям не представляется возможным, кроме украшения, найденного над детским погребением 45. По свидетельству П.Д. Степанова, на Редкодубском могильнике местные жители находили «сундучки» с вещами и инструментами» (Степанов, 1969, с. 87). Вероятно, речь идет также о дарах. Жертвенные комплексы в межмогильном пространстве сделаны в рамках погребального либо поминального обрядов.

У мордвы в XVI–XVII вв., как и в других культурах, существовал обычай «умерщвления вещей». Так, рядом с женским захоронением 7 Тоторшевского могильника, на глубине 20 см в области ног располагался жертвенный комплекс, состоящий из сцепленных между собой сюлгам, бронзового бубенчика и нескольких бус. Часть предметов помяты или изломаны (Богачев, 1978, с. 164–165), возможно ритуально «умерщвлены». Данная традиция фиксировалась у мокши в XIII–XIV вв., например в погребении 1 Стародевического могильника (Петербургский, Аксенова, Гришаков, Первушкин, 1990, с. 72).

Традиция принесения умершим вещевых жертв просуществовала в поминальной обрядности мордвы до конца XIX в., что отража-

ют этнографические данные. Так, на общий поминальный молян (религиозный праздник у мордвы), совершаемый в Духов день, «со всех присутствующих собирали кольца, перстни, сюлгамы, шурьки (лопастные сюлгамы – Н.М.) и все это бросали в дупло березы или нанизывали на проволоку и вешали на ветви». Как видим, вещи уже не захоранивали, а подвешивали на деревьях. Кости домашних животных после поминальной трапезы по-прежнему помещали в пространство могильника в особой чашке (Смирнов, 1895, с. 192).

На внешней поверхности грунтовые захоронения никак не выделялись либо фиксировались слабо выраженные ямки или небольшие холмики, что, вероятно, вызвано качественно различным составом почв. Лишь 15 погребений (2,9% от общего количества) в пяти могильниках отмечены на поверхности деревянными столбиками. Три памятника из них принадлежат эрзе (Беловодье, Коноваловка, Лобаски) и два – мокше (Ачадово, Кельгинино). Самый ранний из них датируется XVII в., поздний – XVIII – началом XIX вв. В 15 из 16 случаев столбик находился в головах погребенного, в захоронениях эрзи – справа от черепа, мокши – слева (табл. 20). Единственный случай расположения столба в ногах отмечен в Кельгинино, погребение 166. Это единственное погребение (мужское) в могильнике с ориентировкой головы умершего на СЗ. Остальные захоронения имели ЮЗ ориентировку с отклонением к югу или западу. Погребения со столбиками Беловодского могильника ориентированы на восток, Ачадовского и Коноваловского – запад или запад с небольшими отклонениями (рис. 25: 1). Они не выделялись по ориентировке от основной массы захоронений указанных памятников. Что касается половозрастной принадлежности погребенных в захоронениях со столбиками, то 14 из них – взрослые (девять мужчин и пять женщин), двое – дети.

Вряд ли можно предполагать, что столбики представляли собой остатки креста. Скорее всего, это локальная традиция. Впер-

вые она отмечена у мокши в XII–XIV вв. Я.В. Беляев полагает, что погребения на поверхности отмечались небольшими холмиками, которые со временем сравнивались с поверхностью. Это могли быть и столбики, подобные найденным на Муранском могильнике (Беляев, 1987, с. 80). Просуществовала данная традиция у мордвы до конца XIX в. По этнографическим сведениям, место могилы мог отмечать «дубовый отруб от слег с округленной верхушкой и с изображением мачты» (Секторов, 1856, XXVIII, № 10, л. 2). В качестве памятников на могилах мордва деревни Лешать, спустя сто лет после принятия христианства, ставила «дубовые идолы» (Секторов, 1856, XXVIII, № 21, л. 25). Деревянный столб с вырезанным на нем родовым знаком устанавливали над могилами и в селе Кученяево Алатырского уезда. Его обычно украшали лентами (Масленников, 1916, с. 193). В Тамбовской губернии покойного выносили на специально изготовленных длинных шестах. Затем их «по совершении погребения оставляют по сторонам могилы или в вертикальном положении закапывают вместе с покойным» (Митропольский, 1876, с. 374).

К курганно-грунтовым отнесены памятники, на площадке которых исследованы и грунтовые могильные ямы, и погребения под курганными насыпями, являвшиеся синхронными и однокультурными. Обработка материалов курганно-грунтовых могильников представляется более сложной, чем грунтовых, из-за низкой степени информативности, поскольку целый ряд погребальных признаков и не фиксировался исследователями.

Всего исследовано восемь курганно-грунтовых могильников позднесредневековой мордвы (табл. 3). Пять из них расположены в Нижегородской области (Больше-Макателемский, Торжок, Коринский, Кардовильский, Сарлейский), три – на территории Республики Мордовии (Лобаски, Рыбкинский, Сабанчеевский).

Курганно-грунтовые памятники находятся в различных ландшафтных зонах. Мо-

гильники Корино, Кардовиль и Большой Макателем компактно расположены на правом берегу Тешы, Сарлейский – чуть северней, на правом берегу р. Озерки, притоке Пьяны (рис. 1). Интересно, что все четыре памятника находятся в степной зоне, но в 2–3 км от крупных лесных массивов. К ЮЮЗ от этой группы, на левобережье Мокши, расположен могильник Торжок. Памятник занимает степной «островок» на окраине огромной территории Мордовского государственного заповедника (в 3 км до степной полосы). Значительно оторваны от них могильники Лобаски (левобережье р. Алатырь) и Сабанчеевский (правобережье р. Суры). Первый из указанных памятников расположен в степной зоне, второй – в смешанной лесостепной.

Курганный обряд погребения характерен для могильников эрзи. Исключение – Рыбкинский курганно-грунтовой могильник с северной (эрзянской) и южной (мокшанской) ориентировками головы погребенных.

Определить какие-либо особенности и закономерности в расположении курганов относительно друг друга или грунтовых погребений на площадках курганно-грунтовых памятников практически невозможно, поскольку, как уже отмечено в I главе, масштабных раскопок здесь не проводилось. На поверхности почти всех могильников авторы раскопок отмечали «могильные углубления», «небольшие вытянутые холмики» и курганные насыпи. На площадках памятников зафиксировано от одной насыпи в предполагаемом центре Кардовильского могильника до 62 в Большемакателемском. Курганы могильника Торжок, которых насчитывалось 61, располагались несколькими рядами, ориентированными ССЗ – ЮЮВ (рис. 9). П.Д. Степанов отметил, что 14 курганов могильника Лобаски образовывали два ряда, ориентированных на север – юг (рис. 8). Внешний ряд состоял из девяти курганов, внутренний – из пяти (Степанов, 1941, л. 321). Во взаиморасположении 15 насыпей Коринского могильника нет особой закономерности. Участки с грунтовыми захоронениями иссле-

дованы только в северной и южной частях памятника (рис. 10).

Диаметр курганов составляет в среднем 6–7 м, высота колеблется от 0,25 до 1,5 м (табл. 5). Насыпь коринских курганов состояла из песчанистой серовато-коричневатой супеси с пестрыми пятнами, углистыми прослойками и золистыми включениями (рис. 10). Насыпи курганов могильников Торжок и Рыбкино также были песчаными (Горюнова, 1939, л. 159; 1948, с. 70–83; Смирнов, 1892, л. 12). Курганы имели округлую форму, полы их могли находить друг на друга. При этом один курган состоял из трех (три случая) или двух (пять случаев) насыпей. Подобные «слитые» насыпи, как отметила автор раскопок, «самые крупные и вместе с тем наиболее содержательные, занимают центральное положение в могильнике» (Горюнова, 1948, с. 62). Некоторые насыпи в Лобасках также «находят одна на другую, давая форму длинного кургана» (Степанов, 1941, л. 321). Курганы могильника Торжок слегка вытянуты с запада на восток (рис. 9).

В Торжке исследованы околокурганные ровики рядом с курганными насыпями 1 и 4. К сожалению, нет планов, подробных описаний ровиков и их положения относительно насыпей. В одном случае (курган № 1) указан зафиксированный размер ровика – 4,1×1,1 м – и тот факт, что он располагался к югу от кургана. На схематическом плане расположения курганов и раскопов Коринского могильника между насыпями № 4 и 7 и № 4 и 2 видны овальные углубления, возможно также ровики (рис. 10).

По этнографическим источникам, курганные насыпи играли особую роль в языческих ритуалах мордвы в конце XIX – начале XX вв. Коринский могильник пользовался среди местного населения «большим уважением, смешанным с некоторым суеверным страхом». Еще в 1926 г. он был местом тайных общественных молян по случаю стихийных бедствий, здесь совершали и жертвоприношения (Горюнова, 1948, с. 57). Единственный раскопанный курган Кардовильского мо-

гильника считался имеющим лечебную силу (Жуков, 1926, л. 139).

В Актах Московского государства зафиксирована отписка Алатырского воеводы в Москву, датированная 1629 г., о большой «мольбе» на Семик в деревнях Новая и Старая Чукала, куда собралась алатырская и нижегородская мордва. «...Они по своей вере землею мар осыпали», то есть восстанавливали опавшие земляные насыпи. Такие же мольбы, по свидетельству воеводы, проходили еще в нескольких деревнях Алатырского уезда (Акты Московского государства, т. 1, с. 297). И.Н. Смирнов описал обычай сооружения на территории кладбища «модо-марь», «модо-шары» – земляного стола. «Этот холм насыпался всеми приходящими, так что каждый бросал под березу горсть земли, чтобы избавиться от лиха» (Смирнов, 1895, с. 192). Возможно, таким образом на месте погребения возникала курганная насыпь. Поскольку диаметры курганов достаточно небольшие по отношению к их высотам, можно предположить, что существовала традиция подсыпки насыпей при совершении поминальных ритуалов.

Под курганными насыпями захоронены только взрослые люди, за исключением трех впускных детских погребений в кургане 1 Коринского могильника, совершенных позднее. Возможно, для погребения детей использовали грунтовой тип захоронения. Лишь под курганными насыпями зафиксированы погребения на дневной поверхности. В 9 из 14 случаев это парные захоронения мужчины и женщины.

Интересно, что в среднем Прииртышье для тарских татар в XIV–XVII вв. также характерен курганный обряд погребения (Окунево, Черталы и др.). Насыпи тоже невысокие, имеют небольшой диаметр. Погребения совершены как на дневной поверхности, так и в материке. Захороненные ориентированы головой на север, запад, восток и северо-запад. В могильнике Черталы Муромцевского района Омской области на насыпях возводили рамы, срубы, которые поджигались

и засыпались в процессе горения. Зафиксированы также и ровики у курганов (Очерки культуругенеза, с. 290–293).

Использование огня – характерная черта курганного обряда захоронения. Девять из десяти насыпей в Корино содержали уголь, четыре – золу. В курганах могильников Лобаски (кург. 1) и Больше-Макателемского зафиксировано обожженное дерево (табл. 5). Профили разрезов курганов в Корино содержали многочисленные углистые прослойки (рис. 10), «свидетельствующие о том, что и после возведения курганной насыпи разводились костры, после чего делалась новая подсыпка кургана» (Горюнова, 1948, с. 62–63).

В 15 грунтовых могильниках, как эрзянских, так и мокшанских, в заполнении 31 ямы найдены угольки (табл. 9). Данная традиция не является этноопределяющей в рассматриваемый период времени. Наличие углей в насыпи могил фиксировали в V–VII вв. для северной группы могильников мордвы, частично – для рязано-окской. В этот период угли встречаются достаточно редко, в VIII–IX вв. являются типичной чертой погребальной обрядности (Зеленева, 1987, с. 94). В насыпи могильных ям мокши XII–XIV вв. также встречаются угольки, что исследователи связывают с существованием у мордвы культа огня (Беляев, 1987, с. 82).

Согласно этнографическим источникам, огонь и в более позднее время играл важную роль в погребально-поминальной обрядности мордвы. В Мокшанском уезде при поминках огонь разводили зимой во дворе, летом – в горшке или корчаге. Все поминальное действо проходило вокруг огня. Вещи, предназначенные в дар покойному, обносили вокруг огня, после этого считалось, что дар принят (Секторов, 1856, XXVIII, л. 7, 7 об.). В Самарской губернии при поминках на кладбище разжигали огонь, около которого прыгали и кричали, при этом бросали кости и яичную скорлупу в огонь (Каминский, л. 81). Приходской дьякон Орлов описал существовавший в Нижегородском уезде поми-

нальный обряд на 20 дней после смерти, происходящий на дворе или улице с прыжками через огонь и обрезание волос с головы или бороды (Орлов, л. 235). Интересно, что символом денег в бытовавшем у мордвы обряде «замещения» покойного, когда один из родственников при поминках играл «роль» умершего, был уголь – его клали в новом мешочке за пазуху покойного (Секторов, 1856, XXVIII, л. 8 об.). Огонь служил средством очищения и защиты от нечистых сил: «Возвратившись с похорон, каждый против своего дома разводил огонь, и, нацедя пива, пьют со своей семьей так, как будто они умерших своих обратно в могилы провожают; потом тот платок встряхивают на огне, дабы покойники скорее выпрыгнули из платка, напоследок и сами они через огонь прыгают, опасаясь, чтобы кто из умерших в человеке не остался, и он бы не умер» (Милькович, 1905, с. 815–831). Огонь, разожженный в воротах кладбища (Пензенская губерния), очищал покидающих его людей (Смирнов, 1874, с. 165). В селе Оркино Саратовской губернии через два дня после похорон проходил поминальный обряд, в ходе которого ведущая обряд старушка обходила всех присутствующих с горшком, наполненным углями (Шахматов, 1910, с. 61–64). Мордва Симбирского уезда разводила во дворе огонь в конце поминального обряда, как бы провожая умерших домой. При этом все прыгали через огонь, пытаясь очиститься (Быт и верования, 1905, с. 825).

Распространена традиция принесения в жертву частей домашних животных, как в курганном, так и в грунтовом обрядах погребения эрзи и мокши. Половина из исследованных насыпей содержала кости животных (табл. 5, 8). В Коринском могильнике «среди найденных костей большой процент падает на кости коров и телят. Несколько меньше лошадиных костей, и изредка встречаются кости мелкого скота. Погребались с покойником черепа и челюсти, остальные части попадались как исключение» (Горюнова, 1948, с. 63). Интересно, что кости в насыпи в 62,5% сопровождались углем.

Костные остатки домашних животных находили не только в насыпи кургана, но и рядом с погребенным (рис. 32). У ступней ног мужчины, захороненного в кургане 15 Коринского могильника, лежал череп крупного рогатого скота. Кости животных находились рядом с погребенными в курганах 1, 7 и 10.

Костные остатки зафиксированы в 75 грунтовых захоронениях (табл. 7). В 19 случаях кости крупного рогатого скота и черепа, зубы и кости мелкого рогатого скота найдены в насыпи ямы (рис. 22: 1). Чаще всего в грунтовые ямы помещали черепа, челюсти, зубы и кости крупного и мелкого рогатого скота, а также кости курицы (рис. 26: 2). Заслуживает внимания мужское (?) погребение 5 Сарлейского могильника, в котором на гроб со стороны ног положен череп коровы, под ним – перекрещенные кости ног того же животного. Костные остатки могли располагаться и между погребениями, как, например, череп овцы между захоронениями 4 и 5 того же памятника.

Кости животных в заполнении ям фиксируются в могильниках мордвы со второй половины V в. н. э., например Шокшинском (V–XI вв.), на дне погребений – в северной группе могильников. Преимущественно это кости лошади, крупного рогатого скота и свиньи (фрагменты костяка, черепа). В северной группе памятников встречено положение целой туши животного (Зеленеев, 1987, с. 94, 100). В погребения мокши XII–XIV вв. клали кости как домашних, так и диких животных (Беляев, 1987, с. 82). Костные остатки крупного рогатого скота, курицы (в основном в женских погребениях) найдены в памятниках золотоордынского времени, например в Барбашинском и Муранском (Поляна им. Фрунзе, с. 151; Алихова, 1954, с. 263). Скорлупа яиц обнаружена в этот период только в погребениях мокши (Алихова, 1954, с. 263).

Традиция помещения с умершими куриных костей и скорлупы яиц зафиксирована лишь в грунтовых захоронениях (табл. 7, рис. 26: 2), как эрзянских, так и мокшан-

ских (Малкова, 1999б, с. 247–249). Впервые этот обычай появился в могильниках мокши XII в., позднее заимствован эрзей и просуществовал у обеих этнических групп до конца XIX в. Так, 17 погребений (11%) в Кельгинино содержали куриные кости, по большей части это детские (47%) или женские (35%), количество мужских незначительно (7%). Помещали части курицы на груди или поясе умершего, в единичных случаях – у черепа и ног (рис. 26).

Скорлупа обнаружена в женских и детских захоронениях, а в более позднем Коноваловском могильнике – и в мужских (рис. 26). В Бутском могильнике скорлупу яиц содержат 40% погребений.

В этнографических материалах конца XIX – начала XX вв. находим, что при совершении обряда захоронения сначала в могилу бросали различные кушанья, чтобы расположить к погребаемому ранее умерших родичей (Смирнов, 1895, с. 173). В Самарской губернии «обоему полу» клали части куриного мяса, чтобы умерший «при первом приходе на тамошнюю жизнь не был голоден» (Каминский, л. 80). Имеются многочисленные свидетельства об использовании мяса домашних животных и в поминальной обрядности мордвы. В Пензенской губернии после погребения на кладбище закалывали лучшего жеребца, шкуру вешали на ветки «заветных деревьев», а мясо съедали (Смирнов, 1874, с. 65). В селе Лобаски на поминках «убивали жеребца в память мужчины, корову – в память женщины». После чего одну часть мяса приносили в жертву, другую – съедали, а шкуры развешивали на сучьях дубовых деревьев (Гр. П-ов, 1887, с. 729). В конце XVIII в. в Симбирском уезде, когда кто-то умирал, по обычаю «курице отрывали голову и бросали на улицу, говоря: «Вот тебе на том свете курица» (Быт и верования, 1905, с. 822). Есть упоминание о ритуальном съедении на поминках быка, лучшим считался белый с черными пятнами на лбу и животе, как и коровы, овцы, свиньи, гусей, кур, а также яиц (Новочадов, 1896, с. 402; Беневолинский, 1868, с. 529; Снеж-

ницкий, 1870, с. 647–648; Каминский, с. 71–73; Шахматов, 1910, с. 57–58 и др.). Яйцо, по этнографическим свидетельствам, клали в могилу всем, и младенцам, с напутствием передать его на тот свет (Секторов, 1856, № 10, XXVIII, л. 2 об.).

О ритуалах, совершаемых при погребении и поминках, свидетельствуют находки фрагментов сосудов в заполнении ям и на площадках могильников. В заполнении 29 погребений (5,3%) десяти грунтовых могильников найдены фрагменты керамики (рис. 22: 1). Из них только относительно 12 можно утверждать достоверно, что они не происходят из более раннего культурного слоя (табл. 10). Из десяти памятников большинство (семь) оставлено мокшанским населением. Погребения с фрагментами керамики в засыпи традиционны для I тыс. н. э. (Зеленеев, 1987, с. 94). На территории могильников мокши XII–XIV вв. и в засыпи ям часто встречались фрагменты сосудов (Беляев, 1987, с. 81–82).

Отголосками сложных ритуальных действий, которые совершались на/над погребальным сооружением, является многократно описанный в этнографической литературе обычай оставлять кусочки блюд и лить спиртные напитки на могилу. Жертва считается принесенной, если она коснулась земли. О существовании у мордвы некогда яркой погребальной церемонии свидетельствуют сохранившиеся до конца XIX в. традиции курения табака на могиле, веселье и пиршество, плач и вой (Секторов, 1865, XXVIII, № 10, л. 3 об.; Орлов, л. 233). По окончании общественных поминок мордва «пресыщалась в еде, напивалась до безчувственности, и при поминовении умерших в домах и на кладбищах позволяла себе играть в тростяные дудки и волынку, петь песни и даже заводить пляску» (Орлов, л. 240). Особое почитание мира мертвых проявляется в многократных поминках по усопшим, обращение к ним в процессе каждого моления и по любым бытовым проблемам.

Все погребения мордвы XVI – начала XIX вв. совершены в простой грунтовой мо-

гиле. Эта традиция появилась в начале I тыс. н. э., отмечена в Андреевском и Староардамовском курганах. Прямоугольные в плане ямы распространены в период сложения традиций погребальной обрядности мордвы (III–VII вв.). В VI–XI вв. они были типичны для северной группы могильников (Зеленеев, 1987, с. 91). В XII–XIV вв. погребения мокши имели прямоугольную со скругленными углами форму, чаще – отвесные стенки (Беляев, 1987, с. 79).

Параметры ям еще с периода раннего Средневековья определялись антропометрическими характеристиками умершего. Стенки их в поздних погребениях во всех случаях отвесные. В период раннего Средневековья они чаще наклонены ко дну (северная и цнинская группы). Отвесные стенки характерны для Шокшинского могильника (V–XI вв.), но есть также у северной и пензенской групп мордвы (Зеленеев, 1987, с. 92).

Глубина ям 56,3% погребений составляла от 51 до 100 см, в 18,6% – 10–50 см, в 16,4% – 101–160 см (табл. 4). В более ранних памятниках (Сарлей, Вертелим, Тоторшево и др.) погребения глубже, чем в более поздних (Русское Маскино, Коноваловка). В период раннего Средневековья глубина преимущественно (63,23%) составляла 51–100 см. Ю.А. Зеленеев связывает глубину со степенью богатства инвентаря: до 50 см – «бедные» погребения, 101–150 см – взрослые «богатые» (Зеленеев, 1987, с. 94).

В 3% грунтовых погребений отмечена локальная традиция помещения камня в могильную яму. Камни найдены в могильниках мокши XVII – начала XVIII вв.: Ачадово (11) и Кельгинино (7), расположенных в 8 км друг от друга на правом берегу р. Чиуш, притока Парцы (рис. 1). В большинстве случаев камень располагался в ногах (рис. 18) или у черепа, в двух случаях – у боковой стенки ямы. В погребении 25 Ачадово – на крышке гроба (табл. 21).

В 40% грунтовых погребений и 53,3% подкурганных зафиксирована конструкция (табл. 17, 18). В грунтовых использовано

пять типов внутрипогребальных сооружений: гроб (77%), колода (10,8%), подстилка (9,6%), покрывало (1,2% захоронений) и сруб (0,6% – одно погребение). В подкурганных зафиксировано четыре типа конструкций: подстилка (20%), покрывало (16,7%), сруб (10%) и рама (23,3%). В четырех погребениях под курганной насыпью встречено одновременно два типа сооружений.

Подстилка в грунтовых захоронениях эрзи и мокши была лубяной (50%), деревянной (31,3%) или войлочной (18,6%). Большинство подстилок в подкурганных погребениях из бересты (83,3%) и веток (16,7%).

Подстилка из дерева встречена (22,1%) в богатых захоронениях взрослых в цнинских могильниках VIII–IX вв. Лубяная подстилка (9,25%) преобладала в богатых женских погребениях рязано-окских могильников VI–VII вв. В незначительных количествах (менее 1%) встречены в качестве подстилки береста, войлок или то и другое вместе. В большинстве погребений (51,88%), которые Ю.А. Зеленевым характеризуются как бедные, подстилка отсутствует (Зеленеев, 1987, с. 98).

Покрывало в грунтовых захоронениях мокши представляло собой тонкий слой дерева, в подкурганных эрзянских это была береста (80%) или луб (табл. 17, 18).

Срубы характерны для эрзянских подкурганных парных захоронений (мужчина и женщина). Сруб в Торжке (кург. 2) был из дерева, размером 3,35×1,5 м. Найденный в кургане 9 Коринского могильника сруб имел размеры 2,80×1,20 м. Он сбит гвоздями из грубо обтесанных полубревен и покрыт сверху корой дерева. Интересно, что кора по углам конструкции прижималась камнями. По этнографическим материалам, для умерших в селе Лобаски вырывали могилу «наподобие погреба со срубом и крышей» (Гр. П-ов, 1887, с. 728).

Рамы обнаружены только под курганными насыпями эрзянского Коринского могильника. Погребения с рамами совершены на дневной поверхности. В шести погребениях из семи внутри рамы захоронена пара.

Рама представляла собой восьмиугольник, выложенный крупными дубовыми плахами (рис. 32), ее размер несколько меньше, чем диаметр кургана – около 5–7 м. Конструкция всегда имела следы огня. В единственном случае (Корино, кург. 9) погребенные уложены в сруб, включенный в восьмиугольную раму.

Колоды найдены только в грунтовых погребениях десяти могильников эрзи и мокши. Они встречены как в наиболее ранних (Сарлейский), так и поздних (Коринский) памятниках. Колода из детского погребения 20 Коноваловки имела длину 118 см, ширину в верхней части 34 см, в нижней – 45 см. Крышка представляла собой цельную доску размерами 118×35–40×3 см. Ширина бортов 7–9 см (рис. 28). Колода из женского погребения 72 Коноваловки выдолблена из цельного ствола дерева, предположительно сосны (рис. 29). Конструкция имела прямоугольную корытообразную форму, верхняя ее часть уже нижней. Размеры цельной крышки: длина 207 см, ширина 35–48 см, толщина 2–3 см. Ширина боковых бортиков 6–8 см, верхнего и нижнего – 20 см. Высота конструкции около 30 см. Колода из погребения 3 Беловодского могильника в верхней части шире на 6 см, чем в нижней (0,4 м), ее длина 1,75 м.

Могильник Ундрих в Шиловском районе Рязанской области – самый ранний памятник мордвы с захоронением в дубовой колоде. Он датируется второй половиной V в. Конструкции здесь подвергнуты воздействию огня, а кости погребенных – нет (Ахмедов, 1999). Захоронения в колодах зафиксированы и в погребениях мордвы XII–XIV вв. Однако некоторые исследователи склонны считать, что появление этой традиции у мордвы возникло в период монголо-татарского нашествия (Смирнов, 1952, с. 156; Беляев, 1987, с. 80).

Погребения в гробовищах характерны только для грунтовых могил. Гробовища в Сарлейском могильнике сбиты без гвоздей, в погребении 25 стенки и дно отсутствуют. Погребенная уложена на дно ямы и укрыта

досками (Горюнова, 1948, с. 82). Гробовища из Беловодского могильника из толстых досок, концы боковых стенок выступали за поперечные. Накрывала гроб доска, вытесанная из дуба. Толщина досок 6 см, высота конструкции 21 см. Гробовища из Коноваловки имели следующую конструкцию. Крышка и днище состояли из 3–4 досок. Их размеры: длина 95–197 см, ширина 6–17 см, толщина 2 см. Длина боковых досок соотносилась с длиной всей конструкции, ширина 5–6 см, толщина 2–2,5 см. Поперечины имели длину 22–25 см, ширину 5–6 см, толщину 2 см. Таким образом, длина всей конструкции 95–197 см, ширина 40–50 см, высота 7–10 см. В некоторых случаях нижняя и боковые части скреплялись коваными гвоздями (1–14 штук). Крышку с гробовищем не соединяли (рис. 25–27).

В единичных случаях зафиксированы устилание соломой дна гроба (Коноваловка), подушечка с остатками вышивки под черепом погребенного мужчины (Кельгинино, погр. 166).

В одном из погребений раннесредневекового могильника Кораблино в Рязанской области на дне кенотафа обнаружен настил из досок, возможно предшественник гроба (Ахмедов, 1999). Захоронения в гробах широко распространены у мокши в XII–XIV вв. Остатки лубяной гробовины встречены во всех памятниках этого времени (Беляев, 1987, с. 80). Значительная часть погребенных в Муранском могильнике положена в гробовища, похожие на современные, но без гвоздей (Алихова, 1954, с. 263).

Основная масса поздних погребений мордвы – 60,2% грунтовых и 46,6% подкурганых – совершена без конструкции на дне ямы. В некоторых районах и в начале XIX в. гробы не употреблялись – покойного выносили на доске или лубке (Смирнов, 1895, с. 169; Быт и верования, с. 823).

Основной способ захоронения у позднесредневековой мордвы – единичное трупоположение на спине с вытянутыми ногами (96,5%). Исключением является детское

захоронение 338 в Кельгинино, в котором погребенный располагался на правом боку. Большинство захоронений принадлежит женщинам – 184, мужчинам – 146; менее всего детям – 131. Пол и возраст 76 погребенных не определен, поскольку погребения разрушены. Положение рук характеризуется большим разнообразием вариантов. В XVI–XVII вв. преобладало вытянутое положение рук, или руки чуть согнуты в области тазовых костей (рис. 32). В более позднее время руки располагались в области пояса или груди, что, видимо, связано с проникновением христианской религии (рис. 29).

Трупоположение на спине – основной способ захоронения у мордвы с начала первого тысячелетия н. э. (65,8%). В период раннего Средневековья мужские погребения совершали с вытянутыми вдоль туловища руками (23,6%), женские – на груди или тазовых костях. Ноги вытянуты в большинстве случаев (Зеленеев, 1987, с. 96).

В пяти мокшанских и эрзянских могильниках найдены 12 погребений без костяков (табл. 11) XVI – середины XVIII вв. В двух из них (Ачадово, погр. 39, 40) обнаружены украшения, в одном (Русское Маскино, погр. 13) – сосуд, остальные безынвентарны (рис. 20: 1, 3). Длина ям в таких погребениях 70–194 см, ширина 28–95 см. Предположительно это кенотафы, за исключением нескольких детских, где костные остатки не сохранились.

Отмечена традиция парных захоронений (табл. 13): десять грунтовых (рис. 22, 24), девять – под курганными насыпями (рис. 32). Это достаточно редкая традиция (1,5%). Большинство парных погребений совершены для мужчины и женщины – супружеской (?) пары (рис. 22, 24, 32). В двух случаях кисти погребенных соприкасались (Рузлатский, Старо-Яксарский). В двух могилах (Привольевский, Мордовско-Паркинский) один из погребенных захоронен на 8–10 см глубже второго (в одном случае мужчина, в другом – женщина). Можно предположить разницу во времени захоронения одного из умерших.

Все захоронения сопровождалось инвентарем: монеты, нож, кресало (71,4%), дары (42,9%), в одном из них – пряслице. Лишь в одном парном погребении обнаружены костяки детей (Ачадово, погр. 52), инвентарь отсутствовал.

В мокшанском Мордовско-Паркинском и эрзянском Тоторшевском могильниках XVII в. зафиксировано пять вторичных захоронений без погребальной конструкции (табл. 12). Инвентарь, детали костюма и его украшения присутствовали во всех, кроме погребения 14 в Мордовских Парках (рис. 21). Вторичное трупоположение в погребениях раннего Средневековья встречено в 1,5%, чаще – в пензенской и северной группах могильников (Зеленеев, 1987, с. 96).

В этнографических источниках есть свидетельства, что умерших в зимнее время подвешивали в колодах на деревья. Подобный обычай существовал в селах Сабаево, Давыдово Кочкуровского района и Налитово Дубенского района Республики Мордовия. Временное захоронение на деревьях отмечено и у мокши села Лебежайкино Саратовской губернии. Покойников, которых зимой подвешивали на деревья, на кладбище не носили, а тайно зарывали под березой, где он «зимовал». У мокши села Подгорное Конаково Темниковского района Мордовии существовало предание, что стариков, которым пришло время умирать, подвешивали на липы, росшие у дороги (Федянович, 1974, с. 146). В мордовских легендах «Дуболго Пичай», «Песня девицы Кемаль» описана традиция выставления гроба на открытом пространстве – на поляне, возле дороги (Мордовские народные сказки, 1970, с. 214).

Северная с различными отклонениями ориентировка зафиксирована в 58 погребениях (13%). Она характерна для девяти могильников на левобережье Узы (Армиево 2), правобережье среднего течения Суры (Дигилево, Новая Пырма), правобережье Алатыря, недалеко от его впадения в Суру (Редкодубье), междуречье Теши и Мокши (Тоторшево), правобережье Теши (Корино) и право-

бережье среднего течения Пьяны (Сарлей). Большинство погребений в данной группе (46,6%) имеют северо-западную ориентировку, которая характерна для могильников, находящихся выше верхнего течения Мокши. Для подкурганых захоронений доминантной является такая же ориентировка. В этом же микрорайоне и на Узе найдены погребения с северной ориентировкой. Погребения с северо-восточной ориентировкой являются основными для Ардатова и Новой Пырмы на правобережье среднего течения Суры, единственное погребение с такой ориентировкой зафиксировано в Мордовских Парках на правобережье Мокши.

Северная ориентировка датируется V–VIII вв., северо-западная прослежена в Шокшинском могильнике V–XI вв. (Зеленеев, 1987, с. 95). Погребения с северной ориентировкой в период с V до конца XIV вв. характерны для мордвы-эрзи.

Южная с различными отклонениями ориентировка зафиксирована в 112 погребениях (22,5%). Эти 17 могильников расположены на правобережье Иссы, левобережье нижнего и левобережье среднего течения Вада, правобережье среднего и левобережье нижнего течения Мокши, в бассейне Алатыря и Мокши, на правобережье среднего и нижнего течения Суры, правобережье Алатыря и на Самарской Луке. Доминирующей в этой группе является юго-западная ориентировка (48,2%).

Южная ориентировка в период раннего Средневековья характерна для пензенских и цнинских могильников. Для мордвы-мокши она стала основной в первой половине I тыс. н. э. Юго-восточная ориентировка присуща богатым погребениям. В рязано-окских могильниках она датируется V–VII вв. Юго-западная ориентировка связана с погребениями взрослых, в селиксенских и армиевских – с женскими захоронениями (Зеленеев, 1987, с. 95). У мордвы-мокши в XII–XIV вв. преобладала южная с небольшими отклонениями ориентировка (Беляев, 1987, с. 81).

Восточная с небольшими отклонениями к северу и югу ориентировка зафиксирована

на в 14 погребениях (3,1%). Три могильника с такой ориентировкой расположены на правом берегу среднего течения Суры (Беловодье), междуречье Суры и Алатыря (Козловка) и правобережье среднего течения Мокши (Мордовские Парки).

Погребения с восточной ориентировкой чаще встречались в рязано-окских и цнинских памятниках раннего Средневековья. У мордвы она появляется в селиксенских могильниках первой половины IV в. н. э. (Зеленеев, 1987, с. 95).

Западная с небольшими отклонениями к северу и югу ориентировка зафиксирована в 23% погребений. 15 могильников с такой ориентировкой расположены на правобережье Алатыря (Анютино), правобережье нижнего течения Вада (Ачадово, Кельгинино), на правобережье Узы, у ее впадения в Суру (Усть-Уза), правобережье (Красные Луга) и левобережье (Налитово) среднего течения Суры, правобережье ее нижнего течения (Сучкино 2, Старые Печеуры), правобережье среднего течения Мокши (Русское Маскино), на Самарской Луке (Шелехметь) и право-

бережье Самары (Коноваловка). В четырех могильниках встречены погребения с юго-западной и западной ориентировкой (Ачадово, Кельгинино, Русское Маскино и Шелехметь). Памятники с западной ориентировкой появляются в XVII в.

В период раннего Средневековья погребения с западной ориентировкой не были распространены (Зеленеев, 1987, с. 95). Их появление связано с проникновением христианских канонов в погребальный обряд.

В этнографических описаниях имеются данные о погребальных традициях, не зафиксированных в могильниках мордвы XVI – начала XIX вв. К ним относятся: обивка гроба «полотном, даже у младенцев» (Секторов, 1856, XXVIII, л. 2 об.), обычай прорубать окошко в боковой стенке гроба (Секторов, 1856, XXVIII, л. 8 об.; Орлов, л. 231; Иллюстров, 1866, с. 77), одевание на покойного савана «вроде мешка из белого плотна, задняя часть которого сшита в виде капюшона» (Иллюстров, 1866, с. 77). Эти традиции появились у мордвы в середине XIX в.

Вещевой инвентарь в системе погребальных комплексов

Сосуды. Всего найден 31 сосуд в 26 погребениях – в 22 грунтовых и четырех подкурганных, четыре развала в междоусобном пространстве могильника Шелехметь и в насыпях двух курганов (табл. 23). Из 20 сосудов пять содержали мужские погребения, столько же – женские, и десять – детские. Интересно, что в пяти погребениях с сосудом кости умершего отсутствовали.

В подкурганных захоронениях сосуд всегда располагался в ногах. В грунтовых погребениях зафиксировано четыре варианта расположения сосуда: в засыпи ямы (5); на дневной поверхности (3); у черепа (10); в ногах (1). В четырех грунтовых погребениях сосуд установлен вверх дном.

Сосуд в кургане 10 Коринского могильника «на четверть наполнен мелкими дубовыми угольками» (Горюнова, 1948, с. 80). В мужском погребении кургана 2 того же могиль-

ника найден «смятый медный сосуд в виде миски», остальные горшки из глины.

Возможно, лепная посуда специально изготавливалась для погребения, поскольку отличалась небрежностью и довольно примитивна для своего времени. Следы употребления – толстый слой нагара на внутренней поверхности – имел сосуд из Сабаево.

Традиция размещения сосуда в погребениях фиксируется у мордвы с начала 1 тыс. н. э. (Армиево, Кошибеево и др.). С этого же времени сосуды начали помещать в засыпи ям. Примерно с VI в. прослежен обычай ставить в могилу перевернутые сосуды (Кораблино, Шатрищенский, Ундрих) (Ахмедов, 1999; Ахмедов, Белоцерковская, 1999). В эпоху раннего Средневековья в цнинских могильниках преобладает расположение посуды у головы покойного, в рязано-окских – у ног (Зеленеев, 1987, с. 99).

Предметы быта

Кресало с кремнем клали лишь в мужские погребения.

Кресала (табл. 27) найдены в 53 погребениях (32% всех мужских захоронений). В грунтовых погребениях оно располагалось: в 26 случаях – у тазовой кости/бедр (справа – 15, слева – 10, между бедренных костей – 1) (рис. 17: 1, 18, 24, 31); в двух случаях – на уровне груди; по одному – у правой руки и у правой ступни. В двух захоронениях кресало положено в кошелёк. В подкурганных в большинстве случаев оно найдено в районе таза/бедр – семь (слева – шесть, между бедер – один); по одному – у пояса, у черепа, у левого плеча и у ног. Кресало из погребения 6 Нароватова сломано, из погребения 1/2 Рузлатского могильника, скорее всего, подвешивалось к поясу на цепочке.

Кремни зафиксированы в 23 захоронениях (13,9% всех мужских), датируемых XVI–XVII вв. Кремни использовались в качестве огнива для добычи огня. Они располагались только в мужских погребениях, чаще всего вместе с кресалом. В грунтовых погребениях кремни размещались в семи случаях – у левого бедра/тазовой кости; по одному – у левой голени, справа в области живота и у левой ступни. В четырех подкурганных – в районе таза/бедер (три у левого бедра, одно между бедер); по одному погребению – у пояса, черепа и ног.

В кургане 10 Коринского могильника кресало и кремьнь располагались в кожаном кисете у черепа. В Мордовских Парках (погр. 28) обнаружено два кресала, в остальных погребениях – по одному. В трех грунтовых погребениях (Нароватова, погр. 1/2 и 13; Сарлей, погр. 2) зафиксировано по два кремня. В 19 захоронениях найдены и кресало, и кремьнь. В 16 из них оба предмета находились в одном и том же месте. Во всех случаях они располагались у левой бедренной или тазовой кости.

Для погребальных памятников мордвы XI–XIII вв. (Кельгинино, Ефаево и др.) находки кресала и кремня – обычное явление.

Исчезновение данной традиции после XVII в. можно связать с дефицитом, возникшим из-за появления закона о запрещении изготовления любых железных предметов.

Точильный брусок из сланца с отверстием найден в единственном экземпляре в мужском погребении 36 Сарлейского могильника. Он располагался между голенью ног.

Гребни встречены в 12 погребениях, четыре из них в подкурганных, восемь – грунтовых (табл. 28). Из общего количества девять погребений женских и три – мужские. Гребни в грунтовых погребениях располагались: в области груди (3 случая); пояса (3); таза/бедер (2). Вероятно, во всех этих случаях они подвешивались на груди или поясе. Гребень из мужского погребения 22 Мордовско-Паркинского могильника положен в кошелёк, который, в свою очередь, в лубяной сверток (рис. 17). В этом случае гребень являлся жертвенным предметом. В подкурганных гребень найден в двух случаях в бурачке, по одному – в области ног и между бедер.

Кошельки содержали семь мужских погребений. В пяти случаях кошелёк располагался у левой (4) или правой (1) кисти руки. В одном случае – у левого бедра, возможно, в кармане одежды. Содержимое кошельков и их месторасположение относительно костяка представлено в таблице 29.

Пинцет. Единственный экземпляр встречен в мужском погребении 22 Мордовско-Паркинского могильника. Вместе с другими предметами он находился в кошельке.

Гирька бронзовая с циркульным орнаментом обнаружена в женском погребении 260 Кельгининского могильника.

Слиток металла зафиксирован в мужском погребении 166 Кельгининского могильника у левой тазовой кости.

Орудия труда

Ножи обнаружены в 79 погребениях (табл. 30), 67 из них принадлежали мужчинам (84,8%) и семь – женщинам (8,8%). В четырех случаях пол не определен. В мужском грунтовом погребении 11 Нароватовского могильника найдено два ножа. В женских

грунтовых погребениях ножи располагались в трех случаях в области пояса справа, по одному – у правой бедренной кости и у левой голени. Возможно, во всех случаях, кроме последнего, ножи подвешивались к поясу. В двух женских захоронениях нож располагался на груди (рис. 34). Вероятно, в этом случае он имел сакральное значение.

В большинстве мужских грунтовых погребений он лежал в области таза/бедра (рис. 17: 1, 18, 24, 31) – 45 (слева – 37, справа – семь, между бедер – один); в районе груди – два; в области пояса – два (слева и справа); и по одному случаю – у черепа, правого плеча и у правой ступни. В погребении 1 Дигилевского могильника нож располагался острием к стенке ямы, перпендикулярно ее ориентации. В 10 подкурганных погребениях нож лежал в районе таза/бедра (слева – восемь, справа – два), в одном случае – в области ног.

В четырех захоронениях кончик ножа обломан. В погребении 1 Нароватовского могильника у тазовой кости мужского костяка обнаружен кремневый нож. В шести погребениях найдены остатки кожаных ножен.

Нож в быту являлся одним из предметов первой необходимости. Его зачастую носили подвешенным к поясу, поскольку он был «необходимой принадлежностью их (мордвы – Н.М.) занятий: снятия со зверей шкур, надрезания медовых сотов, выделка древесных изделий и пр. Черенки у ножей бывали большей частью белые, а лезвия короткие и широкие» (Митропольский, 1876, с. 377). По этнографическим источникам, нож играл особую роль в погребально-поминальных обрядах мордвы. Известна традиция проведения ножом по шее, груди и ногам покойного. В то место, где лежал покойник, с целью очищения втыкали нож. Его давали в руки «заместителю» покойного, «роль» которого играл один из родственников умершего (Смирнов, 1985, с. 167, 169, 179).

Топоры найдены в 13 мужских погребениях (7,8% от общего количества мужских), восемь из них грунтовые, пять – подкурганные (табл. 32). В грунтовых погребениях

топор располагался у левой ноги (4); бедер/таза (4); по одному случаю – у черепа (рис. 24: 1); голени; плеча. В погребении 2 Сарлейского могильника топор располагался за пределами погребальной конструкции. В погребении 2 Анютинского могильника он был обращен острием кверху. Во всех пяти подкурганных погребениях топор располагался в ногах. В кургане 2 Корино рядом с погребенным зафиксировано сразу два топора различных типов. Захоронения с топором датируются не позднее начала XVIII в.

Тесло обнаружено в двух погребениях – грунтовом и подкурганном (табл. 31). В грунтовом женском погребении 5 Нароватовского могильника тесло располагалось слева у таза. В мужском захоронении кургана 1 Коринского могильника – в ногах.

Кочедыки для плетения лаптей зафиксированы в четырех грунтовых мужских погребениях (табл. 33): два – в районе таза/бедра; одно – между голеними. Местонахождение в одном случае не указано.

Оселки найдены в двух грунтовых мужских погребениях (табл. 34). В одном случае – у левой тазовой кости, в другом – между голеними.

Пряслица обнаружены в 24 погребениях – 17 грунтовых и 7 подкурганных (табл. 36). Все захоронения женские, лишь одно мужское (Тоторшево, погр. 1). Пряслице здесь положено у левого локтя. В грунтовых женских погребениях пряслица располагались в ногах (4); слева у черепа – три случая; у кисти руки – два; в области таза – два; по одному погребению – у правого плеча и у пояса. В большинстве подкурганных захоронений – у бедра (3); у локтя – два; в районе груди – одно. В двух погребениях Коринского могильника вместе с пряслицем обнаружено деревянное веретено.

Серпы найдены в четырех женских погребениях, три из них грунтовые, одно подкурганное (табл. 35). В грунтовых захоронениях серп располагался у левого локтя, у левой голени, в третьем случае поперек туловища в нижней части грудной клетки

(рис. 34). В подкурганном – на груди, обращенный острием к подбородку. Погребения с серпами зафиксированы только у эрзи. Они датируются XVI–XVII вв.

По этнографическим материалам, в поминальных ритуалах мордвы прослеживаются земледельческие мотивы. Так, в первое лето после смерти мордва оставляет несжатой полосу хлеба на поле. В положенное время приезжают родственники покойного, берут серп за кончик, срезают несколько колосьев, перебрасывают их через себя, затем заканчивают жатву. Подобная церемония ритуальной жатвы существовала в Хвалынском уезде Саратовской губернии, в Пензенской, Самарской, Нижегородской и Симбирской губерниях (Листов, 1866, с. 1260; Смирнов, 1874, с. 165; Каминский, л. 80; Орлов, л. 237; Быт и верования, с. 818).

Пешня найдена в Корино (кург. 3) у правой ступни мужского костяка.

Наперсток встречен в двух женских погребениях (Ачадово и Кельгинино) (табл. 38). Скорее всего, подвешивался к ожерелью, поскольку имел отверстие сбоку, в которое продета проволока.

Кечказ – инструмент для вышивания – зафиксирован в шести женских погребениях: пяти грунтовых и одном подкурганном (табл. 37). В грунтовых в трех случаях располагался слева от черепа (рис. 24: 1), в одном – у правой ступни с внешней стороны. В подкурганном – у правого локтя с внутренней стороны.

Игла найдена под левым локтем женского костяка в погребении 1 Сучкинского 1 могильника. Погребение датируется не ранее начала XVIII в.

В этнографических материалах есть несколько описаний вещей, которые клали вместе с женщинами. Интересно, что среди них всегда холст (недошитая рубаха), нитки и игла (Быт и верования, с. 823; Иллюстров, 1866, с. 77; Новочадов, 1876, с. 405).

Шило обнаружено в двух погребениях взрослых мужчин Кельгининского могильника, в обоих случаях – справа у тазовой кости.

Костяной инструмент, предположительно для работы с кожей, располагался в мужском погребении 230 Кельгинино слева у тазовой кости.

Орудия охоты и рыболовства

Наконечники стрел обнаружены в шести мужских погребениях – двух грунтовых и четырех подкурганных (табл. 39). В грунтовых располагались в одном случае – у бедра, в другом – у левого локтя. В подкурганных захоронениях обнаружено от одного до десяти наконечников стрел: в двух случаях – в районе таза/бедер; по одному – у левого локтя и у левой голени. Погребения с наконечниками стрел датируются XVI–XVII вв.

Рыболовный крючок найден рядом с черепом в грунтовом женском погребении 16 эрзянского Сарлейского могильника.

В середине XVII в., после ряда крестьянских восстаний, железные изделия в указах того времени названы «заповедным товаром». Нерусским народам предписано, чтобы они «кузнечного и серебряного дела не делали» (Димитриев, 1982, с. 15). Им приходилось покупать орудия труда в городах по специальному разрешению и в строго ограниченном количестве. Русским купцам запрещали продавать иностранцам «всякое железо, что годное к войне» (Ермолаев, 1982, с. 118). Исчезновение обычая помещать в могилы орудия труда и охоты можно связать с их дефицитом, возникшим из-за подобных указов.

Монеты обнаружены в 160 погребениях. В 131 из них – 113 грунтовых и 8 подкурганных – они являлись предметом инвентаря (25% всех погребений), не имели отверстий для подвешивания и не могли быть использованы в качестве подвески к украшению. Характеристика нумизматического материала с указанием его месторасположения дана в таблице 40. В данном разделе мы рассматриваем монеты, относящиеся к погребальному инвентарю. В грунтовых погребениях зафиксировано семь позиций местоположения монет, большинство из них найдено у черепа (38) (рис. 24: 2), кроме того, у таза/бедра (34) (рис. 24: 1, 25: 2, 33); во рту (24) (рис. 18,

19); в области груди (23) (рис. 19); пояса (13) (рис. 19); в руке (8) (рис. 26: 2, 31); у ног (2) (рис. 18). В 13 случаях место расположения не указано, в семи – не установлено вследствие разрушенности захоронения. В семи погребениях монеты помещены в кошелек. В подкурганых захоронениях зафиксировано четыре варианта расположения монет: у таза/бедра (8); в области груди/пояса (3) (рис. 21); у ступней (2); черепа (1). Относительно одного погребения место не указано.

По этнографическим описаниям, монеты клали рядом с умершим «не только для покупки продовольствия, но и в качестве платы за переправу через реку, находившуюся на пути к царству небесному» (Секторов, 1856, № 10, XXVIII, л. 2 об.); «через огненную реку» (Листов, 1866, с. 1259). Причем край монеты должен быть предварительно соскоблен, тогда она «служит покойникам даром от всех родных» (Секторов, 1856, XXVIII, № 21, л. 3). В этнографическом сборнике А.А. Шахматова, написанном по материалам из сел Оркино и Сухой Карабулак Саратовской губернии, есть описание поминального обряда, совершаемого в бане через два дня после похорон. В ходе этого обряда ведущая старушка держит в левой руке грош, в правой – нож. Затем этот грош скоблят над одеждой покойного (Шахматов, 1910, с. 61–64). Скобление монеты (гроша) над покойным происходило и в селе Юнки Краснослободского уезда. Этот грош затем «завертывается в тряпичку и привешивается к одежде умершего» (Иллюстров, 1866, с. 77).

В этнографических свидетельствах имеются многочисленные описания традиции «скобления» всех вещей, помещаемых с покойным. В процессе скобления приговаривали, чтобы все данные ему (ей) вещи на тот свет знал(а) и никому не давал(а). Только после этой процедуры они принадлежали ему. Традиция скобления вещей описана в Мокшанском и Нижегородском уездах (Секторов, 1856, № 10, XXVIII, л. 8; Орлов, л. 230). Однако в археологических материалах мы фиксируем лишь традицию скобления монет

и только в Коноваловском могильнике 60-х гг. XVIII – начала XIX вв. Традиция скобления появилась не ранее середины XVIII в.

Дары, или жертвенные вещи

К категории «дары», или жертвенные вещи, отнесен «инвентарь, не типичный для пола погребенного (женские украшения в мужских могилах); вещи, помещенные в специальные свертки, ...а также лежавшие не в обычном порядке, но сконцентрированные в одном или нескольких местах захоронения» (Белоцерковская, 1997, с. 21). В таблицах 42–44 отражены: пол погребенного, для которого оставлен дар; частота встречаемости конкретного типа украшения в качестве жертвенной вещи; количество вещей и их расположение в погребальном пространстве.

Для многих древних народов характерен ритуал положения жертвенных вещей в погребения. Захоронения с дарами исследованы на территории расселения поволжских и прикамских финнов – мери, мордвы, мари (Голубева, 1987а, с. 74; 1987б, с. 84–85; 1987в, с. 102; 1987г, с. 110), муромы (Голубева, 1987б, с. 84–85; Гришаков, 1988, с. 72), коми-зырян (Розенфельд, 1987а, с. 124–125), удмуртов (Истомина, 1982, с. 83), племен полемской и черепецкой культур (Розенфельд, 1987б, с. 132; 1987в, с. 139). Самые ранние погребения мордвы с дарами зафиксированы в рязано-окских могильниках IV–V вв. Находки жертвенных вещей сделаны и в памятниках XII–XIV вв.: в мужском погребении 1 могильника Красное I XII–XIII вв. (Мартыанов, 1988, с. 84); женском погребении 76, мужском погребении 78 Стародевического могильника XI–XIV вв. (Петербургский, Первушкин, 1992, с. 76); женском погребении 4 Старо-Бадиковского могильника (Беляев, 1988, с. 105) и др. Жертвенные вещи найдены и в средневековых удмуртских (Шутова, 1992, с. 98) и мари-йских (Никитина, 1992, с. 23) погребальных памятниках.

В могильниках мордвы XVI – начала XIX вв. зафиксировано 49 погребений с дарами, из них 42 достоверно отнесены к таковым (8%). В 12 захоронениях (28,6%) дары нахо-

дились в бураке – круглой коробке из бересты, в остальных 30 (71,4%) вещи были без дополнительной оболочки.

Для захоронений рассматриваемого времени существует трудность в интерпретации находок украшений как даров, если они расположены в области черепа или ног погребенного вне дополнительной оболочки. Велика вероятность, что в первом случае вещи являлись остатками головного убора, а во втором – декора обуви. В некоторых случаях нельзя достоверно отнести вещь именно к данному погребению, поскольку возможна ее принадлежность к более раннему слою (Сарлейский, погр. 37). Вещи в семи погребениях предположительно отнесены к деталям костюма (табл. 42, 43), мы их не рассматриваем. Достоверно отнесены к дарам случаи размещения украшений в нетипичном для их ношения месте. Например, сюлгана и перстень под черепом женщины в погребении 22 Нароватовского могильника. Или браслет и сюлгана за черепом женщины в погребении 8 Тоторшевского могильника. К дарам также отнесены украшения в мужских погребениях (бусы, сюлганы у черепа и др.).

Вещи в бурачке (табл. 44) обнаружены в захоронениях курганно-грунтовых могильников эрзи XVI–XVII вв. Из 12 семь обнаружены под курганной насыпью, пять – в грунтовых ямах. Шесть захоронений одиночные, шесть – парные. В последних бураки располагались только рядом с женским костяком. В двух бурачках вещи смяты (Сарлей, погр. 35; Торжок, кург. 1, погр. 1). Этот факт усиливает особую роль и значение данных вещей. В двух погребениях Корино (кург. 7, 8) рядом с бурачком обнаружена еще и сюлгана. Этот факт в какой-то степени подтверждает предположение о принадлежности сюлганы к головному убору, если она найдена в единственном экземпляре у черепа. Бурачок в 10 случаях располагался слева от черепа, в двух – между бедер. Его содержимое включало в себя от одной (одно погребение) до пяти (три погребения) вещей. Чаще всего (58,3%) это браслет. В одном из бурачков об-

наружено четыре браслета. На втором месте по частоте встречаемости сюлгана – пять погребений (41,6%). Лишь однажды в бурачках положены бусы, раковины каури, железная петля с крючком от одежды. В бурачке погребения 35 Сарлейского могильника, кроме украшений, положена куриная кость.

В рязано-окских могильниках дары клали рядом с мужскими костяками и очень редко – с женскими. В период позднего Средневековья мы наблюдаем противоположную картину: в большинстве случаев – 31 (73,8%) – жертвенные вещи располагали рядом с умершими женщинами. Лишь в 11 погребениях дары обнаружены рядом с мужским костяком (26,2%), в одном случае – между мужским и женским костяками (Корино, кург. 8). В женских погребениях жертвенные вещи без оболочки в 47,4% найдены у черепа (рис. 16); в 42% – в области ступней/голеней ног. В двух погребениях они обнаружены в засыпи ямы, по одному случаю – на груди, между бедер, колен. В мужских захоронениях дары располагали в районе ступней/голеней – четыре (36,4%), у черепа или на груди – по три погребения (27,3%). В двух случаях – у плечевой кости, по одному – в области пояса и у бедра (рис. 15: 1).

В составе дара зафиксировано от одной (17 погребений – 56,7%) до 18 вещей (Ардаково, погр. 1). По две вещи найдены в семи погребениях (23,3%), по три – в трех (10%), по четыре – в двух (6,7%), пять – в одном. В качестве дара служили девять категорий украшений, в одном случае – одежда. В 15 погребениях (50%) в состав жертвенных вещей входили сюлганы; в девяти – браслеты и бусы (30%); семи – перстни (23,3%); трех – раковины каури (10%); двух – бубенчики и подвески (6,7%); по одному погребению – жетоны и цепочка.

Исследователи средневековых памятников Волго-Окского междуречья называют несколько гипотез относительно значения жертвенных вещей. Для мужских захоронений это дары, положенные вдовой или близкими родственниками; символ погребения женщи-

ны (Шитов, 1990, с. 23); поминальная жертва людям, погибшим вдали от родных мест (Белоцерковская, 1997, с. 22–27). Относительно предназначения даров в погребениях XVI – начала XIX вв. возникает две гипотезы. Первая – их «посылали» умершим ранее через только что умерших мужчин или женщин. Вторая (для женских погребений) – это дополнительный набор украшений. В обоих случаях положение даров подчеркивало особый социальный статус погребенных. Предположение о замене дарами женских захоронений опровергает наличие жертвенных вещей в парных захоронениях (Малкова, 2000, с. 70–74).

Предметы христианского культа

Кресты содержали погребение 3 Ревенского и 39 погребений Коноваловского могильника (табл. 24). В трех погребениях (двух взрослых мужчин и одной девочки)

обнаружено по два креста. Количество погребенных с крестами мужчин и женщин, детей и взрослых, примерно одинаково. Женских погребений с крестами 17, из них семь детских, десять взрослых. Мужских захоронений с крестами 23, из них восемь детских, 14 взрослых, возраст одного не определен. Кресты в 39 случаях обнаружены на месте их постоянного ношения – от ключицы до пояса (рис. 25: 2; 26: 2; 29: 3). В женском погребении 70 Коноваловского могильника крест найден на крышке гроба. В четырех случаях кресты подвешивались к нитке ожерелья вместе с бусами (погр. 16, 18, 19 и 25).

Икона-складень обнаружена в Коноваловке (погр. 41) у левой бедренной кости 16-летней девушки. Каплевидная подвеска с крестом в центре – в погребении 72 того же могильника, в области груди (рис. 21).

Наборы погребального инвентаря

Все данные о предметах вещевого инвентаря систематизированы и обработаны с помощью программы Microsoft Excel. В результате выделено 18 вариантов наборов погребального инвентаря грунтовых и курганно-грунтовых могильников (Приложение 2).

Вариант 1. Безынвентарные погребения (32,1%), большая их часть – детские (69,8%), доля женских – 28,6%, мужских – 24,4% и неопределенных (вероятнее всего, также детских) – 26,7%.

Безынвентарны все детские погребения Мордовско-Паркинского и Коринского могильников, 90,9% всех погребений Бутского, 80% Русско-Маскинского и Шелехметского, 57,9% Ачадовского и 43,3% Коноваловского могильников. Данный вариант характерен для половины женских погребений Коноваловского могильника, 53,8% Нароватовского и 41,7% Сарлейского. В Кельгинино не содержали инвентарь более половины детских погребений (51,5%), а также четверть всех женских (25%) и мужских (25%) захоронений. Инвентарь отсутствует в более трети

(33,4%) захоронений грунтовых могильников и более четверти (25,9%) курганно-грунтовых.

Вариант 2. Только крест. Характерно лишь для Коноваловского могильника (60-е гг. XVIII – начало XIX вв.). Большая часть таких погребений детские (65,5%); мужских – 23%, женских – 11,5%.

Вариант 3. Только дары (0,6%). Такой набор типичен для женских погребений XVII – начала XVIII вв.

Вариант 4. Только орудия труда (6,5%). Большинство погребений принадлежало мужчинам (19,3%), женщинам – 9,3%, детское – одно, неопределенных – 2,7%, парных – 10,5%. Данный набор характерен для 5,1% захоронений грунтовых могильников и 12,9% курганно-грунтовых. Более распространен среди мужских погребений Сарлейского могильника (44,4%). В остальных памятниках подобный набор представлен одним–двумя погребениями.

Вариант 5. Только монета (13,7%). Чаще всего такие погребения женские (26,7%) и детские (18,3%), мужских всего 9,2%, неопределенных – 8%. Набор доминирует среди

женских погребений Ачадово (80%). В Кельгинино 28,1% таких погребений, в основном женских (38,6%) и детских (20,6%). Данная модель более характерна для захоронений в грунтовых могильниках (89 погребений, 16,2%), в курганно-грунтовых всего два таких погребения (1,7%).

Вариант 6. Только сосуд (1,9%). Доля женских погребений с сосудом 1,9%, детских – 2,9%, мужских – 1,7%, неопределенных – 2,7% захоронений. Данный набор в незначительных количествах представлен как в захоронениях грунтовых могильников (1,8%), так и курганно-грунтовых (2,6%). Более всего погребений с сосудом в Сарлейском могильнике (10,3%).

Вариант 7. Только кресало и кремь. Характерно для мужских захоронений. Он составляет всего 1,2% от общего количества и 6,7% от всех мужских погребений. Прослежен в незначительных количествах как в грунтовых (1,1%), так и курганно-грунтовых могильниках (2,6%).

Вариант 8. Орудия труда и монеты (6,2%) более характерны для мужских (17,6%) и парных погребений (38,9%). Доля женских захоронений с таким набором 5,6%, детских – всего 1,2%. Данный набор зафиксирован в 16,3% погребений курганно-грунтовых могильников, в грунтовых количество незначительно (4%).

Вариант 9. Орудия труда, кресало и кремь (6,4%). Практически все – мужские. В курганно-грунтовых могильниках 8,6% таких погребений, в грунтовых – 2,9%.

Вариант 10. Орудия труда, дары и монеты (1,1%). Обнаружены только в грунтовых могильниках: среди мужских – 1,7%, женских – 1,2%, парных – 10,5%.

Вариант 11. Крест и монета (1,5%) зафиксированы в Коноваловском и Ревезенском грунтовых могильниках середины XVIII – на-

чала XIX вв. в женских, мужских (по 2,5%) и детских (1,2%) погребениях.

Вариант 12. Монета и дары (0,6%), все женские. Доля среди женских погребений 3,7%. Погребений с данным набором в курганно-грунтовых могильниках 2,6%, в грунтовых – 0,5%.

Вариант 13. Орудия труда и наконечники стрел (0,6%). Два погребения мужские (0,4%), найдены в грунтовых могильниках, столько же – в захоронениях под курганными насыпями (парные, 1,7%).

Вариант 14. Орудия труда и сосуд (0,5%). Два женских, одно неопределенное. Два погребения исследованы в курганно-грунтовых могильниках, одно – в грунтовом.

Вариант 15. Орудия труда и дары (1,1%). Зафиксированы лишь в одном женском и одном мужском погребениях. Среди них в парных захоронениях такой набор отмечен в 26,3%. В грунтовых могильниках с таким набором всего 0,5% погребений, в курганно-грунтовых – 3,4%.

Вариант 16. Монета и сосуд – только два женских погребения в грунтовых могильниках (0,4%).

Вариант 17. Орудия труда, монета + кресало/кремь. Это локальный вариант (3,9% всех погребений), все зафиксированы в Кельгинино.

Вариант 18. Гребень – два женских погребения в Кельгинино (4,5%).

Несколько погребений содержали уникальные наборы погребального инвентаря: 1) орудия труда, медный сосуд и наконечники стрел – парное захоронение кургана 2 в Коринно; 2) монета, дары, кресало/кремь – мужское, Старые Печеуры, погребение 1; 3) дары, орудие труда, кресало/кремь – женское, Нароватово, погребение 22; 4) кошелек, кремь – мужское, Кельгинино, погребение 399.

ГЛАВА III. ХАРАКТЕРИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ

Орудия труда

Пряслица. Всего рассмотрено 18 предметов. Пряслица изготовлены из свинца (Беловодский могильник), имеется одно шиферное битрапениевидное пряслице (Тоторшевский), остальные – глиняные. По форме выделено три отдела.

Отдел I. Битрапениевидные (рис. 41: 2, 4) – 14 экземпляров. Размеры: диаметр 2–3,7 см, высота 1,6–2 см. Имеют белый, черный, серый, светло- и темно-коричневый цвет. Пряслице из Тоторшево сверху и снизу украшено тремя прочерченными вокруг отверстия концентрическими кольцами. Тесто, из которого изготовлено пряслице из Дигилевского могильника, имеет обильную примесь раковины и небольшую – дресвы. Пряслица такой формы найдены на правом берегу рек Алатыря, Суры, бассейне Мокши. Форма характерна и для мордовских памятников XI–XIV вв.: Кельгинино, Стародевичье, Красное I, Ефаево и др. (Петербургский, 1990, с. 99; Мартянов, 1988, с. 97).

Отдел II. Колесовидные (3 экз.). Найдены на левобережье рек Мокши, Суры, на правом берегу Алатыря. Имеют диаметр в среднем 2,5–3,3 см, высоту 1,4–2 см. Аналогичной формы пряслица известны в Старосотенском могильнике XII–XIV вв. (Алихова, 1948, с. 255), широко распространены и в поздних удмуртских могильниках (Шутова, 1992, с. 232).

Одно округлое пряслице (рис. 41: 1) найдено в Ново-Пырменском могильнике на правом берегу Суры (среднее течение). Подобная форма известна в могильниках мордвы XI–

XIII вв.: Личадеевском V и раннем слое Кельгининского (Мартянов, 1990, с. 61; Беляев и др., 1998, с. 104).

Кочедыки встречены в могильниках, датированных не позднее начала XVIII в. Зафиксировано три формы кочедыков: вытянутой с двумя отростками в верхней части в Нароватовском (рис. 41: 9), тонкий изогнутый в Коринском (рис. 41: 5) и с круглым навершием с двумя отверстиями в верхней части в Сарлейском могильнике (рис. 41: 13). Две последние формы известны в синхронных удмуртских могильниках (типы 16,2) (Шутова, 1992, с. 229).

Кечказ. Найдено шесть экземпляров двух типов в могильниках не позднее XVII в. Первый тип представлял собой собранное из трех-четырех звеньев бронзовое, довольно изящное приспособление для вышивания. Два-три звена состояли из проволоки диаметром сечения ОД 5 см, длиной 2,5 см, с двух сторон свернутой в кольцо. Вокруг проволоки намотана плотной спиралью более тонкая проволока. Третье звено представляло собой скрученную вокруг своей оси проволоку толщиной 0,2 см, один из концов которой свернут в полукольцо, другой – заострен (рис. 41: 10). Второй тип – утонченный с обеих сторон железный прут, свернутый с одной стороны в полукольцо, с другой – в полное кольцо (рис. 41: 6).

Топоры встречены в могильниках не позднее начала XVIII в. Рассмотрено 10 экземпляров. Типы выделены по форме и пропорциям лезвия.

Тип 1. Узколезвийные с округлой втулкой. Представлен двумя топорами из Корино. Один из них имеет лезвие длиной 23 см при ширине рабочей части 4,5 см (рис. 36: 1). Использовался для долбления бортей. Эта форма топоров (но с двумя выступами на обухе) типична для могильников XI–XIII вв., например: Выползово II, Личадеево V, Заречное II (Мартьянов, 1988, с. 127; 1990, с. 62; 1998, с. 25). Размеры второго 12,5×5 см (рис. 36: 2).

Тип 2. Широколезвийные с треугольной втулкой (рис. 36: 6–8). Всего шесть экземпляров (Коринский, Сарлейский, НП). Топор из Сарлейского могильника имеет шип на нижней поверхности лезвия (рис. 36: 3). Размеры: 7–7,5×8,25–10 см. Топоры этого типа встречены в поздних марийских и удмуртских могильниках (Акимова, 1958, с. 2; Шутова, 1992, с. 236). Данный тип представлен также секировидным топором из Сарлейского могильника, его размеры 7,5×12 см (рис. 36: 4). Подобная форма, но с двумя выступами на обухе, встречена в могильниках XI–XIII вв.: Личадеево V, Заречное II и др. (Мартьянов, 1990, с. 62; 1998, с. 25; Беляев, 1998, с. 104).

Единственный топор с лезвием среднего размера и круглой втулкой размерами 8×7 см найден в Тоторшево. Обух имеет два симметричных прямоугольных выступа (рис. 36: 5). Аналогичная форма встречена в могильниках мордвы XI–XIII вв.: Стародевиченском, Выползово II и др. (Петербургский и др., 1990, с. 89; Мартьянов, 1988, с. 127).

Ножи. Рассмотрено 34 экземпляра, найдены в могильниках не позднее середины XVIII в. По форме и размерам лезвия выделено три типа ножей.

Тип а. Узколезвийные (рис. 52: 4, 8, 12) – 12 экземпляров. Сюда включены ножи с узким 1,7–1,9 см при длине 14–15 см лезвием. Они имеют короткий (в два раза меньше лезвия) прямоугольный в сечении черешок, прямую с небольшим уступчиком спинку (Кельгининский, Мордовско-Паркинский, Нароватовский, Тоторшевский). В некоторых случаях – прямоугольное или полукруглое в плане перекрестие (Ачадово). У двух ножей черешок не сохранился (Шелехметь).

Тип б. Широколезвийные (рис. 52: 5) – 6 экземпляров. В данный тип включены ножи с широким 2,5–2,7 см лезвием при длине 8–11 см. В некоторых случаях ножи имеют прямоугольное или полушаровидное (Ачадово) перекрестие, небольшой уступчик со стороны спинки, округлое лезвие (Кельгинино).

Тип в. Ножи с длинным (14–15 см) и достаточно широким (2–2,7 см) лезвием (рис. 52: 6, 9). Это, пожалуй, наиболее распространенный тип, всего 14 экземпляров. Некоторые из них имеют резкий уступ со стороны спинки и плавный – лезвия (Кельгининский, Ачадовский, Нароватовский, Ново-Пырменский, Мордовско-Паркинский). Некоторые – прямоугольное или трапециевидное перекрестие (Ачадово, Лобаски). Черенок прямоугольный, часто в два раза короче лезвия.

В коллекции имеются также две ножевидные пластинки длиной 4 см с прямой спинкой (Шелехметь, Нароватово) (рис. 52: 10).

Наконечники стрел. Рассмотрено два экземпляра: железные, черешковые с ромбическим пером. Черешок в сечении плоский и короткий, как у экземпляра из Корино (рис. 52: 1), или округлый длинный, как из Рыбкино (рис. 52: 3).

Предметы быта

Кресала встречаются в могильниках не позднее начала (?) XVIII в. Всего рассмотрено 29 экземпляров. Все они изготовлены из железа, имеют довольно разнообразную форму, согласно которой разделены на типы.

Тип а (3 экз.). Калачевидные размером 4,5×3 см (рис. 37: 6). Это архаичный тип крес-

сал, бытовавший у мордвы еще в XII–XIII вв. (Кельгининский, Вертилимский, Нароватовский). Подобная форма известна в синхронных удмуртских могильниках (Шутова, 1992, с. 231).

Тип б. Плоские кресала, прямоугольные в сечении, – наиболее распространенный тип,

является одним из поздних. Высота 14–20 см, ширина 1,3–3 см, толщина 0,4–1 см.

Подтип 1 (10 экз.). Прямоугольной формы с линзовидным отверстием в центре. Кресала для подвешивания имели: крючок (Ардатовский), три отверстия (Сарлейский) (рис. 37: 2), одно отверстие (Кельгининский, Мордовско-Паркинский могильники), или были без отверстия (Мордовско-Паркинский).

Подтип 2 (6 экз.). Прямоугольные со скругленными углами и овальным отверстием в центре. Имели круглые отверстия для подвешивания (Кельгининский, Ново-Пырменский, Нароватовский) или выделенное округлое ушко с отверстием (Ачадовский).

Подтип 3 (1 экз.). Подтреугольной формы с отверстием такой же формы и выделенным чуть отогнутым ушком с отверстием для подвешивания (Ачадовский могильник) (рис. 37: 3).

Подтип 4 (1 экз.). Подтреугольной формы, высота 12 см, ширина 0,5–3 см, толщина 0,4–0,5 см (Торжок) (рис. 37: 1).

Подтип 5 (1 экз.). Овальной формы с фигурным отверстием в центре. Высота 11,5 см, ширина 1,5–3 см, толщина 0,4 см (Новая Пырма) (рис. 37: 10). Типичны и для могильников мордвы XI–XIV вв.: Личадеево V, Заречное II, Старое Бадиково, Выползово II, Кельгинино и др. (Мартьянов, 1990, с. 62; 1998, с. 108; Беляев и др., 1998, с. 107).

Подтип 6 (4 экз.). Изогнутой формы. Два из них напоминают калачевидное кресало без одного из изогнутых концов (Кельгининский, Мордовско-Паркинский могильники) (рис. 37: 9), другое аналогичной формы, но единственный конец изогнут дважды (Рыбкинский) (рис. 37: 7); еще одно – в виде буквы «С» без нижнего завитка (рис. 37: 8). Последняя форма известна в синхронных удмуртских могильниках (Шутова, 1992, с. 229).

Тип в (1 экз.). Форма его напоминает греческую букву «λ», имеет железное кольцо для подвешивания. Высота 8 см (Сабаевский могильник) (рис. 37: 11).

Тип г (2 экз.). Прямоугольной формы с отверстием такой же формы (камертон) и с «от-

ростками» сверху и снизу (Нароватовский, Лобаски) (рис. 37: 4). Высота 17,7 см, толщина 0,5–1,4 см.

Кремни со следами ретуши (рис. 41: 11, 13) – найдено пять экземпляров (Мордовско-Паркинский, Нароватовский, Рыбкинский, Русско-Маскинский, Торжок), кремневый нож (рис. 41: 12) (Нароватовский могильник) и нуклеус (Торжок). Предположительно их изготовили в период энеолита – неолита. Возможно, собраны с памятников этого времени и использовались в быту, чаще как огниво.

Гребни (10 экз.) изготовлены из бронзовой пластинки толщиной 0,1–0,2 см. Симметричную форму, зооморфные плечики и отверстие в центре имеют шесть экземпляров, пять из них украшены циркульным орнаментом по лицевой стороне (Ново-Пырменский, Паевский, Сарлейский, Кельгининский, Торжок) (рис. 45: 22, 35: 14), один – точечным, и один без орнамента (Мордовско-Паркинский). Гребень из Тепловского могильника имеет плавно-округлые плечики и четырехугольную петельку для подвешивания (рис. 45: 21). Наиболее поздние экземпляры из Коноваловки украшены коньковидными симметричными плечиками-ручками, имеют два полуокруглых и два резных отверстия и полукруглую петельку для подвешивания. Лицевая сторона покрыта циркульным орнаментом (рис. 45: 23). Гребни изготовлены методом штамповки, после чего подправлены напильником с обеих сторон.

Копоушки (2 экз.) найдены только в Коноваловке. Копоушка из погребения 30 представляла собой плоскую пластинку высотой 3,6 см. Верхняя ее часть расширена и имеет отверстие, нижняя слегка согнута (рис. 40: 35). Копоушка из погребения 78 более изящна и сложна. Она выполнена в виде небольшой ложечки высотой 4,5 см. Верхняя часть имеет овальную петельку для подвешивания, под ней – небольшой округлый наплыв (рис. 40: 27).

Кошельки. Остатки трех кошельков найдены в Коноваловском могильнике. Кошелек

из женского погребения 16 имел трапециевидную форму, был вышит разноцветным бисером. В верхней части имел бронзовое кольцо диаметром 2 см для крепления кошелька к поясу (рис. 53: 13). Остатки двух других найдены в мужских погребениях, они выполнены из кожи и содержали монеты. Один из них изготовлен из прямоугольного фрагмента, свернутого пополам (погр. 51). Ниж-

няя часть прошита. Зафиксированные размеры кошелька: ширина 5 см, высота 5,5 см (рис. 53: 14). Боковые части второго прошиты простым швом, сверху наложен клапан (погр. 68). Кошелек застегивался при помощи отверстия в основной части и кожного язычка на клапане, который не сохранился. Размеры: высота 7 см, ширина 7–7,7 см, толщина 0,6–0,7 см (рис. 53: 12).

Сосуды

Исследование керамического материала представляло определенную трудность, поскольку в фондах различных музеев удалось обнаружить лишь четыре из полученных в результате раскопок сосудов. Специальных технико-технологических анализов поздней керамики не проводилось. Исследование и систематизация материала проводились в основном по публикациям, рисункам и описаниям авторов раскопок. Это далеко не полная информация, поскольку зачастую (и в публикациях также) не был указан цвет, особенности поверхности сосуда и т. д. Всего исследовано 22 целых сосуда, их характеристика представлена в таблице 25. Из указанного количества 12 экземпляров изготовлены вручную и подправлены на гончарном круге, 10 – гончарные. Обжиг всей керамики горновой. Состав глиняного теста для сосудов с каждого памятника индивидуален, поскольку могильники имеют достаточно большое территориальное удаление друг от друга и, по-видимому, глину брали из разных мест. В тесте сосудов Ачадовского могильника зафиксирована примесь мелкого сортированного песка, Шелехметского – шамот, в горшках из могильника Лобаски – шамот и навоз.

Лепные сосуды найдены в курганном могильнике Лобаски (бассейн р. Алатырь) и грунтовых могильниках Редкодубском (бассейн р. Алатырь), Ачадовском, Кельгининском (бассейн р. Вад), Сабаевском (бассейн р. Суры), Шелехметском (Самарская Лука) и Привольевском (бассейн Мокши). Сосуды изготовлены вручную и подправлены на гончарном круге. Поверхность их неровная,

шероховатая; имеет черный, серый или коричневатый различных оттенков цвет, который, видимо, зависел от состава глины и условий обжига. Заглаживание поверхности производилось, вероятно, мягким предметом – куском ткани (или кожи). Штриховое заглаживание, видимо, не было традиционным, поскольку применялось сравнительно редко. При изготовлении сосуда из Сабаевского могильника применено перекрестно-диагональное глубокое заглаживание (рис. 47: 5). Толщина стенок лепных сосудов 0,5–0,8 см и 0,8–1,2 см.

Девять сосудов имеют горшковидную, три – баночную форму. Все горшковидные сосуды небольшого размера, их высота 5–12 см, за исключением сосуда из Шелехметского могильника, его высота 22 см (рис. 48: 3). Формы горшков достаточно разнообразны, однако все они преимущественно трех- или четырехчастные, имеют округлое тулово и плоское дно. У горшков из Шелехмети и Кельгинино (погр. 177) достаточно четко выделено ребро. Три сосуда имеют симметричный прямой короткий венчик, семь – внутренне симметричный округлый, отогнутый наружу. Дно у трех горшков имеет небольшие закраины. Орнаментирован лишь один лепной сосуд из могильника Лобаски (рис. 47: 3). На его плечике через 0,7 см чередуются округлые вдавления, сделанные концом круглой деревянной палочки диаметром 0,4 см. Баночный сосуд из погребения 5 Шелехметского могильника имеет открытую форму и прямые стенки (рис. 48: 1), сосуд из Сабаевского могильника – закрытую форму и округлые стенки (рис. 47: 5).

Гончарные сосуды обнаружены в Ачадовском, Кельгининском (бассейн р. Вад), Мордовско-Паркинском, Русско-Маскинском, Черемисском (бассейн р. Мокши), Сабанчеевском и Ново-Пырменском (бассейн р. Суры) могильниках. Поверхность сосудов гладкая, имеет преимущественно серый или черный цвет. Толщина стенок 0,4–0,6 см и 0,7–0,8 см. Все сосуды горшковидные, имеют трехчастную (кроме горшка из Черемисского могильника – пятичастную) форму. Орнаментированы поверхности четырех сосудов (Ачадово, Кельгинино, погр. 177). Это линейное прочерчивание острым предметом 5–7 глубоких горизонтальных линий (рис. 49: 2, 3, 7, 8), на одном горшке – волны (рис. 49: 1). Орнамент во всех случаях располагался в проксимальной зоне – между венчиком и плечиком. Дно сосудов плоское. Горшок из Черемисского могильника имеет поддон (рис. 47: 2). У трех сосудов зафиксированы небольшие закраины от стенок.

Проведенная нами корреляция соотношений некоторых параметров горшков, методика которой представлена в работе И.П. Русановой (Русанова, 1977, с. 31–36), позволила нам выделить пять видов пропорций гончарных сосудов (табл. 26).

Вид 1 (Русско-Маскинский, погр. 13, 17; Ачадовский, погр. 37) – сосуды с выпуклым плечиком горизонтальных пропорций с низким горлом, отогнутым наружу венчиком, плоским дном (рис. 49: 5). Особенности горшков Русско-Маскинского могильника – венчик имеет внутренний выступ для крышки.

Вид 2 (Ачадово, погр. 4, 60, 50; Кельгинино, погр. 177) – белоглиняные сосуды вертикальных пропорций с низким горлом и слабовыпуклым плечиком. Все они имеют линейный орнамент по венчику, первые два из указанных – внутренний выступ для крышки (рис. 49: 3, 7, 8). Этот вид посуды аналогичен группе светлоглиняной московской керамики, выделенной Р.Л. Розенфельдом (Розенфельдт, 1968, с. 44–45). Данный тип появился в Москве с начала XVII в. и в конце

его составлял уже 80% всей московской керамики. Глиняное тесто было или грубое песчаное, или использовалась жирная глина с шамотом. Изготавливались горшки на ручном круге. Сосуды имели различные размеры (семь вариантов), но одинаковые пропорции. Характерная их черта – линейный орнамент по венчику и уступ для крышки. Все белоглиняные горшки были гжельского производства. Позднее горшки этого типа начали изготавливать в Москве, при этом использовалась привозная гжельская глина (Розенфельдт, 1968, с. 43–45). Возможно, горшки, найденные в Ачадовском могильнике и один – в Кельгининском, привезены из Москвы или Гжели.

Вид 3 (Ново-Пырменский) – сосуд открытого типа горизонтальных пропорций, с округлым плечиком и хорошо выделенным горлом (рис. 47: 1).

Вид 4 (Ачадово) – сосуд горизонтальных пропорций с высоким открытым горлом и сильно выпуклым туловом (рис. 49: 4).

Вид 5 (Черемисский) – пятичастный сосуд вертикальных пропорций с высоким прямым симметричным венчиком, выступом (канелюром) в области плечика и хорошо выделенным поддоном (рис. 47: 2).

Все фрагменты керамики, найденные в межмогильном пространстве Ачадовского могильника, также гончарные. Автор раскопок разделил керамику на две группы: светложгущаяся и обыкновенная цветная (Вихляев, 1985, с. 7–9). Светложгущаяся керамика составляет 96,5% от общего количества определяемой керамики в пласте, она разделена на три группы:

1. Светлоглиняная (93,3%). Цвет фрагментов в основном серый, в тесте – примесь мелко сортированного песка, 2,5% дресвы, 0,7% шамота. Внешняя поверхность шероховатая (64,2%) или гладкая (35,8%). Подобная керамика характерна для московского керамического комплекса XVI–XVII вв. (Розенфельдт, 1968, с. 44–45). Она распространена также на мордовских поселениях XVII в. (Вихляев, 1985, с. 8).

2. Мореная – «задымленная» (3,6%). Это фрагменты сосудов черного цвета с примесью МСП. Поверхность сосудов гладкая (81,8%) и шероховатая (18,2%). По мнению Р.Л. Розенфельда, мореная керамика получает распространение в Москве преимущественно в первой половине XVIII в. (Розенфельдт, 1968, с. 28). В.И. Вихляев полагает, что подобная керамика у мордвы распространяется несколько раньше (Вихляев, 1984, с. 8).

3. Лощеная мореная (3,1%). Это фрагменты керамики с примесью мелкосортиро-

ванного песка (88,9%) либо дресвы (11,1%). На внешней поверхности преобладает полосчатое лощение (77,8%) или черное сплошное лощение (22,2%).

Цветная гончарная керамика составляет 3% от общего количества фрагментов в слое. Это сосуды коричневого цвета с гладкой и шероховатой поверхностью с примесью мелко-сортированного песка в тесте. Преобладают сосуды с гладкой поверхностью (55,6%), но есть и с шероховатой (44,4%).

Символы христианской веры

XVIII в. в истории мордвы, как и других народов Поволжья, ознаменовался массовым крещением. Обращение в христианство мордовского населения в середине XVIII в. «было более обрядовое, нежели сознательное», процесс христианизации к XIX в. не был завершен и продолжался вплоть до XX в. (Солдаткин, 1974, с. 69, 116). Даже будучи крещеной, мордва в массовом порядке сохраняла свою приверженность к старым религиозным верованиям, продолжала сохранять прежние языческие обряды. Это мнение подтверждается результатами археологических раскопок: признаки православия проникли в погребальную обрядность мордвы с конца XVIII в., именно в этот период в могильниках появились символы христианской веры. Всего рассмотрено 65 крестов-тельников, икона-складень, нательная икона и две привески (табл. 44).

Кресты. Из общей коллекции один крест из Лобасков, два – из Батушевского могильника, остальные 62 – из Коноваловского. Один крест (Батушевский) серебряный, 49 – из желтой меди, семь – из красной, что является свидетельством более ранней даты их изготовления, три – из олова. Все кресты, за исключением трех православных, из подъемного материала могильников: Лобаски (рис. 59: 14), Батушевский (рис. 58: 5) и Коноваловский, х. 27 (рис. 59: 2), – являются старообрядческими, так как имеют характерные для раскольников признаки: на аверсе –

изображение восьмиконечного Голгофского креста без распятия и присущая старообрядческим крестам надпись: «ЦРЬ СЛВЫ ІС ХС СНЪ БЖІЙ». Помимо этой надписи возможны и другие: «НИКА» – победитель смерти; «МЛ» – место лобное, «РБ» – распят бысть или рай бысть. Реверс креста имеет так называемую легенду – псалом из книги псалмов дониконовского издания. На крестах из Коноваловского могильника (погр. 49, 18, 336, 78, Х48) «читается» стих псалмов № 68–69:

Да воскреснет бог,

И разыдутся врази его,

И да бежат от лица его ненавидящие его,

Яко исчезает дым да исчезнут...

В коллекции имеются кресты-тельники (от 3 до 12-ти конечных) и кресты на престольные (?) – казачьи, обычно восьмиконечные, реже – шестиконечные. По размерам классифицировать кресты не удалось, поскольку имеется слишком большое количество вариантов. По половозрастному признаку их можно разделить на четыре группы: мужские, женские, детские и кресты, которые могли носить как мужчины, так и женщины. К последней группе относятся и так называемые казачьи кресты, имеющие особую форму и большие размеры. Данная классификация хорошо просматривается при соотношении типа креста с полом погребенного (табл. 45).

Мужские кресты имеют прямоугольные средокрестие и ветви, по краю – бортик в виде рамки. Орнамента нет (рис. 59: 13,

15). Женские отличаются богатым растительным орнаментом в виде стилизованного выюна с листьями и завитками (рис. 59: 10; 58: 2). Детские кресты значительно меньшего размера, чем кресты других групп. Текста на реверсе нет, встречается геометрический орнамент (рис. 59: 4, 9, 11; 58: 4, 6, 7), нижняя ветвь могла быть заострена (рис. 59: 8, 12). Казацкие кресты, как правило, богаче орнаментированы. На реверсе встречается как текст, так и геометрический орнамент (рис. 59: 1, 6). Часто встречаются кресты с трапециевидными ветвями (Малкова, 1998а, с. 144–147). У экземпляра из Батушево веерообразно оформленные концы и простой с двумя перпендикулярными перекладинами крест в центре (рис. 58: 5).

В Коноваловском могильнике найдены также две привески с православной символикой и две иконы. Привески имеют каплевидную форму и объемную петельку для подвешивания, одна из них из олова (Х-6), другая – из меди (погр. 72). Высота 2,2–2,4 см, ширина 1,2 см. По краю украшены каймой «жемчужником», в центре изображен крест (рис. 59: 3). Икона-складень (погр. 41) с тремя створками изготовлена из желтой меди. Центральную ее часть занимает изображение Богоматери Одигитрии. На створках поясные портреты: первый ряд (сверху) – ангелы Михаил и Гавриил, второй – апостольский, третий – мученики. На обороте оглавия со Спасом Нерукотворным имеется ушко для шнура (рис. 58: 1). Реверс иконы зачищен, что является характерной чертой икон XVIII в. (Исае-

ва, 1993, с. 98). Конструкция икон-складней перенята у византийских мастеров. Складни служили переносными иконами, их носили на груди поверх одежды образом наружу (Путешествие..., с. 136).

Не менее интересна икона-привеска (кв. И-4, Х. 37) прямоугольной формы, размерами 4×6 см с изображением Рождества Богородицы (рис. 58: 8). Изготовлена из красной меди, на обороте оглавия со Спасом Нерукотворным есть тонкое ушко для шнура, что позволяет датировать ее XVI в.

В коллекции Центрального музея им. Андрея Рублева (г. Москва) найдена аналогия иконе-складню, датированная XVIII в. Совпадение орнамента, фона и каймы при сходстве технологических приемов оформления оглавий и створок свидетельствуют о принадлежности предметов одной школе литья. Крест Х55 из Коноваловки аналогичен кресту XV в. из коллекции Российского этнографического музея. Можно предположить, что крест из нашей коллекции выполнен по форме с креста XV в. Известно, что старообрядцы ориентировались на более древние формы и типы медной пластики. В XVIII в. существовало несколько школ по изготовлению медных икон и складней – Загорская (Гуслицкая), Никологорская (Никологорского погоста), Старинная (Поморская) и Новая, предназначенная для православных. Натальная икона и икона-складень по внешнему виду более подходят под описание Гуслицкой группы.

Монеты и счетные жетоны

В коллекции 433 монеты (табл. 40). Из общего количества, включая пробитые (в составе украшений), определены 273 экземпляра, в том числе 226 серебряных и 47 медных монет следующих правителей:

Серебряные монеты: Ивана III (IV?) – шесть; Ивана IV (1547–1584) – 29; Федора Ивановича (1584–1597) – две; Бориса Федоровича (1598–1605) – одна, пробита; Василия Ивановича (1606–1610) – три, одна из них

пробита; Михаила Федоровича (1613–1645) – 123, 55 пробиты; Алексея Михайловича (1645–1676) – 26, две пробиты; Федора Алексеевича (1676–1682) – две; Петра I (1682–1725) – 17, одна пробита, Петра II Алексеевича (1727–1730) – 17, 10 из них пробиты.

Медные монеты: Петра I (1682–1725) – 11 (пять из них пробиты); Анны Иоанновны (1730–1740) – семь; Елизаветы Петровны (1741–1761) – восемь; Екатерины II (1762–

1796) – четыре; Павла I (1796–1801) – 12; Александра I (1801–1825) – пять.

Монетный материал хронологически в погребениях представлен в основном полностью. Отсутствуют монеты следующих периодов: 1677–1681 и 1726–1729 гг. Единичны находки монет, датируемых 1584–1610 гг. Аналогичная картина наблюдается в синхронных марийских и удмуртских памятниках (Шутова, 1992, с. 11). Основная масса монет приходится на середину XVI – середину XVIII вв. Однако это можно объяснить и малой долей раскопанных памятников, датированных позднее XVIII в. Большее количество монет из погребений, как видим, выпущено во время правления Михаила Федоровича. Интересно, что в одном и том же захоронении (например, погр. 14, 21, 50 Ачадово) найдены монеты Михаила Федоровича, пробитые и без отверстия.

Судя по отсутствию пробитых монет после времени правления Петра I, использование монет в качестве украшения традиционно только до середины XVIII в., в основном применяли серебряные монеты.

Счетные жетоны, или пфенниги, – это монетовидные металлические знаки, употреблявшиеся с XIII по XVIII вв. в Западной Европе для подсчетов с помощью счетной доски – абака. Счетные пфенниги появились в Средние века в Италии (Флоренция, Венеция), Франции, Нидерландах. С середины XIV в. их стали изготавливать мастера-специалисты. Приблизительно с 1477 г. их делали в Халле, Баварии, Австрии, Чехии, Саксонии, Эйслебене и т. д. С XVI по XIX вв. нюрнбергские, да и другие счетные пфенниги распространились по всей Европе. Чеканились они только в меди и латуни и часто были подражанием известных иностранных монет, в первую очередь Франции и Нидерландов. Есть четкие отличия, позволяющие отличить жетон от монеты. Во-первых, материал – чаще всего использовалась латунь. До XIX в. монет из латуни не делали, а спутать латунь в хорошем состоянии можно только с золотом. Во-вторых, присутствие в легенде в пол-

ном или сокращенном виде одного из слов: RECHEN PFENNING, RAIT PFENNING, LEG PENNING, CALCULUS PROIECTILIS, GECTOIR, JETON, COUNTER, CONTADOR, SPIL MARKE. Все эти слова на немецком, голландском, латинском, французском, английском, испанском языках обозначают одно и то же – счетный пфенниг, а последнее словосочетание – игральную марку. В-третьих, на них почти всегда присутствует портрет какого-либо правителя, чаще всего Франции или Германии (Малкова, Морозов, 1996, с. 259–262). Любопытны в этом отношении два жетона, найденные в Коноваловском могильнике: на одном из них изображен Александр Македонский, на другом – Меркурий. Часто на пфеннигах встречаются данные и изображения, относящиеся к политическим и историческим событиям. Например, на пфеннигах периода Нидерландской революции показана казнь графов Эгмонта и Горна, гибель Испанской армады, борьба Нидерландов за свободу вероисповедания и национальную независимость (Фенглер, Гироу, Унгер, 1982, с. 270). На жетонах из Коноваловки можно встретить изображение корабля, парка с фонтаном, восточной символики – луны, солнца и звезд, императорской державы, герба и др. (рис. 42).

Работа с жетонами из поздних могильников мордвы затруднена тем, что большая их часть подверглась сильному окислению. Из более 400 экземпляров удалось прочесть лишь 84. Только относительно 34 пфеннигов установлено имя правителя, при котором они выпущены: Вильгельм III, Английский, Шотландский, Ирландский (1688–1702); Генрих IV; Георг II Английский, Ганноверский (1727–1760); Август III Польско-саксонский (1733–1763); французские короли – Людовик XIII (1610–1643); Людовик XIV (1643–1715); Людовик XV (1715–1774) и Людовик XVI (1774–1793). Распределение коллекции жетонов по могильникам отражено в таблице 48.

В результате исследования коллекции жетонов Коноваловского могильника выделен

31 тип, отличающийся по легенде и рисунку. Кроме того, на некоторых экземплярах удалось прочесть имена изготовивших их мастеров:

Иоганн Кристиан Рейх (IOHAN CHRISTIAN REICH) – типы жетонов № 14, 23, годы жизни 1740–1814;

Якоб Антон Дассер (I.A.D.) – тип № 15;

Вольф Лавер, город Нюрнберг (E.L.S.LAUER) – типы № 13, 19а.

Работы последнего мастера найдены также в могильниках Рыбкино и Ачадово.

Пфенниги можно использовать лишь в качестве относительно датирующего материала, поскольку они могли быть выпущены как во время правления того или иного короля, так и после его смерти. Мордва использовала жетоны в качестве подвесок к украшениям

различного рода в течение достаточно длительного времени.

Счетные пфенниги также довольно широко использовали в качестве украшения костюма на Украине, в Поволжье, Прикамье и в Сибири (Шикаева, 1982, с. 192–200; Шутова, 1992, с. 9–10; Спасский, 1951, с. 130–138). Подобная частота встречаемости и способ преимущественного применения показывают нам, что очевиден специальный массовый завоз на эти территории, а возможно, и специальное изготовление в расчете на торговлю (Малкова, Морозов, 1996, с. 261). По мнению И.Г. Спасского, жетоны ввозили в Сибирь русские промышленники для меновой торговли с русским населением (Спасский, 1951, с. 130–138).

Датировка и этническая идентификация могильников

Для определения датировки могильников рассмотрены только монеты без отверстий (292 экз.), поскольку монеты на украшениях могли использоваться в течение непредсказуемо длительного времени. Однако в одном и том же могильнике и в составе украшений, и в качестве погребального инвентаря могли использоваться монеты, выпущенные в годы правления одних и тех же правителей. По комплексам монетного материала (в том числе и подъемного) могильники объединены в четыре хронологические группы (табл. 41). При датировке могильников в качестве нижней даты использовалась ранняя дата выпуска монеты или года правления царя, при котором они были выпущены. Верхняя дата определена путем прибавления к дате выпуска поздней монеты или последнего года правления царя, при котором она была выпущена, 30 лет – предположительно максимального срока хождения монеты. Определенную сложность вызвала датировка Коринского могильника, поскольку его материалы недоступны для изучения (утрачены?), а автор раскопок, вероятно из-за сохранности, не определила дату самых ранних монет, най-

денных в погребении 1 кургана 1 – Иван III или Иван IV? В любом случае, это самый ранний могильник.

В 1 хронологическую группу (XVI–XVII вв.) вошли могильники Корино, Вертелим, Лобаски, Анютино, Дуброво, Дубенки, Нароватово, Русское Маскино, Тоторшево, Редкодубье, Мордовская Пырма, Паево.

2 группа (XVII – середина XVIII вв.) представлена могильниками Ачадово, Сабаетово, Кельгинино, Сарлей, Рыбкино.

3 группа (конец XVII – XVIII вв.): Ардатово, Рузлатка, Атяшево, Старая Яблонка, Стародевичье, Старые Печеуры, Старая Яксарка.

4 группа (конец XVIII – начало XIX вв.): Коноваловка и Торное.

Теперь соотнесем определенные даты могильников и выработанные нами модели погребения (табл. 50).

Для 1 хронологической группы присущи модели: 1¹, 2АП, **2БП**, 2Д, 3А, **3В**, 4А, 4Б, 4В, 5, 6.

2 группа: 1, 2АІ, 2АП, 2БІ, **2БП**, 2В, 3А, 3Б, 3В, 3Г, 4А, 5, 6.

3 группа: 2АІ, 2АП, 2БІ, **2БП**, 2Д, 3Г, 4А.

¹ Доминирующие модели выделены жирным шрифтом.

4 группа: 2АІ, 2АІІ, 2БІ, 2БІІ, 2В, 2Д.

С другой стороны, мы можем определить относительную датировку и выделенных моделей погребения:

Модели 4Б и 4В характерны только для XVI–XVII вв.; 1, 3А, 3В, 4А, 5 и 6 существуют в XVI – начале XVIII вв.; 3Б, 3Г – в XVII – середине XVIII вв.; 2АІІ, 2БІІ, 2Д – с XVI до начала XIX вв.; 2АІ, 2БІ, 2В – с XVII до начала XIX вв.

Относительная датировка моделей погребений позволяет предварительно датировать некоторые могильники без монетного материала и по зафиксированным здесь моделям отнести к 1 группе Журавкинский могильник. К 1 или 2 хронологическим группам могильники Армиевский 2, Торжок, Кардовиль, Большой Макателем, Новая Пырма. К 1–3 группам могильники Черемис и Адашево.

Теперь сопоставим даты могильников с выделенными нами наборами погребального инвентаря. При создании общей корреляционной таблицы 50 используем лишь наиболее типичные модели 1–11. В результате сравнительного анализа выяснилось, что по монетным датировкам характерны:

для 1 хронологической группы (XVI–XVII вв.) – 1, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 модели;

для 2 (XVII – середина XVIII вв.) – 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9;

для 3 (конец XVII – XVIII вв.) – 1, 5, 8 и 10;

для 4 (конец XVIII – начало XIX вв.) – 1, 2, 5 и 11.

Это позволяет по наборам инвентаря предположительно отнести могильники без монетного материала к следующим хронологическим группам: к 1 – Больше-Макателемский; 1 или 2 – Армиевский 2; к 2 – Торжок, Бутский, Кардовиль, Новая Пырма; к 3 или 4 – Ревезено.

При сопоставлении даты могильников с выделенными моделями костюма использованы лишь наиболее типичные модели 1–11. Определены, таким образом, относительные

хронологические рамки существования моделей костюма:

В рамках 1 хронологической группы: модели 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11.

В рамках 2 группы: модели 1, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11.

В рамках 3 группы: модели 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9.

В рамках 4 группы: модели 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Для выяснения этнической принадлежности мы использовали сочетание нескольких этноопределяющих признаков (табл. 49):

– *ориентировка черепа погребенных* – северная с эпохи раннего Средневековья присуща эрзе, южная – мокше;

– *сюлгамы* 1 группы (кольцевые) характерны в основном для эрзянского костюма, 2 группы (лопастные) – только для мокшанского. Однако во всех могильниках с лопастными сюлгами содержатся и кольцевые. А в эрзянских курганно-грунтовых могильниках Корино и Сарлей обнаружено несколько лопастных;

– *пулокерь* использовали в своих костюмах только мокшанские женщины (за редким исключением). Пулокерь найден в погребениях семи могильников, из них в пяти зафиксирована только южная ориентировка (Адашево, Ачадово, Вертелим, Кельгинино, Привольево). Погребение в Дигилевском могильнике с пулокером имеет северную ориентировку, что подтверждает гипотезу о заимствовании этого типа нагосника эрзей у мокши в конце XVII в. В Рыбкинском могильнике, где также обнаружены пулокери, погребения имеют южную, северную, западную и восточную ориентировки (табл. 49).

Таким образом, *эрзе* принадлежат могильники: Анютинский, Ардатовский, Армиевский 2, Беловодский, Козловский, Коналовский, Налитовский, Сабаевский, Сарлейский, Коринский, Лобаски, Торжок и Тоторшевский; *мокше*: Адашевский, Ачадовский, Вертелимский, Кельгининский, Мордовско-Пырменский, Нароватовский,

Паевский, Привольевский, Русско-Маскинский и Шелехметский.

Вероятно, население обеих этнических групп хоронило умерших в могильниках Ново-Пырменском, Редкодубском и Рыбкинском.

Этническая принадлежность могильников соотнесена с выделенными моделями погребений (табл. 51). Для эрзянских могильников характерны модели: 1, 2АІ, 2АІІ, 2БІ, 2БІІ, 2В, 2Д, 3А, 3Б, 3В, 3Г, 4А, 5, 6. Причем модели погребений 2Д (западная ориентировка черепа, погребения в колоде без костей животных), 3А (захоронения с северной ориентировкой, в гробах без костей животных), 5 (погребения на дневной поверхности с северной или северо-западной ориентировкой) и 6 (захоронения под курганной насыпью в грунтовых погребениях) отмечены только для эрзи.

Для мокшанских могильников характерны модели погребений: 1, 2АІ, 2АІІ, 2БІ, 2БІІ, 2В, 3Б, 3В, 3Г, 4А, 4Б, 4В. Причем только у мокши зафиксированы модели 4Б (погребения с южной ориентировкой, совершенные на подстилке с использованием костей животных) и 4В (погребения с южной ориентировкой, совершенные в гробах без костей животных). Модель 4А (погребения с южной ориентировкой, без конструкций на дне могильной ямы и без использования костей до-

машних животных) встречена в 80% мокшанских могильников.

Благодаря выделению этнических проявлений моделей погребений можно предположительно отнести Красно-Луговской и Журавкинский могильники с недостаточным количеством этноопределяющих признаков к мокше.

При соотнесении этноса с наборами инвентаря определено, что для эрзи присущи наборы: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11. Только для эрзи характерны наборы 2 (только крест), 3 (только дары), 11 (крест и монета). Впрочем, модели 2 и 11 зафиксированы в погребениях могильников середины XVIII – начала XIX вв. Мокшанских могильников этого периода пока не исследовано. Для мокшанских погребений характерны наборы инвентаря: 1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. Только для этой группы отмечено существование набора 7 (только кресало/ремень).

Подобная работа проведена с моделями костюмов. Выяснено, что для мокши типичны модели: 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11; для эрзи 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11. То есть и в той, и в другой этнической группе присутствуют все модели костюма. Исключением является модель 6 (только пуговица), зафиксированная только в эрзянском Коноваловском могильнике.

ГЛАВА IV. КЛАССИФИКАЦИЯ ДЕТАЛЕЙ КОСТЮМА И УКРАШЕНИЙ

Одежда умершего является частью погребального инвентаря, поскольку выполняет ту же изолирующую и предохраняющую функцию. Костюм и украшения мордвы отличались богатством и разнообразием еще со времен раннего Средневековья. Ту же картину мы наблюдаем в погребальных комплексах мордвы XVI – начала XIX вв. В качестве источника использованы материалы

по костюмам и украшениям 586 погребенных, из них 238 отнесены к женскому, 131 – к мужскому полу, 125 – дети, пол остальных не определен.

Выделены следующие категории деталей костюма и его украшений: головные уборы и украшения головы, шейно-нагрудные, поясные и набедренные украшения, украшения рук и остатки обуви.

Головные уборы и украшения головы

Головной убор – важная часть женского костюма мордвы. Погребение в головном уборе является языческой традицией. Присутствие головного убора зафиксировано в 180 погребениях (168 женских, трех детских и девяти мужских). Из мужских уборов следует отметить остатки трех схожих шапок из черного сукна (Лобаски, кург. 2) или войлока (Беловодье, погр. 2), «нижняя часть которых обшита тесьмой в виде елочки, сделанной из медной канители» (Степанов, 1941, л. 322). Видимо, первый вариант был демисезонным, второй – зимним. По этнографическим данным, мужчины села Сухой Карабулак Саратовской губернии носили на голове шерстяную шляпу («жляпа»), зимой – малахай из овчины с наушниками. Шляпа была свалена из овечьей шерсти, вокруг тульи – лента, а у стариков – ремешок. Бедные же зимой и летом носили на голове малахай (Шахматов, 1910, с. 181). По свидетельству очевидца, в Тамбовской губернии высокие шляпы мужчины украшали медными пряжками, некоторые – павлиньим пером (Митропольский, 1876, с. 376).

Женские головные уборы отличались большим разнообразием. Рассмотрим отдельно девичьи и женские головные уборы.

Девичьи головные уборы, как правило, открыты – они лишь украшали волосы, не закрывая их. В Коноваловке зафиксировано два варианта головных уборов: налобная повязка и девичий накосник. Остатки налобной повязки в погребении 16 представляли собой прямоугольный фрагмент холста размерами 15×4 см, сотканный из красно-коричневых (крашеных мореной) шерстяных ниток. Убор украшен тремя горизонтальными рядами круглых латунных пластинок диаметром 0,5 см и бисером. В области висков к повязке прикреплены две подвески из медесодержащего материала – круглое колечко диаметром 1 см с каплевидной привеской (рис. 57: 16). Накосник из того же погребения состоял из сложенной вдвое цепочки длиной 13 см, к которой прикреплены две грозди бисера желтого, прозрачного, гранатового и черного цветов; бусы; бубенчики и плоская пуговица-подвеска (рис. 57: 17). Цепочка длиной 22 см также найдена в составе головного убора (накосника?) в погребении 354 Кельгинского могильника.

Накосник из Торжка (погр. 1) состоял из тканной основы, на которую нашиты нескольких рядов жетонов, чередующихся с ра-

ковинами каури и бисером. Причем украшена лишь нижняя его часть – от плеча до локтя. Накосник, найденный в Корино (кург. 15), представлял собой остатки шерстяной пряжи с большим количеством медных пронизок, жетонов и бус. Все это найдено у левого локтя. Е.И. Горюнова предположила, что это была «кисть-подвеска к косе и вплеталась шерстяными нитками в конец ее» (Горюнова, 1948, с. 82). Накосник из погребения 1 Нароватовского могильника (раскопки Шитова В.Н., 1995 г.) от головы до плеч украшали подвески из бусин с небольшой железной петелькой. Нижняя его часть, находившаяся, видимо, в области плечевой кости, представляла собой прямоугольный фрагмент войлока, обшитый жетонами (19 экз.) и украшенный шерстяными кисточками.

Накосник девочки 4–5 лет из Кельгинино (погр. 396) сохранился в виде трех шерстяных кисточек, обмотанных бронзовой проволокой, тесемки из шерстяной веревочки с раковинами, фрагмента косички из шерстяной веревочки (Вихляев, 2001, с. 36).

По этнографическим сведениям, в Нижегородской губернии в конце XIX в. девушки «волосы заплетали во многие косы, в них вплетали красные с шерстяными кисточками шнуры; а которые заплетали косу одну, в нее вплетали на ремне утвержденные медные пуговицы, которые блистали у них поверх косы, а к концу косы приплеталась бисерная кисть» (Орлов В., л. 253).

Женский головной убор отличался от девичьего своей абсолютной закрытостью. Мордовки Самарской области и в конце XIX в. стыдились «показать свои волосы старшим мужчинам в семействе и крестному отцу ее мужа» (Каминский, л. 61).

Женский головной убор, исследованный на материалах Сарлейского и Коринского могильников (междуречье Тешы и Пьяны, правобережье Тешы), представлял собой шерстяную шапочку, полностью закрывавшую волосы, впереди она доходила до середины лба. Поверх шапочки плотными рядами вертикально нашиты раковины каури, «переме-

шанные с бусами и серебряными копейками» (Горюнова, 1948, с. 29). По подсчетам автора раскопок, убор из погребения 7 Сарлейского могильника украшали 170 раковин каури и 15 голубых стеклянных бус. В некоторых уборах могильника использованы также шерстяные кисточки, зеленые и «фарфоровые» бусы, бисер, жетоны. В трех из 14 случаев убор скреплен сзади бронзовой булавкой. Этот тип убора Е.И. Горюнова отождествляла с терюханским «венцом», состоящим из «тканей узорной полосы, лежавшей на темени и украшенной несколькими рядами раковин» (Горюнова, 1948, с. 32). В грунтовом погребении 1А Коринского могильника Е.И. Горюнова обнаружила остатки «вышитого головного убора «сороки» (Горюнова, 1948, с. 83).

Вследствие плохой сохранности выделены лишь некоторые особенности конструкции описанных ниже уборов и определены элементы украшений. Убор из Нароватова (погр. 3) на шерстяной основе расшит бусами, раковинами и просверленными монетами. Он имел «хвост», украшенный жетонами и полыми пуговицами-подвесками. Убор на тканной основе из могильника Лобаски (кург. 2) украшен шерстяными кисточками. С обеих сторон к нему привешивались височные подвески – несомкнутое кольцо из бронзовой проволоки, один конец которой закручен спиралью. К каждой из подвесок на бронзовую проволоку подвешены серебряные монеты начала XVII в. К правой привеске дополнительно подвешена «гроздь» из 14 раковин каури.

Остатки головного убора из погребения 1 Адашевского могильника представляли собой «войлокообразную массу, в которой выделялись отдельные и толстые шерстяные нитки черного и красноватого цвета». Часть ниток заплетена в косички. На поверхности описанной войлочной массы располагалась шерстяная лента из тонких красных ниток. Поверх ленты нашита полоска из «канители, плетеной елочкой» (Степанов, 1940, л. 68).

Головные уборы мокшанских женщин Шелехметского могильника на Самарской

Луке были из ткани, расшитые большим количеством бус и бисера и в некоторых случаях (погр. 1) украшены кисточками из толстых коричневых шерстных ниток.

Основой головного убора из Ардатова (погр. 1/2) служил железный стержень с колечками на концах, обмотанный шерстяной тесьмой и шерстяными нитками (рис. 24: 2). Автор раскопок предположил, что стержень «мог заменять коромыслице, привешиваемое на конец косы» (Степанов, 1969, с. 109). К стержню, видимо, крепились толстые шерстяные крученые нити, обнаруженные «в беспорядке, но слоями около верха левой плечевой кости» (Степанов, 1945, л. 59). В трех погребениях Коринского могильника в косу вплетена черная грубая шерстяная пряжа, видимо для дополнительного объема. Традиция вплетения в косу овечьей шерсти, конских волос, а также шерстяных ниток сохранилась и в более позднее время. Она была описана, например, П.С. Палласом (Паллас, 1773, с. 82).

Головные уборы украшали раковинами каури и бусами (Нароватово, погр. 5), монетами и бусами (Кельгинино, погр. 229) (рис. 23); раковинами каури, стеклянными пуговицами и жетонами (Старо-Яблонский могильник); монетами и жетонами с отверстиями (Ачадово, погр. 37; Сучкино 2, погр. 2).

Важная черта головного убора эрзянки, описанная в этнографических источниках, — пришитые в области висков подвески, по длине доходившие до груди: «выкладные серебром кожаные ремешки, к которым прикреплялись колокольчики, грецкие орехи, медвежьи когти и другая мелочь» (Быт и верования, с. 818).

Особо выделяется такой женский головной убор, как **накосник-пулокерь**, входивший в состав костюма мордвы-мокши (рис. 56). Он исследован в 12 могильниках: Адашево, Ачадово, Бутский, Вертелимский, Кельгинино (рис. 23: 24; 30: 2; 35: 26), Рыбкино, Лобаски, Мордовско-Паркинский, Паевский, Привольевский, Старо-Яблон-

ский и Сучкинский 2. Отличительная черта конструкции пулокеря — наличие прочного деревянного футляра, плотно обмотанного тонкой бронзовой проволокой. При этом он мог иметь конусовидную, расширяющуюся к одному либо обоим концам форму (рис. 56: 1, 2, 5, 6).

Судя по материалам археологических раскопок, история существования мокшанского накосника-пулокеря насчитывает более тысячи лет. С течением времени происходила модификация убора: несколько менялась форма, появлялись новые элементы. Однако материалы, основные принципы его конструкции и технология изготовления оставались неизменными. Рассмотрению эволюции пулокеря посвящена специальная работа (Малкова, 1993, с. 216–233). Мордовские племена использовали материалы из дерева для головных уборов начиная еще с III–IV вв. Например, в женском погребении 24 Кошбеевского могильника найдены фрагменты «прошитою по краям бересты» (Шитов, 1988, с. 7). При реконструкции головного убора мордвы-мокши VIII–XI вв. в его составе также прослежена береста для «придания устойчивости» налобной части (Мартыанов, 1976, с. 89–96).

По форме футляра выделено два типа накосника-пулокеря:

Тип I. Пулокерь конусовидной формы (рис. 56: 5), расширяющейся к одному из концов. По наличию или отсутствию стержня данный тип разделен на два варианта:

Вариант 1. Со стержнем, найден в погребении 16 Мордовско-Паркинского и в Рыбкинском могильниках.

Вариант 2. Без стержня, распространен шире, чем первый. Подобные накосники исследованы в погребении 106 Мордовско-Паркинского могильника, шесть аналогичных экземпляров зафиксированы в Ачадово и несколько в Рыбкино. Концы пулокерей скреплялись кожаными ремешками, как в погребениях 4, 16 и 38 Ачадовского, или «железными обручами», как в погребении 11 и 15 того же могильника.

Тип II. Пулокерь с расширяющимися концами (рис. 56: 1) имел еще большее пространство. Его конструкция такова: к круглому в сечении деревянному стержню приложены волосы или коса (иногда в нее вплетены овечья шерсть или черные шерстяные нити). К концу стержня шерстяным шнуром привязан пучок переплетенных шерстяных ниток или овечьей шерсти. Благодаря образовавшемуся узлу (своего рода пробке) футляр не спадал со стержня. Все это помещалось в деревянный футляр из двух половинок. Длина его соответствовала длине стержня и составляла 18–20 см, диаметр (в среднем) по краям 5–6 см, а в центре 3,5–4,5 см. Средняя толщина стенок в центре 0,5 см, на концах 1,5 см. Расширяющиеся концы футляра скрепляли железной или кожаной полоской, обитой зигзагообразно железными гвоздиками. Весь корпус пулокеря плотно обматывали тоненькой бронзовой проволокой. К этому типу относится пулокерь из Рыбкино, шесть подобных экземпляров исследованы в коллекции Вертелимского могильника. Аналогичные накосники найдены в Адашевском могильнике (погр. 1), а также в Привольевском, Паевском, Старо-Яблонском и Сучкинском 2. Н.К. Арзютов, описывая накосники из двух упомянутых последними могильников, уточнил, что их футляры изготовлены из липы (Арзютов, 1932, с. 37).

Стержень чаще всего представлял собой круглую в сечении палочку из дерева. В коллекции Дигилевского и Ново-Пырменского могильников имеются и железные стержни от пулокерей (рис. 56: 1, 2).

Возможно, пулокерь в конце XVII в. заимствован эрзей у мокши. Подобный вывод позволяют сделать экземпляры из погребений мордвы-эрзи. Так, накосник без футляра обнаружен в Ардатовском могильнике, датированном монетой 1731 г. (Степанов, 1956, с. 107). Он представлял собой железный стержень с колечками на концах, обмотанный тесьмой и нитками из шерсти. Здесь же найдены остатки толстых крученых шерстяных ниток, лежавших слоями. Вероятно,

нити были вплетены в волосы умершей женщины.

Коллекция подъемного материала с курганно-грунтового могильника XVII в. Лобаски, также принадлежащего эрзе (?), содержит несколько экземпляров накосников. Это пулокери типа II. Внутри они набиты толстыми шерстяными нитками, дополнявшими естественный объем волос женщин. Интересно, что в нескольких погребениях Коринского могильника найдено большое количество грубой черной пряжи, которая лежала вдоль левого или правого плеча. В одном случае при лучшей сохранности шерсти было заметно, что она заплетена в толстую косу. Сюда также вплетались и концы двух женских кос (Горюнова, 1948, с. 65–66). Традиция вплетения в косу овечьей шерсти, конских волос, а также шерстяных ниток сохранилась и в более позднее время. Она была описана, например, П.С. Палласом (Паллас, 1773, с. 82).

В пользу гипотезы о заимствовании говорит существование в эрзянском языке, как и в мокшанском, сложносоставного слова «пулокерь», означающего «головной убор эрзянки». Оно, аналогично мокшанскому, состоит из двух самостоятельных слов: **пуло**, -т – 1. хвост; 2. коса; 3. ручка; 4. часть мотка пряжи; **керь**, -ть – лубок, кора.

Накосник-пулокерь у мордвы позднего Средневековья встречен только в погребениях взрослых женщин. Вероятно, он служил атрибутом определенного социального статуса, при этом выполняя защитную функцию. Интересно, что в этнографических источниках описание подобного типа головного убора не встречено. Можно предположить, что в конце XVIII в. пулокерь модифицировался в пуло – «хвост» – в головном уборе замужних женщин. Пуло полностью закрывал волосы, выполняя те же самые функции, что и пулокерь. Пуло в эрзянских головных уборах, исследованных в Коноваловке, имели ширину не более 20 см, длину чуть ниже плеч и практически во всех случаях – укрепляющий каркас из луба.

Нужно отметить, что эрзянские женщины в XIX в. носили головные уборы на твердой основе: сорока, панго, шлыган. Мокшанские уборы чаще представляли собой мягкий чепец, скрученный на голове из полотенца или платка: панга, златной.

Относительно целевого назначения деревянного накосника-пулокера можно предположить, что данный вид головного убора использовался только для погребальной церемонии.

Благодаря обилию медных украшений хорошо сохранились эрзянские головные уборы в Коноваловке (рис. 27), что позволило подробно их исследовать. Это шапочка на лубяной основе цилиндрической формы, чуть расширяющейся кверху (рис. 57: 1). Для обеспечения жесткости конструкции использовалась лубяная основа, которая обтягивалась тканью. К ней крепилось полотно, покрытое плотной ковровой вышивкой шерстяными нитками. Высота луба от 5–6 до 10–11 см. Ширина его соотносилась с размерами головного убора (рис. 57: 2). К затылочной части убора прикреплялся «хвост» – пуло, он зафиксирован у трех уборов. Пуло представлял собой фрагмент ткани прямоугольной формы длиной 18–20 см и шириной 15–17 см, расшитый ковровой вышивкой геометрическим орнаментом красно-коричневыми, черными и зелеными нитками. Поверхность «хвоста» украшена бисером и круглыми пластинками из латуни. К нижнему краю пришита дощечка размерами 20×5 см, обернутая холщовой тканью красного цвета, украшенная бронзовой тесьмой (рис. 57: 3). На шести уборах пуло не зафиксированы, что можно предположительно объяснить отсутствием на них каких-либо украшений кроме вышивки.

Медные пластинки на коноваловских уборах позволили сохранить особенности мордовской вышивки. Зафиксировано несколько приемов техники вышивки: косые стежки, вышитые горизонтальными полосами – с их помощью орнаментальные зоны отделялись друг от друга; сплошное шитье, образованное тканями стежками – основной

шов; зигзагообразный шов и асимметричный крест. Орнаментальные мотивы прослежены по уборах из погребений 9, 25, 32, 61 и 78. В основу узора положен особый ритм, состоящий из чередующихся горизонтальных линий и геометрических фигур – чаще всего ромбов, а также окружностей, треугольников и квадратов (рис. 57: 2). Несмотря на довольно ограниченный набор элементов, использованных в вышивке, ни один из орнаментов в коллекции не повторяется. Между тем выделяется ряд закономерностей в расположении элементов орнамента. Во-первых, он всегда имеет горизонтальное расположение. Исключение – диагональная сетка на уборе из погребения 61. Во-вторых, в большинстве случаев на уборе выделяется главная орнаментальная зона вышивки. Она имеет прямоугольную форму и занимает центральную часть очелья. Исключение – убор из погребения 25, где все пространство очелья заполнено горизонтальными полосами вышивки с различным орнаментом. И в-третьих, над и под центральной орнаментальной зоной размещались один-два ряда горизонтальных полос вышивки. На уборе из погребения 9 такие полосы расположены только в верхней части зоны. Фон вышивки выполнен нитками красно-коричневого цвета, а линии и геометрические фигуры – зеленого и черного.

Головные уборы Коноваловского могильника имеют дополнительные нашивные украшения: бронзовая тесьма, круглые пластинки из латуни диаметром 0,5 см с отверстием, цепочки, стеклярус и бисер черного, зеленого, белого и красного цветов (рис. 57: 2, 3). Несколько экземпляров коллекции украшены бронзовой цепочкой, пришитой горизонтальными рядами. К нижней или средней части убора в области висков пришивали подвески: шаровидные полые, с петелькой для подвешивания; литые или плоские пуговицы-подвески на ножке; круглые плоские подвески с прозрачной стеклянной вставкой; подвески из бус различной формы и цвета (рис. 57: 6–14). Анализируя соотношение орнамента вышивки и нашивных украшений, можно

отметить взаимозависимость в их расположении: бисер нашивался по горизонтальным линиям узора; пластинки, как правило, на определенные, ритмично повторяющиеся элементы орнамента (чаще всего ромбы); тесьма выделяла орнаментальные зоны (Малкова, Мишина, 1998, с. 148–150).

Орнамент на головных уборах имел не только декоративное значение, он служил оберегом, а также нес определенную социальную информацию о владелице. Однако там, где побывал в последней четверти XVIII в. П.С. Паллас, мордовские вышивальщицы уже забыли не только сакральное значение этих символов, но и название многих элементов вышивки (Паллас, 1773, с. 112).

Полных аналогий головным уборам из Коноваловки в этнографических материалах не найдено. Ближе всего по форме клабук XIX в. из Пензенской губернии Городищенского уезда, описанный В.Н. Белицер (Белицер, 1973, с. 126).

Булавки – очень редкая категория вещей (4 экз.). Их использовали для закалывания частей головного убора на затылке. Выделено два типа булавок. Первый тип найден на левобережье Мокши (при впадении Сатиса) и междуречье Тешы и Пьяны. Они представляли собой бронзовую проволочку с завернутым в спираль верхним концом и приостренным – нижним. К верхнему концу припаяна круглая оправа, в которую вставлена половинка голубой бусины с золотистым блеском. Сбоку оправы припаяна тоненькая витая проволочка, выгнутая волной (рис. 57: 4). Единственная булавка из серебра с навершием в виде петушка найдена в могильнике Тоторшево в междуречье Тешы и Мокши (рис. 57: 5).

Височные кольца в рассматриваемый период были вымирающим видом украшения, поскольку зафиксировано всего три экземпляра (Кельгинино, Тоторшево и Торжок). Все они из серебра, имеют вид свернутой круглой в сечении (диаметр 0,3 см) проволоки (рис. 38: 8). Подобный тип височного

кольца широко распространен на территории от Сибири до Венгрии с VII в. Существовал он и у мордвы начиная с могильников Лядинского круга VII–IX вв. (Алихова, 1959, с. 20). Височное кольцо из Торжка имеет навершие в виде двусторонней головы дракона (рис. 38: 12).

Серьги зафиксированы у 66 погребенных женского пола, что составляет 27,7% всех женских погребений. 30 погребений из общего числа взрослые, 22 – детские, остальные не определены. Интересно, что мордовские женщины могли носить как одну серьгу (рис. 29), это отмечено у 43 погребенных (65,1%), так и пару – у 27 (40,9%). В женском погребении 372 Кельгининского могильника найдено три серьги. Всего рассмотрено 88 предметов, по форме они разделены на два отдела.

Отдел I. Круглопроволочные (79 экз.). В этот отдел включены серьги, основой которых является свернутая круглая в сечении проволочка. По форме серег выделено два типа, по способу оформления концов – пять вариантов.

Тип а. Проволочка диаметром сечения 0,2 см свернута в несомкнутое кольцо, один из концов которого выгнут. Встречены бронзовые и серебряные экземпляры. Серьги этой группы наиболее распространены. Они известны еще в Старосотенском могильнике XIII–XIV вв. (Алихова, 1948, с. 251). Выделено несколько вариантов по способу оформления концов.

Вариант 1 – конец свернут в три петли, восемь экземпляров найдены в могильниках на правом берегу Суры, ее междуречье с Алатырем, правобережье Мокши (среднее течение), Самарской Луке, левобережье р. Самары.

Вариант 2 – концы в виде двух несомкнутых петелек. Вариант является разновидностью вышеописанного, Рыбкино (рис. 38: 1), Кельгинино (рис. 35: 48).

Вариант 3 – конец вытянут. Зафиксирован в могильнике Торжок (рис. 38: 2).

Вариант 4 – конец свернут в виде петли (21 экз.): левобережье Вада, междуречье Теши и Пьяны, Мокши и Алатыря, правобережье Суры, бассейн Мокши, Самарская Лука.

Найдены также серьги, имеющие несколько вариантов подвесок:

- монета-чешуйка (16 экз.). Подобные серьги имели тот же ареал распространения и являлись, по нашему предположению, хронологическим последователем нижеописанной разновидности серег;

- кожаный ремешок, на который нашиты монеты-чешуйки (рис. 38: 7). Семь экземпляров найдено в могильниках конца XVI – XVII вв. (Корино, Лобаски, Дигилевский, Кельгинино, Ардатово);

- тыквенное (?) семечко (рис. 38: 3, 4). Три экземпляра известны на правобережье Мокши, ее среднем течении;

- жетоны и монеты (2 экз.). Обнаружены в Беловодском могильнике (левобережье Суры);

- жетоны и бубенчики – Налитовский могильник на левобережье Суры;

- бипирамидальный грузик – Тоторшево (междуречье Мокши и Теши);

- две подвески – свернутые в спираль трубочки, на каждую из которых нанизаны бусины. Экземпляр найден в Дигилевском могильнике. Этот вариант самый поздний в данной группе.

Вариант 5 – конец расплюсчен. Одна серьга найдена в Тоторшево.

Тип б. Тоненькая (0,1–0,15 см) проволока свернута в виде знака вопроса, украшена одной или двумя бусинками. 15 экземпляров зафиксированы в Коноваловке и Лобасках (рис. 38: 6, 14). Это наиболее поздняя форма серег, ее бытование начинается с начала-середины XVIII в. Среди новгородских древностей этот тип очень распро-

странен еще с XIV в. (Седова, 1981, с. 16). Однако у серег мордвы стержень гораздо короче.

В погребении 11 Шелехметского могильника найдена серьга, не вошедшая ни в один из типов: свернутое в кольцо тоненькая проволока диаметром 0,1 см, конец которой обмотан вокруг кольца. Серебряная серьга из Тоторшево также единична. Она представляет собой круглую в сечении проволоку диаметром 0,2 см, свернутую в несомкнутое кольцо (рис. 38: 11).

Отдел II. Штампованные серьги в виде пластинок (17 экз.). Это более поздний тип серег.

Тип а. Имитируют украшение, свернутое из тонкой скрученной в спираль проволоки. В нижней части – пять петелек, к которым на проволочке подвешены бусы (рис. 38: 10). Найдены в погребении 72 Коноваловского могильника.

Тип б. Подтреугольной формы с отверстием внутри, в которое вставлена бусина на проволочке (рис. 38: 12). Обнаружены в погребении 49 Коноваловского могильника. Серьги подобного типа найдены в удмуртском синхронном могильнике Ош-Юмья (Шутова, 1992, с. 215).

Тип в. Подтреугольной формы, ажурная, с отверстиями (рис. 38: 13). Найдены в погребениях 41 и 5 Коноваловского могильника.

Тип г. Литая округлая с круглым отверстием в центре (Батушево). Поверхность украшена лжесканью. Имеет внизу семь округлых плоских петелек, к которым на цепочках подвешены серебряные монеты-чешуйки (рис. 38: 5).

В Коринском могильнике (кург. 9) обнаружены полые удлинённые дольчатые серьги, прикрепленные посредством ушка к колечку. Их форма не позволяет отнести их ни к одному из выделенных типов.

Шейно-нагрудные украшения

Ожерелья обнаружены у 157 погребенных женского пола, что составляет 65,9%

всех женских погребений. В состав ожерелья входили:

1. бусы – 157 погребенных – 100%,
2. и раковины каури (*сyprea moneta* – lat.) – 46 погребенных – 29,3%,
3. и жетоны – 38 погребенных – 24,2%,
4. и различного рода привески – 32 погребенных – 20,4%,
5. и бубенчики – 23 погребенных – 14,6%,
6. и пуговицы-подвески – 13 погребенных – 8,3%. Могли использоваться и как отдельные украшения женского костюма (Сарлей, погр. 6; Корино, кург. 1),
7. и цепочка – 5 погребенных – 3,2%,
8. и монета – 10 погребенных – 6,4%,
9. и просверленные зубы животных – 5 погребенных – 3,2%,
10. и крест – 4 погребенных (Коноваловский могильник),
11. и бронзовые спиральные пронизки – 3 погребенных – 1,9%,
12. рыбы позвонки в составе ожерелья встречены в единственном погребении 9 Ачадовского могильника,
13. копоушки найдены в женских погребениях 30 и 78 Коноваловского могильника,
14. два наперстка обнаружены в составе ожерелья в погребении 387 Кельгининского могильника,
15. подвеска из сливовой косточки зафиксирована в составе ожерелья в погребении 372 Кельгининского могильника.

Бусы – самая многочисленная категория коллекции вещей. Всего рассмотрено 2434 экземпляра. При создании классификации бус использованы принципы, разработанные в исследованиях В.Б. Деопик (Деопик, 1961) и Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1982). Согласно предложенным ими принципам систематизации, созданным для одного хронологического и территориального пространства, весь массив бус разделен на отдельные блоки по материалу. В нашей коллекции имеются стеклянные, каменные, янтарные, деревянные, металлические, глиняные, костяные и пастовые бусы. В рамках каждого отдела по форме поперечного сечения бус выделены группы, по форме продольного сечения – типы. Особенности пропорций и внешнего

декора бус уточнены в подтипах. В некоторых случаях в подтипы выделены единичные экземпляры или незначительное количество бус (2–3 экз.). Малое количество является свидетельством того, что данный тип бус исчезает либо трансформируется в иной. В предложенную классификацию также включены варианты, уточняющие степень прозрачности. Система классификации, разработанная В.Б. Деопик, достаточно гибка. Новые типы и подтипы, существующие в коллекции, органично вошли в общую схему, дополнив ее и не сломав общей структуры. Наличие выделенных по четким и определенным признакам типов позволило в некоторых случаях выяснять даты и ареалы распространения. Поскольку некоторые коллекции утеряны или недоступны, а авторы при описании бус не указали точное их количество и параметры, невозможно подсчитать точное количество бус каждого типа и поэтому провести корреляцию их численности и взаимовстречаемости. К сожалению, специальный технико-технологический анализ бусинного материала не был проведен, поэтому технология изготовления указана лишь в случаях, не вызывающих сомнения.

Стеклянные бусы наиболее многочисленны. Рассмотрено 2277 экземпляров. Они поделены на два отдела: одноцветные и полихромные.

Отдел I. Одноцветные (2153 экз.).

Группа 1. Круглые.

Тип а (649 экз.). Шаровидные, диаметр 0,5–1,2 см.

Подтип 1 (213 экз.). Изготовлены вручную.

Вариант 1. Прозрачные: темно-синие (Сар, 20 Кел, 3 Рыб, Саб, Ад, Диг, НП, 3 Ш, Кон), ярко-синие (4 Кел, 2 Рыб, Ад, Диг, Ш, НП), зеленовато-серые (Сар, МП), зеленые (8 Ш), голубые (МП), ярко-желтые (П, 2 Рыб), желто-коричневые (Рыб, 8 Кон, 15 Ш), белые (18 Кел, Ач, 3 Ад, СД, Диг, Тепл), малиновые (18 Кон), красные (74 Кон).

Вариант 2. Непрозрачные, изготовлены из глушеного стекла: лазоревые (4 Сар, Пап,

2 Ад, Ард, 8 МП, 8 Кел, Диг, Рыб, 4 Ш), черные (2 П, 7 Ач, 2 Рыб, 3 Кел, 4 СД, Пап, 7 Ш, 9 Кон), белые «перламутровые» (2 НП, Лоб, Рыб, 10 Кел, 2 Ш, 3 Кон), зеленые (Тот, Рыб, Кел), синие (20 Ач), коричневая (Ач), ультра-мариновые (7 Кон).

Вариант 3. Полупрозрачные: бесцветная (Ач), голубая (2 МП), серо-фиолетовая (Ш). На поверхности последней тонко прочерчены поперечные линии, возможно следы от несо-стыковавшихся краев стеклянных нитей, на-крученных на круглый стержень.

Подтип 2 (436 экз.). Бусы изготовлены промышленным способом. Зафиксировано 434 экземпляра гранатового цвета, два – не-прозрачные фиолетовые только в Коновалов-ском могильнике. Это самый поздний тип бус.

Тип б (136 экз.). Эллипсоидные.

Подтип 1 (73 экз.). Размеры: ДКО 0,9–1,1 см, диаметр 0,7–0,8 см.

Вариант 1. Прозрачные: темно-синие (П, 2 НП, 2 Рыб, 22 Кел, 21 Ш, Корж, Гул, Ч, 3 Ад, 7 Ач), зеленые (2 Рыб, 10 Кел, Лоб, Ш). Ана-логичные синие бусы найдены в синхронных марийских и удмуртских памятниках (Аки-мова, 1953, с. 6; 1955, с. 2).

Вариант 2. Непрозрачная черная (Шелех-меть).

Подтип 2 (63 экз.). Уплощенные (рис. 39: 10, 11).

Вариант 1) прозрачные: темно-зеленые (Нар, 6 Рыб, 28 Ад, Пап, Ш, Ач), светло-зе-леные (2 Рыб), бесцветная (Ач). Во многих случаях бусы покрыты тонким, часто обле-тевшим слоем золотой пасты.

Вариант 2. Непрозрачные синие (НП, Лоб, 10 Ач), черные (5 Ач).

Вариант 3. Полупрозрачные синие (3 МП, 2 Ач).

Тип в (246 экз.). Поперечно-вытянутые – правильной формы бусы, диаметр которых меньше канала отверстия.

Вариант 1. Прозрачные: ярко-желтые (Ад), бесцветные (Кел, Ш, 4 Ач), зеленые (7 Ач, 2 Ш), гранатовые (18 Кон), коричневая (4 Кон), фиолетовая (Кон), красные (34 Кон).

Вариант 2. Непрозрачные голубые. Из-готовлены методом нарезки стеклянной трубочки из глушеного медным купоросом стекла. Средний размер: 0,6×0,8–0,9×0,2 см (Веч, 3 Кел, 44 Нар, П, Пап, Дуб, Ред, Рыб, СС, 2 Кон). Известны также синие (8 НП, МП, 15 Ач), коричневые (16 Кел, Нар, Бат), черные (2 НП, СС, 40 Кел, Ач), белые (Кел, Ач) и терракотовые (Ш, Веч).

Вариант 3. Полупрозрачные: белые (пер-ламутровые) (Ад, 4 Ач), серые (2 Пап), синие (20 Ач).

Тип г (614 экз.). Поперечно-сжатые (диа-метр больше канала отверстия).

Подтип 1 (508 экз.). Бочонковидные (0,6–1,5×0,4–0,9 см).

Вариант 1. Прозрачные: белые (Рыб, 9 Кел, 11 Ач, 3 Кон), синие (Саб, Бат, 2 Ш, 2 Кон, 2 Ач), желтые (Лоб, 3 СД, Отр 3, 4 Ш, Ач, 3 Кон), коричневые (Ад, 8 Ш, Лоб, Тепл, 48 СД, Ач, 37 Кон), ярко-зеленые (Пап, МД, 5 Ач), светло-зеленые (МД, 2 Кел), мали-новые (25 Кон), гранатовая (Кон), красная (27 Кон), бесцветная (Кон), голубая (Кон), черные (3 Кон). Коричневые бусы зачастую покрыты тонким слоем белой патины или рыхлой пасты (?).

Вариант 2. Непрозрачные. Изготовлены из глушеного стекла: голубые (МД, 33 Нар, Отр, Лоб, 8 Тепл, 72 Ш, НП, Дуб, 3 Ач), белые (П, 23 Кел, Лоб, СД, СС, 7 Ач, 34 Кон), черные (Диг, Тепл, 3 НП, 2 СД, Лоб, Пап, Бат, 3 Ш, 20 Кон), синие (Лоб, 2 Саб, МП, 24 Ач), зеленая (Ач). 12 бус из Коноваловки имеют меньшие размеры (0,5×0,4 см) и в половине случаев – закраины у канала отверстия.

Вариант 3. Полупрозрачные: белые (Ад, НП, Рыб, Ш, 3 Ач), синие (6 МП, 2 Рыб, СД, 3 Ач), голубые (МП), зеленая (Ач), корич-невые (11 Ш, 6 Кон), красно-малиновые (11 Кон), гранатовые (Кон).

Подтип 2 (106 экз.). Колесовидные (рис. 39: 25). Изготовлены методом ин-дивидуального накручивания стеклянной нитки вокруг круглого в сечении стержня (0,8–0,9×1,1–1,2 см).

Вариант 1. Прозрачные: белые (Кел), светло-зеленые (Саб, Лоб, Веч, Пап, Ад, 2 Рыб, Диг, 2 МП, НП, СД, 5 Лоб, МД, Сар, 3 Кел, 14 Ш), темно-зеленая (3 Ш, Кон), малиновая (Кон), желтая (Кон). Как видим, это необычайно распространенный вариант бусин, однако в каждом могильнике (за исключением Коноваловки и Шелехмети) он встречен всего в 1–3 экземплярах. В большинстве случаев бусы имеют легкое золотистое покрытие.

Вариант 2. Непрозрачные: зеленые с золотом или золотистые (НП, Ш), черные (4 Кон, 47 Ач).

Вариант 3. Полупрозрачные коричневые (10 Кон).

Тип д (15 экз.). Конусовидные. Сюда включены бусы, у которых один из каналов отверстия по размерам превосходит другой. Это достаточно редкий тип. Бусы изготовлены методом индивидуального накручивания стеклянной нитки на круглый в сечении стержень. Их размеры: 0,5–0,8×0,8–1,3 см.

Вариант 1. Прозрачные: бесцветные (2 Ач), ярко-зеленые (Рыб, 2 Пап, 2 Веч), ярко-желтые (Пап), голубые (Кел).

Вариант 2. Непрозрачные: черные (Кел), белые (2 Ач).

Вариант 3. Полупрозрачные: фиолетовые (2 Ад, Рыб), коричневая (Ш).

Тип е (25 экз.). Цилиндрические (0,5–0,7×0,9–1,3 см), все непрозрачные, изготовлены методом нарезки стеклянной трубочки на отрезки: синие (Сар, 4 Кел, МП, 4 Ач), белые (Кел), неопределенного цвета (14 Ач).

Тип ж (16 экз.). Битрапецевидные (рис. 39: 27). Размеры: 0,7–0,9×1–1,1 см. Прозрачные: синяя (Саб), желтая (Кон); полупрозрачные синие (10 Ач), непрозрачные синие (4 Ач).

Тип з (17 экз.). Многочастные. Форма бус 1, 2 и 4 подтипов, на наш взгляд, определена технологией изготовления, в процессе которого стеклянная трубочка нарезалась на небольшие отрезки. По форме составляющих бусы разделены на подтипы.

Подтип 1. Эллипсоидные составляющие: прозрачные темно-синие (4 Ш), малиновые (2 Кон).

Подтип 2. Круглые составляющие (рис. 39: 1, 2).

Вариант 1. Прозрачные малиновые (Кон) и светло-коричневые (4 Кон).

Вариант 2. Непрозрачные цвета ультрамарина (Кон) и черные (4 Кон).

Подтип 3. Многогранные составляющие: желтая прозрачная (Кон).

Подтип 4. Колесовидные составляющие: темно-желтая прозрачная (Кон).

Подтип 5. Четырехгранные составляющие: желтая (Кон).

Тип и. Бисер. Наиболее часто встречающаяся форма стеклянных одноцветных бус. Излюбленные цвета: черный, желтый, малиновый, зеленый и прозрачный (стеклярус). Последние появились в середине XVIII в.

Группа 2. Ребристые.

Тип а (31 экз.). Бочкообразные.

Подтип 1. С округло-ребристой поверхностью (рис. 39: 19), размеры: 0,8×1,1 см – прозрачные зеленые (28 Кел, Ач). Достаточно ранние бусы, известны в Старосотенском могильнике XIII–XIV вв. (Алихова, 1948, с. 253).

Подтип 2. С выступающими ребрами (рис. 39: 20): шаровидная восьмireбристая прозрачная синяя (Тот) и девятиребристая округло-коническая светло-коричневая (Кон).

Тип б (8 экз.). Колесовидные непрозрачные ультрамаринового цвета (Кон, Ач).

Тип в (6 экз.). Трехдольчатые (рис. 39: 28), изготовлены из прозрачного стекла методом индивидуальной накрутки. При помощи нажатия острого предмета бусины «делили» на три доли. Это очень редкий тип, встречен в могильниках по одному экземпляру: светло-зеленые (Ад, Диг, НП, Ач), болотный (Лоб), золотистый (Дуб). Бусы аналогичной формы известны в марийских и чувашских могильниках XVII–XVIII вв.: Бахтикульгинском и Тубах-мазар (Каховский, 1980, с. 127; Акимова, 1949, с. 6; 1958, с. 2).

Тип 2. Многогранные.

Подтип 1 (239 экз.). Изготовлены методом индивидуального накручивания с последующим созданием граней на еще мягкой поверхности при помощи плоского предмета (рис. 39: 27). Не отличаются четкостью граней и выдержанностью формы, средний размер 1–1,4 см. Распространены на всех могильниках того времени, известны также в синхронных удмуртских могильниках (Акимова, 1955, с. 6).

Вариант 1. Прозрачные: желтые (Ад, 2 НП, Ч, СС, Бат, МД, Отр, 4 Кел, Корж, 2 Рыб, Лоб, 6 Ш, 5 Ач, 9 Кон), бесцветные (56 Кел, Бат, Лоб, 2 Рыб, 10 Ач, 5 Ш, Кон), коричневые (Ад, 2 Рыб, 2 Тепл, Бат, 17 Кел, Ш), зеленые (Ад, Кел), синие (Рыб, 15 Ш, 2 Ач, Кон), фиолетовые (Рыб), оранжевые (3 Ш).

Вариант 2. Непрозрачные: голубые (НП, Рыб), белые (20 Кел).

Вариант 3. Полупрозрачные темно-синие (Бат, Саб, НП, МД, 15 Ш, 2 Корж, Лоб, Рыб, СД, 30 Кел), белая (Ш).

Подтип 2 (64 экз.). Имеют четкие грани, прозрачное стекло высокого качества (0,5–0,6 см). Изготовлены промышленным способом, найдены только в Коноваловском могильнике: синяя, 54 бесцветных, 9 коричневых.

Подтип 3 (23 экз.). Восьмигранные с четкими и мягкими гранями, размеры 1,3–1,4 см.

Вариант 1. Прозрачные: бесцветные (18 Ач), желтая (Ач), синяя (Ач), коричневая (Кон).

Вариант 2. Непрозрачные из глушеного стекла лазоревых цвета (2 НП). Грани одной из бусин подчеркнуты окружностью более светлого цвета, нанесенной отпечатком круглого предмета (рис. 39: 32).

Подтип 4. Тринадцатигранные, очень правильной формы с острыми гранями. Найдены в Стародевиченском 2 могильнике на правом берегу Мокши. Изготовлены из прозрачного стекла, одна синего, вторая – фиолетового цвета.

Подтип 5 (3 экз.). Четырехреберные черные непрозрачные (Кон).

Подтип 6. Цилиндрической формы, на каждом из концов которой плоским предметом нанесено по восемь граней (рис. 39: 35). Изготовлена методом нарезки стеклянной трубочки из полупрозрачного стекла темно-синего цвета. Найдена в Редкодубском могильнике.

Тип д (2 экз.). Бантовидные в сечении, непрозрачные лазоревых цвета, найдены только в Коноваловке (рис. 39: 6).

Тип е (2 экз.). Поперечно-витые, зафиксированы в Кельгинино (рис. 39: 7).

Группа 3. Розетковидные.

Тип а (20 экз.). Пятидольные (рис. 39: 18). Встречены в двух могильниках, расположенных неподалеку друг от друга на левобережье Вада: прозрачные бесцветные (2 Кел), непрозрачные черные (Ач, 15 Кел) и синие (Ач), полупрозрачные фиолетовые (Ач). Бусина аналогичной формы известна в чувашском Бахтикульгинском могильнике XVII–XVIII вв. (Каховский, 1980, с. 127).

Тип б. Шестидольная белая прозрачная. Встречена в единственном экземпляре в Старо-Селищенском могильнике (бассейн Алатыря, левый берег).

Группа 4 (4 экз.). Плоские (рис. 39: 12). Диаметр 1,5–1,7 см, толщина 0,4–0,6 см. Известен в двух могильниках на левобережье Алатыря и Суры. Датируются не позднее середины XVII в.

Вариант 1. Прозрачные: светло-зеленая (Корж), болотная (Лоб).

Вариант 2. Непрозрачные черные (Лоб, Корж).

В данную группу включена также более поздняя синяя бусина из Коноваловки. Она имеет высоту и толщину в два раза меньше вышеописанных.

Группа 5 (26 экз.). «Ежевичные» укорочено-цилиндрической формы бусы с мелкими стеклянными капельками на поверхности (рис. 39: 17).

Вариант 1. Прозрачные: зеленые (10 Ад), бесцветные (Кел, Ач, Ш), коричневые (СД), желтые (Рыб), темно-синие (Рыб, 6 Кел, 2 Ш).

Вариант 2. Непрозрачные черные (Корж).

Группа 6 (2 экз.). *Бородавчатые* черные непрозрачные (Коноваловка) (рис. 39: 16).

Отдел II. Полосатые (101 экз.). При изготовлении бус, включенных в данный отдел, использовано два способа: а) на одноцветный стеклянный стержень накладывали полосы стекла одного или нескольких цветов, затем стержень вытягивали и разбивали на куски, края которых обрабатывали (Деопик, 1961, с. 224); б) на поверхность бусины краской (?) наносили цветные полосы. Все бусы данного отдела округлые.

Тип а. Шарообразные.

Подтип 1 (55 экз.). Изготовлены по методу а.

Вариант 1. Поперечные волнистые полосы (рис. 39: 14, 15): черные непрозрачные бусы с белыми полосками (Ач, Ад, Нар, 2 Корж, Веч, 2 Кел, Рыб), с желтыми (Дуб, 2 Кел), со светло-зелеными (Ред), синяя с красной полосой (МП). Черные непрозрачные бусы с желтыми и белыми полосками были широко распространены в золотоордынских городах (Алихова, 1959, с. 42). Такая же бусина встречена в чувашском могильнике Толиково XVII–XVIII вв. (Каховский, 1980, с. 127).

Вариант 2. Прямые продольные полосы: белые бусы с синими и красными полосками (10 Ач, Ш), коричневыми полосками (8 Ач), синими и коричневыми (НП, Рыб, МД, Корж), зелеными и голубыми (Рыб), зелеными, коричневыми и голубыми (Рыб), голубая с желтыми полосками (Диг), зеленая со светло-зелеными полосками и красными точками – «арбузная» (Диг, Рыб, Дуб), кирпично-красные с бело-сине-белыми полосками (Диг, МД, 2 Корж, 4 НП), прозрачные с белыми полосками (НП, 2 Пап, Дуб).

Подтип 2 (27 экз.). Изготовлены по методу б: голубая с белыми полосками (МП, 14 Ач, Дуб, 2 Пап, 3 Кел), бело-коричневыми полосками (НП, Саб, Отр), бело-красно-белыми (2 Корж), желто-красными (Дуб).

Тип б. Поперечно-вытянутые.

Подтип 1 (10 экз.). Уплощенные.

Вариант 1. Изготовлены по методу а: белая с серебристыми полосками (Ач).

Вариант 2. Изготовлены по методу б: синяя с красными (Кел), с белыми (Ач), с красными и белыми полосками (Ач, 5 МП, НП).

Подтип 2 (6 экз.).

Вариант 1. Изготовлены по методу а: белые с красными и синими полосками (3 Ач), с коричневыми (Рыб), краснокирпичного цвета с бело-темно-коричнево-белыми полосками (Корж).

Вариант 2. Изготовлены по методу б: лазоревого цвета с тремя белыми полосками (Веч).

Тип в. Поперечно-сжатые. Желтая бусина с синими и красными полосками, изготовлена по методу б (НП).

Отдел III. Мозаичные, очень редкий тип бус. Существовал не позднее конца XVII в. В данном отделе шесть экземпляров: четыре поперечно-сжатые бусины (3 Ач, Ред), по одному экземпляру – поперечно-вытянутая уплощенная (Ач), крупная цилиндрическая (рис. 39: 33) из черно-красно-белого стекла (Тор) и плоская – в центре темная точка, вокруг – серебристые и желтые окружности, найдена в Редкодубье (рис. 39: 13).

Отдел IV. Глазчатые. Также очень редкий тип бус (3 экз.): круглая бусина с красными и зелеными глазками из Торжка, укороченно-цилиндрическая с бело-синими шишечками из Кельгинино (рис. 35: 34) и округлая поперечно-сжатая из непрозрачного стекла темно-красного цвета с тремя пестрыми глазками из Шелехмети. Один из глазков черно-сине-белый, второй – желто-черно-белый, третий не сохранился.

Отдел V. С растительным рисунком на поверхности (0,6×0,9 см). Рисунок нанесен желтой краской на гранатовые или малиновые бусины бочонковидной формы (14 Кон). Это поздний тип бус, появился в конце XVIII в.

Пастовые бусы (100 экз.). Встречаются довольно редко в течение всего рассматриваемого нами периода. Разнообразны по форме и цвету.

Отдел I. Одноцветные.

Группа 1. Круглые (34 экз.). Это самая многочисленная группа.

Тип а. Шаровидные: серые (Рыб), белые (Саб, Ш, 2 Кон), бежевые (Тот, 3 Ш), желтая (Кон), коричневая, покрыта черной краской (Кон), черная (Ш).

Тип б. Поперечно-сжатые:

Подтип 1. Бочонковидные: белые (Вер, Саб, 4 Ш, 27 Кон), черные (Ред, 3 Кон), ярко-синяя (Кон), желтая (Кон), бежевые (6 Ш).

Подтип 2. Колесовидная белая (Ш).

Тип в. Эллипсоидные: белые (Ш), золотистые (Рыб, Ш).

Тип г. Грушевидные: бежевые (Ш).

Группа 2. Ребристые (14 экз.).

Тип а. Поперечно-вытянутые (рис. 39: 19) – 11 экземпляров: светло-серые (Ред), бежевые (8 Ш).

Тип б. Поперечно-сжатые: голубые (Веч), черная (Прив), золотистые (Саб, Ш).

Тип в. Многогранные: бежевая (МД), белая (НП).

Тип г. Треугольные в сечении (поперечно-вытянутые) цвета асфальта – обнаружены в Редкодубье (рис. 39: 30, 31).

Тип д. Округлая поперечно-вытянутая с тремя гранями цвета асфальта – найдена в Редкодубье (рис. 39: 29).

Группа 3. Розетковидные (7 экз.).

Тип а. Трехдольчатые: светло-серые (Кор, МП).

Тип б. Пятидольчатая белая (Тор).

Группа 4. Плоские (5 экз.): цвета асфальта (Ред, Тот), золотистая (Дуб); белая (Ш).

Отдел II. Полихромные. Известно три бусины: плоская таблетковидная двуцветная – серый и белый перламутр (Ред), цилиндрические – белая с крупными коричневыми круглыми пятнами (Ред) и черная, украшена тремя белыми продольными полосами (Рыб).

Каменные бусы. Найдено пять экземпляров в могильниках XVI – середины XVIII вв.:

– шаровидные: из речной гальки полупрозрачная (Ач), из горного хрусталя (Кел);

– округлые (диаметр больше КО): две халцедоновые светло-серые из Торжка (рис. 39: 8) и сердоликовая – из Корино.

Янтарные бусы. В коллекции 39 экземпляров.

Группа 1. Круглые:

Тип а (18 экз.).

Подтип 1. Поперечно-сжатые (10 Ач).

Подтип 2. Поперечно-сжатая уплощенная (Ач).

Тип б. Поперечно-вытянутые (8 Ач).

Группа 2. Цилиндрические: (6 Ач).

Группа 3. Усеченно-конические (3 Ач).

Группа 4. Ребристые:

Тип а. Ромбовидные (8 Ач);

Тип б. Десятигранная (Ред);

Тип в. Многогранные поперечно-сжатые крупными размерами 1,4×2,5 см (2 экз.), найдены в Торжке (рис. 39: 9, 24).

Бронзовые бусы (3 экз.). Две имеют округлую, одна – цилиндрическую форму (Ач, Рыб). Поверхность последней украшена сложным рисунком, созданным напаянной тонкой проволочкой (рис. 39: 23). Круглая бусина из Рыбкино дополнительно украшена стилизованным под технику скани рисунком, напоминающим веревочку, виток к витку намотанную поперек канала отверстия (рис. 39: 37).

Свинцовая бусина округлой поперечно-сжатой формы найдена в Ачадово.

Металлическая бусина (металл не определен) округлой поперечно-вытянутой формы найдена в Кельгинино. Ее поверхность украшена четырьмя припаянными вплотную друг к другу в виде окружностей проволочками (рис. 39: 36).

Деревянные бусы (5 экз.): две цилиндрической формы и одна шаровидная (Ач), две – поперечно-сжатые (Ш).

Глиняные бусы (2 экз.): светло-коричневого цвета поперечно-вытянутой формы (Ач) и темно-серая подчетыреугольной в плане формы. Поверхность неровная, бугристая (Ш).

Костяная бусина округлой формы (Ш).

Подвески (рис. 40). Всего рассмотрено 426 подвесок, они разделены на отделы. Внутри отделов выделено несколько типов, отличающихся формой, и вариантов по особенностям декора. Единичные экземпляры подвесок включены в один отдел и рассмотрены по материалу.

Отдел I. Пуговицы-подвески на ножке (высота 0,7–1,3 см).

Тип а (227 экз.). Литые с туловом грушевидной или округлой формы.

Вариант 1. Самый распространенный – найдено 211 экземпляров бронзовых и одна железная (Ач) без орнамента (Кел, Диг, Рыб, Пап, СД, Тепл, НП, Кон, Ш, МД) (рис. 40: 16, 17). Подобные пуговицы известны в памятниках салтовского типа, найдены и среди новгородских древностей XI–XV вв. (Седова, 1981, с. 155), а также в синхронных удмуртских (Шутова, 1992, с. 216), марийском Мало-Кугунурском (Шикаева, 1988, с. 184) и чувашском Толиковском (Каховский, 1980, с. 127) могильниках. Один экземпляр из Коноваловки имеет конусовидное тулово. Пуговица из Шелехмети серебряная, имеет наплыв между ножкой и туловом. Ее высота 1,2 см, диаметр 0,76 см (рис. 40: 13).

Вариант 2 (23 экз.). Посередине тулова пуговицы прочерчена линия, от нее вниз к центру – еще пять линий, делящих нижнюю часть на шесть сегментов (рис. 40: 22), найдены в Ачадово, Кельгинино и Рыбкино.

Вариант 3. Нижняя часть тулова у двух экземпляров из Коноваловки украшена концентрическими кольцами (рис. 40: 23).

Тип б (7 экз.). Литые бронзовые с вытянутым туловом (Ач, Лоб, Кон). Пуговица-подвеска из Лобасков орнаментирована в виде еловой шишки (рис. 40: 12). Два экземпляра (П, Дуб) имеют четыре прорези и шарик на конце (рис. 40: 18). Интересно, что более усложненные аналоги двум последним найдены во II Старо-Бадиковском могильнике VII–VIII вв. (Петербургский, 1987, с. 60). Известны они и в чувашских могильниках XVI–XVII вв.: Бахтикульгинском и Тубах-мазар (Каховский, 1980, с. 127; Акимова, 1949, с. 6).

Тип в (2 экз.). Двенадцатигранное тулово, по шесть граней которого находятся в верхней и нижней частях. Нижние грани покрыты желтой и голубой эмалью поочередно в Рыбкинском экземпляре, синей и белой в Армиевском. На каждой из них – по три точечных вдавления (рис. 40: 21). Аналоги найдены

в синхронных удмуртском Ош-Юмья и чувашском Толиковском могильниках (Шутова, 1992, с. 216; Каховский, 1980, с. 14).

Тип г (4 экз.). Шаровидные деревянные на ножке, Ачадово (рис. 40: 29).

Тип д (14 экз.). С шаровидным туловом полые (рис. 40: 14, 15): Ач, Корж, Сар, Пап, Тепл. Сюда же включена литая серебряная подвеска из Папулево, нижняя часть ее украшена стилизованными лепестками цветка, в центре которого расположены четыре капли в виде небольшой грозди (рис. 40: 19). Аналогичные экземпляры известны в Аткарском могильнике мордвы XIII–XIV вв. (Монахов, 1991, с. 175).

Тип е (25 экз.). Полые с полушаровидным туловом. Здесь же один экземпляр из Стародевического могильника с утопленной ножкой (рис. 40: 28).

Тип ж (13 экз.). Плоское тулово с орнаментом или без, все пуговицы-подвески с петелькой: Коноваловка, Рыбкино (рис. 57: 6–11).

Отдел II. Стекланные пуговицы-подвески (48 экз.) полушаровидной формы с железной ножкой-петелькой диаметром 1,15–1,7 см.

Вариант 1 (39 экз.). Покрыты черной краской (Ач, Дуб, Веч, П, Ад, Вер, НП, Тор, Рыб, Тепл, Пап, Ш, МД, РМ, Лоб). Три пуговицы украшены: в центре – желтая точка, от нее радиально отходят шесть белых полос, между ними – по точке (НП, РМ).

Вариант 2 (4 экз.). Синие с двумя железными петельками (Ач).

Отдел III. Бубенчики (45 экз.).

Тип а. Литые (4 экз.), шаровидные, диаметром около 3 см, с прорезью в нижней части, найдены в Ачадово (рис. 40: 1). Подобные меньшего размера (2–2,5 см) известны среди новгородских древностей XI–XIV вв. Имеются они и в комплексе XI–XIII вв. могильника Кельгинино (Беляев и др., 1998, с. 126).

Тип б (41 экз.). Полые, внутри бусинка или камешек для извлечения звука.

Подтип 1 (24 экз.). Шаровидные, диаметром около 3 см, состоят из двух поперечных половинок с восьмеркообразной прорезью

в нижней части (рис. 23: 2, 3; 40: 2): Ад, Кел, Ш, Рыб. Бубенчик из Кельгинино полностью покрыт орнаментом (рис. 40: 5). Зафиксированы экземпляры без отверстия, один из них имеет такие же параметры (Рыб). Четыре остальных из Коноваловки и Шелехмети высотой 1,5 см, диаметром 1,2 см (рис. 40: 4). Форма последних аналогична литым по восковой модели бубенчикам из Новгорода, где они бытовали со второй половины XIII в. до конца XIV в. (Седова, 1981, с. 156). Подобные бубенчики найдены в мокшанском Стародевиченском могильнике XII–XIII вв. (Петербургский, 1992, с. 98.).

Подтип 2. Округлый уплощенный без отверстия (рис. 40: 3), найдены в Новой Пырьме и Торжке.

Подтип 3. Вытянутой формы с приостренным концом, высота 2,7 см.

Вариант 1 (12 экз.). Из шести долей, розетковидный в сечении, места их скрепления украшены лжесканью (рис. 40: 9, 11): Кел, Тот, Тор, Прив. Экземпляр из Тоторшево полностью украшен насечками (рис. 40: 8).

Вариант 2. Из двух продольных половинок с отверстиями по корпусу, Ачадово (рис. 40: 10).

Вариант 3. Из двух поперечных половинок, каждая из которых имеет по шесть граней (рис. 40: 6), исследован в Тоторшево.

В коллекции имеется также серебряный бубенчик овальной формы из Рыбкино. Полый, из двух поперечных половинок. Места их скрепления, а также вершинка под петелькой украшены зернью, низ – зернью и сканью (рис. 40: 7).

Отдел IV. Подвески.

Бронзовые:

– в виде плоских круглых пуговиц (3 экз.) с двумя отверстиями в центре для пришивания, в верхней части – отверстие для подшивания, диаметр 2,4 см (рис. 40: 32), найдены в Новой Пырьме;

– колокольчики (2 экз.): подтреугольные с петелькой на вершинке (рис. 40: 31), найдены в Рыбкино, Тоторшево и Коноваловке;

– витые круглопроволочные пронизки (2 экз.) (Ш, Ач, СС);

– наперстки (2 экз.) (Ачадово и Кельгинино);

– подтреугольная плоская подвеска с окружностями с отверстиями на вершинках из Коржевки. Украшена циркульным орнаментом. Возможно, использовалась как распределитель бус, цепочек и пр. (рис. 40: 34);

– литая круглой формы с цветком в центре из Шелехмети. Имеет четыре «ушка» с отверстиями – верхнее крупное, остальные – маленькие полукруглые. В них зафиксированы остатки железной цепочки (рис. 40: 33);

– ворворка трапециевидной формы с отверстием сбоку (рис. 40: 25). Подобные известны во многих раннесредневековых кладах, например Гапоновском (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 208–209).

Серебряные:

– круглая, диаметром 2,5 см, плоская «солярная» подвеска с круглым отверстием в центре и десятью – меньшего размера вокруг него;

– круглая (диаметр 2,2 см) плоская колесовидная подвеска с круглым отверстием в центре и восемью отверстиями, образованными стилизованными лучами, отходящими от центра. Центральный круг и четыре луча выполнены в технике лжескани, четыре остальных луча представляют собой небольшие окружности. Найдена в могильнике Дубенки (бронзовый аналог в Коржевке). Подобная солярная подвеска найдена в комплексе XI–XIII вв. могильника Кельгинино (погр. 240) (Беляев и др., 1998, с. 126).

Деревянная подвеска грушевидной формы из Ачадово (рис. 40: 26).

Костяные. В качестве подвесок использованы кости животных (3 Ач), клыки мелкого хищника (13 Ач, Рыб, Кел) (рис. 35: 49) и кабана (П).

По этнографическим источникам известно, что иногда клыки животных носили на одной нитке с крестами. «Жены и девки новокрещен по своей прежней замерзлости носят

при гайтанах на кресте медвежьей и лисьей ногти и прочих зверей кости» (Смирнов, 1874, с. 9).

Украшение типа воротника из бисера зафиксировано в могильниках мордвы-мокши Рыбкино (погр. 4, линия С) и Кельгинино (погр. 260) (рис. 35). Подобное украшение – длинный до пояса воротник (нагрудник?) из раковин каури и жетонов – найден в погребении 1 Черемисского могильника, тот же состав украшений в Кельгинино (погр. 229) дополнен бисером белого и красного цветов (рис. 23).

По этнографическим данным известно о существовании у мордвы-мокши бисерных воротников. В конце XIX в. в с. Шахматово Нижегородского уезда женщины и девушки носили на шее «большое бисерное ожерелье» (Орлов, л. 252). Женщины Симбирского уезда в конце XVIII в. носили «решетчато сделанный из корольков, подделанных червонцев и пронизок щит, который как будто косынка наматывался на грудь» (Быт и верования, с. 818). Грудь девушек и женщин села Дракино Спасского уезда Тамбовской губернии «украшалась особой сетью (коган-перфь) из переплетенных проволочками кружочков или монет, медных или серебряных» (Богословский, 1890, с. 940).

В погребениях 16, 17 и 21 Коринского могильника найдено нагрудное украшение, представлявшее собой полоски ткани с нашитыми на них в два ряда раковинами. Оно начиналось от верхней части груди и тянулось до тазовых костей. Найденные на уровне груди железные пряжки, видимо, пристегивали украшения к костюму. В нижней части украшения раковины пришиты вперемешку с бусами, бисером и заканчивались бусами, медными жетонами и шерстяными кисточками. Е.И. Горюнова предположила сходство этого украшения с «плетней» терюханских женщин (Горюнова, 1948, с. 40). Подобное украшение, но чуть короче – до пояса – и дополненное бусами, зафиксировано в погребении кургана 15 того же могильника.

Нагрудное украшение, состоящее из луба, обшитого бисером, содержало погребение 24 Рыбкино. В захоронении 5С того же могильника исследован «деревянный полукруг, обтянутый тканью», обшитый несколькими рядами бус. Украшение из кожи и шерстяных веревочек обнаружено в области шеи и груди в погребении 1 Рузлатского могильника. Нагрудное украшение прямоугольной формы с пришитыми вперемешку в шесть рядов бусами и монетами найдено в области груди слева в погребении 4 Коринского могильника. По предположению автора раскопок, украшение подвешивалось к бронзовой сюлгаме, скреплявшей верх разреза на груди (Горюнова, 1948, с. 29). Нагрудное украшение из бисера, бус и раковин найдено в погребении 12 того же могильника.

Сюлгма в костюме мордвы имела как функциональное, так и декоративное назначение. Всего рассмотрено 593 экземпляра, хранящихся в фондах различных музеев. Коллекция сюлгам рассмотрена нами в рамках двух групп: кольцевые (308 экз.) и лопастные (282 экз.). Каждая из групп, согласно технологии изготовления, поделена на отдели. Последние, в свою очередь, на типы, отличающиеся формой концов, и варианты, имеющие отличия в декоре. Материал, из которого изготовлены сюлгамы, при создании данной классификации не учитывался, поскольку связь между ним и формой изделия не прослежена. Основным материалом является медьсодержащий металл, праздничные экземпляры изготовлены из серебра. Имеются изделия из железа.

Группа I. Кольцевые сюлгамы (рис. 50).

Отдел 1А – гладкие без насечек. Изготовлены из круглой в сечении проволоки толщиной 0,4–0,6 см, свернутой в овал.

Тип а – с расплюснутыми концами.

Вариант 1. С «глазками» на концах (38 экз.). Зафиксирован как в наиболее ранних, так и в самых поздних могильниках на всей территории проживания мордвы. Имеются некоторые различия в технологии до-

полнительного декора, отличающие сюлгамы XVI–XVII вв. и XVII – начала XIX вв. В более ранний период сюлгамы изготавливали из серебра. На боковой части глазков они имели дополнительный декор в виде скани и зерни (рис. 50: 9): Тоторшево, Сарлей, Папулево, Рыбкино и др. Позднее сюлгамы делали из бронзы и не украшали. Цвет глазков в ранний период чаще бирюзовый, в поздний – черный. Сюлгамы с глазками были более праздничным, престижным вариантом.

Вариант 2. Без «глазков» на концах (27 экз.). Обнаружены на всей территории проживания мордвы.

Вариант 3. С розеткой на концах (Стародевический).

Тип б – со свернутыми концами.

Вариант 1. С насечками на концах (15 экз.). Найдены в могильниках, расположенных в междуречье рек Вад и Мокши, в бассейне рек Мокши и Теши, на правом берегу Суры (среднее течение). Существовали до начала XVIII в. Такие сюлгамы найдены и в мокшанском Ачадовском могильнике.

Вариант 2. Без насечек на концах (52 экз.). Достаточно распространены в продолжение всего периода на всей территории проживания мордвы. Зафиксированы и в мокшанских могильниках. Известны в синхронных удмуртских могильниках (Шутова, 1992, с. 216).

Вариант 3. Концы оформлены в виде стилизованных лапок (рис. 50: 4) – 49 экземпляров. Вариант распространен до конца XVII в., поскольку основная масса происходит из могильников более раннего периода: Нароватовского (20) и Торжок (13).

Вариант 4. Единственный экземпляр со свернутыми концами изготовлен из бронзового прута битрапцевидной в сечении формы (рис. 50: 2). Найден в Торжке на левобережье Мокши, в верхнем ее течении. Эта форма бытовала и в XIII–XIV вв.

Тип в – со срубленными и чуть сплюснутыми концами (3 экз.). Отсутствие концов, возможно, вызвано небрежностью выполнения изделия (рис. 50: 8). Сюлгамы данно-

го варианта появляются в середине XVIII в. (Кон, III).

Отдел 1Б – гладкие с насечками на поверхности.

Тип а – с расплюснутыми концами.

Вариант 1. С «глазками» на концах (19 экз.), праздничный вариант. Бытовали в течение всего рассматриваемого периода на правом берегу рек Теша, Мокша; левобережье Суры; на территории Самарской Луки. Наибольшее количество найдено в курганном могильнике Торжок (11). Сюлгама из Коноваловки имела по два глазка на каждом из расплюснутых концов (рис. 50: 3).

Вариант 2. Без «глазков» на концах (рис. 50: 1) – 22 экземпляра. Распространен с начала-середины XVII до начала XIX в. на правом берегу Суры (среднее течение); левобережье Самары и в бассейне Мокши (среднее течение).

Тип б – со свернутыми концами.

Вариант 1. С насечками на концах (рис. 50: 5) – 13 экземпляров. Найдены в Вертелимском (1) и Ново-Пырменском (12) могильниках, в междуречье Мокши, Алатыря и Суры. Вариант является локальным.

Вариант 2. Без насечек на концах, достаточно редок, всего четыре экземпляра. Обнаружены на правом берегу Теши; междуречье рек Алатырь, Мокши и Суры.

В коллекции есть две сюлгамы, окончания которых выполнены в виде стилизованных змеиных головок (Нароватово, Рыбкино) (рис. 50: 6). Возможно, продолжали традиционные для раннесредневековой мордвы украшения в «змеином» стиле.

Отдел 2 – ложновитые, изготовлены методом отливки в форме. Являются имитацией витых сюлгам, бытовавших в могильниках XI–XII вв. в бассейне Теши: Личадеево V, Заречное II (Мартьянов, 1990, с. 62; 1998, с. 25).

Тип а (13 экз.) – с расплюснутыми концами.

Вариант 1. С «глазками» на концах. Достаточно редкая форма, существовала до конца XVII в. на правом берегу Суры (сред-

нее течение); бассейне Алатыря (среднее течение) и Теши. У двух экземпляров ложные витки дополнительно обмотаны двумя скрученными между собой тоненькими проволочками (Ред, Саб).

Вариант 2. Без «глазков» на концах (20 экз.). Существовал в XVII–XVIII вв. в междуречье Алатыря и Суры, на правом берегу реки Вад (нижнее течение), бассейне Мокши (верхнее течение). Подобные найдены и в могильниках мокши.

Тип б – со свернутыми концами.

Вариант 1. Без насечек на концах (6 экз.) – три бронзовых, три железных (Ард), достаточно редкая форма. Обнаружены на территории верхнего течения Мокши, правом берегу рек Вад и Суры (среднее течение). Два экземпляра найдены в мокшанском могильнике (Ач).

Вариант 2. С насечками на концах (рис. 50: 7). Всего восемь экземпляров, два из них найдены в мокшанском Ачадовском могильнике, остальные – на левобережье Суры (среднее течение).

Вариант 3. С концами, выполненными в виде стилизованных лапок (18 экз.). Это ранняя форма, характерна для могильников XVI–XVII вв., расположенных на правом берегу рек Теши и Алатыря и в верхнем течении Мокши.

Вариант 4. С розетками на концах (Адашево) (рис. 50: 10).

Группа II. Лопастные, изготовлены методом отливки в форме (рис. 51).

Отдел I – беспетельчатые.

Тип а – с выступами на лопастях.

Вариант 1. Декор: ложная зернь и имитация насечек по бортику (рис. 30: 6; 35: 7; 51: 7). Это самый распространенный вариант типа а (35 экз.). Встречен по обоим берегам Мокши, а также в ее междуречьях с реками Вад и Сурой.

Вариант 2. Декор: растительный орнамент. Известен один экземпляр в Ачадово. Сюлгамы данного типа характерны для памятников мордвы XIII–XIV вв., однако технология их выполнения была иной.

Вариант 3. Декор: зернь без насечек по бортику. Найдено три экземпляра в междуречье Мокши и Вада. Сюлгамы этой формы характерны для могильников мордвы золотоордынского периода.

Вариант 4. Декор: растительный орнамент с насечками по бортику, найдено всего два экземпляра в Ачадово. Традиционны и для мордовских могильников золотоордынского периода.

Тип б – без выступа на лопасти, известны также в памятниках XIII–XIV вв.

Вариант 1. Декор: ложная зернь (рис. 51: 3, 6), распространенный вариант – обнаружено 43 экземпляра по обоим берегам Мокши и ее междуречье с Вадом.

Вариант 2. Декор: растительно-геометрический орнамент (рис. 51: 2), найдены в бассейне Мокши.

Вариант 3. Декор: растительный орнамент (рис. 51: 1), найдены в нижнем течении правого берега Мокши.

Вариант 4. Декор: геометрический орнамент (Кельгинино).

Вариант 5. Декор: ложная зернь, насечки по краям (Кельгинино) (рис. 23: 7).

Отдел 2 – петельчатые, имеют по бортикам петли для подвешивания дополнительных украшений. В качестве последних выступали: бусы, раковины каури, пуговицы, монеты, жетоны, клыки диких животных. Подобный тип сюлгам появился не ранее начала XVII в.

Тип а – двухпетельчатые с декором ложной зерни и скани. Известен всего один экземпляр в Рыбкинском могильнике (рис. 51: 4).

Тип б – четырехпетельчатые с декором ложной зерни и скани. Очень редкий тип. Известно два экземпляра (МП).

Тип в – шестипетельчатые.

Вариант 1. Декор: ложная скань и имитация насечек по бортику (рис. 30: 10; 35: 5; 51: 9). Всего 19 экземпляров, найдены в бассейне Мокши.

Вариант 2. Декор: ложная скань без насечек по бортику (рис. 30: 4; 35: 6; 51: 8). Всего семь сюлгам, обнаружены на той же территории.

Вариант 3. Сюлгамы с аналогичным декором, однако с полностью слитыми лопастями трапецевидной формы (рис. 51: 11). Найдены в Шелехмети на Самарской Луке. Поздняя форма, появились в середине XVIII в.

Тип 2 – восьмипетельчатые.

Вариант 1. Декор: ложная зернь и имитация насечек по бортику (рис. 35: 2, 3; 51: 5), самый распространенный вариант петельчатых сюлгам, найдено 130 экземпляров в бассейне Мокши и ее междуречье с Сурой.

Вариант 2. Декор: ложная скань и имитация насечек по бортику (рис. 51: 13), обнаружены в бассейне Мокши и ее междуречье с Сурой.

Вариант 3. Декор: ложная зернь без насечек по бортику (Ачадово, Кельгинино) (рис. 23: 8; 30: 3).

Сюлгama с аналогичным декором, но полностью слитыми лопастями (Шелехметь) (рис. 51: 12). Этот вариант появляется в середине XVIII в.

Застежки (7 экз.). Это категория единичных экземпляров различных форм, которые использовались для застегивания одежды. Предметы отличаются оригинальным исполнением и богатством декора.

Бронзовые. Круглая плоская застежка из Кельгинино (погр. 177), диаметр 3,6 см, отверстия – 1,8 см. В нижней части два прямоугольных выступа (0,6×1 см) с отверстиями для подвешивания. Поверхность украшена завитками. Толщина язычка 0,4 см (рис. 45:

3). Три круглые застежки диаметром 3,5 см, толщиной 0,4 см. Поверхность украшена косыми насечками.

Две застежки из Паево и Пичпанды имеют четыре симметрично расположенные розетки (рис. 45: 4), из Сарлейского могильника – «флажки». Круглая, из двух свернутых проволочек застежка из погребения 229 Кельгинино диаметром 3 см. Украшена в нижней части двумя колечками диаметром 1 см, выполненными в том же стиле (рис. 24: 11).

Серебряные. Округлая плоская застежка диаметром 5,5 см из Пичпандинского могильника (рис. 45: 1). Диаметр отверстия 2,7 см. В нижней части – три округлых петельки для подвешивания украшений. Поверхность разделена линиями на три окружности – орнаментальные зоны. Две крайние украшены насечками. Зона в центре – самая широкая – зигзагом и циркульным орнаментом с точкой.

Литая застежка из Рыбкино восьмеркообразной формы (рис. 45: 7). Ее высота 6,8 см. Верхняя часть функциональная – круглая в сечении (0,2 см), диаметром 2,4 см, с остатками язычка. Нижняя часть декоративная – округлая пластинка диаметром 4,4 см, шириной 1,3 см. Поверхность украшена ложной сканью и насечками. В нижней части имеются семь колечек шириной 0,2–0,3 см.

В Шелехметском и Стародевическом могильниках найдены две плоские пуговицы из кости с четырьмя отверстиями, диаметром 1,6 см (рис. 40: 30).

Поясные и набедренные украшения

Пряжки и поясные накладки. В немногочисленной коллекции имеется 47 пряжек и две поясные накладки из Рыбкино с фрагментами кожаного ремня. Сохранность накладок очень плохая, они имеют прямоугольную форму (3×2,8 см), плоские в сечении (0,4 см), украшены плохо читающимся растительным (?) рисунком. Пряжки рассматривались в рамках двух отделов, выделенных по материалу. При создании типов учитывалась форма контура рамки. Подтипы уточняли

форму расширения рамки, варианты – особенности декора.

Отдел I. Бронзовые пряжки с подвижным язычком (36 экз.).

Тип а. Прямоугольная рамка (1,7–2×2,3–2,5 см).

Подтип 1 (6 экз.). С рамкой без расширения. Три пряжки без орнамента (рис. 45: 6) найдены в Сарлейском, Ачадовском и Ардатовском могильниках. Кельгининская пряжка орнаментирована прямыми насечками.

Пряжка из Нароватова имеет поперечную перекладину на рамке, на ней располагаются два язычка (рис. 45: 5). Верхняя и нижняя части рамки пряжки из Сарлейского могильника выполнены в виде вытянутых рук человека в рубахе, которая обозначена перекрещенными насечками. Руки как бы сжимают переднюю часть рамки, представляющую собой пять шариков, насаженных на тонкий стержень (рис. 45: 20). Возможно, это руки человека, занятого каким-то ремеслом. Подобная пряжка (иначе выполнена лишь передняя часть рамки) известна в комплексе XI–XIII вв. могильника Кельгинино (Беляев и др., 1998, с. 99).

Подтип 2 (3 экз.). Рамка с прямоугольным расширением в передней части, его ширина 1,2 см. Поверхность расширения украшена растительным рисунком (рис. 45: 8, 9) – МП, Сар, Рыб. Сюда же включена пряжка из Кельгинино, у которой расширение имеет чуть скругленные углы, рамка украшена прямыми насечками.

Тип б. «Лировидная» рамка, ее высота 2,5 см (12 экз.). Семь пряжек имеют насечки на лицевой стороне – Диг, Пап, МП, Кел (рис. 45: 14); пять пряжек без насечек – Ач, Ад, МП, НП, Рыб (рис. 45: 18).

Тип в. Пятиугольная рамка.

Подтип 1 (5 экз.). С плоским сечением толщиной 0,1–0,15 см. Верхняя и нижняя части рамки слегка выгнуты вовнутрь, имеют два валика (рис. 45: 19). Одна пряжка без орнамента (Сар). Передняя часть четырех других украшена тремя линиями в технике ложной скани, изогнутыми к центру щитка (Ач, Сар, Рыб, Пич). Подобная пряжка найдена в удмуртском могильнике Кайсагурт середины XVII – начала XVIII вв. (Шутова, 1992, с. 218).

Подтип 2 имеет рельефное сечение толщиной 0,1–0,3 см (рис. 45: 10). Боковые стороны передней части рамки расширены, украшена в технике ложной зерни двумя линиями, углом выходящими к его центру, и двумя треугольниками по бокам (Сарлейский, Рыбкинский). Аналогичные пряжки

имелись в синхронных могильниках: удмуртских Якшур, Нязь-Ворцы и марийском Салмандальском (Шутова, 1992, с. 218; Шикаева, 1988, с. 333).

Тип г (2 экз.). Фигурная рамка с расширением в передней части. Расширение в форме луковки у пряжки из Ачадово украшено изображением летящей птицы с цветком в клюве (рис. 45: 13), у пряжки из Кельгинино – растительным рисунком. Фигурные расширения пряжек из Рыбкино, Болдово и Корино (рис. 45: 15) и полуокруглое из Лобасков (рис. 45: 12) также украшены растительным рисунком.

Тип д. Круглая рамка диаметром 4,2 см, диаметр сечения 0,5 см (рис. 45: 16). Найдено два экземпляра в женских погребениях Мордовско-Паркинского могильника.

Отдел II. Железные пряжки (11 экз.).

Тип а. Круглая рамка. Найдено восемь экземпляров, шесть из них по форме напоминают традиционные кольцевые сюлгамы. Средний диаметр 3 см, диаметр сечения 0,5 см (рис. 45: 17). Подобные пряжки типичны для женского костюма (Кон, Ард, Ад, Бел, Сар), лишь одна найдена в мужском погребении (МП). В двух мужских погребениях Русско-Маскинского могильника найдены пряжки с широкой уплощенной рамкой сечением 0,5 см. Их диаметр 3,2 см (рис. 45: 11).

Тип б. Прямоугольная рамка. Всего три пряжки (Кел, Ш, Ард) и обломок округло-прямоугольной (Тор). Размеры рамки 3–3,5×2,2–3 см.

Поясные украшения. Остатки пояса «из ткани и плетеной проволоки» зафиксированы в Вертилимском могильнике (раскоп 2, погр. 3) (Циркин, 1965, л. 10). В погребении 26 Сарлейского и погребении 18 Русско-Маскинского могильников в области пояса найдены остатки ткани и шерстяного шнура. Пояс в погребении 11 Сарлейского могильника выглядел как «узкая тканая тесьма из зеленой, черной и красной шерсти» (Горюнова, 1948, с. 43).

В двух женских погребениях мордвы-мокши зафиксированы шерстяные ки-

сточки, украшавшие пояс. В одном из них кисточки дополнительно украшены орехами и кистью из раковин каури (Рыбкино, погр. 11). В другом – кисточкой из пучка красных ниток, обмотанных бронзовыми нитками (Адашево, погр. 1). 13 пуговиц, расположенных горизонтально в ряд, украшали пояс женщины в погребении 161 Кельгинино (рис. 30). В погребениях 19 (девочки) и 69 (женщины) Коноваловского могильника в области пояса зафиксировано украшение из бус. В погребении 46 того же могильника найдены остатки прямоугольного украшения размером 5×2,5 см из шерстяной коричневой веревочки. В верхней части украшено медными пластинками и крючком, с помощью которого, возможно, изделие подвешивалось к поясу (рис. 53: 11).

По этнографическим материалам, мокшанки Симбирской губернии в конце XVIII в. носили «не мало рядом висящих кисточек, которые делают до самых подколен» (Быт и верования, с. 818). Пояс мужского костюма также украшали кисти, «плески». «Сверху кисти наложена половинка от погремка, а сверху бляхи – бусина. Обе кисти в конце пояса связаны вместе одной бусиной» (Шахматов, 1910, с. 180).

Набедренные украшения. Остатки набедренного украшения типа пулогай (?) в погребении 29 (девочка) Коноваловского могильника сохранились в виде ряда жетонов,

расположенных диагонально. От пулогай в женском захоронении Ардатовского 2 могильника остались 10 кистей из коричневых крученых ниток, обмотанных канителью, украшенных бусами, жетонами, раковинами каури, пуговицами-подвесками и бисером, сплетенным в виде сетки. Вероятно, пулогай подвязывали длинным поясом, от коленей до ступней украшенным раковинами, бронзовыми спиралями, жетонами и бусами. В погребении Старо-Яблонского могильника от набедренного украшения сохранились пуговицы-подвески и бусы. Соединялось украшение, видимо, с помощью двух сюлгам, обнаруженных в верхней и нижней части правого бедра.

В Шелехмети (погр. 8) найдены остатки набедренного украшения на войлочной основе с кистями из толстых крученых нитей с бусами, железными цепочками, монетами и круглыми бронзовыми бубенчиками на концах (рис. 53: 5, 6). В погребении 1 Налитовского, погребениях 1, 4 Ревезенского могильников набедренные украшения состояли из бус и раковин. В погребении 69 в Коноваловке бусы в области таза и бедер также являлись остатками набедренного украшения. В погребениях 21, 28, 40 того же могильника остатки набедренного украшения сохранились в виде фрагментов кисточек из шерстяных ниток с медными пластинками на концах (рис. 53: 3, 4).

Украшения рук

Браслеты. Всего рассмотрено 155 предметов и рисунков браслетов. Все они, согласно технологии изготовления, поделены на три отдела.

Отдел I. Пластинчатые (146 экз.) изготовлены из прута, расплющенного в плоскую ленту, свернутую в овал с несомкнутыми концами. Прототипом являются браслеты с нанесенным вручную геометрическим орнаментом, известные в Кошибеевском могильнике (Шитов, 1988, с. 32). По форме концов браслеты разделены на три типа, которые, в свою очередь, по способу нанесения

орнамента – на подтипы. Варианты уточняют особенности орнамента.

Тип а (19 экз.). С округлыми концами. Среди синхронных удмуртских и марийских памятников встречены браслеты только такого типа. Однако, при кажущемся на первый взгляд сходстве, браслеты мордвы выполнены в ином стиле и имеют большее разнообразие орнаментов.

Подтип 1. Орнамент нанесен вручную.

Вариант 1. Циркулярный (3 экз.) – найдены на правобережье Вада, его нижнем течении.

Вариант 2. Геометрический: насечки – два экземпляра (Ач и Кон); прочерченные зигзагообразные линии – два экземпляра (Кел и Кон).

Вариант 3. Чередование циркульного и геометрического орнаментов, выполненных насечками (рис. 43: 2) – пять экземпляров, междуречье Мокши и Вада.

Вариант 4. Растительный – один браслет (Гуляево).

Подтип 2. Орнамент нанесен штампом (11 экз.).

Вариант 1. Геометрический (5 экз.), обнаружены в верхнем течении Мокши, ее междуречье с Вадом, левобережье Алатыря, на Самарской Луке.

Вариант 2. Циркулярный с точечными проколами – один экземпляр (Нар).

Вариант 3. Растительный – два браслета (Лоб).

Вариант 4. Растительно-геометрический – три одинаковых браслета найдены в могильниках на правом берегу Алатыря (среднее течение).

Вариант 5. Геометрическо-антропоморфный орнамент (Лоб).

Тип б. Браслеты с прямо срезанными концами (112 экз.).

Подтип 1. Орнамент нанесен вручную (41 экз.).

Вариант 1. Растительный – один экземпляр (Ач).

Вариант 2. Циркулярный (13 экз.), найдены на правом берегу Мокши и ее междуречье с р. Вад.

Вариант 3. Геометрический: прочерченный зигзагообразными линиями (рис. 44: 1, 5, 7) – 19 экземпляров, обнаружены в междуречье Тешы и Пьяны, в бассейне Мокши, правобережье Алатыря (среднее течение) и Вада, левобережье Самары; наколотый (рис. 44: 4) – три экземпляра (бассейн Мокши и ее междуречье с Вадом).

Вариант 4. Растительно-геометрический (5 экз.), найдены в междуречье Мокши и Вада и левобережье Тешы.

Подтип 2. Орнамент нанесен штампом (71 экз.).

Вариант 1. Растительный – 23 экземпляра обнаружены в могильниках на левом берегу Алатыря, на правом Вада, междуречье Алатыря и Суры; наибольшее количество – в Коноваловке (рис. 44: 6, 10). Является позднейшим вариантом.

Вариант 2. Подражание технике скани (рис. 43: 8; 44: 3) – восемь экземпляров найдены на левобережье Алатыря (среднее течение), правобережье Суры и их междуречье; на левом берегу Самары.

Вариант 3. Геометрический (30 экз.) – наиболее распространенный вариант орнамента (рис. 43: 3, 8; 44: 8, 9). Подобные браслеты обнаружены на всей территории проживания мордвы. Бытовали в течение всего рассматриваемого периода. Для создания рисунка использованы линии, треугольники и ромбы. Четыре браслета с абсолютно одинаковым орнаментом найдены в междуречье рек Тешы и Пьяны, Алатыря и Суры, Иссы и Суры.

Вариант 4. Растительно-геометрический (7 экз.), найдены в междуречье Тешы и Пьяны, бассейне Мокши и на Самарской Луке.

Вариант 5. Геометрическо-зооморфный – два одинаковых экземпляра со стилизованными скачущими конями найдены в Нароватово (левобережье Мокши) и Коноваловке.

Вариант 6. Геометрическо-антропозооморфный – единственный двусторонний браслет найден в Коноваловке. На внешней стороне у концов изображена женщина в полный рост в эрзянском костюме. На внутренней – стилизованные летящие птицы (рис. 44: 11).

На браслете из Тоторшево – комбинация штампованного линейного орнамента с зонами, украшенными треугольниками, прочерченными зигзагом. Экземпляр из Ачадово неорнаментирован.

Тип в. Браслеты со сплюснутыми концами (12 экз.) наиболее ранние среди пластинчатых, датируются XVI – серединой XVII вв. Орнамент нанесен штампом.

Вариант 1. Геометрический (рис. 43: 7) – девять экземпляров (Ред, НП, Болд), обнаружены в бассейне Алатыря и на правом берегу Суры (среднее течение).

Вариант 2. Растительно-геометрический – один экземпляр найден в междуречье Мокши и Теши (Тот).

Вариант 3. Антропоморфный: единственный экземпляр из Тоторшево с пятью изображениями бытовых сцен и животных, обрамленными рамочками: человек на лошади, человек с лошадью (?), медведь, собака и кошка (?) (рис. 43: 9).

Ни в один из типов не вошел пластинчатый серебряный браслет, концы которого украшены вручную в виде стилизованных змеиных головок (рис. 43: 11) из Нароватовского могильника.

Отдел II. Круглые в сечении (2 экз.). Изготовлены из прута диаметром 0,3–0,4 см, свернутого в овал с несомкнутыми концами (рис. 43: 2). Найдены в Тоторшевском (междуречье Теши и Мокши) и Нароватовском (левобережье Мокши, ее верхнее течение) могильниках. Концы браслета из Тоторшево оформлены в виде головок змей (рис. 43: 4). Это самый ранний тип браслетов, известен в могильниках мордвы периода Средневековья и Золотой Орды. Бытовал максимум до конца XVI в.

Отдел III. Жгутовые (7 экз.). Изготовлены из расплющенного прута, свернутого в овал с несомкнутыми концами. Известны в могильниках XIII–XIV вв. Выделено два типа:

Тип а. Массивные с внешне выпуклой и внутренне плоской поверхностью (рис. 43: 10) браслеты (Тоторшевский и Пичпандинский). Бытовал до середины XVII в.

Тип б. С обеими плоскими поверхностями и округлыми концами. Орнамент нанесен при помощи штампа.

Вариант 1. Орнамент в виде трех рядов, выполнен в технике ложной скани (рис. 43: 1) – два экземпляра, найдены в Сарлейском (междуречье Теши и Пьяны) и Папулевском (левобережье Алатыря) могильниках.

Вариант 2. Геометрический (рис. 43: 5) – три экземпляра, найдены в бассейне Теши.

Перстни. Всего рассмотрено 277 экземпляров, они отличаются большим разнообразием форм и декора, некоторые представлены единичными экземплярами. По технологии изготовления разделены на три отдела, по форме щитка – на типы, по декору – на подтипы.

Отдел I. Пластинчатые (62 экз.). Сюда включены перстни, вырезанные из пластины толщиной около 0,1 см. Расширение в верхней части пластины имитирует щиток. Такие перстни наиболее ранние для нашего периода. Они известны еще в могильниках мордвы XII–XIV вв. А.Е. Алихова считала, что они имеют «южное происхождение» (Алихова, 1959, с. 31).

Тип а. Ромбовидный щиток (55 экз.). Перстни аналогичной формы известны в чувашском Бахтикульгинском могильнике XVII–XVIII вв. (Каховский, 1980, с. 127).

Подтип 1. Щиток украшен по углам бронзовыми капельками – имитация зерни (Ач, Диг, Сар); в центре и в двух углах – по капле и насечки по краю (МП); капли в каждом углу и в центре, насечки по краю (Ач).

Подтип 2. Щиток имеет ребро в центре. По углам украшен каплями (Ач, Сар, Тот, Кел); каплями и насечками по краю щитка (Ач, Сар); каплями и насечками по углам, растительным орнаментом в центре (Ач, Тот, Сар, Рыб, Кор, Кел, Лоб); геометрическим орнаментом (Сар); двумя каплями по углам, соединенными зигзагообразной линией в центре (рис. 46: 20) – Мордовская Дубровка, Болдово. Щиток украшен насечками, кольцо – геометрическим орнаментом (рис. 46: 24) – Кельгиново, Тепловка, Папулево.

Тип б (5 экз.). Круглый утолщенный щиток. Украшен растительным орнаментом (Рыб, Тепл, Бат); с антропоморфным рисунком (Кел).

Тип в (1 экз.). Овальный щиток украшен насечками, в центре – растительный орнамент (Саб). Известны в могильниках XVII–XVIII вв.: чувашском Тубах-мазар и марий-

ском Мало-Кугунурском (Акимова, 1949, с. 6; Шикаева, 1984, с. 184).

Тип з (1 экз.). Прямоугольный утолщенный щиток украшен по каждому краю двумя рядами скани (Кел).

Отдел II. Щитковые (130 экз.). Щиток припаян к кольцу.

Тип а (8 экз.). Круглый щиток. Без орнамента или рисунка (Ач, Кел, Пич). Щиток украшен геометрическим рисунком (рис. 46:1) – Рыбкино, изображением птицы (рис. 46:15), кентавра (рис. 46:12) – Ачадово.

Тип б (4 экз.). Чашевидный (полушаровидный) полый щиток. Это так называемый «гремющий» или «звонящий» перстень – внутрь помещалась бусина, которая при ударе о стенки щитка издавала шумящий звук.

Подтип 1. Полушарие прикреплено к кольцу плоской стороной (Сар).

Подтип 2. Полушарие прикреплено к кольцу округлой стороной. Поверхность щитка украшена циркульным (рис. 46:21) (Ач, Ард) или геометрическим (Тот) орнаментом.

Тип в (8 экз.). Овальный щиток украшен растительным рисунком (рис. 46:18) – Кор, Кел, НП, Диг, Нар, Ш.

Тип г. Восьмиугольный щиток.

Подтип 1 (4 экз.). Щиток прямоугольной формы со срезанными углами. Без рисунка (Кел), вырезан растительный рисунок (рис. 46:23) – Лобаски, изображен воин с луком и мечом (Ач).

Подтип 2 (3 экз.). Щиток квадратной формы со срезанными углами, покрыт растительно-геометрическим рисунком (рис. 46:2) – Пичпанда.

Тип д (2 экз.). Квадратный щиток без орнамента (Сар, Кор). Дужка перстня из Ново-Пырменского могильника украшена четырьмя небольшими валиками, у щитка с обеих сторон имеется треугольное расширение, украшенное насечками (рис. 46:25). Интересно, что точно такой же перстень найден в комплексе XI–XIII вв. могильника Кельгинино (погр. 240) (Беляев и др., 1998, с. 126).

Тип е (6 экз.). Розетковидный щиток. Сюда включены два серебряных перстня с семью дольками (рис. 46:9) – Ачадово, Кельгинино; бронзовый с девятью стилизованными лепестками и круглый с мелкими стилизованными лепестками-капельками известны в Кельгинино.

Тип ж. Перстень-печатка – к кольцу с двух сторон припаян плоский щиток с рисунком. Это самый поздний тип перстней. Все они, кроме одного из Лобасков (подтип 2), найдены в Коноваловке и Торновом.

Подтип 1 (8 экз.). Серебряные перстни с восьмиугольным щитком (квадрат со срезанными углами), орнаментированы растительным рисунком, прочерченным по поверхности острым тонким предметом (рис. 46:4). Дужка кольца у основания одного из перстней украшена четырьмя вертикальными насечками, ниже – горизонтальная черта, под ней – стрелка (рис. 46:5).

Подтип 2 (82 экз.). Медные перстни с округлым щитком диаметром 2–2,3 см, украшены прочерченным растительно-геометрическим рисунком (рис. 46:3, 6).

Подтип 3 (6 экз.) Серебряные перстни с круглым щитком диаметром 1,5 см, украшены прочерченным растительным рисунком.

Отдел III. Сложный щиток со вставкой (23 экз.). В данном отделе типы выделены по форме оправы.

Тип а (2 экз.). Высокая квадратная оправка с гнездом для вставки глазка. У перстня из Ачадово оправка укрепленна поверх прямоугольного щитка, украшенного угловыми насечками (рис. 46:8). Оправка перстня из Сарлейского могильника украшена насечками, ниже щитка – также (рис. 46:27).

Тип б (5 экз.). Шестиугольная оправка со вставкой из ограненного прозрачного стекла – Ачадово, Ардатово (рис. 46:7), Новая Пырма, Мордовская Дубровка (рис. 46:19).

Тип в (7 экз.). Круглая оправка со вставкой – Новая Пырма (рис. 46:14), из синего непрозрачного стекла – Ачадово (рис. 46:10), зеленого – Сарлей, прозрачного стекла –

Кельгинино, оправа слегка расплющена – Тот, Лоб, Ард, Нал.

Тип г. Восьмиугольная оправа.

Подтип 1 (3 экз.). Оправа прямоугольной формы (1,9×1,6 см) со срезанными углами – Сарлей, украшена двумя рядами ложной скани по краю – Лобаски, Тепловка (рис. 46: 11).

Подтип 2 (2 экз.). Оправа квадратной формы со срезанными углами со стеклянной вставкой с растительным рисунком (Саб), украшена по периметру горизонтальными резными линиями с глазком из непрозрачного зеленого стекла. Между оправой и глазком – фольга. С обеих сторон у основания щитка прочерчено несколько горизонтальных линий (Ш).

Тип д. Овальная оправа.

Подтип 1 (2 экз.). Плоская оправа с прозрачной стеклянной вставкой, украшенной растительным рисунком, нанесенным горячим острым предметом, – Сабаево (рис. 46: 17).

Подтип 2 (1 экз.). На овальном щитке с округлыми утолщениями по бокам с глазком из голубой пасты (Сар).

Подтип 3. Массивная выпуклая оправа, украшена насечками. Имеет стеклянную вставку (Сар).

Совершенно выделяются в коллекции два спиральных перстня, характерных в ос-

новном для XI–XIII вв. Дигилевский перстень представляет собой свернутую в спираль уплощенную проволоку (рис. 46: 26), из Новой Пырмы – такую же проволоку с утолщением в центре, украшенным прочерченной зигзагообразной линией (рис. 46: 22). Такие перстни найдены в Стародевиченском (Петербургский и др., 1990, с. 84), Кельгининском (Беляев и др., 1998, с. 67) и других средневековых могильниках.

Кольца (12 экз.). По форме сечения поделены на два типа, по особенностям декора – на варианты.

Тип а. Плоские в сечении, ширина 0,3–0,4 см, толщина 0,1 см.

Вариант 1. Без орнамента (Кон, Пап, Тор).

Вариант 2. С насечками острым предметом по центру (Кон).

Вариант 3. С насечками по центру и наколами по центру и по краям – Коноваловка (рис. 46: 13). Аналогичные кольца найдены в удмуртском могильнике XVIII – середины XIX вв. Узей-Тукля (Шутова, 1992, с. 221).

Тип б. Круглое в сечении кольцо диаметром 0,3 см из Коноваловки (рис. 46: 16).

Манжеты. Найдено четыре экземпляра в погребениях 46 и 62 Коноваловского могильника. Представляли собой пластинки из кожи шириной 3–5 см (рис. 53: 1, 2). Скорее всего, служили деталью рукавов мужской зимней одежды.

Остатки обуви

Представлены немногочисленным количеством экземпляров. Всего исследовано 26 пар кожаных сапог мужских и женских. В семи случаях обнаружены подковы, в девяти – кожа (рис. 31, 34), в десяти – кожа и подковы. Железные подковы с тремя крупными шишечками от гвоздей (?) на женских сапогах обнаружены в Дигилевском, Привольевском, Рыбкинском могильниках (рис. 53: 10); с четырьмя мелкими – в Русско-Маскинском. Отличие мужских и женских сапог состояло, видимо, в высоте каблука. Кроме того, женские сапоги могли быть дополнительно укра-

шены витыми бронзовыми проволочками, как в Кельгинино (погр. 160, 174, 237). В двух погребениях: мужском Приволье 2 и женском Корино (кург. 1) – обувь украшена бубенчиками, в погребении 26 Бутского могильника – бусами. В погребениях 164 (жен.) и 190 (дет.) Кельгининского могильника зафиксирован тлен грубоотканого материала. Скорее всего, это остатки онучей. Необычный вид обуви исследован И.Н. Смирновым в погребении 2 Рыбкинского могильника: мужские «кожаные башмаки-лапти с ремнями и медными подковами» (Смирнов, 1892, л. 14 об.).

Заключение

Накопление источниковой базы материалов позднесредневековых могильников началось в конце XIX в. Анализ информативности источников показал, что на начальном этапе уровень проведения полевых работ и фиксации материалов с точки зрения современных методик не был совершенен. Исследования в основном вели любители старины, не имеющие специального образования и подготовки. Лишь с 60-х гг. XX в. началось системное исследование, раскопки начали вести ученые-археологи, фиксировались топография памятника, параметры могильных сооружений, характер заполнения могильных ям и курганных насыпей. В целом степень изученности погребальной обрядности мордвы XVI – начала XIX вв. значительно проигрывает по сравнению с периодом раннего Средневековья.

Все погребальные памятники мордвы XVI – начала XIX вв. занимали площадку на возвышенном месте, защищенную естественным образом. Только на курганно-грунтовом могильнике Лобаски зафиксирована искусственная ограда. На внешней поверхности грунтовые захоронения не имели внешних признаков, лишь 2,9% погребений отмечены деревянными столбиками. Такая традиция впервые отмечена в могильниках мокши XII–XIV вв., просуществовала она до конца XIX в. Плотность размещения захоронений на погребальных площадках повышается с течением времени. Во многих случаях наблюдается тенденция к группировке нескольких погребений (двух и более) в одном месте, что является признаком крепких семейно-родственных отношений у мордвы. Свидетельства совершения жертв на межмогильных пространствах погребальных

памятников зафиксированы в виде целых сосудов и фрагментов керамики, костей животных и украшений костюма. Данные традиции просуществовали в поминальной обрядности мордвы до конца XIX в.

Курганно-грунтовые могильники отмечены только у эрзи. Они находятся преимущественно в лесной или лесостепной зонах. Курганные насыпи располагались либо рядами, либо безо всякой системы. Диаметр их в среднем 6–7 м, высота от 0,25 до 1,5 м. Полы курганов в некоторых случаях находили друг на друга, сливаясь в один курган. В конце XIX в. насыпи курганов были священным местом, здесь проводили тайные моляны и совершали жертвоприношения. С XVI до конца XIX вв. существовала традиция подсыпки насыпей при совершении поминальных ритуалов.

Под курганными насыпями хоронили взрослых людей. Для погребения детей использовали грунтовой тип захоронения. Под курганными насыпями зафиксированы погребения на дневной поверхности, в 64% они были парными.

Характерная черта курганного обряда захоронения – использование огня. И в более позднее время огонь служил средством очищения и защиты от нечистых сил. Половина из исследованных насыпей содержала кости домашних животных. В курганах с умершим клали черепа и челюсти крупного и мелкого рогатого скота. В грунтовые ямы – черепа, челюсти, зубы и кости. Традиция помещения костей домашних животных отмечена со второй половины V в. Куриные кости и скорлупа яиц зафиксированы только в грунтовых захоронениях эрзи и мокши. Впервые этот

обычай появился в могильниках мокши XII в. и просуществовал у обеих этнических групп до конца XIX в.

Большая часть погребений совершена в простых прямоугольных в плане грунтовых ямах. Параметры могильных ям определены антропометрическими характеристиками погребенного. Стенки ям в поздних погребениях в большинстве случаев отвесные, что характерно для могильников мордвы с V в. Могильные ямы в XVI–XVII вв. глубже, чем в захоронениях XVIII – начала XIX вв. Для грунтовых мокшанских погребений XVII – первого десятилетия XVIII вв. отмечен локальный обычай помещать камень в могильную яму. Он зафиксирован в могильниках, расположенных на правом берегу р. Чиуш.

Основная масса поздних погребений мордвы совершена без погребальной конструкции на дне могильной ямы. Данный обычай существовал вплоть до начала XIX в. В 40% грунтовых погребений и 53,3% подкурганных найдены остатки погребальных конструкций. В грунтовых погребениях использовано пять типов внутрипогребальных сооружений: гроб, колода, подстилка, покрывало и сруб. В подкурганных зафиксировано четыре типа: подстилка, покрывало, сруб и рама. Подстилка в грунтовых захоронениях эрзи и мокши была лубяной, деревянной или войлочной, в подкурганных эрзянских – берестяной или из веток. Погребения с подстилкой появились в цнинских могильниках VIII–IX вв., в богатых взрослых захоронениях. Лубяная подстилка зафиксирована в погребениях богатых женщин в рязано-окских могильниках VI–VII вв. Встречены также подстилки из бересты и войлока. Покрывало в грунтовых захоронениях мокши представляло собой тонкий слой дерева, в подкурганных эрзянских это была береста или луб. В срубах совершены исключительно парные захоронения. Рамы обнаружены лишь под курганными насыпями эрзянского Коринского могильника. Все эти погребения

были совершены на дневной поверхности. Колоды найдены в грунтовых погребениях эрзи и мокши XVII – начала XIX вв. Размеры колоды определялись антропометрическими параметрами человека. Захоронения в дубовой колоде появились у мордвы во второй половине V в., конструкции во всех случаях обожжены. Погребения в колодах характерны и для могильников мордвы XII–XIV вв. Погребения в гробах типичны только для грунтовых захоронений, данная конструкция появилась в погребениях мордвы в XII в.

Все погребенные в мордовских могильниках XVI – начала XIX вв. уложены на спину с вытянутыми ногами. Положение рук характеризуется большим разнообразием. В XVI – XVII вв. преобладало вытянутое положение рук или руки были чуть согнуты и располагались в области таза. В более позднее время в большинстве случаев руки уже находились в области пояса или груди, что связано с проникновением христианской религии.

Большинство захоронений принадлежит женщинам – 34,3%, мужчинам – 27,2%, детям – 24,4%. В мокшанских и эрзянских могильниках найдены погребения без костяков и вторичные захоронения, они датированы XVI – серединой XVIII вв. Подобные традиции отмечены в могильниках мордвы раннего Средневековья.

Труположение на спине – основной способ захоронения у мордвы с начала 1 тыс. н. э. *Восточную* ориентировку имеют 3% черепов погребенных (модель 1). Такие погребения датируются XVI – серединой XVIII вв., они встречены как у эрзи, так и у мокши.

Западную ориентировку имеют 53,8% погребений. Среди них 9,4% – погребения в гробах без костей домашних животных (модель 2AI). Эти погребения существуют с XVII до начала XIX вв., они отмечены и в эрзянских, и в мокшанских могильниках. Захоронения в гробах с костями животных (2AII) составляют 41%, они фиксируются с XVI до начала XIX вв. как в эрзянских, так

и мокшанских погребальных памятниках. Не имеют конструкций и костей животных (2Б1) 2,6% захоронений. Они датируются XVII – началом XIX вв., имеются в могильниках обеих этнических групп. На дне могильной ямы, без всяких конструкций, с костями домашних животных (2БП) совершены 40% погребений. Они существуют в течение всего рассматриваемого нами периода у эрзи и у мокши. Погребений на подстилке (2В) 1,6%, они имеют место с XVII до начала XIX вв. у обеих этнических групп. В колоде без костей животных (2Д) зафиксировано 3,6% погребений. Они характерны для всего рассматриваемого нами периода только для эрзянских могильников.

Погребения с *северной* ориентировкой составляют 17%. Среди них 16,6% – захоронения в гробах без костей животных (модель 3А), датируются XVI – серединой XVIII вв. и зафиксированы только у эрзи. В колоде без костей животных (3Б) совершены 13,4% погребений XVII – середины XVIII вв. Они присущи как эрзянским, так и мокшанским могильникам. Захоронений без конструкций и костей животных (3В) 66%, они зафиксированы в могильниках обеих этнических групп XVI – середины XVIII вв. Погребения на подстилке без костей домашних животных (3Г) составляют 10%, датируются XVII – серединой XVIII вв., отмечены у эрзи и мокши.

Захоронения с *южной* ориентировкой составляют 18,8% от общего количества. Среди них 85,3% погребений без конструкций и костей животных (4А), они существуют в течение XVI – середины XVIII вв. преимущественно у мокши. 6,2% составляют захоронения на подстилке с костями животных (4Б), они датируются XVI–XVII вв., зафиксированы только в мокшанских памятниках. 6,2% погребений совершены в гробах без костей животных (4В), их дата также XVI–XVII вв. Найдены только в мокшанских могильниках.

Подкурганные погребения на дневной поверхности составляют 4% всех погребений (модель 5). Это захоронения с северной или северо-западной ориентировкой. 71,4% погребений из них – парные, на подстилке, в раме или срубе. Погребальные конструкции имеют следы огня. Руки погребенных вытянуты, или одна из них чуть согнута. Без конструкций и без костей животных совершены 28,6% погребений. Они датируются XVI – серединой XVIII вв. и отмечены только для эрзянских могильников.

Захоронения под курганной насыпью в грунтовых погребениях составляют 1,7% всех погребений (модель 6). Это в одном случае погребение без конструкции с костями животных и следами горения в насыпи, в другом – парное погребение в срубе без костей животных, в третьем – без конструкций и костей животных, еще два аналогичных погребения имеют следы горения в насыпи. Эти погребения совершены в течение XVI – середины XVIII вв. только в эрзянских могильниках.

Традиция помещать сосуд в погребение зафиксирована у мордвы в начале 1 тыс. н. э. и прослежена до середины XVIII в. Сосуды оставляли в межмогильном пространстве, в насыпях курганов, в насыпи грунтовых и подкурганных могил. Чаще всего они найдены в детских погребениях: в подкурганных – в ногах, в грунтовых – у черепа погребенного, в ногах и насыпи ям. В грунтовых погребениях отмечена традиция установки перевернутого сосуда.

Кресало с кремнем для высекания огня, кочедыки для плетения лаптей и топоры клали в мужские погребения, чаще у тазовых или бедренных костей. Традиция помещения кресала и кремня существует с XI в. и прослежена до XVII в. Погребения с топором и кочедыком зафиксированы в XVI – начале XVIII вв. Наконечники стрел обнаружены в мужских погребениях XVI–XVII вв.

Исчезновение обычая помещать в могилы орудия труда и охоты связано с

дефицитом, возникшим в связи с указами середины XVII в., которые запрещали инородцам самостоятельно производить любые металлические изделия. Запрещалась также продажа железных орудий труда в деревнях. Приходилось покупать их в городах по специальному разрешению в строго ограниченном количестве. Последствием действия этих указов явилась стандартизация железных изделий, нивелировка этнического своеобразия их форм.

Пряслица и кечказ для вышивания найдены в женских погребениях XVI – середины XVIII вв., в большинстве случаев в ногах. Серпы обнаружены в женских эрзянских погребениях XVI–XVII вв. Гребни встречены в женских погребениях эрзи и мокши XVI – начала XIX вв.

Нож играл особую роль в погребально-поминальных обрядах мордвы. Его клали в мужские и женские погребения у тазовых или бедренных костей.

Монеты в качестве погребального инвентаря (без отверстий) обнаружены в 30% погребений. Они располагались у черепа, тазовых или бедренных костей, во рту погребенного, в области груди или пояса, в руке. Монеты в погребении имели сакральный смысл. В середине XVIII в. появилась традиция скобления монет, существовавшая вплоть до конца XIX в.

8% погребений содержали жертвенные вещи. Захоронения с дарами появились в рязано-окских могильниках IV–V вв. Вещи в бурачке обнаружены в захоронениях курганно-грунтовых эрзянских могильников XVI–XVII вв. Дары без дополнительной оболочки – в грунтовых погребениях XVI – начала XIX вв., у черепа или в области ног. Жертвенные вещи предназначались для «пересылки» ранее умершим родственникам или являлись дополнительным набором украшений для умершей женщины.

Имеющийся в нашем распоряжении материал раскопок отражает в основном культуру языческой мордвы, поскольку

христианские символы найдены в трех могильниках. Количество погребенных с крестами мужского и женского пола, детей и взрослых, примерно одинаково. Кресты в основном обнаружены на месте их ношения, в одном случае – на крышке гроба. В нескольких случаях кресты были подвешены к ожерелью.

Безынвентарные погребения (набор 1) составляют 43,4% всех погребений, большая их часть – детские. Они встречены в могильниках эрзи и мокши. В остальных погребениях зафиксированы следующие наборы погребального инвентаря:

– набор 2. *Только крест*, появляются в 60-х гг. XVIII – начале XIX вв., большая их часть – детские;

– набор 3. *Только дары* (1%), женские погребения эрзи XVII – начала XVIII вв.;

– набор 4. *Только орудия труда* (10%), погребения эрзи и мокши XVI–XVII вв., среди которых большая часть мужских;

– набор 5. *Только монета* (18,5%), захоронения эрзи и мокши, в основном женские и детские. Характерен для всего рассматриваемого периода;

– набор 6. *Только сосуд* (2,6%), погребения эрзи и мокши XVI–XVII вв.;

– набор 7. *Только кресало и кремь* (1,8%), мужские захоронения мокши XVI–XVII вв.;

– набор 8. *Орудия труда и монеты* (8,5%), погребения эрзи и мокши XVI – середины XVIII вв., в основном мужские;

– набор 9. *Орудия труда, кресало и кремь* (6,4%), мужские погребения обеих этнических групп XVI–XVII вв.;

– набор 10. *Орудия труда, дары и монеты* (1,8%), эрзянские и мокшанские погребения XVI – середины XVIII вв., большинство – мужские;

– набор 11. *Крест и монета* (2,6%), погребения эрзи и мокши середины XVIII – начала XIX вв.

Исследованы остатки *головных уборов и украшений головы*: накосник, налобная

повязка, шерстяные косы, остатки уборов и подвески к ним, булавки, серьги; *шейно-нагрудных застёжек и украшений*: лопастные и кольцевые сюлгамы, ожерелья из бус, раковины каури, бубенчики, пуговицы-подвески, цепочки, спиральные пронизки, просверленные зубы животных, рыбы позвонки и копоушки; *воротников из бисера и нагрудных украшений*; *украшений рук*: браслеты, кольца, перстни; *поясных украшений*: пряжки, поясные кольца, бляхи; *набедренных украшений*: пулокарксы; *остатков обуви и одежды*.

Головные уборы женщин были закрытыми в отличие от девичьих. Рассмотрены *девичьи головные уборы*: накосник и налобная повязка; *женские*: эрзянская (терюханская?) шапочка, эрзянские уборы типа сороки и клабука; мокшанские накосники-пулокеры. Прототип последних появился еще в VIII–XI вв. В конце XVII в. пулокер заимствован у мокши эрзей. Для закалывания частей головного убора на затылке эрзя, живущая на левобережье Мокши и междуречье Тешы и Пьяны, использовала булавки. Височные кольца в рассматриваемый нами период были вымирающим типом украшения, они бытовали до середины XVIII в.

Еще с XI в. известны литые шаровидные бубенчики с прорезью в нижней части; солярная подвеска из серебра; пряжка с рамкой в виде вытянутых рук человека; перстень с квадратным щитком без орнамента, треугольным расширением у щитка и насечками; усатые перстни; битрапещиевидные, округлые и колесовидные пряслица; секировидные и узколезвийные топоры с округлой втулкой; овальные кресала с фигурным вырезом в центре.

Имеют аналогии в могильниках XII–XIV вв.: круглопроволочные серьги типов а, б; стеклянные шарообразные черные бусы с желтыми и белыми полосками; мозаичная цилиндрическая бусина из черно-красно-белого стекла; стеклянные округло-ребристые прозрачные зеленые бусы типа а1;

глазчатые, пастовые, янтарные и каменные бусы различных форм; полые пуговицы-подвески на ножке округлой формы; бубенчики из двух поперечных половинок с восьмеркообразной прорезью; кольцевые сюлгамы со свернутыми концами без насечек на концах; кольцевые сюлгамы и браслеты с концами, оформленными в виде головок змей; жгутовые браслеты; пластинчатые перстни; калачевидные кресала. Более всего находок предметов ранних форм в могильниках Корино, Вертелим, Сарлей, Торжок, Пичпанда, отчасти – Тоторшево и Нароватово.

Следующие украшения костюма и предметы погребального инвентаря имеют аналогии в синхронных марийских, удмуртских и чувашских могильниках: штампованные серьги типа б, стеклянные эллипсоидные синие бусы типа б; трех- и пятидольные стеклянные бусы; шарообразные бусы из черного стекла с желтыми и белыми полосками; многогранные бусы типа г из синего стекла; литые пуговицы-подвески на ножке округлой, вытянутой, грушевидной и двенадцатигранной формы; кольцевые сюлгамы со свернутыми концами без насечек на концах; калачевидные и изогнутой формы кресала; кочедыки изогнутой формы и с навершием с двумя отверстиями в верхней части; пряжки с пятиугольной рамкой, утолщение которой украшено в технике ложной зерни; пластинчатые перстни с овальным и ромбовидным щитком; кольца с насечками и наколами по центру и краям; колесовидные пряслица; широколезвийные топоры с треугольной втулкой.

Каких бы то ни было остатков костюма и украшений (модель 1) не имели 23% погребений эрзи и мокши XVI – начала XIX вв. Среди них большее количество погребений детей. Только украшения (модель 2) содержат 6,9% захоронений эрзи и мокши в течение всего исследуемого нами времени, среди них только женские и мужские. Полный костюм (3 модель)

встречен в 0,8% женских погребений XVII – середины XVIII вв.

В качестве остатков костюма в погребениях зафиксированы:

– *сюлгама* (модель 4) – 26,3% захоронений эрзи и мокши XVI – начала XIX вв., большинство из них женские;

– *пряжка* (модель 5) – 7,5%. Характерны для мужских погребений (41,7%) XVII–XVIII вв. Женских погребений данной модели 22,2%, большая их часть датируется концом XVIII – началом XIX вв. В 77,8% таких погребений отсутствуют какие-либо украшения;

– *пуговица* (модель 6) – 1,3% погребений, это мужские эрзянские погребения середины XVIII – начала XIX вв.;

– *головной убор и сюлгама* (модель 7) – 14,6%. В основном женские погребения эрзи и мокши XVI – начала XIX вв.;

– *сюлгама и пряжка* (модель 8) – 7,9%. Мужские (47,4%) захоронения эрзи и мокши XVI – начала XIX вв.;

– *головной убор и пряжка* (модель 9) – 6%, женские погребения эрзи и мокши XVI – начала XIX вв.;

– *головной убор, сюлгама и обувь* (модель 10) – 1,5% погребений эрзи и мокши XVI – середины XVIII вв.;

– *сюлгама и обувь* (модель 11) – 1,3% погребений эрзи и мокши XVI–XVII вв., преимущественно женские. 33,3% совершены под курганной насыпью.

Духовная и материальная культура эрзи и мокши отличается как огромным богатством и разнообразием, так и удивительной консервативностью. В течение рассматриваемого периода, более всего это относится к XVI – середине XVIII вв., продолжили свое существование многие языческие погребальные традиции. С другой стороны, с течением времени под воздействием многочисленных внешних факторов исчезали некоторые элементы погребального ритуала, присущие языческой мордве. С середины XVIII в. в погребальную обрядность начали проникать элементы

христианской веры, первоначально сосуществуя с традиционными языческими ритуалами. В связи с активной колонизацией и оторванностью мордвы от коренных территорий с начала XVIII в. некоторые традиционные, а также вновь возникшие погребальные обычаи имеют скорее не этнические, а региональные особенности. Погребальный обряд эрзи и мокши во многом схож, своеобразие его определено более временным и территориальным, а не этническим фактором.

Вещевой инвентарь мордвы XVI – начала XIX вв. отличается огромным разнообразием типов. С одной стороны, до начала XVIII в. продолжили свое существование некоторые традиционные формы украшений и вещей, известные в памятниках мордвы еще с XI–XIV вв. С другой стороны, в связи с политическими и социально-экономическими событиями и благодаря тесному общению мордвы с другими этносами некоторые формы предметов исчезли, другие – видоизменились, появились и новые.

Костюмы эрзи и мокши во все периоды времени характеризуются богатством и разнообразием украшений. Отмечена тенденция взаимопроникновения некоторых элементов костюма эрзи и мокши. В костюме мокши появляется пулокаркс и широко распространяются кольцевые сюлгамы, в эрзянском в единичных случаях мы фиксируем пулокерь и лопастные сюлгамы. Женский костюм и в поздний период имеет сакральную значимость, служит социальным, возрастным и территориальным индикатором, а также демонстрирует необычайную консервативность элементов. До начала XIX в. сохраняются основные составляющие части женского костюма, принципы и традиции его украшения. В течение этого периода он имеет не только этнические, но и региональные особенности.

Таким образом, такие важные элементы традиционной культуры мордвы как погребальный обряд, костюм, украшения и вещевой инвентарь в XVI –

начале XIX вв. испытывали на себе влияние трансформационных процессов, происходящих на территории Среднего Поволжья. Присоединение к Русскому государству новых земель во второй половине XVI в. формировало новую канву социально-экономических отношений. Это был период активной миграции и взаимодействия русского, татарского и мордовского

и других народов. В XVII–XVIII вв. часть мордовского населения переселяется на юго-восток, в то время как на их прежних землях росло присутствие русских переселенцев. Активное взаимодействия мордвы с русским, татарским и другими соседними народами приводило к культурным заимствованиям и постепенному размыванию отдельных черт традиционной культуры эрзи и мокши.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Архивные источники

Акимов Н.А. Археологические исследования Мордовско-Паркинского могильника в Краснослободском районе Мордовской АССР. Саранск, 1991 / Архив МордГУ.

Акимова М.С. Отчет об археологических раскопках в Чувашской АССР в 1949 г. М., 1949 / Архив ИА РАН. Р-1, № 343.

Акимова М.С. Отчет об археологических раскопках в Мордовской и Марийской АССР в 1951 г. М., 1951 / Архив ИА РАН. Р-1, № 635.

Акимова М.С. Отчет об археологических раскопках в Мордовской и Марийской АССР в 1953 г. М., 1953 / Архив ИА РАН. Р-1. № 824.

Акимова М.С. Отчет об археологических раскопках в Удмуртской АССР в 1955 г. М., 1955 / Архив ИА РАН. Р-1. № 1127.

Акимова М.С. Отчет об археологических раскопках в Марийской и Удмуртской АССР в 1958 г. М., 1958 / Архив ИА РАН, Р-1. № 635.

Алихова А.Е. Отчет Мордовского научно-исследовательского Института о раскопках Кельгининского могильника летом 1964 г. М., 1964 / Архив ИА РАН. Р-1. № 3155.

Алихова А.Е. Отчет о раскопках за 1926 г. М., 1926 / Архив ИА РАН.

Алихова А.Е. Краткий отчет о раскопках Бутского мокшанского могильника 17–18 вв. на Просвирниной горе близ г. Наровчата Пензенской губернии в июле 1927 г. // Отчет о разведках и раскопках Палеонтологической лаборатории Антропологического института при ИМГУ в ЦПО. М. 1927 / Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 113.

Алихова А.Е. Краткий отчет об экспедициях 1937–39 гг. М., 1939 / Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 259.

Антропологическая комплексная экспедиция по ЦПО. Краткий отчет по раскопкам II мордовского могильника у с. Б. Макалем Глуховской волости Арзамасского уезда Нижегородской губернии // Раскопки Жукова в 1926 г. в Московской и Нижегородской губерниях. М., 1926 / Архив ИИМК. Ф.2. Оп. 1. № 119.4.1.

Артемова В.Д. Дневник археологических разведок в Ардатовском районе Мордовской АССР. Саранск, 1971 / Архив МордГУ.

Артемова В.Д. 1972. Отчет о работе археологической разведочной экспедиции МГУ им. Н.П. Огарева, работавшей в восточных районах Мордовской АССР летом 1972 г. Саранск, 1972 / Архив МордГУ.

Артемова В.Д. 1973. Археологические разведки в Больше-Березняковском районе Мордовской АССР. Саранск, 1973 / Архив МРКМ

Артемова В.Д. Отчет об археологической разведке в зоне строительства Старо-Девичьей оросительно-осушительной системы Ельниковского района Мордовской АССР. Саранск, 1978 / Архив МордГУ.

Артемова В.Д. Отчет о разведках в Ардатовском районе Мордовской АССР. Саранск, 1988 / Архив МРКМ.

Артемова В.Д. Отчет о разведках в Атяшевском и Краснослободском районах Мордовской АССР в 1990 г. Саранск, 1990 / Архив МРКМ.

Ахмедов И.Р. Отчет о работах Рязано-Окской экспедиции ГИМ в 1999 г. М., 1999 / Архив ГИМ.

Беляев Я.В. Отчет об археологических разведках в Атюрьевском и Кочкуровском районах Мордовской АССР в 1980 г. Саранск, 1980 / Архив МНИИЯЛИЭ. Д. И-1030.

Беляев Я.В. Отчет о раскопках за 1981 г. Саранск, 1982 / Архив МНИИЯЛИЭ.

Биленко М.В. Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII в. (по дворцовым и переписным книгам). Дисс... канд. ист. наук. Саранск, 1980. 385 с.

Вернер С.П. Дневник археологической разведки 1939 г. Теньгушевский район. Саранск, 1939 / Архив МНИИЯЛИЭ. И-136.

Вихляев В.И. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Стародевиченской оросительно-осушительной системы Ельниковского р-на Мордовской АССР в 1979 г. М., 1979 / Архив ИА РАН. Р-1. № 7457.

Вихляев В.И. Отчет об охранных археологических исследованиях Кельгининского могильника в Zubovo-Полянском районе Республики Мордовия в 1998 г. Саранск, 1999 / Архив МордГУ.

Вихляев В.И. Отчет об охранных археологических исследованиях 1999 г. Кельгининского могильника в Zubovo-Полянском районе Республики Мордовия. г. Саранск, 2000 / Архив МордГУ.

Вихляев В.И. Сводный отчет по проекту К 0014 «Наследие предков (аварийные археологические работы на Кельгининском могильнике в Zubovo-Полянском районе Республики Мордовия)». Этап 2000 г. Саранск, 2000a / Архив МордГУ.

Вихляев В.И. Сводный отчет по проекту К 0014 «Наследие предков (аварийные археологические работы на Кельгининском могильнике в Zubovo-Полянском районе Республики Мордовия)». Этап 2001 г. Саранск, 2001 / Архив МордГУ.

Вихляев В.И. Отчет об археологических исследованиях зоны оросительно-осушительной системы «Заря» Zubovo-Полянского района Мордовской АССР в 1985 г. Саранск, 1985 / Архив ИА РАН.

Воеводский М. Краткий отчет по раскопкам мордовского могильника у с. Ревезень Арзамасского уезда Нижегородской губернии, произведенным обследовательским отрядом экспедиции 1928 г. // Работы Московского Антропологического Института по Ц.П.О. М., 1929 / Архив ИИМК. Ф. 2., Оп. 1. Д. 129.

Воронина Р.Ф. Отчет о раскопках Кельгининского могильника летом 1963 г. М., 1963 // Архив ИА РАН. Р-1. № 3225, 3225a.

Воронина Р.Ф. Средне-Цнинская мордва VIII–XI веков (по материалам могильников). Дисс... канд. ист. наук. М., 1991. 218 с.

Воскресенский А.С. Отчет о работе I Мордовского отряда Поволжской экспедиции в 1963 г. М., 1963 / Архив ИА РАН. Р-1. № 278.

Гольмстен В.В. Материалы археологических разведок, Самара, 1926 / Архив СамГУ.

Горюнова Е.И. Краткий отчет о работе мордовской экспедиции 1939 г. М., 1939 / Архив МНИИЯЛИЭ. Д. И-58.

Жиганов М.Ф. Отчет о работе Мордовской разведочной экспедиции 1955 г. в бассейне верхнего течения р. Теши и ее притоков Иржа и Леметь в пределах Арзамасского, Ардатовского и Мухомоловского р-ов Арзамасской обл. М., 1956 / Архив ИА РАН. № 1097.

Жиганов М.Ф. Отчет о работе Мордовской разведочной экспедиции в бассейне р. Мокша в октябре 1958 г. М., 1958 / Архив МНИИЯЛИЭ. Д. И- 408.

Жуков Б.С. Краткий отчет по раскопкам могильника в д. Тотор-шево Нижегородской губернии, Арзамасского уезда, Ардатовской волости, проведенным Тоторшевским палеоэтно-логическим отрядом экспедиции. М., 1926 / Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 129.

Заварюхин Н.В. Социально-экономическое развитие Мордовии в последней четверти XVII – первой половине XVIII вв. Дисс... канд. ист. наук. М., 1976. 222 с.

Зеленеев Ю.А. Отчет о работе разведочного отряда археологической экспедиции Мордовского государственного университета в 1973 г. Саранск, 1973 / Рукописный фонд при археологическом музее МордГУ.

Зеленцова О.В. Хронология и периодизация среднецнинских могильников древней мордвы. Дисс... канд. ист. наук. Саранск, 1998. 159 с.

Каминский А. Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарского удельного имения. СПб, 1849 / Архив РГО. Оп. 1. Д. 22.

Каховский Б.В. Дохристианский погребальный культ чувашского населения. Дисс... канд. ист. наук. Чебоксары, 1980. 306 с.

Краткий отчет по раскопкам могильника у с. Кардовиль Нижегородской губернии, Арзамасского уезда, Пановской волости, проведенным обследовочным отрядом экспедиции 1926 г. // Раскопки Жукова в 1926 г. в Московской и Нижегородской губерниях / Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 119, Ч. 1.

Латынин Б.А. Мордовский могильник на Поляне им. Фрунзе. 1935 / Архив ИИМК РАН. Л. 11

Малкова Н.М. Отчет о раскопках Шелехметского 1 грунтового могильника. Самара, 1996 / Архив ИА РАН.

Малкова Н.М. Отчет о раскопках Коноваловского 1 грунтового могильника в Борском районе Самарской области. Самара, 2000 / Архив ИА РАН.

Малкова Н.М. Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI – начала XIX вв. Автореф. дис... канд. ист. наук. Самара, 2000а. 23 с.

Матвеева Г.И. Отчет о раскопках Шелехметского могильника. Самара, 1970 / Архив ИА РАН.

О выдаче Открытых листов Симбирской Ученой Архивной Комиссии / Архив ИИМК. Ф. 1. № 60. 1896.

Орлов В. Первоначальные опыты исследования по истории и древностям мордвы / Архив РГО. Р. 53. Оп. 1. № 28

Отчет о раскопках в Пензенской и Тамбовской губерниях / Отчет Императорской Архивной Комиссии за 1892 г. СПб: Типография Главного управления уделов, 1894. С. 45–51.

Полесских М.Р. Отчет об археологической разведке 1950 г. в Пензенской области по открытому листу № 38 (форма № 2), выданному ИИМК АН СССР на имя Полесских М.Р. Пенза, 1950 / Архив СамГУ.

Полесских М.Р. Отчет об археологических раскопках и разведках в Пензенской области по открытым листам № 47 и 48, выданным институтом археологии АН СССР 12/V-1960. Пенза, 1961 / Архив СамГУ.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1968 г. по открытому листу № 20, форма № 1. Пенза, 1968 / Архив СамГУ.

Полесских М.Р., 1971. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1971 г. по открытому листу ИА АН СССР, № 39, выданному на имя Полесских М.Р. 7 мая 1971 г. Пенза // Архив СамГУ.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1976 г. по открытому листу № 160, выданному ИА АН СССР на имя Полесских М.Р. Пенза, 1976 / Архив СамГУ.

Поливанов В.Н. Сабанчеевский могильник // О выдаче открытых листов Симбирской Ученой Архивной Комиссии. СПб, 1896 / Архив ИИМК, Ф. 1. № 60.

Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. СПб, 1900 / Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1.

Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Л., 1925 / Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 101.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья (до XIV в.). Дисс... канд. ист. наук. М., 1966. 488 с.

Секторов П. Погребальные обычаи мордвы, СПб, 1865 / Архив РГО. Р. 28. Оп. 1. XXVIII. № 10.

Секторов Л. 1865. Этнографические сведения о мордве, живущей в Мокшанском уезде. СПб, 1865 / Архив РГО. Р. 28. Оп. 1. XXVIII. № 21.

Смирнов Б.Е. Отчет краеведа Б.Е. Смирнова о старательной археологической разведке в 1961–65 гг. Саранск, 1965 / Рукописный фонд НИИГН. И- 645.

Смирнов Н.И. Отчет о раскопках Рыбкинского могильника // О древностях, найденных близ села Каракулина Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб, 1892 / Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 144.

Спицын А.А. Отчет о раскопках Рыбкинского могильника. СПб, 1892 / Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 94.

Спрыгина Н.И. Археологическая карта Пензенской губернии. М., 1925 / Архив ИА РАН. Н-арх. № 464.

Сташенков Д.А. Отчет об охранно-спасательных археологических работах на комплексе средневековых памятников у д. Пролетарий Челно-Вершинского района Самарской области. Самара, 1995 / Архив ИА РАН.

Степанов П.Д. Отчет о работе археологической разведочной экспедиции летом 1940 г. по рекам Мокше и Иссе. Саранск, 1940 / Архив НИИГН. Д. И-63.

Степанов П.Д. Дневник археологических разведок в Ардатовском р-не Мордовской АССР 1941 г. Саранск, 1941а / Архив НИИГН. Д. И-136.

Степанов П.Д. Отчет о работах, проведенных археологическим отрядом экспедиции МНИИ с 3/VIII по 1/IX 1945 г. Саранск, 1945а / Архив НИИГН. Д. И-50.

Степанов П.Д. Отчет об археологических работах за 1945 г. Саранск, 1945б / Архив НИИГН. Д. И-51.

Степанов П.Д. Отчет о работе археологической разведочной экспедиции МНИИ в пределах Козловского, Ардатовского и Больше-Игнатовского районов Мордовской АССР летом 1946 г. Саранск, 1946а / Архив НИИГН. Д. И-136.

Степанов П.Д. Отчет о работе разведочной археологической экспедиции в пределах Ульяновской области летом 1951 г. Саранск, 1951 / Архив ИА РАН. Р-1. № 553.

Степанов П.Д. Отчет об археологической экспедиции 1963 г. Саранск, 1963 / Архив ИА РАН. Р-1. № 2654а.

Степанов П.Д. Отчет о раскопках за 1966 г. Саранск, 1966 / Архив НИИГН.

Федянович Т.П. Традиционные семейные обряды мордвы. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1974. 26 с.

Циркин А.В. Отчет о раскопках Вертилимского могильника. Саранск, 1965 / Архив МордГУ.

Циркин А.В. Отчет о раскопках Кельгининского могильника. Саранск, 1966 / Архив МордГУ, И-1011.

Шикаева Т.Б. Марийцы конца XVI – начала XVIII вв. (по материалам могильников). Дисс... канд. ист. наук. М., 1988. 418 с.

Шитов В.Н. Отчет о раскопках Нароватовского могильника. Саранск, 1995 / Архив НИИГН.

Опубликованные источники

Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук / Под ред. Н.А. Попова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890-1901. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол, 1635–1659, 1894. XLV, 773 с.

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 259–301.

Алихова А.Е., Воронина Р.Ф., Циркин А.В. Кельгининский могильник (Предварительное сообщение) // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 27 / Ред. кол. И.К. Инжеватов, К.А. Котков, Л.Г. Филатов, С.О. Циркин. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. С. 185–205.

Альбом древностей мордовского народа / Отв. ред.: Ю.В. Готье, А.И. Яковлев. Саранск: Мордовский научно-исследовательский институт, 1941. 138 с.

Артемова В.Д. Разведки в Мордовской АССР // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УО АН СССР, 1989. 86 с.

Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 1 / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2013. 304 с.

Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 2 / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2014. 312 с.

Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 3. / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2015. 367 с.

Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 1 // Сост. Т.Д. Николаенко, ред. А.В. Кашкин. М., 2004. 384 с.

Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 2 // Сост. Т.Д. Николаенко, ред. А.В. Кашкин. М., 2008. 464 с.

Ауновский В. Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. Симбирск, 1869. С. 85–109.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Могильник Кораблино. М., 1999 / Архив ГИМ.

Беляев И. Эпизоды из истории г. Краснослободска и его уезда в 18 столетии // ПЕВ. 1868. № 9.

Беляев Я.В. Погребальный памятник XI–XIV веков у с. Старое Бадиково (раскопки 1981–1982 гг.) // Материалы по археологии Мордовии. Вып. 85 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. С. 104–117.

Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Кельгининский могильник: Раскопки 1990-х гг. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1998. 186 с.

Беневолинский Г. Мордовские верования // СамЕВ. 1868. № 21.

Богачев А.Ф. Тоторшевский могильник // Археологические памятники мордвы I тыс. н. э. / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 63 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1979. С. 163–170.

Богословский П. Церковно-приходская летопись. Село Дракино, Спасского у., Тамбовской губернии // ТЕВ. 1890. № 18.

Буров Г.М. Мордовский могильник XVII–XVIII вв. в Ульяновском Поволжье // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 48 / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. С. 176–177.

Быт и верования мордвы в конце 18 столетия (Из записок уездного землемера Мильковича, доставленных в 1783 году г. Масленникову, составлявшему в это время топографическое описание Синбирского наместничества) // ТЕВ. 1905. № 18. С. 815–831.

Вихляев В.И. Раскопки Ачадовского могильника // Археологические открытия 1985 г. / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 171–172

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. О народах финского племени. Ч. 1. СПб.: Печатано при артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе типографщиком И.К. Шнором. 1776. 89 с.

Горюнова Е.И. Коринский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948. С. 56–87.

Горюнова Е.И., 1948а. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948. С. 6–47.

Гр. П-ов. Мордовское село Лобаски (История села, верования, обычаи и нравы его жителей до принятия ими христианской веры в 1744 году и после сего до настоящего времени) // НЕВ. 1887. № 13. С. 669–683.

Гр. П-ов. Мордовское село Лобаски (История села, верования, обычаи и нравы его жителей до принятия ими христианской веры в 1744 году и после сего до настоящего времени) // НЕВ. 1887а. № 14. С. 725–735.

Елисеев А.Г., Зеленева Ю.А. Средневековый могильник на юге Горьковской области // Археологические открытия 1974 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1975. С. 155–156.

Жиганов М.Ф. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1959. С. 55–97.

Жиганов М.Ф. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1959. С. 5–12.

Жуков Б.С. Очерк трехлетних работ Антропологической комплексной экспедиции по ЦПО Антропологического Научно-исследовательского института (1925–1927 гг.) // Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете 1 МГУ. Т. 1. Вып. 1–2, / Отв. ред. проф. В. Ф. Каган. М.: Госиздат, 1927

Зеленева Ю.А. Дубровский могильник // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 52 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1976. С. 168–170.

Зеленева Ю.А. Исследование средневековых памятников в Пензенской и Астраханской областях // Археологические открытия 1993 г. / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука. С. 65.

Зеленева Ю.А., Артемова В.Д., 1974. Разведки в бассейнах Алатыря и Средней Суры // Археологические открытия 1973 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. С. 152.

Иванов В.А. Мордовский могильник у с. Шелехметь // Краеведческие записки Куйбышевского ОМК. Вып. 3 / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Куйбышев: Кн. изд-во, 1975. С. 142–149.

Иллюстров М. Обряды мордвов при погребении и поминании умерших и вероучение их о загробной жизни // ПЕВ. 1866. № 3. С. 75–82.

Листов А. Религиозные обычаи, поверья и предрассудки христиан из мордвы, Саратовской губернии, Хвалынского уезда // СЕВ. 1866. № 36. С. 1256–1261.

Малкова Н.М. Исследование мордовского могильника в Самарской области // Археологические открытия 1996 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1997. С. 262.

Малкова Н.М. Шелехметский I грунтовой могильник на Самарской Луке // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Самарское археологическое общество, 2013. С. 299–332.

Мартьянов В.Н. Археологические памятники мордвы конца I – начала II тыс. в Горьковской области // Материалы по археологии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 85 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 118–131.

Мартьянов В.Н. Могильник Красное I // Вопросы этнической истории мордовского народа / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 93 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 80–100.

Мартьянов В.Н. Могильник Личадеево V // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 99 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. С. 53–63.

Мартьянов В.Н. Могильник Заречное II // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1 / Ред. Ю.А. Зеленева, Г.А. Федоров-Давыдов. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1998. С. 91–105.

Материальная культура средне-восточной мордвы VIII–XI вв. (по материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 годы) / Ред. А.П. Смирнов. Саранск, 1969. 176 с.

Мартынов П. Остатки старины, сохранившиеся в Симбирском уезде. Симбирск: Губ. тип., 1896. 30 с.

Масленников П. Из быта мордвы с. Кученяево Алатырского уезда Симбирской губернии // ИОАИЭ. Т. 29. Вып. 4. Казань, 1916. С. 188–195.

Милюкович Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // ТЕВ. 1905. № 18. С. 815–831.

Митропольский К. Мордва. Религиозные воззрения, нравы и обычаи // ТЕВ. 1876. № 12. С. 355–365.

Монахов С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2 / Отв. ред. В.Г. Миронов. Саратов: СГУ, 1991. С. 167–188.

Новочадов В. Мордва // ТЕВ. 1876. № 14. С. 397–406.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1773. Ч. I. 117 с.

Петербургский И.М. Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 80 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. С. 50–78.

Петербургский И.М., Аксенова Т.В., Гришаков В.В., Первушкин В.И. Стародевиченский могильник // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 99 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. С. 64–99.

Петербургский И.М., Первушкин В.И. Стародевиченский могильник (раскопки 1989–1990 гг.) // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. С. 69–104.

Поляна им. Фрунзе, 1941 // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. / Под ред. В.В. Гольмстен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 148–151.

Радищев М. Старо-Яблонский могильник // Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 31. Саратов: Тип. Губернского земства, 1914. С. 145–148.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 20. Львовская летопись. Ч. 2. СПб.: Типография М.А. Александрова. С. 420–686.

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 3. М.: Университетская типография, 1898. 208 с.

Снежницкий из с. К-са. Праздникъ «Петрооскошь» –Петровъ Молянъ, въ день Св. апостоловъ Петра и Павла, въ мордовскомъ сель К-съ // ПЕВ. 1870. № 20. С. 647–655.

Смирнов П. Мордовское население Пензенской губернии // ПЕВ. 1874. № 1. С. 19–32.

Спицын А.А. Древности Пензенской губернии. Пенза: типолитография имени тов. Воровского, 1925. 14 с.

Степанов П.Д. Краткий отчет о работе археологической экспедиции 1940 г. // Записки МНИИЯЛИЭ. Вып. 2 / Отв. ред. В.И. Самаркин. Саранск: Издательство МНИИСК, 1941. С. 44–49.

Степанов П.Д. Археологические работы в Мордовской АССР в 1940–41 гг. // Записки МНИИЯЛИЭ. Вып. 6 / Саранск: Мордгиз, 1946. С. 64–93.

Степанов П.Д. Итоги археологических работ в Западном Поволжье // УЗ СГПИ и СГУ. Вып. 22 / Саратов: 1956. С. 61–142.

Степанов П.Д. Итоги археологических работ в Западном Поволжье за пятилетие 1945–1949 гг. // УЗ СГУ и СГПИ. Серия историческая. Вып. XII. Саратов, 1956а. С. 97–101.

Степанов П.Д. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4 / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 221–272.

Степанов П.Д. Археологические памятники на территории Мордовии (III тыс. до н. э. – XVIII в. н. э.). Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969. 71 с.

Терехин В.М. Села Ефаево и Рыбкино Краснослободского у. (Археологические и статистические заметки) // Пензенские губернские ведомости. 1890. № 272.

Терехин В.М. Ефаевский могильник // ИОАИЭ Т. XIV. Вып. I. Казань: типо-лит. Имп. Казанск. ун-та. С. 109–115.

Федоров Б. Памятники старины у с. Старых Печеур // Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 31. Саратов: Тип. Губернского земства. 1914. С. 139–144.

Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. СПб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1910. 848 с.

Циркин А.В. Кельгининский могильник (раскопки 1966 г.) // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 34. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. С. 247–262.

Шикаева Т.Б. Мало-Кугунурский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья / Археология и этнография Марийского края. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. С. 173–185.

Шитов В.Н. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тыс. н. э. / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 93 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во. С. 3–43.

Литература

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/3. М.: Наука, 1982. 105 с., табл. 35–54.
- Алихова А.Е.* Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тыс. н. э. // СА. 1958. № 2. С. 66–77.
- Алихова А.Е.* Из истории мордвы конца 1-го – начала 2-го тыс. н. э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1959. С. 13–54.
- Арзютов И.К.* Мордва XVII–XVIII вв. (по археологической коллекции Нижне-Волжского краевого музея) // Сборник Нижне-Волжского краевого музея. Саратов: Огиз РСФСР, 1932. С. 32–56.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В.* О месте фибул в Рязано-Окских могильниках: постановка вопроса // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НППЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1998. С. 105–123.
- Бакаев М.В., Тропин Н.А.* Рендеры погребальных сооружений мордовского могильника XVII – первой половины XVIII вв. у с. Левжа в Рузаевском районе Республики Мордовия // *Filo Ariadne*. 2023. № 2. С. 1–12.
- Белицер В.Н.* Народная одежда мордвы / Труды Института этнографии, новая серия. Т. 101. М.: Наука, 1973. 216 с.
- Белицер В.Н.* Мордовские сюлгамы // СА. 1977. № 2. С. 193–200.
- Белоцерковская И.В.* Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986–1991 гг.) // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды Государственного исторического музея. Вып. 93 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1997. С. 20–28.
- Беляев Я.В.* Погребальный обряд мордвы мокши в XII–XIV вв. // Вопросы древней истории мордовского народа / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 80 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. С. 79–84.
- Ведерникова Т.И.* Этнография и праздничная культура народов Самарского края. Самара: Самар. обл. науч.-метод. центр нар. творчества, 1991. 90 с.
- Воронина Р.Ф.* Погребальный обряд Среднецнинской мордвы VII–XI вв. // РА. 1993. № 3. С. 68–81.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / РСМ. Вып. 3 / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: ИА ПАН, 1996. 296 с.
- Гнутова С.В.* Медная мелкая пластика древней Руси (типология и бытование) // Русское медное литье. Вып. 1 / Ред. С.В. Гнутова. М.: Сол Систем, 1993. С. 7–20.
- Гольмстен В.В.* Хронологическое значение эволюции древних форм // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Самар. гос. ун-т, 1923. 20 с.
- Голубева Л.А.* Меря // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987а. С. 67–81.
- Голубева Л.А.* Муром // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987б. С. 81–92.
- Голубева Л.А.* Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987в. С. 97–107.
- Голубева Л.А.* Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987г. С. 107–115.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. № 94. М.: Наука, 1961. 264 с.

Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.-Л.: ГИЗ, 1930. 280 с.

Гришаков В.В. К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 85 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 71–103.

Деоник В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. 1961. № 3 С. 202–232.

Димитриев В.Д. Пресечение «шатости и смуты» ясачных крестьян как одно из основных направлений политики царского правительства в Среднем Поволжье в XVII в. (по наказам воеводам) // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма / Отв. ред. Ю.И. Смыков. Чебоксары: Чуваш. НИИЯЛИЭ, 1982. С. 12–19.

Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 223 с.

Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 1. Л., 1926. С. 59–84.

Ефименко П.П. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 48 / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. С. 7–36.

Зеленеев Ю.А., 1987. Элементы погребального обряда мордвы VI–XI вв. // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1987. С. 90–116.

Зеленеев Ю.А. Основные модели погребального обряда мордвы V–XI вв. // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. С. 115–126

Исаева Н.Н. Из опыта каталогизации коллекции медного литья Красноярского музея // Русское медное литье. Т. 2 / Ред. С.В. Гнутова. М.: Сол Систем, 1993. С. 93–103.

Истомина Т.В. Жертвенные комплексы средневековых памятников Приуралья как этнический определитель // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока / Отв. ред. Р.Ф. Итс. Пермь: Перм. ун-т, 1982. С. 78–87.

Кириянов И.А. К вопросу о времени основания г. Горького. Горький: Горьк. обл. краевед. музей, 1956. 35 с.

Козлов В.И. Расселение мордвы в Заволжье // Мордва Заволжья / Отв. ред. В.И. Козлов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. С. 7–22.

Косцова А. Художественное олово в России XVII века из собрания Эрмитажа. Научный каталог. Л.: Искусство, 1982. 79 с.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 223 с.

Крюкова Т.А. Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск: Кн. изд-во, 1968. 121 с.

Лошкарев И.А., Рыбаков А.Г., Балашов В.П., Мачинский П.А. Краниометрическая характеристика черепов Кельгининского могильника // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2015. № 2 (34). С. 71–79.

Майнов В.Н. Один день среди «Мокши» // Древняя и новая Россия. Т. 3. № 10. Год 4. СПб., 1878. С. 117–134.

Майнов В.Н. Очерк юридического быта мордвы / Записки Императорского русского географического общества. По отделению этнографии. Т. 14. Вып. 1. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. 267 с.

Малкова Н.М. Погребальный обряд эрзи в XVIII – начале XIX веках (по материалам раскопок Коноваловского 1 грунтового могильника) // Тезисы VI Международного научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований» / Отв. ред. М.А. Корусенко. СПб., 1998. С. 10–11.

Малкова Н.М. Медная пластика Коноваловского могильника // Тезисы Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых / Ред. С.Э. Зубов. Самара: Ин-т истории и археологии Поволжья, 1998а. С. 144–147.

Малкова Н.М. Заселение мордвой Самарского Поволжья (по материалам археологических раскопок) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Тезисы науч. конф., посвященной 100-летию А.П. Смирнова / Отв. ред. П.Н. Старостин. Болгар: БГИАЗ, 1999. С. 87–89.

Малкова Н.М. Эволюция мокшанского наконсника пулокерь // Вопросы археологии Урала и Поволжья / Ред. Г.И. Матвеева, В.А. Скарбовенко, Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 1999а. С. 216–233.

Малкова Н.М. Костные остатки животных в погребальных комплексах мордвы XVI – начала XIX вв. // Тезисы VII Международного научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований» / Отв. ред. А.Г. Селезнев. М.-Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999б. С. 247–249.

Малкова Н.М. Жертвенные вещи в погребениях мордвы XVI – начала XIX вв. // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Саранск: Изд-во Мордов. гос. пед. ин-та, 2000б. С. 70–74.

Малкова Н.М. Погребальные традиции мордвы в середине XVIII – начале XIX вв. (по материалам археол. раскопок Коноваловского могильника) // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции 6–7 февраля 2001 г. / Отв. ред. П.С. Кабытов, Д.А. Сташенков. Самара: ДСМ, 2001. С. 214–218.

Малкова Н.М. Курганный обряд погребения у мордвы в XVI–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. Нальчик; Омск: Омский. гос. пед. ун-т, 2001а.

Малкова Н.М. Дары в погребальных памятниках мордвы XVI – начала XIX вв. // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 2004. С. 347–363.

Малкова Н.М., Мишина М.Ю. Головные уборы мордвы-эрзи середины – начала XIX вв. по материалам раскопок Коноваловского 1 грунтового могильника) // Тезисы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых / Ред. С.Э. Зубов. Самара: Ин-т истории и археологии Поволжья, 1998б. С. 148–150.

Малкова Н.М., Морозов В.Ю. Украшения мордовского костюма в XVIII – начале XIX вв. (по материалам могильника у с. Коноваловки Борского района) // Краеведческие записки Областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Вып. VIII / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ. 1996. С. 249–268.

Мартьянов В.Н. Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII–XI вв. // Материалы по археологии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 52 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. С. 88–106.

Мартьянов В.Н. Могильник Красное I // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н. э. / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 93 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 80–100.

Мартьянов В.Н. Захоронения коней в могильниках мордвы левобережья р. Теши в конце I – начале II тыс. н. э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. С. 53–68.

Мордва Самарского края: история и традиционная культура / Отв. ред. Н.М. Малкова. Самара: Слово, 2021. 336 с.

Мордовские народные сказки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1970. 160 с.

Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. 159 с.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. 1993. № 1. С. 78–93.

Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний / Под общ. ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. 475 с.

Петербургский И.М. К вопросу о кузнечном и ювелирном ремеслах мордвы // Материалы про археологии и этнографии мордвы / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 45 / Ред. А.П. Смирнов и др. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1974. С. 42–56.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука, 1968. 124 с.

Розенфельдт Р.Л. Ванвиздинская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987а. С. 116–122.

Розенфельдт Р.Л. Поломская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987б. С. 130–135.

Розенфельдт Р.Л. Удмуртские племена в IX–XV вв. Чепецкая культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987в. С. 135–144.

Ручьева А. Анализ орнамента вышивок мордовских головных уборов // Труды Нижне-волжского областного общества краеведения. Вып. 35. Ч. V. Саратов: Издание Н.-Волжского областного научного общества краеведения, 1928. С. 65–77.

Русанова И.П. Один из методов классификации раннеславянской керамики // КСИА. Вып. 148 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1977. С. 31–35.

Садовский А.Я. Письмо на имя председателя комиссии // Действия НГУАК. Вып. 5–9. Н. Новгород, 1889–1890.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.

Смирнов А.П. К вопросу о русско-мордовских отношениях в X–XIV веках // СА. 1971. № 3. С. 135–141.

Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк // Известия ИОАИЭ. Т. 10. Вып. 1-3, 6. Казань: тип. Ун-та, 1892. С. 65–79, 161–194, 300–322, 599–642

Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань: тип. Имп. ун-та, 1895. 306 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт: морфология преднамеренного погребения. Исследования, тексты, словарь. М.: “Восточная литература” РАН, 1997. 279 с.

Солдаткин М.П. Политика русского царизма по христианизации мордвы (из истории внутренней политики царизма в национальных районах Поволжья). Дисс... канд. ист. наук. Саранск, 1974. 218 с.

Спасский И.Г. Счетные жетоны // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса / Ред. А. П. Окладников, Д.М. Пинхенсон. М.-Л.: Главсевморпути, 1951. С. 130–138.

Спрыгина Н.И. Одежда мордвы Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии (по материалам экспедиции 1925 года). Пенза: Мысль печатника, 1925. 46 с.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 308 с.

Федянович Т.П. Похоронные и поминальные обряды мордвы // Бытовая культура мордвы / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 100 / Отв. ред. Н.Ф. Мокшин. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. С. 96–125.

Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата / Пер. с нем. М.: Радио и связь, 1982. 328 с.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.

Халиков А.Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии // Этногенез мордовского народа (материалы сессии 8–10 декабря 1964 г.) / Под общ. ред. акад. Б.А. Рыбакова. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. С. 152–167.

Хвоцев А. Очерки по истории Пензенского края. Пенза: Государственное издательство, Пензенское отделение, 1922. 150 с.

Черников В.Ф. Новые материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья по разведкам Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника 1959–1963 гг. // Этногенез мордовского народа (материалы сессии 8–10 декабря 1964 г.) / Под общ. ред. акад. Б. А. Рыбакова. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. С. 149–151.

Шапран И.Г. Позднесредневековые удмуртские и марийские могильники правобережья Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 1995. С. 190–206.

Шитов В.Н. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок Глазова В.Н. в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в 1 – начале 2 тысячелетия н. э. / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 93 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 3–43.

Шитов В.Н. Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 99 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. С. 21–31.

Шутова Н.И. К истории изучения удмуртских погребальных памятников XVI–XIX вв. // Погребальные памятники Прикамья / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при Совете Министров Удмуртской АССР, 1987. С. 61–88.

Шутова Н.И. Погребальный обряд удмуртов XVI–XIX вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова, Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы, 1991. С. 4–34.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.

Список сокращений

- АКМ – Алатырский краеведческий музей
АКР – Археологическая карта России
АКЧР – Археологическая карта Чувашской Республики
АКЭ – Антропологическая комплексная экспедиция
АМ ЧГУ – Археологический музей Чувашского государственного университета
АО – Археологические открытия
АС – Археологический сборник
АФ ЧГИГН – Археологический фонд Чувашского государственного института гуманитарных наук
АЭМ ЧГПУ – Археологическо-этнографический музей Чувашского государственного педагогического университета
дисс. – диссертация
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИМК – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ГАИМК – Государственный археологический институт материальной культуры
ГИАМ – Горьковский историко-архитектурный музей
ГИМ – Государственный исторический музей
ГКМ – государственный краеведческий музей
КМ – краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КФУ – Казанский федеральный университет
Л – Ленинград
М – Москва
МарГУ – Марийский государственный университет
МИА – материалы и исследования по археологии СССР
мокш. – мокшанский
МНИИЯЛИЭ – Мордовский Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
МордГУ – Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
МРКМ – Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И.Д. Воронина
МЭ – материалы по этнографии
НЕВ – Нижегородские Епархиальные Ведомости
НИИГН – Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
НГИАМЗ – Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
НГУАК – Нижегородская губернская ученая архивная комиссия

ПЕВ – Пензенские Епархиальные Ведомости
ПМ – подъемный материал
погр. – погребение
РА – российская археология
РМ – Республика Мордовия
РГО – Русское географическое общество
РТ – Республика Татарстан
РЧ – Республика Чувашия
САИ – Свод археологических источников
СамГУ – Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева
СамЕВ – Самарские Епархиальные Ведомости
СЕВ – Саратовские Епархиальные Ведомости
см – сантиметр
СНИУ – Самарский национальный исследовательский университет
им. ак. С.П.Королёва
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
СПб – Санкт-Петербург
ТЕВ – Тамбовские Епархиальные Ведомости
УАК – Ученая архивная комиссия
УЗ СГПИ – Ученые записки Саратовского государственного педагогического института
ЧНМ – Чувашский национальный музей
ЦПО – Центральная промышленная область
эрз. – эрзянский

Список сокращенных названий могильников

Арм – Армиевский 2-й	СД – Стародевический
Ан – Анютинский	СП – Старо-Печеурский
Ард – Ардатовский	СС – Старо-Селищенский
Ад – Адашевский	Сяк – Старо-Яксарский
Ач – Ачадовский	Сяб – Старо-Яблонский
Бат – Батушевский	С1 – Сучкино 1
Бел – Беловодский	С2 – Сучкино 2
Болд – Болдасевский	Саб – Сабанчеевский
Бут – Бутский	Тепл – Тепловский
БМ – Больше-Макателемский	Тор – Торжок
Вер – Вертелимский	Торн – Торновской
Веч – Вечкусский	Тот – Тоторшевский
Гул – Гуляевский	Ууз – Усть-Узинский
Диг – Дигилевский	Ш – Шелехметский
Дуб – Дубенки	Ч – Черемисский
Дубр – Дубровский	
Коз – Козловский	
Кар – Кардовильский	
Кел – Кельгининский	
Корж – Коржевский	
Кор – Коринский	
КЛ – Краснолуговской	
Кон – Коноваловский	
Куз – Кузоватовский	
Лоб – Лобаски	
МД – Мордовские Дубровки	
МП – Мордовско-Паркинский	
Нар – Нароватовский	
НП – Новая Пырма	
Нал – Налитовский	
Отр – Отрадненский	
П – Паевский	
Пап – Папулевский	
Пич – Пичпандинский	
Прив – Привольевский	
Рев – Ревезенский	
Ред – Редкодубский	
Руз – Рузлатский	
РМ – Русско-Маскинский	
Рыб – Рыбкинский	
Сар – Сарлейский	
Саб – Сабаетовский	

Список иллюстраций

Рис. 1. Карта расположения могильников мордвы XVI – начала XIX вв.

1 – Верхне-Сусканский; 2 – Карташихинский; 3 – Бахилловский; 4 – Вертелимский; 5 – Чукалинский; 6 – Торновской; 7 – Шелехметский 1; 8 – Утевский; 9 – Коноваловский; 10 – Козловский 1; 11 – Редкодубский; 12 – Селищенский; 13 – Дады; 14 – Поводимовский; 15 – Батушевский; 16 – Дюрки; 17 – Аловский; 18 – Кабаевский; 19 – Мордовские Дубровки; 20 – Дубенки; 21 – Ардатовский; 22 – Красно-Луговской; 23 – Налитовский; 24 – Беловодский; 25 – Коринский; 26 – Больше-Макателемский; 27 – Сарлейский; 28 – Лобаски; 29 – Армиевский 2; 30 – Мачкаасский; 31 – Кузоватовский; 32 – Адашевский; 33 – Паевский; 34 – Атяшевский; 35 – Ачадовский; 36 – Бутский; 37 – Дигилевский; 38 – Журавкинский 3; 39 – Кельгининский; 40 – Мордовско-Паркинский; 41 – Нароватовский; 42 – Привольевский; 43 – Рыбкинский; 44 – Сабанчеевский; 45 – Старо-Печеурский; 46 – Ревезенский; 47 – Русско-Маскинский; 48 – Старо-Яксарский; 49 – Усть-Узинский; 50 – Тоторшевский; 51 – Кардавилевский; 52 – Торжок; 53 – Ново-Пырменский; 54 – Сабаевский; 55 – Черемисский; 56 – Болдасевский; 57 – Папулевский; 58 – Анятинский; 59 – Стародевиченский 2; 60 – Вечкусский; 61 – Отрадненский; 62 – Тепловский; 63 – Пичпандинский; 64 – Бутский; 65 – Левжа; 66 – Сыресинский; 67 – Бахтигильдинский; 68 – Сучкинский 2; 69 – Селиксенский 2.

Рис. 2. Карта расположения Ачадовского могильника.

Рис. 3. План месторасположения Ачадовского могильника.

Рис. 4. План месторасположения Коноваловского могильника.

Рис. 5. План месторасположения Шелехметского могильника.

Рис. 6. План месторасположения Кельгининского могильника.

Рис. 7. План месторасположения могильника у с. Дуброво.

Рис. 8. План месторасположения могильника у с. Лобаски.

Рис. 9. Схема расположения курганов могильника у д. Торжок.

Рис. 10. Коринский могильник:

1 – схематический план; 2 – схема расположения курганов и раскопов; 3 – профиль кургана № 10.

Рис. 11. План раскопа Коноваловского могильника, северная часть.

Рис. 12. План раскопа Коноваловского могильника, южная часть.

Рис. 13. План раскопа Шелехметского 1 грунтового могильника.

1 – сосуд баночной формы; 2–5 – развалы сосудов.

Рис. 14. План раскопа Ново-Пырменского могильника.

Рис. 15. План раскопа Кельгининского могильника 1999 г.

Рис. 16. План раскопа Кельгининского могильника 2001 г.

Рис. 17. Погребение 22 Мордовско-Паркинского могильника:

1 – план погребения; 2 – сюлгана; 3, 5 – пряжка; 4 – нож; 6 – гребень; 7 – кресало.

Рис. 18. Погребение 60 Ачадовского могильника:

1, 2 – серебряные монеты; 3–7 – бронзовые пуговицы; 8 – пряжка бронзовая; 9 – кресало железное; 10 – нож железный; 11 – бубенчик; 12 – камень; 13–14 – перстни.

Рис. 19. Погребение 59 Ачадовского могильника:

1 – древесный тлен, 2 – нож, 3 – монета.

Рис. 20. План погребений 39, 40, 41, 31 Ачадовского могильника

Рис. 21. Погребение 14 Мордовско-Паркинского могильника.

Рис. 22. Погребение 105/106 Мордовско-Паркинского могильника.

I – находки в засыпи: 1 – развал сосудов; 2 – череп коровы; 3 – челюсти овцы.

II – раскопанное погребение: 1 – пряжка; 2 – кресало; 3 – нож; 4 – бляшка; 5 – сюлгамы кольцевые; 6 – сюлгама лопастная; 7 – монеты; 8 – накосник; 9 – бусы.

Рис. 23. Погребение 229 Кельгининского могильника:

1 – план погребения; 2–3 – бронзовые бубенчики; 4–6 – браслеты; 5 – раковины каури; 7–8 – лопастные сюлгамы; 9–10 – перстни; 11 – бронзовая застежка; 12–15 – подвески из жетонов; 16–23 – бусы; 24 – пулокеръ.

Рис. 24. Погребение 1 Ардатовского могильника.

I: 1 – топор; 2 – бусина; 3 – раковины; 4 – пряжка; 5 – перстень; 6 – кресало; 7 – нож; 8 – сюлгама; 9 – монеты; 10 – шерстяная кисточка; 11 – жетон и бусы.

II: 1 – височная привеска; 2 – кечказ; 3 – уголь; 4 – остатки панго; 5 – стержень; 6 – ожерелье; 7 – сюлгама; 8 – остатки гроба; 9 – пряжка; 10 – браслет; 11 – перстень; 12 – бусина; 13 – кисть и бисер; 14 – раковины каури; 15 – монета.

Рис. 25. Погребение 57 Коноваловского могильника.

I – деревянная конструкция: 1 – остатки столба.

II – раскопанное погребение: 1 – веревочка; 2 – крест; 3 – монета.

Рис. 26. Погребение 8 Коноваловского могильника.

I – деревянная конструкция: 1 – гвоздь, жетон на цепочке.

II – раскопанное погребение: 1 – гвоздь; 2 – птичья кость; 3 – бусина; 4 – крест; 5 – кольцо; 6 – монета; 7 – пуговица.

Рис. 27. Погребение 32 Коноваловского могильника.

I – деревянная конструкция: 1 – кольцо; 2 – серьга.

II – раскопанное погребение: 1 – головной убор; 2 – подвеска на нитке бус; 3 – ожерелье; 4 – сюлгама; 5 – раковины каури; 6 – жетоны на цепочке; 7 – пуговица на цепочке; 8 – браслет; 9 – перстень; 10 – крючок.

Рис. 28. Погребение 20 Коноваловского могильника:

I – крышка деревянной конструкции.

II – долбленая колода.

Рис. 29. Погребение 72 Коноваловского могильника:

I – крышка деревянной конструкции.

II – раскопанное погребение в колоде: 1 – серьга; 2 – сюлгама; 3 – кулон с изображением креста; 4 – бусы; 5 – перстень; 6 – браслет; 7 – 3 монеты; 8 – крест.

Рис. 30. Погребение 161 Кельгининского могильника: 1 – план погребения; 2 – накосник; 3–7, 8–9 – подвески; 10 – сюлгамы; 11 – раковина каури; 12–17 – бусы; 18 – серьга.

Рис. 31. Погребение 323 Кельгининского могильника:

1 – сюлгама; 2 – пряжка; 3 – монеты; 4 – кресало; 5 – нож; 6 – обувь.

Рис. 32. Коринский курганно-грунтовой могильник: 1 – схема погребения в кургане 10; 2 – план погребения в кургане 5.

Рис. 33. Погребение 1 Сарлейского могильника:

1 – браслеты; 2 – сюлгама; 3 – бусы и раковины каури; 4 – остатки вышивки; 5 – кольцо и монета.

Рис. 34. Погребение 19 Тоторшевского могильника:

1, 8 – браслеты; 2, 3 – сюлгамы; 4 – подвеска; 5 – раковина каури; 6 – серп; 7 – перстень; 9 – бусы; 10 – остатки обуви; 11 – нож.

Рис. 35. Погребение 260 Кельгининского могильника:

1 – план погребения; 2–8 – лопастные сюлгамы; 9, 10, 17–19 – перстни; 11–13, 15, 16, 20–25, 29–37, 40–43 – бусы; 14 – бронзовый гребешок; 26 – наконечник-пулокер; 27, 28, 38, 39, 46, 47, 51–53 – браслеты; 48 – серьга; 49 – подвеска из клыка животного; 45, 50, 55, 56 – бронзовые бубенчики.

Рис. 36. Топоры из могильников:

1, 2 – Коринский; 3, 4, 6, 7 – Сарлейский; 5 – Тоторшевский; 8 – Ново-Пырменский.

Рис. 37. Кресала из могильников:

1 – Торжок; 2 – Коринский; 3 – Ачадовский (погр. 60), 5 – (погр. 7); 4, 10 – Ново-Пырменский; 6 – Вертелимский (р. 1, уч. 3, погр. 15); 7 – Рыбкинский; 8 – Дигилевский; 9 – Мордовско-Паркинский (погр. 22); 11 – Сабаевский.

Рис. 38. Серьги и височные кольца из могильников:

1, 3, 4 – Рыбкинский; 2, 9 – Торжок; 5 – Батушевский; 6, 10, 12–14 – Коноваловский; 7 – Коринский; 8, 11 – Тоторшевский.

Рис. 39. Бусы из могильников:

15, 33 – Коржевский; 8, 9, 24, 38 – Торжок; 2–6, 11, 16, 26 – Коноваловка; 1, 12, 17 – Шелехметь; 32 – Новая Пырма; 10, 13, 14, 19, 21, 29, 30, 31, 34, 35 – Редкодубский; 18 – Ачадовский; 23, 25, 37 – Рыбкинский; 27, 36 – Кельгининский; 20 – Тоторшевский; 22 – Дигилевский; 28 – Адашевский.

Рис. 40. Подвески, пуговица, крючок и пуговицы-подвески, копоушки из могильников:

1, 10, 26, 31 – Ачадовский; 2 – Адашевский (погр. 5); 4, 13, 30, 33 – Шелехметский; 6–8, 11, 31 – Привольевский; 9 – Тоторшевский; 12 – Лобаски; 14, 15, 19 – Папулевский; 18 – Паевский; 16, 17, 20, 23, 24, 27, 35 – Коноваловский; 21, 22, 25 – Рыбкинский; 28 – Старо-Девический; 32 – Ново-Пырменский; 34 – Коржевский.

Рис. 41. Вещевой инвентарь из могильников:

1 – Ново-Пырменский; 2 – Привольевский; 4, 11, 12, 13 – Нароватовский (погр. 5).

1, 2, 4 – пряслица; 3 – гирька; 5, 9, 13 – кочедыки; 6, 10 – кечказ; 7 – шило; 8 – костяной инструмент; 11, 12, 14 – кремни.

Рис. 42. Жетоны из Коноваловского могильника.

Рис. 43. Браслеты из могильников:

1 – Папулевский; 2 – Нароватовский; 3, 6–8 – Ново-Пырменский; 4 – Пичпандинский; 5, 11 – Торжок; 9, 10 – Тоторшевский.

Рис. 44. Браслеты из могильников:

1, 3, 6, 9–11 – Коноваловский; 2 – Ачадовский; 4 – Нароватовский; 5, 7, 8 – Черемисский.

Рис. 45. Украшения костюма, гребни из могильников:

1 – Пичпандинский; 2 – Торжок; 3, 14 – Кельгининский (погр. 177); 4 – Паевский (погр. 12); 5 – Нароватовский; 6, 22 – Ачадовский (погр. 7), (погр. 43); 13; 7, 8, 18 – Рыбкинский; 9, 16 – Мордовско-Паркинский (погр. 105), (погр. 30); 15 – Коринский; 11 – Русско-Маскинский (погр. 12); 12 – Лобаски; 10, 19, 20 – Сарлейский; 21 – Тепловский (ПМ); 23 – Коноваловский 1–4.

7 – застёжки; 5, 6, 8–20 – пряжки; 21–23 – гребни.

Рис. 46. Кольца и перстни из могильников:

1 – Рыбкинский; 2 – Пичпандинский; 5 – Коноваловский (погр. 5), 6 (погр. 81), 13 (погр. 11); 10 – Ачадовский (погр. 21), 12 (погр. 57), 7 (погр. 15), 8, 15 (погр. 16), 21 (погр. 45);

11, 23 – Лобаски; 18, 19, 22, 25 – Ново-Пырменский; 17 – Сабаевский; 24 – Тоторшевский; 26 – Дигилевский; 27 – Сарлейский.

Рис. 47. Сосуды из могильников:

1 – Ново-Пырменский; 2 – Черемисский; 3, 4, 6 – Лобаски; 5 – Сабаевский.

Рис. 48. Сосуды из могильников:

1 – Шелехметский (погр. 5); 2 – Мордовско-Паркинский (погр. 6); 3 – Шелехметский, кв. Г9; 4 – Шелехметский (погр. 6).

Рис. 49. Сосуды из Ачадовского могильника:

1 – погр. 56; 2, 6 – погр. 7; 3 – погр. 50; 4 – погр. 54; 5 – погр. 37; 7 – погр. 4; 8 – погр. 60.

Рис. 50. Сюлгамы кольцевые из могильников:

1, 3, 8 – Коноваловский; 2, 4 – Торжок; 5 – Ново-Пырменский; 6 – Нароватовский; 7 – Ачадовский; 9 – Рыбкинский; 10 – Адашевский.

Рис. 51. Сюлгамы лопастные из могильников:

1, 2, 5, 10, 13 – Адашевский, 2 – Кельгининский, 4 – Рыбкинский, 6–9 – Черемисский, 11, 12 – Шелехметский.

Рис. 52. Вещевой инвентарь:

1–3 – наконечники стрел; 2, 4–6, 8–10, 12 – ножи; 7 – тесло; 11 – рыболовный крючок.

Рис. 53. Вещевой инвентарь и остатки костюма из могильников:

1–4, 11–14 – Коноваловский; 5, 6 – Шелехметский; 7, 9 – Кельгининский; 8, 10 – Рыбкинский.

1, 2 – манжеты; 3–11 – украшения костюма; 10 – подкова; 12–14 – кошельки

Рис. 54. Детали головного убора из погребения 32 Коноваловского могильника:

1, 4 – прорисовка орнамента на фрагменте пуло; 2, 3 – реконструкция нашивных украшений на фрагменте пуло; 5 – фрагмент ткани с нашитыми пластинками.

Рис. 55. Головной убор из погребения 32 Коноваловского могильника:

1 – прорисовка орнамента; 2 – прорисовка нашивных украшений; 3–7 – пуговицы-подвески.

Рис. 56. Накосники и стержни к ним из могильников:

1, 3 – Ново-Пырменский; 2 – Кельгининский; 4 – Дигилевский; 5 – Рыбкинский.

Рис. 57. Головные уборы и их украшения из могильников:

2–3, 6–17 – Коноваловский; 4 – Сарлейский; 5 – Тоторшевский.

1 – реконструкция; 2 – головной убор, 3 – пуло; 4–5 – булавки; 6–16 – подвески; 17 – накосник.

Рис. 58. Иконы и кресты из могильников:

1–4, 6–8 – Коноваловский; 5 – Батушевский.

Рис. 59. Кресты из Коноваловского могильника.

*Приложение 1***МОДЕЛИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА****Модель 1. Грунтовые захоронения с восточной ориентировкой
(11 погребений)**

Тип 1.	1)	1		ОП – МП 28
	2)	2		ОП – МП 41
		2		ОП – МП 65
	3)	2	а, а'	ОП – МП 104; РЫБ б/н 4
Тип 2.	3)	2, 3	а	ГП – БЕЛ 1, 2, 5
Тип 3.	3)	3	а	ГП – БЕЛ 4
Тип 4.	3)	2	а	КП – БЕЛ 3
Тип 5.	3)	2	в	ПДП – МП 16

**Модель 2. Грунтовые захоронения с западной ориентировкой
(214 погребений)****Группа АІ – 18 погребений**

Тип 1.	1)	1	3	а	ГП – КОН 19
	3)	3	3	а	ГП – КЕЛ 230
	3)	3	3	а'	ГП – НАЛ
	3)	2	3	а"	ГП – КОН 31; КЛ
Тип 2.	3)	2	3	б	ГП – АЧ 16; КОН 54
		1	3	б	ГП – КОН 30
Тип 3.	3)	1	3	б, в	ГП – КОН 68
	3)	2	3	б, в	ГП ii – КОН 8
		2	3	б, в	ГП – КОН 50
Тип 4.	2)	1	3	в	ГП – КОН 5
	3)	1	3	в	ГП ii – КОН 7
		1	3	в	ГП – КОН 25
Тип 5.	3)	2	3	б, г	ГП – АЧ 11
		2	3	б, г	ГП – КОН 70

а также в этой группе: 1, 2, 3 ГП – КОН 59, 15

Группа АII – 92 погребения

Тип 1.	3)	1	ЗЮЗ	а	ГП – КЕЛ 285
	3)	2, 3	З, ЗЮЗ	а	ГП – КЕЛ 159, 163, 13, 323; АЧ 28; КОН 51; РМ 7
	3)	2	З, ЗЮЗ	а', а"	ГП – АЧ 58; КОН 78, 46; КЕЛ 308
Тип 2.	3)	3	З	а"	ГП – КЕЛ 165, 174
	2)	1	З	б	ГП – КОН 21
	3)	1	З	б	ГП – КОН 6
	3)	2	З, ЗЮЗ	б, б'	ГП – КЕЛ 229, 374, 280, 307; КОН 61
	3)	2	З	б	ГП ii – КОН 49
		2	З	б	ГП – КОН 26, 65, 80
	3)		З	б	ГП – КЕЛ 164, 166, 171, 172, 187
А					
также:					
Тип 3.	3)	1	ЗЮЗ	б	ГПКП – КЕЛ 306
	3)	2	З	б'	ГП – КОН 63, 9, 32
	3)	3	З	б'	ГП – АЧ 30
Тип 4.	2)	2	З	б'''	ГП – АЧ 22
		2	З	б''	ГП ii – КОН 53
Тип 5.	2)	1	З	в	ГП – КОН 36
		1	З	в	ГП – КОН 28
		1	З	в	ГП ii – КОН 56
	2)	2	З	в	ГП – КЕЛ 182
	3)	1	З, ЗЮЗ	в	ГП – КОН 69; КЕЛ 390
	3)	2	З, ЗЮЗ	в	ГП – КОН 41; КЕЛ 410, 391, 412
	3)	3	З	в	ГП – КЕЛ 167
		2	З	в	ГП – КОН 62, 67, 34, 39, 43, 47, 60, 33А
		2	З	в	ГП ii – КОН 33Б
	2)	2	З	г	ГП – АЧ 10
Тип 6.	3)	1	З, ЗЮЗ	г, г'	ГП – КОН 58; КЕЛ 300, 312
		2	З	г	ГП – КОН 24, 45
	3)	2	ЗЮЗ	г'	ГП – КЕЛ 332
	А также:				
	1)	1	З		ГП – КОН 37
	1)	2	З		ГП – АЧ 32
	2)	1	З		ГП – КЕЛ 246
	2)	1	З		ГП ii – КОН 44
	2)	2	З		ГП – АЧ 25, 53
	2)	3	З		ГП – АЧ 5
	3)	2	З		ГП – КЕЛ 161; РМ 15
	3)	3	З		ГП – АЧ 4, 59
		1	З		ГП – КОН 79, 23, 57, 11, 14, 18
		2	З		ГП – КОН 23А, 27, 71, 76, 29, 38, 40, 42
		3			ГП – Сяб; РМ 18, 19, 20

Группа БІ – 5 погребений

Тип 1.	3)	2	3	а''	ОІ – АЧ 7
Тип 2.	3)	2	3	б'	ОІ – АЧ 15
А также:					
	2)	2	3		ОІ – КЕЛ 193
		2	3		ОІ – КОН 27Б
		1	3		ОІ – Ш 14

Группа БІІ – 89 погребений

Тип 1.	1)	1	3	а	ОП – АЧ 40
	1)	2	3	а	ОП – АЧ 44
	2)	2	3	а, а'	ОП – АЧ 17; КЕЛ 222
	3)		3	а	ОП – КЕЛ 173; РМ 16; АЧ 27
	3)	3	3	а, а''	ОП – КЕЛ 177, 237; АЧ 36
		2	3	а	ОП – Ш 12
				а	ОП – КЕЛ 188, 223
	2)	1	ЗЮЗ	а'	ОП – КЕЛ 311
			3	а'	ОП – АЧ 9
	3)	2	3	а''	ОП – АЧ 6, 38
Тип 2.		2	3	а''	ОП – АЧ 57А
			3	а''	ОП – РЫБ 2
	2)	1	ЗЮЗ	б, б''	ОП – КЕЛ 357, 408
	3)	1	ЗЮЗ	б, б''	ОП – КЕЛ 401, 301
	3)	2	3, ЗЮЗ	б, б', б''	ОП – КЕЛ 157, 170, 337, 345, 363, 361, 334; АЧ 14, 48
	3)	3	3	б	ОП – КЕЛ 169
		2	3	б	ОП – САР 16; АЧ 56
		1	3	б	ОП – КОН 55
	3)	2	3	б'''	ОП – АЧ 61
	2)	1	ЗЮЗ	в	ОП – КЕЛ 395
Тип 3.	3)	2	3, ЗЮЗ	в	ОП – КЕЛ 190, 260, 394
	3)	2	3, ЗЮЗ	в	ОП – КЕЛ 190, 260, 394
	3)	3	3	в	ОП – АЧ 57
	3)	2	3	г	ОП – КЕЛ 178
Тип 4.	3)	2	3		
А также:	1)	1	3		ОП – АЧ 33, 46
	1)	2	3		ОП – КЕЛ 163А; АЧ 12, 19, 23, 24, 26, 29, 31, 42, 50, 51
	2)	2	3		ОП – КЕЛ 182, 264; АЧ 3, 13, 18, 45, 47, 54, 55, 62
	2)	3	3		ОП – КЕЛ 181
	3)	1	3		ОП – АЧ 43; РМ 17; Ш 5; Ш 6
	3)	2	3		ОП – АЧ 20, 21, 35, 63
	3)	3	3		ОП – АЧ 34
		1	3		ОП – АЧ 49; КОН 13; Ш 13
		1	3		ОП ii – КОН 64
		2	3		ОП – КОН 77; РЕВ 1; АН 2
		3	3		ОП – РЕВ 2
			3		ОП – СП 2; С2 п. 1; С2 п. 2; Ш 3; КОРЗВ

Группа В – 3 погребения

3)	1	3	б	ПД I – КОН 52
		3	а"	ПД II – Ууз
		3	б	ПД II – КЕЛ 238

Группа Д – 7 погребений

3)	2	3	в	КП – КОН 72
2), 3)	1	3		КП – КОН 20; КОЗ
	1	3		КП ii – КОН 74
3)	3	3		КП – АН 1
		3		КП – СП1, СП2

Модель 3. Грунтовые захоронения с северной, северо-восточной и северо-западной ориентировкой (56 погребений)**Группа а – 10 погребений**

Тип 1.	3)	2	С	а	ГП – ТОТ 11
		3	С, СЗ	а	ГП – САР 2, 4
	3)	3	С	а, а"	ГП – ТОТ 8, 16
Тип 2.		3	С, СЗ	б'	ГП – САР 1; ТОТ 14
Тип 3.	3)	2	С	в	ГП – ТОТ 9
Тип 4.	3)	2	С	г	ГП – ТОТ 13
А также:			СЗ		ГП – КОР 1А

Группа Б – 8 погребений

3	СЗ	а	КП – САР 10
3	СЗ	а	КП – САР 10
3	СВ	а'	КП – САР 29
	СЗ	а'	КП – РЫБ б/н 1
	С		КП – АРМ 1, 2, 3, 4, 6

Группа В – 36 погребений

Тип 1.	2)	2	СВ	а'	ОП – МП 78
		2, 3	С, СЗ	а, а'	ОП – САР 11, 24, 35
		2	СЗ	а, а'	ОП – САР 15, 17, 22
	3)		С	а	ОП – ТОТ 10
		2, 3	С, СЗ	а, а"	ОП – САР 27, 13; ТОТ 15; РЫБ 6
			С	а	ОП – ТОТ 1; НП 6, 44
Тип 2.		3	С, СЗ	б	ОП – ТОТ 17, 18; САР 28
Тип 3.		2	С	в	ОП – ТОТ 19
Тип 4.		1	СЗ	г	ОП – САР 36

А также:

	2	СЗ	О II – САР 8; ТОТ 12
		СЗ	О II – РЕД 6, 7, 8
2)	1	СЗ	О II – РЕД 1
	1	СЗ	О II – РЕД 2
		СЗ	О II – РЕД 4; КОР 2В, 2 Д

Группа Г – 6 погребений

2, 3	С, СЗ	а	ПД II – САР 9, 37
3	СЗ	а	ПК II – САР 21, 25
3	СВ	а	ПД I – АРД 1, 2

Модель 4. Грунтовые захоронения с южной, юго-восточной, юго-западной ориентировкой (91 погребение)**Группа А – 64 погребения**

Тип 1.	2)	1	ЮЗ	а	ОП – КЕЛ 353, 364
		1	ЮЗ	а"	ОП – Ш 1
			ЮВ	а"	ОП – Ч
	3)	1	Ю	а	ОП – РМ 12, 14
		2	Ю, ЮЗ	а	ОП – НАР 1, 6
			ЮЗ	а, а'	ОП – КЕЛ 207; АД 3; РЫБ 1
Тип 2.	3)	2	Ю, ЮЗ	а"	ОП – МП 30; КЕЛ 262
	3)	2	Ю, ЮЗ	а"	ОП – МП 30; КЕЛ 262
	2)	1	ЮЗ	б	ОП – КЕЛ 330
	3)	1	ЮЗ	б	ОП – КЕЛ 356
	3)	2	ЮЗ	б	ОП – ВЕР р. 2 п. 3, р. 1 п. 6
	3)	3	Ю, ЮЗ	б	ОП – П 1; КЕЛ 160
			Ю, ЮЗ	б	ОП – П 7, 9; КЕЛ 202
			ЮЗ	в	ОП – АД 1
	1)	1	ЮЗ	в	ОП – КЕЛ 335
	2)	1	ЮЗ	в	ОП – КЕЛ 349
Тип 4.	2)	2	ЮЗ	г	ОП – АЧ 2
А также:					
	1)	2	ЮЗ, ЮВ		ОП – АЧ 1; МП 12
	3)	2	Ю, ЮВ, ЮЗ		ОП – ВЕР р. 3 п. 11, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, р. 1 п. 15, 4, 9, 12, 25, 26, 17, 19, р. 2 п. 12; КТК 272
	3)	3	Ю, ЮВ, ЮЗ		ОП – ВЕР р. 1 п. 18; ДЗ р. 2 п. 2
	3)		ЮЗ		ОП – ВЕР р. 2 п. 1
		1	Ю, ЮВ, ЮЗ		ОП – ВЕР р. 1 п. 16; Ш 4, 7, 8, 10; РЕД 5
		2	ЮВ, ЮЗ		ОП – ВЕР р. 1 п. 8, р. 3 п. 7; Ш 2; РЕД 3
			ЮЗ, ЮВ		ОП – С1; Ш9; ВЕР р. 1 п. 5

Группа Б – 4 погребения

Тип 1.	3)	2	ЮЗ	б	ПДП – АД 2
Тип 2.	3)	2	ЮЗ, ЮВ		ПДП – ВЕР р. 1 п. 14, р. 3 п. 2
		1	ЮЗ	а"	ПДП – НАР 26

Группа В – 23 погребения

	2)	1	ЮЗ	а	ГП – КЕЛ 372
	2)	1	Ю		ГП – РМ8
	3)	1	ЮЗ	а, а"	ГП – КЕЛ 417, 305, 354
	3)	2	ЮЗ	а	ГП – РМ 9, КЕЛ 321
	3)	2	Ю	б	ГП – РМ 1
	3)	2	ЮЗ	б, б"	ГП – КЕЛ 365, 373, 387, 402
	3)	3	ЮЗ	б	ГП – КЕЛ 381
	3)	1	ЮЗ	б, б'	ГП – КЕЛ 413, 297, 399
	3)	1	ЮЮЗ	г'	ГП – КЕЛ 294
А также:			ЮЗ		КП – ЖУР
	3)	2	ЮЗ	а'	КП – КЕЛ 400
	3)	2	ЮЗ	а'	Г ПДП – КЕЛ 319
	3)	1	ЮЗ	б	Г ПДП – КЕЛ 327
	3)	2	ЮЗ	б	Г ПДП – КЕЛ 320
	3)	2	ЮЗ	в	Г ПДП – КЕЛ 283

**Модель 5. Подкурганные захоронения на дневной поверхности
(17 погребений)**

Тип 1.	С, СЗ		ОП* – КОР к. 1 п. 2, п. 3, п. 4, к. 6; САР 23, 26
	СЗ	а	ОП – САР 20
Тип 2.	С, СЗ	а	ПД Р ПК + * – КОР к. 1 п. 1
	С, СЗ	а', а	ПД Р ПК + * – КОР к. 5, к. 15
Тип 3.	СЗ	б	ПК * – КОР к. 10
Тип 4.	СЗ	а', а	Р + * – КОР к. 2 п. 1, к. 3 п. 1, к. 8
Тип 5.	С		РП + * КОР к. 7
Тип 6.	СЗ	б	СР + * – КОР к. 9
Тип 7.	З	а	Р + * – ТОР 3/4

**Модель 6. Подкурганные захоронения в грунтовой могильной яме
(6 погребений)**

Тип 1.	3)	2	З		ОИ * – ЛОБ к. 2 п. 1
Тип 2.	3)	3	З	а	СР II + – ЛОБ к. 2 п. 1
Тип 3.	3)	2	В		ОП – САБ
Тип 4.			С, СЗ		ОП* – КОР к. 1 п. 2, п. 3, п. 4
Для шести подкурганных погребений тип захоронения не указан					
	3)	3	СЗ		ОП – КАР, БМ 1, 2
			З	а	ОП – ТОР 1, 6, 7
			З		ОИ – ТОР 5

Условные обозначения:

* – следы горения

I – без костей, II – с костями

1), 2) и 3) – группы погребений, выделенные по соотношению длины и ширины могильной ямы

1 – глубина погребения до 0,5 м; 2 – от 0,51 до 1 м; 3 – от 1,01 до 1,60 м

З – З, ЗЮЗ, ЗСЗ; **Ю** – Ю, ЮВ, ЮЮВ, ЮЗ, ЮЮЗ; **В** – В, ВЮВ, ВСВ; **С** – С, СВ, ССВ, СЗ, ССЗ.

а – руки вытянуты; а' – левая согнута, правая вытянута; а'' – правая согнута, левая вытянута; б – обе руки в области тазовых костей; в – пояса; г – на груди.

ПК – покрывало, ПД – подстилка, Г – гроб; СР – сруб; Р – рама; К – колода.

I – погребение с костями домашних животных; II – без костей.

ii – погребения со скорлупой

*Приложение 2***НАБОРЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ****Вариант 1. Инвентарь отсутствует – 213 погребений**

МУЖСКИЕ – 29 погребений: КЛ; БЕЛ 5; П 9; КОН 10, 15, 34, 80; САР 13, 27;
ТОР к. 3 п. 1, 2, 5, 6; АЧ 6, 28, 30; РЫБ 1, 3, 26, линия С п. 8, 11; КОР к. 6; КЕЛ 279, 297,
305, 321, 394, 401, 402

ЖЕНСКИЕ – 46 погребений: АД 1, 3; КОЗЛ 1; С2 п. 2, 3; БЕЛ 4; НП 6;
КОН 9, 25, 26, 27, 30, 32, 40, 60, 61, 62, 71; САР 8, 14, 17, 26, 29; НАР 2, 7, 14, 18, 20, 21,
26; ВЕР р. 1 п. 11; РЫБ 22, линия С п. 32; МП 16, 30; КЕЛ 294, 300, 314, 320, 334, 354, 361,
370, 374, 391, 392

ДЕТСКИЕ – 118 погребений: МП 14, 41, 45, 65, 78, 85; РМ 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11,
12, 14, 15, 18, 20; РЕВ 1, 2; Ш 2, 3, 7, 8, 10, 11, 13, 14; АРМ 2, 4, 5; КЕЛ 188, 238, 264, 272,
293, 303, 304, 328, 330, 331, 335, 338, 340, 343, 344, 347, 348а, 348б, 349, 350, 357, 358, 361,
364, 366, 367, 368, 380, 385, 389, 393, 395, 398, 405, 418;

КОН 1, 513, 14, 16, 20, 24, 29, 33Б, 56, 64, 74, 79; БУТ 1, 2, 3, 6, 7, 16, 27, 32, 33, 34; АЧ 1,
2, 5, 8, 9, 10, 18, 19, 22, 23, 25, 29, 31, 32, 43, 45, 46, 47, 49, 52, 53, 57А; КОР к. 1 п. 2, 3, 4, 3В,
2Д, 3Д, 4Д, 5Д

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ – 20 погребений: ЖУР; СП2; БЕЛ 1; РЕД 1, 2, 3, 4, 9;
САР 3, 37; НАР 25; РЕВ 5; ВЕР р. 1. п. 12; РЫБ линия С п. 28, 30; АЧ 39, 40, 41, 42; КЕЛ
356

Вариант 2. Только крест – 26 погребений

МУЖСКИЕ – 6 погребений: КОН 39, 43, 6, 63, 65, 67

ЖЕНСКИЕ – 3 погребения: КОН 41, 50, 78

ДЕТСКИЕ – 15 погребений: КОН 16, 18, 19, 21, 23, 23А, 27Б, 28, 33, 38, 45, 53, 38, 59, 7

Вариант 3. Только дары – 4 женских погребения: БУТ 26; САР 10, 17, 4**Вариант 4. Только орудия труда – 43 погребения**

МУЖСКИЕ – 23 погребения: АН 2; АРМ; АЧ 36, 48; БЕЛ 2; ВЕР р. 1 п. 3, 14, 15;
КЕЛ 167, 237, 365; МП 21; П 9; НАР 12, 15, 24; РЕД 6; С2 п. 1; САР 22, 28, 5, 9; ТОТ 10

ЖЕНСКИЕ – 15 погребений: АРМ 3; АЧ 63; БЕЛ 3; БМ 2; БУТ 20; КОР 1А, 2В;
НАР 1, 5; РЕД 7; РЫБ 25; САР 21; ТОТ 16; КЕЛ 273, 274

ДЕТСКИЕ – 1 погребение: КЕЛ 396

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ – 2 погребения: ВЕР р. 2 п. 2; РЫБ 4

ПАРНЫЕ – 2 погребения: НП 68; КОР 1Д

Вариант 5. Только монета – 91 погребение

МУЖСКИЕ – 11 погребений: Ш 4; АЧ 57, 60, 61; КОН 46, 51, 68, 77; ТОТ 13, 17; КЕЛ 312

ЖЕНСКИЕ – 43 погребения: Ш 1, 9, 12; САР 12, 25; АЧ 11, 14, 15, 21, 38, 4, 58, 63; БУТ 21, 28; НАЛ; КЕЛ 171, 177, 178, 187, 223, 260, 262, 306, 307, 309, 327, 342, 372, 387, 397, 406, 410; КОН 52, 54, 69, 70, 76; МП 104; НАР 3, 8; СП 3; СЯБ

ДЕТСКИЕ – 31 погребение: Ш 15; АЧ 12, 13, 17, 24, 27, 33, 34, 35, 50, 51, 54, 62; БУТ 10, КЕЛ 163, 181, 182, 183, 190, 193, 317, 339, 348в, 352, 353, 407, 408, 412; КОН 11; МП 12; ТОТ 12

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ – 6 погребений: Ш 5, 6; АЧ 55, 59; БУТ 13; РМ 16

Вариант 6. Только сосуд – 13 погребений

МУЖСКИЕ – 2 погребения: САР 20; ТОР 15

ЖЕНСКИЕ – 3 погребения: КЕЛ 13, РЕД 8; САР 23

ДЕТСКИЕ – 5 погребений: АЧ 44; КЕЛ 246, 351, 360, 388

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ – 2 погребения: РМ 13, 17; САР 24

Вариант 7. Кресало/кремь – 8 мужских погребений: БУТ 15; МП 28; ВЕР р. 1 п. 16; НАР 6; РЫБ 24, 34, б/н 3, КЕЛ 373

Вариант 8. Орудия труда + монеты – 41 погребение

МУЖСКИЕ – 21 погребение: АЧ 56, 7; БМ п. 1; ВЕР р. 1 п. 7; РЫБ 10, 15, б/н 2; КЕЛ 160, 166, 170, 174, 230, 280, 308, 413; ЛОБ к. 1 п. 1; НАР 9, 12; РМ 19; САР 2; ТОТ 1

ЖЕНСКИЕ – 9 погребений: АН 1; АРД 2; КАР 1; РЕВ 4; ТОТ 11, 18; КЕЛ 281, 285, 332

ДЕТСКИЕ – 2 погребения: КЕЛ 341, 359

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ – 2 погребения: АЧ 59; РМ9

ПАРНЫЕ – 7 погребений: МП 105/106; НП 12; СтЯК; КОР к. 5 п. 1, к. 7 п. 1, к. 8 п. 1; ЛОБ к. 2 п. 1

Вариант 9. Орудия труда + кресало/кремень – 26 погребений

МУЖСКИЕ – 25 погребений: АЧ 20, 57; БУТ 14, 35; ВЕР р. 3 п. б/н; ДИГ 2; КАР 2; КЕЛ 165, 169, 96, 400; НАР 13, 16, 23; НП 96; РМ 12; РЫБ 16, 19, 21, 7, б/н 5; САР 15, 36; ТОР к. 3 п. б/н; к. 4 п. 7

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ – 1 погребение: УУЗ

Вариант 10. Орудия труда + дары + монеты – 7 погребений

МУЖСКИЕ – 3 погребения: АРД 1; МП 22; РМ 7

ЖЕНСКИЕ – 2 погребения: ТОТ 14, 8

ПАРНЫЕ – 2 погребения: НАР 1; РУЗ

Вариант 11. Крест + монета – 10 погребений

МУЖСКИЕ – 4 погребения: КОН 31, 36, 8; РЕВ 3

ЖЕНСКИЕ – 4 погребения: КОН 42, 47, 49, 72

ДЕТСКИЕ – 2 погребения: КОН 37, 57

Вариант 12. Монета + дары – 6 женских погребений: АЧ 16; КОР к. 1 п. 1; п. б/н; САР 1, 35; КЕЛ 345 (?)

Вариант 13. Орудия труда + наконечники стрел – 4 погребения

МУЖСКИЕ – 2 погребения: НАР 11, 4

ПАРНЫЕ – 2 погребения: КОР к. 10, к. 3 п. 1

Вариант 14. Орудия труда + сосуд – 3 погребения

ЖЕНСКИЕ – САБ; ДИГ 3

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ – КОР 1В

Вариант 15. Орудия труда + дары – 7 погребений

МУЖСКОЕ – НАР 19

ЖЕНСКОЕ – ТОТ 19

ПАРНЫЕ – 5 погребений: ПРИВ 1/2, КОР к. 15 п. 1, к. 9 п. 1; САР 6/7; ТОР к. 2 п. 3/4

Вариант 16. Монета + сосуд – 2 женских: АЧ 37; ТОТ 9

Вариант 17. Орудия труда, монета + кресало/кремь – 6 погребений

МУЖСКИЕ – 5 погребений: КЕЛ 323, 324, 381, 390, 403

ДЕТСКОЕ (М) – КЕЛ 417

Вариант 18. Гребень – 2 женских погребения: КЕЛ 317, 337

Приложение 3

МОДЕЛИ КОСТЮМОВ**Модель 1. Без костюма и украшений – 145 погребений**

МУЖСКИЕ – 37 погребений: ТОТ 10, 15; Ш 2*; П 9*; АЧ 6*; РЕВ 3; РЕД 6; КОН 15*, 27*, 62*, 77, 80*; САР 20, 36; АН 2; КЛ*; КЕЛ 280, 297*, 305*, 365, 394*, 399, 413; РЫБ 1*, 3*, 7, 10, 12, 6/н 3, 16, 19, 21, 26*, л. СП 8*, 11*, 34; ТОТ 6*

ЖЕНСКИЕ – 8 погребений: РМ 1*; НАР 41, 26*; ВЕР р. 1 п. 11*; САР 1 4*; АРМ 3; РЫБ 22*, 32*

ДЕТСКИЕ – 71 погребение: МП 65*; Ш 13*, 15; НАР 16, 23; БЕЛ 1*; АРМ 2*; КОН 13*, 20*, 24*, 27Б, 56*, 64*; КОР к. 1 п. 3*, 4*3В*, 2Д*, 3Д, 4Д*, 5Д*;

КЕЛ 188*, 238*, 246, 264*, 272*; АЧ 1*, 3*, 5*, 8*, 12, 17, 22*, 23*, 25*, 40*, 42*, 304*, 326*, 335*, 338*, 340*, 341, 342, 347*, 348а*, 348б*, 348, 350*, 353, 358*, 360, 367*, 368*, 376*, 386*, 388, 389*, 393*, 395*, 407, 418*; БУТ 1*, 2*, 3*, 6*, 7*, 16*, 27*, 32*, 33*, 34*

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ – 29 погребений: МП 14*, 45*; НАР 25*; ШЗ*, 5, 6, 10*, 14*; РМ 2*, 4*, 5*, 8*, 10*, 11*, 13, 17; ВЕР р. 1 п. 12*, р. 3 п. 11*; РЕД 1*, 2*, 3*, 9*; РЫБ 4, 28*, 30*; АЧ 47*, 55; КЕЛ 291*, 356*

* – одновременно и безынвентарные

Модель 2. Украшения без остатков костюма – 41 погребение

МУЖСКИЕ – 12 погребений: РЫБ 18; БЕЛ 5; СП1; ВЕР р. 1 п. 16, 19; КОН 6, 10, 39, 58; С2 п. 1; КЕЛ 312, 381

ЖЕНСКИЕ – 12 погребений: РЕД 7, 8; С2 п. 2; ВЕР р. 1 п. 25; РЫБ п. 33; КОН 33 Б, 37, 38, 49, 52, 60А, 74

ДЕТСКИЕ – 7 погребений: КЕЛ 352, 405, 330, 344, 351, 359, 417

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ – 10 погребений: КОР 1В; СЯК 2м; СП2; СЕЛ; НАР 5, 8; САР 3, 19, 27; РМ

Модель 3. Полный костюм – головной убор + сюлгана + пряжка (поясное/набедренное украшение) + обувь – 7 погребений

МУЖСКОЕ – КЕЛ 237

ЖЕНСКИЕ – ДИГ 3; БМ 2; КЕЛ 273, 319, 337

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ – АТ 2

Модель 4. Сюлгамма – 150 погребений

МУЖСКИЕ – 16 погребений: САР 15, 20, 27; КОР к. 2 п. 1м, к. 10 п. 1м, к. 15 п. 1м; АЧ 57; Ш 4; ТОТ 13; КЕЛ 163, 166, 401; ТОР к. 3 п. 5; РЫБ 15; НП 12м; ВЕР р. 3 п. б/н

ЖЕНСКИЕ – 76 погребений: САР 11, 25, 29; БУТ 10, 19, 28; КЕЛ 171, 173, 181, 223, 309, 334, 372; САБ; КОЗЛ; НП 12ж, 96ж; СП 3; АЧ 2, 9, 10, 18, 19, 35, 37; БЕЛ 4; МП 12, 41; РЕВ 4; ТОР к. 2 п. 4; КАР 1; АД 3; С1; КОН 33Б, 38, 49, 52, 14, 18, 41, 42, 50, 59, 70, 71, 76; РЫБ с. п. 35; ТОТ 8, 11, 18; КОР к. 5 п. 1ж, к. 9 п. 1 ж, 1 Дж, к. 1 п. 1, к. 2 п. 1ж, к. 8 п. 1ж; РЫБ 2, 5, 6, 13, 14, с. п. 4, 6, 9, 10, 31, 33, 37; ВЕР р. 1 п. 5, 9, 13, 26, р. 3 п. 4, 9; Ш 8; П 7

ДЕТСКИЕ (Ж) – 41 погребение: РЕД 7; С2 п. 2; ВЕР р. 1 п. 25; РЕВ 2; РЫБ 8, 9; КЕЛ 182, 202, 207, 222, 293, 303, 317, 328, 331, 339, 343, 357, 361, 364, 366, 385, 398, 408, 412, 419; БУТ 4, 25, 29; АЧ 13, 24, 26, 33, 34, 39, 41, 44, 46, 52, 53, 54

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ – 17 погребений: Ш 7; БУТ 12; РМ 6, 14, 15; ТОТ 12; КОР к. 1 п. 2; АЧ 49; РЕД 4, 5; ВЕР р. 3 п. 2, 3; НАР 3; САР 18, 24, 37; КЕЛ 190

Модель 5. Пряжка (набедренный элемент костюма) – 43 погребения

МУЖСКИЕ – 20 погребений: ВЕР р. 1 п. 3, 7, 8, 14, 15; РЫБ 20, 24; АРД 1; НП 96м; РМ 19; САР 2, 5, 6, 9, 28; КЕЛ 279, 373, 403, 308, 324

ЖЕНСКИЕ – 10 погребений: КОН 19, 21, 28, 40, 57; РЫБ 11; РМ 3; КЕЛ 274; ВЕР р. 3 п. 5

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ – 13 погребений: РЕВ 5; РЫБ с. п. 12; ВЕР р. 2 п. 2; НАР 1, 6, 7, 9, 10; АТ 1; САР 12, 13, 15, 24

В этом случае отсутствуют также и украшения (кроме КОН 28, ВЕР р. 1 п. 3, 7, 8; РМ 19; НАР 10; АТ 1; РЕВ5)

Модель 6. Пуговица – 8 мужских погребений:

КОН 7, 8, 11, 46, 47, 68; КЕЛ 390, 400

Модель 7. Головной убор + сюлгамма – 80 погребений

ЖЕНСКИЕ – 70 погребений: КЕЛ 13, 157, 172, 177, 178, 260, 262, 187, 294, 300, 306, 327, 320, 345, 354, 391, 396; НАЛ; НП 6; АН 1; Ш 1; КОН 9, 25, 26, 30, 54, 61, 60, 72; С2 п. 3; САР 1, 4, 7, 12, 16, 17, 21, 22, 23, 26, 35; МП 104, 106; АЧ 11, 14, 15, 38, 58, 63; РМ 20; ТОТ 14, 16; РЫБ 17, 25, л. С 7, 36, 38; ВЕР р. 1 п. 2, 6, 18, 24 р. 3 п. 7, 8, 10, 12; ТОР к. 1 п. 1; БУТ 9, 20, 22, 24, 37

ДЕТСКИЕ – 4 погребения: РЕВ 1; МП 85; АЧ 4; КЕЛ 349

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ – 6 погребений: БУТ 11; РЫБ с. п. 27; ПРИВ 2; НАР 2; САР 11, 21

Модель 8. Сюлгама + пряжка – 36 погребений

МУЖСКИЕ – 18 погребений: БУТ 14, 35; КЕЛ 165, 167, 169, 170, 230; КОР к. 3 п. 1м; АЧ 7, 56; ДИГ 2; ТОТ 1, 17; МП 21, 28, 105; РМ 12; ТОР к. 2 п. 3

ЖЕНСКИЕ – 8: КОН 1, 69; БУТ 18, 21; БЕЛ 3; МП 78; КОР к. 3 п. 1ж; АЧ 20

ДЕТСКИЕ – 2 погребения: Ш 9; АЧ 43

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ – 8 погребений: БУТ 36; РМ 9, 16; ВЕР р. 2 п. 3; БУТ 30, 31; АЧ 61; СЯК 2ж

Модель 9. Головной убор + пряжка (поясное украшение) – 30 погребений

МУЖСКИЕ – 3 погребения: БУТ 23; МП 22; ЛОБ к. 2 п. 1

ЖЕНСКИЕ – 27 погребений: КЕЛ 161, 229, 283, 314; РЫБ 23 ,б/н 1, 4; АРД 2; МП 16, 30; КОН 16, 29, 32, 78; САР 10, 11; Ч; ЛОБ к. 2 п. 2; ВЕР р. 1 п. 17, р. 2 п. 1; БУТ 17, 26; СЯБ; КОР 1А, 2В; АД 1; Ш 12

Модель 10. Головной убор + сюлгама + обувь – 9 погребений

МУЖСКИЕ – 3 погребения: АЧ 21; БЕЛ 2; САР 13

ЖЕНСКИЕ – 5 погребений: АЧ 16; КОР 15 п. 1ж; КЕЛ 164, 387; п. б/н

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ – ПРИВ1

Модель 11. Сюлгама + обувь – 6 погребений

МУЖСКОЕ – КЕЛ 174

ЖЕНСКИЕ – 4 погребения: АРМ 6; ТОТ 9; РЫБ с. п. 3; КОР к. 7 п. 1

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ – ЛОБ к. 1 п. 1

Модель 12. Сюлгама + пряжка + обувь – 5 погребений

МУЖСКИЕ – 4 погребения: КОР к. 6 п. 1, к. 8 п. 1; БМ 1; КЕЛ 323

ЖЕНСКОЕ – ТОТ 19

**Модель 13. Головной убор + сюлгама + пряжка
(поясное/набедренное украшение) – 7 погребений**

ЖЕНСКИЕ – 5 погребений: РУЗ, КЕЛ 307, 370, 392, 406

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ – 2 погребения: САР 22; НАР1

Модель. 14. Головной убор – 7 погребений

ЖЕНСКИЕ – КЕЛ 281, 285, 332, 363, 374, 402, 410

Модель 15. Обувь – 4 погребения

МУЖСКИЕ – 3 погребения: РЫБ б/н 2; КОР 1 Дм, КЕЛ 321

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ – Ууз

Сюлгама + пряжка + пуговица – 1 мужское: АЧ 60

Сюлгама + пуговица + обувь – 1 мужское: КЕЛ160

Пряжка + обувь – 2 мужские погребения: РЫБ б/н 5, КОН 31

Пряжка + пуговица – 1 мужское погребение: КОН 34

Таблица 1

Накопление источниковедческой базы могильников мордвы XVI - начала XIX вв.

Дата раскопок	Ф.И.О. исследователя	Название могильника	Местонахождение могильника	К-во раск погр	Центр исследователя	Отчет	Публикация
1	2	3	4	5	6	7	8
I этап							
конец XIX в.	Ауновский В.Н.	Рыбкинский	Республика Мордовия	?	?	-	-
	Терехин В.М.	Рыбкинский		?	Пенза	-	-
		Старошиндровский		?		-	-
		Коржевский	Пензенская обл.	?		-	-
1880	Чугунов	Атяшевский 1	Республика Мордовия	?	Саранск	-	-
		Шугуровский		?		-	-
		Возжай		?		-	-
1892	Спицын А. А.	Рыбкинский		16	Москва	+	-
	Смирнов И.Н.	Мордовско-Паркинский		?	Москва	-	+
		Рыбкинский		36		+	-
1896	Поливанов В.Н	Сабанчеевский		22	Симбирск	-	-
		Атяшевский 1		22		-	-
	Гейкель Г.И.?	Сабанчеевский		?	?	-	-
1913	Богодуров	Коринский	Нижегородская обл.	?	Нижний Новгород	-	-
1914	Радищев М.	Старо-Яблонский	Саратовская обл.	1	Саратов	-	+
	Федоров Б.	Старо-Печеурский		3		-	+
II этап							
20-е нач. 30-х	Арзютов Н.К.	Армиевский 2	Пензенская обл.	5	Саратов	-	+
		Старо-Яксарский		1		-	+
		Мачкасский		?		-	+
		Рузлатский		1		-	+
		Сучкинский 1	Саратовская обл.?	1		-	+
		Сучкинский 2		3		-	+
		Усть-Узинский	Пензенская обл.	1		-	+
1923	Павлович А.П.	Бутский	Пензенская обл.	1	Пенза?	-	-
1925	Парийский С.М.	Сарлейский	Нижегородская обл.	1 кург	Горький	-	-
Воеводский М.В.	Кардовильский	2		Москва	+	-	
	Горюнова Е.И.	Сарлейский		29	Москва	-	+
		Коринский		23		-	+
1926	Алихова А.Е.	Тоторшевский	Республика Мордовия	15	Москва	+	-
		Парапинский		?		-	-
		СтароДракинский		?		-	-
	Воеводский М.В.	Больше-Макателемский	Нижегородская обл.	2	Москва	+	-
Кардовильский		2		+		-	
1927	Кротков А.А., Гераклитов А.А.	Дигилевский	Республика Мордовия	2	Саратов	-	-
	Алихова А.Е.	Бутский	Республика Мордовия	37	Москва	+	-
		Кужадонский		?		-	-
1929	Воеводский М.В.	Ревезенский	Нижегородская обл.	5	Москва	+	-

[illegible]

1	2	3	4	5	6	7	8
1973	Зеленец Ю.А.	Дубровский	Республика Мордовия	6	Саранск	-	описание
1975	Богачев А.Ф.	Тоторшевский	Нижегородская обл.	11	Саранск	-	+
1975	Каховский В.Ф.	Бахтигильдинский	Республика Чувашия	?	Чебоксары	+	+
1979	Вихляев В. И.	Русско-Маскинский	Республика Мордовия	20	Саранск	+	-
1985		Ачадовский		64	Саранск	+	-
1991	Акимов Н.А.	Мордовско-Паркинский	Республика Мордовия	14	Саранск	+	-
1995	Шитов В.Н.	Нароватовский	Республика Мордовия	1	Саранск	+	-
	Газимзянов И.Р.	Карташихинский	Республика Татарстан	?	Казань	+	-
	Малкова Н.М.	Коноваловский	Самарская обл.	97	Самара	+	+
		Шелехметский 1		5		+	+
1998	Вихляев В. И.	Кельгининский	Республика Мордовия	39	Саранск	+	+
1999				29		+	-
2000				52		+	-
2001				33		+	-
2006	Федулов М.И., Михайлов Е.П.	Новоядринский	Республика Чувашия	?	Чебоксары	?	?
2021	Михайлова О.В	Левжа	Республика Мордовия	590	Самара	+	-
			Итого:	1567			

* - имеется краткий отчет

Таблица 2

Список могильников мордвы XVI – начала XIX вв.

№ пп.	Название	Месторасположение	Место хранения коллекции	Опубликованные источники	Архивные источники
1	2	3	4	5	6
1	Армиевский 2	Пензенская обл., Шемышейский р-н	Саратовский ОКМ	Арзютов, 1932	
2	Адашевский «Сире Калма»	РМ, Инсарский р-н, 2 км к ЮВ от с. Адашево	МРОКМ г. Саранска	Смирнов, 1895, С. 18	Степанов, 1940; Он же, 1941; Акимова, 1951; Артемова, 1955
3	Аловский 1 «Калмазырь»	РМ, Атяшевский р-н, с.Алово	?	Степанов, 1956. С. 97	Спрыгина, 1925, С. 30 Степанов, 1945. И-50. Л.17
4	Аловский 2	РМ, в 2,5 км от с. Алово, в местности Вирьга-лей»	Не раскапывался	Степанов, 1956. С. 97.	
5	Аловский 3	РМ, 1 км к ЮВ от с. Алово, в местности «Пянчань лохонань чулгата латко пря»	Не раскапывался	Степанов, 1956. С. 97-101	
6	Анютинский (пос. Скипидарный завод)	РМ, Ардатовский р-н, 3 км к СВ от с. Анютино, 1,5 км от скипидарного завода	?	Степанов, 1956. С. 84-85	Степанов, 1946
7	Ардатовский «Пиче Алкс»	РМ, Дубенский р-н, в 1 км к ЮЗ от с. Ардатово	?	Степанов, 1956. С.78	Степанов, 1945. Д. И-50. л. 24, 56-59
8	Атяшевский 1 «Ташта калмазырь»	РМ, Атяшевский р-н, 3 км к В от с. Атяшево	?	Смирнов, 1892. 10. Вып. 2. С. 179; Степанов, 1956. С. 94; Он же, 1969. С. 55	Степанов, 1945. И-51. Л.15 2; Он же, 1966. Л.8; Артемова, 1972. С. 9
9	Атяшевский 2 «Калмазырь»	РМ, Атяшевский р-н, влево от дороги на с. Тарасовку, в 200 м к С от моста	Не раскапывался	Степанов, 1956	Там же
10	Атяшевский 3	РМ, Атяшевский р-н, с. Атяшево, урочище «Церква панда»	Не раскапывался	Там же	Там же
11	Ачадовский	РМ, Zubovo-Полянский р-н, 1,6 км к ЮВ от с. Ачадово	Музей МордГУ		Вихляев, 1985; Он же, 1987. С. 171-172; Акимов, 1987. С. 16
12	Барашевский	РМ, Атюрьевский р-н, д. Барашево, на песчаной дюне	?		Беляев, 1980. Л. 3. Он же, 1981. С. 123
13	Батушевский	РМ, Атяшевский р-н, с. Батушево	МРОКМ		
14	Бахиловский	Самарская обл., Ставропольский р-н, с. Бахилово	Не раскапывался		Гольмстен, 1926
15	Бахтигильдинский (Янгильдинский)	РЧ, Батыревский район, д.Бахтигильдино, лев. берег р. Свияга, прав. берег р. Волга	АЭМ ЧГПУ, АМ ЧГУ, АФ ЧГИНИН	АКРЧ, 2013. Т.1. С.106-107	
16	Бегуч «Калмозырь»	Пензенская обл., к 3 от с. Бегуч	?		Полесских, 1971 (сведения В.А. Чеснокова 1957 г.)
17	Беловодский	Ульяновская обл., Карсунский р-н, 3-4 км к Ю от с. Беловодье	?	Степанов, 1956. С.77-78, 136-140	
18	Болдасевский	РМ, Ичалковский р-н, 1 км от с. Болдасево, у р. Пиченейки	МРОКМ		
19	Болдовский	РМ, Рузаевский р-н, с. Болдово	МРОКМ	Смирнов, 1892. Т.10. Вып.2. С. 165	Спрыгина, 1925
20	Больше-Игнатовский	РМ, Большеигнатовский р-н, с. Большое Игнатово	Не раскапывался		Личный архив Степанова П.Д.
21	Больше-Макателемский	Нижегородская обл., Первомайский р-н, 4 км к СЗ от с. Большой Макателем	ГИМ, Антропологический музей МГУ	Жуков, 1927. С. 283; АКР, 2004. С.286	Алихова, 19. С.141; АКЭ, Л. 127-130
22	Больше-Маресевский «Ташто Калмазырь»	РМ, Чамзинский р-н, 3 км к 3 от с. Большое Маресево, в урочище «Айгор Каль»	Не раскапывался	Степанов, 1969. С. 37	Личный архив Степанова П.Д.
23	Больше-Покровский	Нижегородская обл., с. Большое Покровское		Черников, 1965. С. 150	
24	Бутский	Пензенская обл., 5-6 км от г. Наровчат, к ЮЗ от д. Морозовки	Центральный музей народо-ведения		раскопки А.П. Павловича, 1923; Краткий отчет, 1927. Л.78-85
25	Возжай	РМ, Ардатовский р-н, с. Возжай	Археологический музей КФУ	Смирнов, 1892. Т. 10. Вып. 2. С. 179; Мартынов, 1896. С.29	
26	Вертелимский	РМ, Старошайговский р-н, 2 км к ЮВ от с. Вертилим	МРОКМ	Степанов, 1969. С. 39	личный архив Степанова П.Д.; Циркин, 1965.

1	2	3	4	5	6
27	Верхне-Сусканский	Самарская обл., Ставропольский р-н, с. Верхний Сускан	Не раскапывался		
28	Вечкуский	РМ, Ичалковский р-н, с. Вечкусы	МРОКМ		коллекция передана в 1979 г. А.В. Мунчиным
29	Вязовский	Пензенская обл., Сосновоборский р-н, с. Вязовка	Пензенский ГКМ		Спрыгина, 1925. С. 32; Полесских, 1960
30	Горьковский	Нижегородская обл., Н. Новгород, Нижегородский р-н, ок.0,8 км к ЮВ от Вознесенского Печерского монастыря, терр. консервного завода, ул. Огородная, прав. берег р. Волга	НГИАМЗ	Черников, 1965. С. 150 Кириянов, 1965. С. 207; АКР, 2008, Ч.2. С. 138	Архив ИА: № 19120. Л. 33, 105-107
31	Гуляевский	РМ, Ичалковский р-н, 1 км к З от с. Гуляево, при въезде со стороны с. Кендя	П.М.?		Степанов, 1946. С. 82-83; Он же, 1941. Л. 166, 324
32	Дады	РМ, Атяшевский р-н, к С от с. Дады	П.М.?	Степанов, 1956. С. 79; Он же, 1969, с. 43	Степанов, 1946 а
33	Дубенки 1	РМ, с. Дубенки, под современным клубом	МРОКМ	Степанов, 1956. С. 103	Степанов. Личный архив; Он же, 1945. Л. 24
34	Дубенки 2	РМ, к З от с. Дубенки, «невдалеке от свиновхоза»	МРОКМ	Степанов, 1956. С. 103	
35	Дубровский	РМ, Ичалковский р-н, 1,5 км к В от с. Дуброво	МРОКМ, ГИАМ, Починковский и Сергачский КМ	Зеленеев, 1976	Зеленеев, 1973
36	Дегилевский	РМ, Большеберезняковский р-н, на берегу р. Пиксаур, 0,5 км к ЮВ от с. Гузынцы	МРОКМ		личный архив Степанова П.Д.
37	Дюрки «Калмазырь»	РМ, Атяшевский р-н, с. Дюрки, под совр. кладбищем	П.М.?	Степанов, 1956. С. 97	Степанов, 1945. Л. 17
38	Журавкинский 3	РМ, Zubovo-Полянский р-н, Ю окраина с. Журавкино	?	Жиганов, 1956	Жиганов, 1957.
39	Кабаевский 1 «Калмазырь»	РМ, Дубенский р-н, с. Кабаево, на территории церкви	П.М.?	Степанов, 1959. С. 101	Степанов, 1945. Л. 18-19
40	Кабаевский 2	в 6 км от с. Кабаево, 1 км от устья р. Солотейки	Не раскапывался	Степанов, 1969. С. 101	
41	Каньгушинский	РМ, Ельниковский р-н, с. Каньгуши, в конце улицы «Ал курня»	КМ Краснослободска		Жиганов, 1958. Д. И-408, Л. 58
42	Кардавилский	Нижегородская обл., Шатковский р-н, 150 м к ЮВ от с. Кардовиль	Музей Антропологии МГУ	Жуков, 1927. С. 283; Жиганов, 1959а. С. 7; АКР, 2004. С.323.	Краткий отчет, 1926 ИИМК: Ф. 2. Оп. 1. 1926. № 119. Л.139-142; Ф. 5. № 399. Л. 240
43	Карташихинский	Татарстан, Ланшевский район (?), с. Карташиха	Археологический Музей КФУ	Халиков, 1965. С. 164	Газимзянов, 1996
44	Кельгининский (Зарубкинский)	РМ, Zubovo-Полянский р-н, на ЮЗ окраине с. Зарубкино	ГИМ НИИГН	Алихова и др., 1964. С. 185-186; Циркин, 1968; Беляев и др., 1998	Воскресенский, 1963; Воронина, 1963; Алихова, 1964; Циркин, 1966. Л.7, 31; Вихляев, 1999; 2000; 2000а; 2001
45	Козловский 1	РМ, Атяшевский р-н, на территории с. Козловка, около моста	?	Степанов, 1956. С. 80	Степанов, 1946
46	Козловский 2	Близ бывшей церкви, около современного клуба с. Козловка	Не раскапывался	Степанов, 1956. С. 77,80	
47	Коноваловский	Самарская обл., Борский р-н, СЗ окраина с. Коноваловка	Музей археологии СамГУ		Малкова, 2000
48	Коржевский	Пензенская обл., Городищенский р-н, с. Коржевка	ГИМ	Терехин, 1892; Спицын, 1925, С. 12-13	Спрыгина, 1925. С.31
49	Коринский (Хиринский)	Нижегородская обл., Шатковский р-н, 4 км к З от ж/д станции Шатка, 1 км к ЮВ от с. Хирино	Горьковский ИМ ГИМ	Жуков, 1927. С. 283	Горюнова, 1948. С. 48-87
50	Кочкуровский «Ташто Калмазырь»	РМ, с. Кочкурово, 2 км в сторону с. Тавлы	Не раскапывался	Степанов, 1969. С. 35	Степанов П.Д. Личный архив
51	Красовский «Калмы»	РМ, с. Крас, в «Яблонево-м овраге»	Не раскапывался		Степанов, 1941
52	Красно-Луговской «Калмазырь Пандо»	РМ, Дубенский р-н, в 400 м к В от пос. Красные Луга	?		Степанов П.Д. Личный архив; Он же, 1945а. Л.56, 64
53	Кузоватовский	Ульяновская обл., Кузоватовский р-н	Ульяновский ОКМ	Буров, 1975. С. 176-177	

1	2	3	4	5	6
54	Кученяевский	РМ, Ардатовский р-н, с. Кученяево, урочище «Калма лей»	?	Известия ОАИЭ. В. XXIX. в. 4., 1916. С. 189; Степанов, 1969. С. 38	
55	Левжа	РМ, Рузаевский р-н, 0,95 км к СЗ от Никольской церкви с. Левжа; 1,41 км к СВ от Троицкого Собора в г. Рузаевка			Михайлова, 2021
56	Лобаски	РМ, Ичалковский р-н, 1,5 км к ВСВ от с. Лобаски	МРОКМ; НИИГН	Смирнов, 1895. С. 32	Степанов, 1941, Л. 154-155, 1946. Зеленева, 1973.
57	Малое Мересево «Ташто Калмазырь»	РМ, Чамзинский р-н, 3 км к СЗ от с. Малое Мересево	Не раскапывался	Степанов, 1969. С. 37	Спрыгина, 1925.
58	Мачкацкий	Пензенская обл., Шемышейский р-н, с. Мачкасы	Саратовский ОКМ	Арзютов, 1932	
59	Мирёновский	РЧ, Алатырский р-н, с. Мирёнки, лев. берег р. Сура, прав. берег р. Волга	П.М. АКМ	АКЧР, 2013. Т.1. С.53-54	
60	Мордовские Дубровки «Калмо Чамо»	РМ, Атяшевский р-н, 0,6 км к СЗ от с. Мордовские Дубровки	П.М.?	Степанов, 1956. С.95; Он же, 1969. С. 57	Степанов, 1945. Л. 16
61	Мордовский Белый Ключ	Ульяновская обл., Векшаймский р-н, с. Морд. Белый Ключ	?		Горюнова, 1948. С.17. (раскопки Поливанова В.Н.)
62	Мордовские Пошаты	РМ, с. Мордовские Пошаты	Не раскапывался		Степанов, 1941
63	Мордово-Паркинский «Мокшень Калма»	РМ, Краснослободской р-н, 1 км к Ю от с. Мордовские Парки	КМ Краснослободска, МРОКМ	Смирнов, 1892. Т.10. Вып. 2. С.164	Циркин, 1967; Акимов, 1951; Акимов, 1991
64	Налитовский «Покш калмо пря»	РМ, Дубенский р-н, 3-3,5 км к ЮЗ от с. Пуркаево	?	Степанов, 1956. С. 78, 115-117	Степанов, 1945. Л. 34-35; Артемова, 1972. С.15
65	Напольно-Тавлинский	РМ, Октябрьский р-н, 7 км к В от с. Напольная Тавла	Не раскапывался	Степанов, 1969. С.39	Степанов П.Д. Личный архив
66	Нароватовский	РМ, Теньгушевский р-н, 1 км к ЮЗ от с. Нароватова	МРОКМ	Горюнова, 1940	Горюнова, 1939. Л. 8-9; Вернер, 1939; Шитов, 1995
67	Николо-Барнуковский	Пензенская обл., 4 км к СЗ от с. Николо-Барнуки	?		Сведения Я.К. Кондратьева, 1950
68	Ново-Дракинский	РМ, Ковылкинский р-н, с. Новое Дракино	ГИМ		Алихова, 1928; Степанов, 1941
69	Ново-Полянский (Пикшень)	РМ, Большеигнатовский р-н, с. Новая Поляна, на р. Пустошка, лев. приток р. Саля	Не раскапывался	АКР, 2004. С. 152	Степанов, 1959. С.93-94
70	Ново-Пырменский	РМ, Кочкуровский р-н, 0,3 км к СВ от с. Новая Пырма	МРОКМ	Смирнов, 1895	Спрыгина, 1925. С.25; Акимов, 1951
71	Ново-Починский	РМ, с. Новый Почин	Не раскапывался	Степанов, 1969. С. 28	Степанов П.Д. Личный архив
72	Новоядринский	РЧ, Ядринский р-н, 0,5 км к д. Новое Ядрино, на правом берегу р. Сура, прав. берег р. Волга	ЧНМ АЭМ ЧГПУ АМ ЧГУ	АКЧР, 2015. Т.3. С. 08-209	
73	Одошнур		ГИМ		
74	Отраденский	РМ, Чамзинский р-н, 2-3 км к З от с. Отрадное	МНИИГН	Степанов, 1969. С. 37-38	Степанов П.Д. Личный архив
75	Паевский	РМ, Кадошкинский р-н, на Ю окраине с. Паево	ОРКМ, Пензенский КМ	Смирнов, 1895	Спрыгина, 1925. С. 79; Степанов, 1940. И-63. Л. 49,57 Он же, 1941; Акимов, 1951
76	Парапинский	РМ, Ковылкинский р-н, с. Парапино, недалеко от церкви	?		Алихова, 1928; Степанов, 1940. Л. 52; Он же, 1941
77	Папулевский 1 «Калма Потмо»	РМ, Ичалковский р-н, 2 км к ЮЗ от с. Папулево	МРОКМ		Поливанов, 1925. Л.13; Степанов, 1941. Л.157-158, 168-169; Он же, 1946.
78	Папулевский 2	РМ, на территории с. Папулево (усадьба В. Камайкина)	Не раскапывался		Степанов. Д. 1941. Л. 169, 325; Он же, 1946
79	Паракинский	РМ, Больше-Березняковский р-н, на СВ окраине с. Паракино, у дороги на с. Дубенки	Не раскапывался		Артемова, 1973
80	Пермиси «Калма Азор» «Ташта Калмо»	РМ, Больше-Березняковский р-н, с. Пермиси, 400 м от ферм	Не раскапывался		Артемова, 1973. С. 34

1	2	3	4	5	6
81	Пиксяси	РМ, Ардатовский р-н, территория площади с. Пиксяси	П.М.?	Степанов, 1956. С. 97; Он же, 1969. С. 56	Степанов, 1945. Л. 17
82	Пичпандинский	РМ, Zubovo-Полянский р-н, с. Пичпанда	ГИМ (П.М.)		Спицын, 1892. Д. 94
83	Поводимовский «Калмо чапо», «Ташто Калмазырь»	РМ, Дубенский р-н, 4 км к ЮВ от с. Поводимово	Не раскапывался	Степанов, 1956. С. 95; Он же, 1969. С. 59	Поливанов, 1925. Л. 50; Степанов П.Д. Личный архив
84	Польцовский	РМ, Ковылкинский р-н, между селами Польцо и Морга	Не раскапывался		Степанов, 1963
85	Привольевский (Старо-шиндровский)	РМ, Краснослободской р-н, 0,2 км к ЮЗ от пос. Приволье	МРОКМ	Терехин, 1897. С. 115; Степанов, 1969	Жиганов, 1958. Л. 54-56
86	Пурдошанский	РМ, Темниковский р-н, к В от с. Пурдошки, к Ю от р. Мокши, на разрушающейся дюне	Не раскапывался	Степанов, 1969. С. 29	Степанов П.Д. Личный архив
87	Пуркаевский	РМ, Дубенский р-н, 3-3,5 км к ЮЗ от с. Пуркаево	Не раскапывался		Степанов, 1945
88	Рахмановский «Могильный бугор»	Пензенская обл., Вадинский р-н, в 6 км к ССВ от с. Рахмановка, берег р. Ушалеики	?		Полесских, 1968
89	Ревезенский	Нижегородская обл., Перевозский р-н, с. Ревезень, 0,1 м к СЗ от церкви, прав. берег р. Пьяна	ГИМ, Музей Антропологии МГУ		Восводский, 1928. Д. 129; Степанов, 1974
90	Редкодубский	РМ, Ардатовский р-н, с. Редкодубье, 0,5 км от моста, в 0,25 км от соснового леса и п/л	МРОКМ	Степанов, 1956. С. 76-77, 85; Он же, 1969. С. 86-89	Степанов, 1946, 1962
91	Рузлатский	Пензенская обл., Лопатинский р-н, 1,5 км к З от с. Рузлатка	Саратовский ОКМ	Арзютов, 1932	
92	Русско-Маскинский	РМ, Ельниковский р-н, с. Русское Маскино	МордГУ	Аксенов, Артемова и др., 1987. С. 66-67	Артемова, 1978; Вихляев, 1979
93	Рыбкинский (Барковский) «Шувар Калма»	РМ, Ковылкинский р-н, с. Рыбкино, близ д. Барки	МНИГН ГИМ	Ауновский, 1869. С. 92; Терехин, 1890; Хвоцев, 1922	Отчет за 1892, 1894, С. 45-51; Спицын, 1892 ф.1, Д. 94; Смирнов, 1892. ф.1, Д.144; Спрыгина, 1925. С. 88-90
94	Сабаевский	РМ, Кочкуровский р-н, с. Сабаево, на территории промкомбината	?		Воскресенский, 1963; Артемова, 1971
95	Сабанчеевский «Калмо Чамо»	РМ, Атяшевский р-н, с. Сабанчеево, около церкви	Финляндия	Степанов, 1956. С. 94-95	Поливанов, 1900. Л. 49 об.; Он же, 1896. Д. №60; Степанов, 1945. С. 3,56.
96	Сарлейский	Нижегородская обл., Дальне-Константиновский р-н, 250 м к СВ от «Мордовского конца» с. Сарлей	ГИМ	Жуков, 1927 С. 283; Горюнова, 1948; АРП, 2004. С. 221	Парийский, 1925
97	Селиксенский 2	Пензенская обл., Бессоновский р-н, 3 км от с. Селиксы, рядом с ж/д станцией «Селикса»	Пензенский ГКМ		Полесских, 1950
98	Селищенский «Луга Калмазырь»	РМ, Краснослободской р-н, 3 км к С от с. Селищи	Не раскапывался	Степанов, 1956. С. 95; Он же, 1969. С. 56	Степанов, 1945. Л. 16; Жиганов, 1958. Л. 58-59; Артемова, 1990
99	Сиделькинский 2	Самарская обл., Челно-Вершинский р-н, с. Сиделькино	Не раскапывался		Сташенков, 1995. С. 31.
100	Скановский	Пензенская обл., Наровчатский р-н	П.М.?	Зеленев, 1994. С. 65	
101	Старо-Ардатовский	РМ, Ардатовский р-н, 1 км к ЮЗ от с. Старое Ардатово	П.М.?		Артемова, 1989. С.86
102	Старо-Девический 2	РМ, Ельниковский р-н, с. Стародевичье	МРОКМ		
103	Старо-Дракинский	РМ, Ковылкинский р-н, к СЗ от с. Старое Дракино	ГИМ		Алихова, 1928; Степанов, 1940. Л.52-53; Он же, 1941
104	Старо-Кадомский	РМ, с. Старый Кадом (на территории городища)	?		Горюнова, 1939. Д.И-58, Д.2
105	Старо-Печеурский	Саратовская обл., в 100 верст к З от г. Хвалынска	Музей архивной комиссии	Федоров, 1914	

1	2	3	4	5	6
106	Старо-Пшенковский	РМ, Кадошкинский р-н, 0,5 км к Ю от с. Ст. Пшеново	П.М.?		Степанов, 1941; Он же, 1940. Л. 56
107	Старо-Селищенский	РМ, Атяшевский р-н, 1,3 км к С от с. Старые Селищи	П.М.?		Артемова, 1990. С.7-9
108	Старо-Сотенский	РМ, с. Старая Сотня	?		Кротков, 1925
109	Старо-Шайговский «Калмо Пакся»	РМ, Старошайговский р-н, с. Старое Шайгово	Не раскапывался	Степанов, 1969. С.26	Степанов П.Д. Личный архив
110	Старо-Яблонский	Саратовская обл., с. Старые Яблонки	?	Радищев, 1914	
111	Старо-Я(Е)ксарский	Пензенская обл., с. Старая Яксарка	Саратовский ОКМ	Арзютов, 1932	
112	Сучкинский 1	Саратовская обл., с. Ново-Троицкое (Лесной Бор)	Саратовский ОКМ	Арзютов, 1932	
113	Сучкинский 2	Саратовская обл., с. Ново-Троицкое	Саратовский ОКМ	Арзютов, 1932	
114	Сыресинский	РЧ, Поречский р-н, с. Сыреси, лев. берег р.Сура, прав. берег р.Волга	П.М.	АКРЧ. Т.2., 2014. С.161-162	
115	Татарская Пенделка	РТ, Кузнецкий р-н, к С от с. Татарская Пенделка	Пензенский ГКМ		Полесских 1976. С. 28-29
116	Ташкермень	РТ		Халиков, 1956. С. 164	
117	Тепловский	РМ, Кочкуровский р-н, с. Тепловка	МРОКМ		личный архив Степанова П.Д.
118	Торновской	Самарская обл., Волжский р-н, с. Торновое	СОИКМ		Сборы Корнеевой М.Б. и Хрущевой С. П. 1958 г.
119	Торжок	Нижегородская обл., Вознесенский р-н, к Ю от д.Торжок, прав. берег р. Сатис, прав. притока р.Мокша	МРОКМ	АКР, 2004. С. 175	Горюнова, 1939. Л. 210-211
120	Тоторшевский	Нижегородская обл., Ардатовский р-н, с. Тоторшево, ЮВ окраина, правобережье р. Леметь, лев. притока р.Теша	ГИМ, Музей антропологии МГУ, МордГУ	Садовский, 1889-1890. С. 352; Жуков, 1927. С. 283; Богачев, 1979	Алихова, 1926; Жуков, 1929, Ф. 2. оп.1. Д. 129. Л. 38-42; Он же, 1926.Ф. 2. Оп. 1. № 119. Л. 135-138; Спицын, Ф. 5. № 399. Л. 240; Жиганов, 1956 № 1097. Л.11
121	Урусовский 1 «Ташто Калмо»	РМ, Ардатовский р-н, с. Урусово, за школой	П.М.?	Степанов, 1956. С.92	Степанов, 1941а; Артемова, 1971. С. 6.
122	Урусовский 2	На мысу «Ташто Калмо»	Не раскапывался		Поливанов, 1925. Л.49 об; Артемова, 1971. С. 6.
123	Усть-Узинский	Пензенская обл., 2-2,5 км от с. Усть-Уза	Саратовский ОКМ	Арзютов, 1932	Полесских, 1971
124	Утевский	Самарская обл., Нефтегорский р-н, с.Утевка	не раскапывался		
125	Черемисский	РМ, Ковылкинский р-н, д. Черемис	?		Акимова, 1953
126	Чукалинский	РМ, Краснослободской р-н, 4 км к С от с. Чукалы	?	Степанов, 1956. С. 81	Жиганов, 1958. Л. 57; Артемова, 1972. С. 5
127	Шелехметский 1	Самарская обл., Волжский р-н, ЮВ окраина с. Шелехметь	Музей Археологии СамГУ	Иванов, 1975; Малкова, 2013. С.299-332	Матвеева, 1970; Малкова, 1996
128	Шишадеевский	Нижегородская обл., Починковский р-н, 0,5 км к ЗСЗ от СЗ окраины с. Шишадеево	НГИАМЗ, МРКМ, Сергачский и Починковский музеи	Черников, 1965. С. 150; Зеленева, Артемова, 1974. С.152; Елисеев, Зеленева, 1975. С.155; Зеленева, 1976. С.168-170; АКР, 2004. С. 303-304	ИА № 3877. Л. 50, 51; № 5075. Л.7.; № 5530. Л. 1-4
129	Шугуровский	РМ, Атяшевский р-н, с. Шугурово	?	Смирнов, 1892. Т. 10. Вып.2.	

Таблица 3

Перечень могильников, материалы которых использованы для исследования

№ пп.	Название могильника	Место расположения	Датировка, века	Э\М	Кол-во раскопанных погр.	Имеются материалы, кол-во погр.	Автор раскопок, год
1	2	3	4	5	6	7	8
<i>грунтовые могильники</i>							
1	Армиевский 2	Пензенская обл., Шемышейский р-н, правый берег р. Узы	XVIII	Э	5	5	Арзютов, 1932
2	Адашевский	РМ, Инсарский р-н, правый берег р. Исса	XV–XVIII	М	1 10	1 2	Степанов, 1940 Акимов, 1951
3	Анютинский	РМ, Ардатовский р-н, правый берег р. Уксун	XVII–XVIII	Э	2	2	Степанов, 1946
4	Ардатовский	РМ, Дубенский р-н, овраг «Калмо латко»	XVII–сер. XVIII	Э	2	2	Степанов, 1945
5	Атяшевский 1	РМ, Атяшевский р-н, на берегу оврага	XVII–XVIII	Э?	2	2	Степанов, 1941
6	Ачадовский	РМ, Zubovo-Полянский р-н, склон овраг. Калмолей	XVII	М	64	64	Вихляев, 1985
7	Беловодский	Ульяновская обл., Карсунский р-н	XVII–XVIII	Э	5	5	Степанов, 1956
8	Бутский	Пензенская обл., у «Бутской горы»	XVII–XVIII?	М	1 37	0 37	Павлович, 1923 Алихова, 1927
9	Вертелимский	РМ, Старошайговский р-н, ур. «Калма Кужа»	сер. XVI– XVII	М	41	41	Циркин, 1965
10	Вязовский	Пензенская обл., Сосновоборский р-н	XVII–XVIII ?	М	1	1	Пензин В.П.
11	Дигилевский	РМ, Большеберезняковский р-н, берег р. Пиксаур	XVII–XVIII	М?	2	2	Кротков, Гераклитов, 1927-1928
12	Журавкинский 3	РМ, Zubovo-Полянский р-н, левый берег р. Вал	XVII–XVIII	М	1	1	Жиганов, 1956
13	Кельгининский	РМ, Zubovo-Полянский р-н, берег р. Чууш	X–XIII, XVII – сер. XVIII	М	1 39 29 52 33	1 39 29 52 33	Циркин, 1966 Вихляев, 1999 Вихляев, 2000 Вихляев, 2000а Вихляев, 2001
14	Козловский 1	РМ, Атяшевский р-н, при впадении безымянной речки в р. Вежную	XVII–XVIII ?	Э?	1	1	Степанов, 1946
15	Коноваловский	Самарская обл., Борский р-н, берег оврага «Олдынканьлатко»	XVIII – нач. XIX	Э	97	97	Малкова, 1999
16	Красно-Луговской	РМ, Дубенский р-н	XVII–XVIII	М?	1	1	Степанов, 1945
17	Мордовско-Паркинский	РМ, Краснослободской р-н, левый берег р. Урей	XIII–XIV, XVII–XVIII	М	30 2 29 14	0 0 0 14	Корсаков, 1950 Циркин, 1967 Акимов, 1951 Акимов, 1991
18	Налитовский	РМ, Дубенский р-н, левый берег р. Чеберчинки	XVII – нач. XVIII	Э	1	1	Степанов, 1945
19	Нароватовский	РМ, Теньгушевский р-н, в 200 м от правого берега р. Мокша	XIII–XIV XVI–XVII	М	27 4	27 0	Горюнова, 1939 Вернер, 1939
20	Ново-Пырменский	РМ, Кочкуровский р-н	XVI–XVIII	Э\М	152	5	Акимов, 1951
21	Паевский	РМ, Кадошкинский р-н	XIV–XVIII	М	1 18	1 2	Степанов, 1940 Акимов, 1951
22	Привольевский	РМ, Краснослободской р-н, левый берег р. Сивинь	XVI–XVII?	М?	2	2	Жиганов, 1958
23	Ревезенский	Нижегородская обл., Арзамасский р-н, берег р. Пьяны	XVII–XVIII	Э?	5	5	Воеводский, 1928
24	Редкодубский	РМ, Ардатовский р-н, с. Редкодубье, левый берег р. Алатырь	XVII–XVIII	Э\М	9	9	Степанов, 1946

1	2	3	4	5	6	7	8
25	Рузлатский	Лопатинский р-н, р. Уза	10–80-е XVIII	М?	1	1	Арзютов, 1932
26	Русско-Маскинский	РМ, Ельниковский р-н, пойма правого берега р. Мокша	XVII – нач. XVIII	М	20	20	Вихляев, 1979
27	Селиксенский 2	Пензенская обл., Бессоновский р-н	XVII–XVIII?	?	1	1	Полесских, 1950
28	Старо-Печеурский	Саратовская обл., с. Старый Пичеур	20–50-е XVIII	М	3	3	Федоров, 1914
29	Старо-Яблонский	Саратовская обл.	20-е XVIII	М	1	1	Радищев, 1914
30	Старо-Яксарский	Пензенская обл., междуречье р. Усы и р. Колдаиса	20–40-е XVIII	М	1	1	Арзютов, 1932
31	Сучкинский 1	РМ?		М	1	1	Арзютов, 1932
32	Сучкинский 2	с. Ново-Троицкое	1 четв. XVIII?	М	3	3	Арзютов, 1932
33	Тоторшевский	Нижегородская обл., Ардатовский р-н, с. Тоторшево, ЮВ окраина, правобережье р. Леметь	XVI–XVII	Э	15 1 11	15 1 0	Алихова, 1926 Жиганов, 1956 Богачев, 1979
34	Усть-Узинский	Пензенская обл., левый берег р. Узы	XVII–XVIII?	Э	1	1	Арзютов, 1932
35	Черемисский	РМ, Ковылкинский р-н, с. Черемис	XVI–XVII?	М?	9	1	Акимова, 1953
36	Шелехметский 1	Самарская обл., Волжский р-н, на мысу - берег безымянного оврага и Шелехметского озера	XVII–XVIII	М	10 5	10 5	Иванов, Матвеева, 1970 Малкова, 1996
Всего 36 грунтовых могильников					806	548	
<i>курганно-грунтовые могильники</i>							
1	Больше-Макателемский	Нижегородская обл., Первомайский р-н	XVI–XVII	Э?	2	2	Воеводский М.В., 1926
2	Кардавилевский	Нижегородская обл., Шатковский р-н	XVII – нач. XVIII	Э?	2	2	Воеводский М.В., 1926
3	Коринский	Нижегородская обл., Шатковский р-н	XII–XIII XVI–XVII	Э?	23	23	Богодуров, 1913 Воеводский М.В., Алихова А.Е.; Горюнова Е.И., 1926
4	Лобаски	РМ, Ичалковский р-н, урочище «Турнулей валке»	нач. – сер. XVII	Э	2	2	1926 -школьники Степанов П.Д., 1941
5	Рыбкинский	РМ, Ковылкинский р-н, по течению р. Мокши	сер. XVII – сер. XVIII	М\Э	52	52	Спицын А.А., 1892 Смирнов И.Н., 1892
6	Сабанчеевский	РМ, Атяшевский р-н	XVII – сер. XVIII	Э	22	1	Поливанов В.Н., 1896
7	Сарлейский	Нижегородская обл., Дальнеконстантиновский р-н	XII–XIV XVII – сер. XVIII	Э?	29	29	Горюнова Е.И., 1948
8	Торжок	Нижегородская обл., Вознесенский р-н, у впадения р. Сатис в р. Мокшу	XVI–XVII	Э?	5	5	Горюнова Е.И., 1939
Всего 8 курганно-грунтовых могильников					137	116	
Итого 44 могильника					943	664	

Таблица 5

Характеристика надмогильных сооружений в кургано-грунтовых могильниках

Шифр могильника	№ кургана	Диаметр насыпи, м	Высота, м	кол-во погребений	Форма насыпи	Особенности конструкции	Ровик, его размеры (м)	Кости, зубы, череп животных	Следы горения	Сосуды керамика	Вещи
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
БМ	3	5,25	0,7	2	округлая оплывшая			+	+		
Лоб	1	8,5×7,5	0,5	1	округлая			+	+	+	
	2	6,2	0,4	1	круглая						
Кар	б/н	6	0,5	2	округло-куполовидная				разрушен		
Кор	1	6	1,2	1(+3 впуск)	округло- куполовидная	слит с №№ 2,3			+		
	2			1	округло- куполовидная	слит с №№ 1,3			+		
	3			1	округло-куполовидная	слит с №№ 1,2		+	+		
	5	13,3	1,5	1	округло-куполовидная				+	+	+
	6	5,2	0,75	1	округло-куполовидная				+	+	
	7	5,25	1,05	1	округло-куполовидная				+		
	8	15,8	1,05	1	округло -куполовидная	слит с №9			+		
	9	6,5	1,3	1	куполообразная	слит с №8			+		
	10			1	с двумя вершинами	двойной		+	+	+	+
	15	4	0,68	1	округло-оплывшая			+	+	+	+
Рыб						сведений нет					
Саб	б/н	32	8	1					не указано		
Сар	б/н	3,3	0,5	3	округлая, оплывшая						
Тор	1	4,8×2,8	0,25	1	вытянутая с 3 на В		4,1×1,1		не указано		
	2	5,8	1	1	полушаровидная			+	+		
	3	4,7-оба		2		двойной					
	4	5,6	0,75	1	круглая		+				
Всего	20			28			2	6	13	5	2

Таблица 6

Соотношение длины и ширины могильных ям

Дли- на, см	Ширина, см									
	20-30	31-40	41-50	51-60	61-70	71-80	81-90	91-100	101-110	111-120
60-70	РМАч2	Ач4 Кел335								
71-80	Ач	Ач2 Кел351	МПАч2	Ач						
81-90		Ач2 Кел419	РМ Ач2 Кел163а Кел326 Кел417	Ач						
91-100	РМ	МП Ач Кон	Ач2							
101-110		Кел183 Кел343 ¹	Кон Кел357 Кел388	Ач3 Кел193 Кел395 ²						
111-120		Ач	Кон Ач Кел330 ³ Кел353 ⁴ Кел364 ⁵ Кел385 ⁶	Т Ач РМ Кел264 Кел360 ⁷	Ач, Кел317					
121-130			МП РМ Кел408 ⁸	АчКел246 Кел342 ⁹ Кел372 ¹⁰ Кел311	МП2 РМ Ач2					
131-140			РМ Кел181 Кел349 ¹¹ Кел376	МП Кон2 Кел182 ¹²	Ач3 Кел347 ¹³		Ач			
141-150			Ач	Ач2	Ач					
151-160				МП	III Кон Кел356 Кел179	В Кел272 Кел361	В Кел370			
161-170			РМ	МП Кон Кел157	Кел171 ¹⁴ Кел354 Кел173	В2 Кел341 Кел345	В2	В		В
171-180			П Кон III	Ач Кел278	В4 Ач Кел343	В11	В7 Кел285		В2	
181-190				Т Кел334	МП Кел159 ¹⁵	Ач2 Кел396		Ач		
191-200			Т Кон	Коз Т Ач Кел178 ¹⁶ Кел187 ¹⁷	Б2 Ач- Кел163 ¹⁸ Кел262 ¹⁹	Б Нал Ач2 Кел332 Кел294 Кел305 Кел306	Кел190 Кел407 ²⁰	РМ Саб Кел337 Кел312		
201-210				КЛ Кон3 Кел412	Б МП Кон3 Кел281 Кел301	Кон				
211-220				Кон2	Кел167 Кел260 ²¹ Кел274	МПКел170 Кел172 Кел391 ²² Кел399 ²³ Кел417 ²⁴	Ач2 Кел319 Кел279 Кел300	Ач		
221-230				Кел401	Кел160 ²⁵ Кел363 ²⁶ Кел277 Кел302 ²⁷ Кел308 ²⁸	Б РМ Кел164 Кел273 ²⁹ Кел297 Кел310 Кел381 Кел413 ³⁰	Ач2 Кел365 ³¹ Кел402 Кел283 Кел307 ³²	РМАч2	Кел	

231-240			T		Кел165 ³³ Кел324	Ач Кел177 ³⁴ Кел327 ³⁵ Кел276 ³⁶ Кел287 Кел314	Ач Кел Кел410 ³⁷	Кел320, Кел321 ³⁸ Кел323 Кел374 Кел394 ³⁹		
241-250				Кон Кел400	Кел161	Т Кел169 ⁴⁰ Кел387	РМ	РМ Ач2 Кел	Ач	Кел390 ⁴¹
251-260						Ач	Ач Кел174 Кел166 ⁴² Кел230 ⁴³ Кел280 Кел403	Кел373 ⁴⁴		
261-270						Кел322 Кел348 ⁴⁵	Ач			
271-280										
281-290						T				
291-300							Кел229			

Условные обозначения:

 - больше 5

Список могильников и количество погребений к таблице 6

Шифр м-ка	количество погребений	1	2	1	2	1	2	1	2
1	2	Б	5	Нал	1	МП	12	Ш	2
Тот	7	КЛ	1	Кел	118	РМ	13	Кон	19
В	31	Коз	1	П	1	Саб	1	Ач	60
Итого								14 могильников	272 погребения

¹ Ширина у головы 40, у ног 33² Ширина у головы 60, у ног 50³ Ширина у головы 50, у ног 42⁴ Ширина у головы 56, у ног 44⁵ Ширина у головы 43, у ног 51⁶ Ширина у головы 50, у ног 55⁷ Ширина у головы 50, у ног 60⁸ Ширина у головы 51, у ног 42 (трапецевидная форма)⁹ Ширина у головы 66, у ног 52¹⁰ Ширина у головы 70, у ног 48¹¹ Ширина у головы 60, у ног 44¹² Ширина у головы 65, у ног 61¹³ Ширина у головы 68, у ног 61¹⁴ Ширина у головы 72, у ног 66¹⁵ Ширина у головы 66, у ног 56¹⁶ Ширина у головы 59, у ног 65¹⁷ Ширина у головы 60, у ног 55¹⁸ Ширина у головы 63, у ног 72¹⁹ Ширина у головы 63, у ног 55²⁰ Ширина у головы 70, у ног 100 (трапецевидная форма)²¹ Ширина у головы 64, у ног 70²² Ширина у головы 70, у ног 87²³ Ширина у головы 64, у ног 100 (трапецевидная форма)²⁴ Ширина у головы 76, у ног 70²⁵ Ширина у головы 65, у ног 70²⁶ Ширина у головы 75, у ног 55²⁷ Ширина у головы 89, у ног 60²⁸ Ширина у головы 75, у ног 61²⁹ Ширина у головы 82, у ног 72³⁰ Ширина у головы 77, у ног 70³¹ Длина по СЗ стенке 226 см, по ЮВ – 239 см³² Ширина у головы 89, у ног 76³³ Ширина у головы 66, у ног 84, в центре 110³⁴ Ширина у головы 74, у ног 65³⁵ Ширина у головы 94, у ног 60³⁶ Ширина у головы 83, у ног 79³⁷ Ширина у головы 97, у ног 81 (трапецевидная форма)³⁸ Ширина у головы 75, у ног 108³⁹ Ширина у головы 90, у ног 110⁴⁰ Ширина у головы 74, у ног 67⁴¹ Стенки ямы расширяются в центре, размеры ширины даны по центру.⁴² Ширина у головы 96, у ног 112⁴³ Ширина у концов 85, в средней части 94⁴⁴ Ширина у головы 110, у ног 90⁴⁵ Содержало 3 детские гробовины

Таблица 7

Костные остатки животных и скорлупа в погребениях грунтовых могильников

	Кости животных										Яичная скорлупа
	в погребении						в заполнении могильной ямы				
	КРС		МРС		Куриные	неопр.	КРС кости	МРС		неопр.	
	челюсти, зубы	кости	челюсти, зубы	кости				череп, зубы	кости		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Итого, погребений:	5	2	2	1	60	3	2	11	1	6	31
	7		3					12		6	
Всего погребений:	73						20				31

Таблица 8

Кости животных в погребениях курганно-грунтовых могильников

№№ пп.	кости животных					в засыпи кургана
	в погребении		в заполнении могильной ямы			
	МРС	неопределенные	КРС зубы	неопределенные		
	череп, зубы кости					
1	2	3	4	5	6	7
	1	2	2	1	1	10
Итого:	3		3	2		
Всего:	45 погребений			2 погребения		10 курганов

Таблица 9

Уголь в заполнении погребальных сооружений

№№ пп.	Шифр погребения	№№ пп.	Шифр погребения
1	2	1	2
<i>Грунтовые могильники</i>			
1	Арм1	14	Кон32
2	Арм2	15	Кон41
3	Ан1	16	Кон23
4	Ард1	17	Кон27
5	Ард2	18	Кон31
6	Ад1	19	Кон39
7	Вер р.1 п.7	20	Кон56
8	Вер р.3 п.2	21	МП22
9	Вер р.3 п. 5	22	Пб/н
10	Кел 386	23	РМ1
11	КЛ1	24	Ред1
12	Кон63	25	Тог7
13	Кон25	26	Ш12
<i>Курганно-грунтовые могильники</i>			
1	БМК.3	10	Кор к. 15
2	Кор к. 1	11	Кор 1В
3	Кор к.3	12	Кор3В
4	Кор к.3	13	Лобк.1
5	Кор к.6	14	Сар5
6	Кор к. 7	15	Сар6/7
7	Кор к. 8	16	Сар9
8	Кор к.9	17	Сар 12
9	Кор к. 10		

Всего – 43 погребения с углем в засыпи, из них: 26 в грунтовых могильниках, 17 – в курганно-грунтовых

Таблица 10

Наличие керамики в заполнении могильных ям

№№ пп.	Шифр погребения с фрагментами керамики	Наличие диахронного слоя на памятнике, его датировка
1	2	3
<i>грунтовые могильники</i>		
1	Ард1	не указано
2	Ард2	
3	Аг2	не указано
4	Ад1	не указано
5	Ач2	не указано
6	Ач3	
7	Ач7	
8	Ач11	
9	Ач16	
10	Ач56	
11	Бут9	не указано
12	Кел165	могильник XI-XIII вв.
13	Кел167	
14	Кел169	
15	Кел173	
16	Кел174	
17	Кел181	
18	Кел182	
19	Кел183	
20	Кел190	
21	Кел193	
22	Кел230	
23	Кел246	
24	Кел264	
25	МП12	поселение?
26	МП41	
27	РМ2	поселение
28	Тот7	не указано
29	ШЗ	поселение
	10 могильников	
<i>курганно-грунтовые могильники</i>		
1	БМ к.3	не указано
2	Кор.п.1Д	могильник XII-XIII вв.
3	Кор к. 5	могильник XII-XIII вв.
4	Кор к.6	
5	Кор. к. 15	
	2 могильника	
Всего – 34 погребения	12 могильников	

Таблица 11

Погребения без костных остатков

Шифр могильника	Номер погребения	Погребальный инвентарь	Длина погребения	Ширина погребения
1	2	3	4	5
Ач	39	украшения	76	45
	41	украшения	79	36
МП	45	-	125	46
РМ	2	-	194	95
	10	-	70	28
	11	-	88	48
	13	Сосуд	99	28
	17	-	128	67
Кор*	3Д	-	не указано	
	4Д	-	не указано	
	5Д	-	не указано	
Рыб*	27	-	не указано	
Итого: 5	10			

*- курганно-грунтовые могильники

Таблица 12

Вторичные погребения

Шифр могильника	Номер погребения	Тип погребения	Инвентарь	Пол погребенного
1	2	3	4	5
МП	14	одиночное	-	Ж
	105/106	парное	Пряжка, нож, бляшка, кресало, наконечник, бусы, сюзганы	М+Ж
	21	одиночное	Сюзганы, пряжки, нож	М
	22	одиночное	Сюзгама, пряжки, нож, кресало, кошелек, монета	М
Тот	10	одиночное	нож	М
Итого: 2	5			

Таблица 13

Характеристика парных погребений

Шифр мо- гиль- ника	Шифр погребе- ния	Погребенный справа		Погребенный слева		Примечание	Сосуд	Кресало/ кремь	Нож	Топор	Серп	Пряслице	Монета	Дары	Наконечник стрелы	пешня
		Пол	Глуби- на от совре- менной поверх- ности, см	Пол	Глуби- на от совре- менной поверх- ности, см											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
грунтовые могильники																
Ач	52	Д		Д				+	+				+			
МП	105/106	Ж	90	М	98			+	+				+			
НП	12	М		Ж					+				+			
	69	М		Ж				+								
Н	1/2	?М/Ж	80	?М/Ж	80			+	+				+	+		
Прив	1/2	М?	65	Ж?	75	в 40-45 см др. от друга			+					+		
Руз	1/2	М		Ж		кости соприкасались		+					+	+		
СЯк	1/2	Ж		М		кости соприкасались		+	+			+	+			
Всего 7	8						0	5	5	0	0	1	5	3	0	0
курганно-грунтовые могильники																
Кор	к.2.п.1	Ж		М		соприкасались плечами	+	+		+		+			+	
	к.3.п.1	М		Ж		вплотную друг к другу		+	+						+	+
	к.5.п.1	М		Ж		в 20 см друг от друга				+			+			
	к.7.п.1	М		Ж				+	+			+	+			
	к.8.п.1	М		Ж		м/у костяками - береста		+	+			+	+			
	к.9.п.1	М		Ж					+		+	+		+		
	к.15.п.1	М	70	Ж	70	м/у костяками - луб			+			+		+		
	1Д	М		Ж					+							
Лоб	к.2.п.1	М	90	Ж	125			+	+				+			
Сар	6/7	М	150	Ж	150				+					+		
Тор	к.2.п.2/ 3	М		Ж				+	+	+				+		
Всего 4	11						1	6	9	3	1	5	4	4	2	1
Итого	19						1	11	14	3	1	6	9	7	2	1

Таблица 14

Ориентировка погребенных в грунтовых могильниках

Шифр погребения	Всего погребений	С					Ю					З			В			Не определено/ Не указано
		С	ССВ	ССЗ	СВ	СЗ	Ю	ЮЗ	ЮЮЗ	ЮВ	ЮЮВ	З	ЗЮЗ	ЗСЗ	В	ВСВ	ВЮВ	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Ад	3							3										
Арм	5	5																
АН	2											2						
Ард	2				2													
Ач	64							2				12	40	9				1
Бел	5														4			1
Бут	37						13	13		3								8
Верг	41						10	11		14								6
Диг	2	1																1
Дуб	6										5							1
Жур	1							1										
Уз	1											1						
КЛ	1											3						
Коз	1															1		
Кел	153							65	2			3	79					4
Кон	73											9	35	28				1
МП	14				1					1	2				3	3	2	2
Н	27						1	2										24
НП	4				4													
Нал	1													1				
П	3								2		1							
Прив	2							2										
Рев	5											3						2
Ред	9					6		1		1								1
Руз	1							1										
РМ	20							4	3		1	4	7					1
С1	1							1										
С2	3											3						
СП	3											3						
СЯб	1													1				
Тот	16	3	1	9		1												2
Ш	15							7				5		1				2
Ч	1									1								
Итого	523	9	1	9	7	7	24	113	7	20	9	48	161	40	7	4	2	57
		33					173					249			13			

Таблица 15

Ориентировка погребенных в курганно-грунтовых могильниках

Шифр могильника	Всего погребений	С					Ю					З			В			Не установлено
		С	ССВ	ССЗ	СВ	СЗ	Ю	ЮЗ	ЮЮЗ	ЮВ	ЮЮВ	З	ЗЮЗ	ЗСЗ	В	ВСВ	ВЮВ	
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>	<i>13</i>	<i>14</i>	<i>15</i>	<i>16</i>	<i>17</i>	<i>18</i>	<i>19</i>
БМ	2					2												
Кард	2					2												
Кор	13	2		1		7												3
	9*	1				6								1				1
Лоб	2											2						
Саб	1														1			
Сар	3					3												
	26*			3	1	14								2			6	
Тор	5											5						
Итого	63	3	0	4	1	34	0	0	0	0	0	7	0	3	1	0	6	4
Всего:		42					0					10			7			

* - грунтовые погребения под курганной насыпью

Таблица 16

Половозрастные определения погребенных Коноваловского могильника

Пол	Общее кол-во	Взрослые						Дети			
		Возраст не определен	55-45 лет	45-35 лет	35-20 лет	20-17 лет	16-12 лет	12-7 лет	6-4 лет	до 3 лет	Возраст не определен
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>
Мужской	36	6	6	5	4	1	-	1	4	5	4
Женский	37	4	-	8	6	1	2	4	6	4	2
Всего	73	10	6	13	10	2	2	5	10	9	6
Итого:		43						30			

Таблица 17

Погребальные конструкции в грунтовых могильниках

Шифр могильника	Всего погребений	Покрывало	Подстилка			Гробовища	Колода	Сруб	Саван	Конструкция отсутствует	Тип не определен
			дерево	луб	войлок						
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>
Ад	3		1							2	
Ан	3						1			1	
Ард	2		2								
Арм	5						5				
Ат	2									2	
Ач	64					13			1	50	
Бел	5					4	1				
Бут	37			1		6	2			22	
Вер	41									41	
Диг	2									1	1
Ж	1						1				
Кел	153	1		5	6	82	2			66	
Козл	1						1				
КЛ	1			1							
Кон	73			1		61	3			5	3
МП	14		2							12	
Нар	27	1		2	2					23	
НП	4									4	
Нал	1					1					
П	3									3	
Прив	1									1	
Рев	5					1				4	
Ред	9									9	
РМ	20					9				11	
Руз	1							1			
С1	1									1	
С2	3									3	
СП	3						2			1	
СЯб	1					1					
СЯк	1									1	
Тог	14					6				8	
Уз	1			1							
Ч	1									1	
Ш	15									15	
Всего 34	518	2	5	11	8	184	18	1	1	287	4

Таблица 18

Погребальные конструкции в курганно-грунтовых могильниках

Шифр могильника	К-во погребений всего/подкурганных	Колода	Сруб	Гробовище	Рама	Покрывало		Подстилка		Конструкция отсутствует
						луб	береста	береста	ветви	
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>
БМ	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Кар	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Кор	13	-	1	-	7	1	4	5	1	1
	9*	-	-	6	-	-	-	-	-	3
Лоб	2	-	1	-	-	-	-	-	-	0
Саб	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Сар	3	-	-	-	-	-	-	-	-	3
	25*	2	-	4	-	1		1	1	16
Тор	7	-	1	-	-	-	-	-	-	6
Всего 7	64/30	2*	3	10*	7	1/1*	4	5/1*	1/1*	34

* - грунтовые погребения

Таблица 19

Половозрастная принадлежность погребенных

Шифр мог-ка	Всего	Мужские	Женские	Детские	Не определен
1	2	3	4	5	6
<i>Курганно-грунтовые могильники</i>					
БМ	2	1	1		
Кар	2	1	1		
Кор	22	8	10	3	
Кор*	9	2	4	0	4
Лоб	3	1	1		1
Рыб	52	19	23	5	5
Саб	1	0	1		
Сар	3	1	2		
Сар*	27	9	10	5	3
Тор	6	4	2		
Всего	127	46	55	13	13
<i>грунтовые могильники</i>					
Ач	65	11	10	38	6
Ад	3	0	3	0	0
Анют	2	1	1	0	0
Ард	2	1	1	0	0
Арм	5	1	2	1	1
Атяш	2	1	1	0	0
Б	5	2	2	1	0
Бут	37	3	5	11	18
Вер	41	10	19	0	12
Диг	2	1	1	0	0
Кел	153	28	44	68	13
Коз	1	0	1	0	0
Кон**	73	22	21	30	0
МП	15	4	4	5	2
Нал	1	0	1	0	0
Нар	27	12	14	0	1
НП	6	3	3	0	0
Пасво	3	1	2	0	0
Прив	2	1	1	0	0
РМ	20	3	4	0	13
Руз	2	1	1	0	0
Рев	5	1	1	2	1
Ред	9	1	2	5	1
С-Як	2	1	1	0	0
С-Яб	1	0	1	0	0
СП	3	1	1	0	1
С1	1	0	1	0	0
С2	3	1	2	0	0
Тот	16	5	7	4	0
Уз	1	1	0	0	0
Ч	1	0	1	0	0
Ш	15	2	3	4	6
Всего	524	119м	161	169д	75
Итого	651	165	216	182	88

* - грунтовые погребения в курганно-грунтовых могильниках

** - половозрастные определения сделаны научным сотрудником НЦАИ ИИ АНТ (г. Казань) И.Р. Газимзяновым в 1998 г.

Таблица 20

Остатки столба в могильных ямах

№№ пп.	Шифр погребения	Пол погребенного	Местонахождение	Ориентировка черепа погребенного
1	2	3	4	5
1	Ач20	М	ЮЗ	З
2	Ач25	М	ЮЗ	ЗЮЗ
3	Бел1	Подр.	ЮВ	В
4	Бел2	М	ЮВ	В
5	Бел3	Ж	ЮВ	В
6	Бел4	Ж	ЮВ	В
7	Бел5	М	ЮВ	В
8	Кел166	М	СЗ	ЗЮЗ
9	Кел167	М	ЮЗ	ЗЮЗ
10	Кел320	Ж	ЮЗ	ЮЗ
11	Кел412	Д\Ж 9-12 лет	ЮЗ	ЗЮЗ
12	Кон31	М	западная стенка	ЗСЗ
13	Кон46	М	западная стенка	ЗЮЗ
14	Кон58	М	ЮЗ	ЗЮЗ
15	Кон54	Ж	ЮЗ	ЗЮЗ
16	Кон57	Ж	ЮЗ	ЗЮЗ
17	Лоб к.2.п.1	М+Ж	З	З
Итого:	5 могильников 17 погребений	9М, 5 Ж, М+Ж, 2 Подр		

Таблица 21

Камень в погребениях грунтовых могильников

№№ пп.	Шифр погребения	Месторасположение	Ориентировка черепа погребенного
1	2	3	4
1	Ач15	СВ угол	ЗЮЗ
2	Ач18	у левого плеча	ЗЮЗ
3	Ач20	СЗ угол	З
4	Ач25	на крышке гроба	ЗЮЗ
5	Ач26	СВ угол	ЗЮЗ
6	Ач32	северная стенка	ЗЮЗ
7	Ач35	южная стенка	З
8	Ач43	слева у черепа	ЗЮЗ
9	Ач47	южная стенка	ЗЮЗ
10	Ач58	центр северной стенки	ЗЮЗ
11	Ач60	северная стенка	ЗЮЗ
12	Кел161	СЗ угол	ЗЮЗ
13	Кел170	западная стенка	ЗЮЗ
14	Кел207	на берцовых костях	ЮЗ
15	Кел388	отдельные камни в засыпи, крупные обломки у СВ конца и у СЗ стенки	ЮЗ
16	Кел399	в засыпи	ЮЗ
17	Кел400	в засыпи	ЮЗ
18	Кел403	в засыпи	ЮЗ

Таблица 22

Положение рук погребенных

А. в грунтовых погребениях				
<i>правая рука</i>				
грудь	1	4	7	8
пояс	4	7	38	2
тазовые кости	3	47	12	6
вытянута	57	5	3	2
	вытянута	тазовые кости	пояс	грудь
	<i>левая рука</i>			

Б. в подкурганных погребениях		
<i>правая рука</i>		
согнута		3
вытянута	7	1
	вытянута	согнута
	<i>левая рука</i>	

Таблица 23

Месторасположение сосуда в погребениях

Шифр м-ка	Шифр погреб.	Половозрастная характеристика			Месторасположение сосуда	Примечание
		М	Ж	Дет		
1	2	3	4	5	6	7
<i>грунтовые могильники</i>						
Ан	1		+		у черепа	
Арм	2			+	на крышке колоды	
Ач	4		+		в засыпи, в головах	
	37		+		у черепа	
	44			+	у черепа	
	50			+	на дневной поверхности, в головах	
	54			+	на дневной поверхности	вверх дном
	60	+			на дневной поверхности	вверх дном
Кел	177		+		в засыпи	3 сосуда - 2 лепных и 1 гончарный
	246			+	у черепа, слева	
	351			+	у ног	
	360			+	у черепа, слева	
	388			+	у черепа, слева	
МП	23			+	у черепа, слева	
РМ	13	не определено			у черепа	костяка и вещей нет
	17	не определено			в центре	костяка и вещей нет
Ред	8			+	в ногах	
Тот	7			+	у черепа 2-го погребенного	вверх дном
	9		+		в засыпи	вверх дном
	15	+			в засыпи	
Ш	5	не определено			у черепа	костяка и вещей нет
	6	не определено			у черепа	костяка и вещей нет
Всего 9	22	2	5	11		
<i>курганно-грунтовые могильники</i>						
Кор	К.2.П.1	+			в ногах	медная миска
	К.10	+			в насыпи кургана	с углями
	1В*	не определено			не указано	костяка и вещей нет
Лоб	К.1	не определено			в насыпи кургана	
Саб	К1.п.1	+			в ногах	
Сар	24*			+	у черепа, справа	разбит
	37*			+	в засыпи могилы	разбит
Всего	4/3*	3	0	2*		
Итого	30	5	5	13		

* - грунтовое захоронение в курганно-грунтовом могильнике

Таблица 24

Месторасположение крестов в грунтовых могильниках

Шифр могильника	№ погр.	Кол-во	Глубина от «0»	Пол погребенного	Возраст погребенного	Месторасположение
<i>I</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Кон	6	1	-195	М	В	область солнечного сплетения
	7	1	-238	М	5-6	пояс
	8	1	-275	М	45-50	под левой ключицей
	11	1	-217	М	5-6	левое плечо
	16	1	-250	Ж*	5-6	левое плечо
	18	1	-99	Ж*	3-4	грудь, слева
	19	1	-139	Ж*	До 1	на уровне пояса
	21	1	-153	Ж	В	солнечное сплетение
	23	1	-191	М	До 1	солнечное сплетение
	23(а)	1	-197	М	Д	грудная клетка
	25	1	-210	Ж*	В	грудная клетка
	27(6)	1	-244	М	Д	в скоплении костей
	28	1	-202	Ж	14-16	под нижней челюстью
	31	1	-229	М	50-55	под грудиной, слева
	33(6)	1	-182	Ж	Подросток	под позвоночником
	36	1	-188	М	25-35	солнечное сплетение
	37	1	-185	М	Д	солнечное сплетение
	38	1	-219	Ж	До 1	солнечное сплетение
	39	1	-230	М	В	солнечное сплетение
	41	1 икона	-214	Ж	16	левое бедро
	42	1	-229	Ж	30-40	грудь
	43	1	-232	М	В	солнечное сплетение
	44	1	-123	Ж	7-8	грудь
	45	1	-158	М	10-12	солнечное сплетение
	47	1	-181	М	40-50	левая ключица
	49	1	-223	Ж	В	солнечное сплетение
	50	1	-222	Ж	30-35	солнечное сплетение
	55	1	-163	М	40-45	грудь
	57	2	-137	Ж	4-5	грудь
	58	1	-148	М	45-50	грудь
	59	1	-127	Ж	8	солнечное сплетение
	60	1	-204	Ж	35-40	грудь
	63	1	-186	М	В	грудь
	65	1	-128	М	35-40	солнечное сплетение
	67	2	-124	М	В	солнечное сплетение
	70	1	-174	Ж	30-40	на крышке гроба
	73	1	-174	М	В	солнечное сплетение
	78	2	-109	М	30-35	грудь слева
	79	1	-83	М	До 2	грудь справа
Рев	3	1	?	М	?	правое плечо
Всего 2	40			М-14 Ж - 10 Д- 15		

* кресты подвешены к нитке ожерелья вместе с бусами

Таблица 25

Характеристика сосудов

Шифр по-греб.	Высота, см	Диаметр по венчику, см	Диаметр дна, см	Толщина стенок, см	Орнамент	Цвет	Примеси	Тип венчика	Тип дна	Характер поверхности
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Ач4	28,5	30	11	0,4-0,6	Линейный	Серый	МПС	ВА, приострен с внутр. стор., с фаской для крышки	Плоское	Шероховатая
Ач37	9	12,5	6,5	0,5	-	Серый	МПС	ВА, отогнут наружу	Плоское	Шероховатая
Ач44	4,6	6,8	6,8	0,5-0,8	-	Коричнево-черный	МПС	Симметричный, округлый	Плоское, с закраиной	Неровная бугристая
Ач50	16,6	19,5	8,4	0,5-0,6	Линейный	Черный	МПС	ВА, округло-уплощенный	Плоское	Шероховатая Мореная
Ач54	12,5	16	15	0,4-0,5	-	Коричневый	МПС	ВА, с напывом на внутренней стороне	Плоское	Гладкая
Ач60	28	25	11	0,7-0,8	Линейный	Серый	МПС	ВА, приострен, напыв с внутр. стороны	Плоское	Шероховатая
Кел177	18	20	16,5	0,8-1,1	Линейный	?	?	ВА, напыв с внутр. стороны	Плоское	?
	10,8	18	9,5	1-1,2	-	?	?	ВА, приострен, скошенный	Плоское	?
	8,5	11	7,8	1-1,2	-	?	?	ВА, приострен, скошенный	Плоское	?
Кел246	5,4	6,6	3,4	0,9-1,2	-	?	?	ВА, напыв с внутр. стороны	Плоское	?
Кел351	7,7	12,3	4,2	0,5-0,8	-	Серый	?	ВА, приострен, напыв с внутр. стороны	Плоское	?
Кел388	7,4	11,0	4,6	?	-	Грязно-серый	?	Симметричный, овальный	Плоское	?
Лоб1	8,7	11,6	6,9	0,6-0,8	Округлые вдавления	Черный, темно-серый	Шамот, навоз	Симметричный, прямой, чуть скругленный	Плоское	Шероховатая
Лоб2	6,9	8,6	5,6	0,6	-	Оранжево-коричневый	?	ВА, округло-уплощенный отогнутый наружу	Плоское	Шероховатая
Лоб3	8,3	8,3	7	0,8-1,1		Желто-коричневый	?	Симметричный, прямой, чуть скругленный	Плоское, с напывом от стенок	Шероховатая
Са6	9	11,8	8,3	0,4-0,5		Светло-коричневый	?	Симметричный, прямой	Плоское, с закраиной	Шероховатая, с толстым слоем нагара
PM17	8,5	9,5	6	0,6	-	?	?	ВА, округлый, чуть отогнутый	Плоское	?
PM13	7	10,6	6	0,7	-	?	?	ВА, скошенный	Плоское	?
Ш5	7	9,5	7,3	0,7-1,2	-	?	Шамот	Симметричный, овальный	Плоское	?
Ш6	12	13	11	0,8	-	?	Шамот	ВА, отогнутый	Плоское	?
Шг/9	22	24	19	0,6-0,8	-	?	Шамот	ВА, отогнутый	Плоское	?
Ред3	?	?	?	?	-	Черный	?		Плоское	Гладкая
НП	?	?	?	0,6	-	?	?	Симметричный, овальный	Плоское	Шероховатая
Чер	?	?	?	?	-	?	?	ВА, скошенный	Поддон	Гладкая

Условные обозначения:

МСП - мелкий сортированный песок; ВА - внутренне асимметричный; ? - информации нет;

 - гончарный сосуд

Таблица 26

Корреляция пропорций гончарных сосудов

Д4 : Д2					
1					Ач54
0,9		НП			
0,8					
0,7					
0,6		Ч PM17	Ач37	PM13	
0,5					
0,4	Ач4	Ач60	Ач50		
Д3 : Н1	1	1,5	2	2,5	3

Д2 - диаметр горла

Д3 - диаметр наибольшего расширения тулова

Д4 - диаметр дна

Н1 - высота наибольшего расширения тулова

Таблица 27

Местонахождение кресала и кремня в мужских погребениях

Шифр м-ка	№ погр.	Кресало			Кремень	
		месторасположение	к-во	примечание	месторасположение	к-во
1	2	3	4	5	6	7
<i>грунтовые могильники</i>						
Ард	1	правая тазовая кость	1			-
Ач	7	правое бедро	1			-
	20	левая тазовая кость	1			-
	56	правая тазовая кость	1			-
	57	между бедрами	1			-
	60	правое бедро	1			-
Бут	14	левая тазовая кость	1	оба - в мешочке	левая тазовая кость	1
	15	не указано	1			-
	35	не указано	1		не указано	1
Д	1	правая тазовая кость	1			-
Кел	160	правая тазовая кость	1			-
	165	правая тазовая кость	1			-
	166	правая тазовая кость	1			-
	169	правая тазовая кость	1			-
	174	правая тазовая кость	1			-
	323	м/у бедр костями	1			-
	324	справа у бедра	1			-
	373	слева под тазовой костью	1			-
	381	возле бедра правой ноги с внешней стороны	1	рядом – кремень и нож, под кремнем - монета	слева у таза	1
	390	справа у таза	1	рядом с ножом		-
	400	справа от места расположения таза	1	рядом с ножом		-
	403	справа у таза	1	рядом с ножом		-
МП	417	между бедер	1	рядом с ножом		-
	22	правое бедро	1		в кошельке	1
	28	правое бедро	2		левое бедро	1
НП	105	на уровне груди	1			-
	69	правое бедро	1			-
	96	правое бедро	1			-
Н	1/2	левая тазовая кость	1		левая тазовая кость	1
	4	левое бедро	1		левая ступня	1
	6	левая тазовая кость	1	сломано	-	-
	9	грудь	1		-	-
	11	-	-		левое бедро	1
	13	-	-		левая голень	1
	19	правая ступня	1		справа в обл. живота	1
РМ	12	левое бедро	1		-	-
Руз	1/2	правая рука	1	на цепочке?	левое бедро	1
СП	1	левое бедро	1		-	-
Всего: 11	38		37		в кошельке в лев. руке	1
<i>курганно-грунтовые могильники</i>						
БМ	1	левое бедро	1		-	-
Кар	2	левое бедро	1		-	-
Кор	к.2.п.1	между бедер	1	в мешочке	между бедер	1
	к.3.п.1	справа у пояса	1		справа у пояса	1
	к.7.0.1	левое бедро	1	в кармане?	левое бедро	1
	к.8.п.1	левое бедро	1		левое бедро	1
	к.10.п.1	у черепа	1	в кож. кисете	у черепа (в кисете)	1
Лоб	к.1.п.2	левое бедро	1		-	-
Рыб	б/н2	правая тазовая кость	1		-	-
	б/н3	в ногах	1	в кож. футляре	-	-
	б/н5	левая тазовая кость	1		-	-
	15	справа у пояса	1		-	-
	16	правая рука(таз)	1		-	-
	19	левая рука	1		-	-
	21	правая рука	1		правая рука	1
	24	правая нога	1		правая нога	1
Сар	34	правое бедро	1	в кож. футляре	-	-
	2*	левое бедро	1		левое бедро	2
	9*	левое бедро	1		-	-
	15*	левая тазовая кость	1	в кармане?	левая тазовая кость	1
Тор	36*	левое бедро	1		левое бедро	1
	к.2.п.3	левое бедро	1		левое бедро	1
	к.3.п.6	левое плечо	1		-	-
	к.4.п.7	у ног	1		у ног	1
Всего: 7	24		24			12
Итого: 18	62		61			24

* - грунтовое погребение в курганно-грунтовом могильнике

 - кресало и кремень вместе в одном погребении

Таблица 28

Месторасположение гребней в погребениях

Шифр м-ка	Тип погребения	Шифр погр.	Пол погр.	Месторасположение	Примечание
1	2	3	4	5	6
грунтовые могильники					
Ач	грунтовое	43	Ж	в области таза	
Кон	грунтовое	21	Ж(Д)	грудь	
		28	Ж	пояс	
МП	грунтовое	22	М	под лев. кистью, слева от бедренной кости лев. ноги	в кошельке, кошелёк в лубяном свертке
		30	Ж	пояс	
Кел	грунтовые	260	Ж	у правой кисти (пояс?)	на поясе?
		262	Ж	у правой плечевой кости (грудь?)	на уровне груди
		319	Ж	таз	
		337	Ж	локоть лев. руки (пояс?)	
курганно-грунтовые могильники					
Кор	подкурганные	к.1.п.1	М	между бедер	в мешочке, подвеш. к поясу
		к.9.п.1	Ж	в бурачке у изголовья	
		к.15.п.1	Ж	в бурачке у изголовья	
Сар	грунтовое	24	Д	ключица	
Тор	подкурганное	к.4.п.7	М	в области ног	
Всего	10/4	9/5			

Таблица 29

Месторасположение кошельков в погребениях

Шифр могильника	Тип погребения (подкурганное / грунтовое)	Шифр погребения	Пол погребенного	Месторасположение	Содержимое						
					1	2	3	4	5	6	7
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
МП	грунтовое	22	М	под лев. кистью, слева от бедренной кости левой ноги	1	1				1	1
Кон	грунтовые	46	М	под правой кистью	3						
		51	М	под лев. кистью	3						
		68	М	в левой руке	4						
Руз	грунтовое	1/2	М	левое бедро	2						
СП	грунтовое	1	М	в левой кисти	3	2	1	1	+		
Кел	грунтовое	399	М	у левого локтя		1					
Рыб	?	б/н2	М	?	2						
Итого	5/1	7/1	8		7	3	1	1	1	1	1

Условные обозначения:

1 – монета; 2 – кремь; 3 – бусина; 4 – жетон; 5 – железная проволока; 6 – гребень; 7 – обломок пинцета

Таблица 30

Месторасположение ножей в погребениях

Шифр м-ка	Шифр погребения	Пол погребенного	Месторасположение в могиле	К-во	Примечание
1	2	3	4	5	6
<i>грунтовые могильники</i>					
Ач	7	М	левая тазовая кость	1	в ножнах
	20	М	правая тазовая кость	1	
	36	М	правое бедро	1	
	48	М	левая тазовая кость	1	
	56	М	левое бедро	1	
	57	М	левая тазовая кость	1	
	59	?	левая тазовая кость	1	
	60	М	левое бедро	1	
Арм	63	Ж	правый пояс	1	
	1	М	правое плечо	1	
Ард	3	Ж	правое бедро	1	
Бел	1	М	левая тазовая кость	1	конец обломан, в ножнах
Вер	2	М	левая тазовая кость	1	рукоятку вверх, в ножнах
	p.1.14	М	левое бедро	1	
	p.1.15	М	левое бедро	1	
Диг	p.3.п.6	М	правое бедро	1	
	1	М?	левое бедро	1	острием к стенке ямы, перпендикулярно ее общей ориентации
Кел	160	М	левая тазовая кость	1	
	165	М	левая тазовая кость	1	
	166	М	левая тазовая кость	1	
	167	М	левая тазовая кость	1	
	169	М	левая тазовая кость	1	
	170	М	правая тазовая кость	1	
	174	М	левая тазовая кость	1	
	230	М	левая тазовая кость	1	
	237	М	левая тазовая кость	1	
	280	М	слева у таза	1	
	281	Ж	область таза	1	с остатками деревянных ножен. Поверх ножа - серебряная монета плохой сохранности
	308	М	у прав бедра	1	
	323	М	м\у бедр костями	1	рядом с кресалом
	324	М	слева у бедра	1	рядом с кресалом
	332	Ж	справа у таза	1	в деревянных ножнах, рукоять с обкладкой из бронзовой пластины и грибовидным навершием. Ножны с наконечником из бронзовой пластины с треугольными выступами в верхней части. Под ножом - две серебряные монеты
	359	Д	на уровне пояса и таза, справа от позвоночника	1	с остатками деревянной рукояти
	365	М	слева у пояса	1	под костями лев руки
	381	М	рядом с бедренной костью левой ноги	1	рядом с кремнем, у черенка ножа лежала бусина
	390	М	слева у таза	1	
	400	М	справа от места расположения таза	1	
МП	403	М	слева у таза	1	у окончания рукоятки ножа находилась бронзовая цилиндрическая обоймочка, свернутая из фрагмента пластинчатого браслета
	413	М	слева у таза	1	
	417	Д\М 9-12 лет	слева у бедра	1	
	21	М	левое бедро	1	
НП	105	М	левое бедро	1	лезвием к погребенному
	12	М	левое бедро	1	
Н	96	М	между бедер	1	
	1	М	левая тазовая кость	1	
	4	М	левое бедро	1	
	6	М	грудь	1	
	11	М	левое бедро	2	
	12	М	?	1	
	13	М	левая тазовая кость	1	

1	2	3	4	5	6
	15	М	правая тазовая кость	1	
	19	М	правая ступня	1	
Прив	1/2	М	левая тазовая кость	1	
РМ	7	М	левое бедро	1	
	9	?	левое бедро	1	
	12	М	правое бедро	1	
	19	М	левое бедро	1	
С2	2	М	левый пояс	1	
Тот	8	Ж	правый пояс	1	
	10	М	за черепом	1	вторичное?
	14	Ж	левая голень	1	
	19	Ж	правый локоть	1	
	1	М	правое бедро	1	
Уз	1	М	левая тазовая кость	1	с березовой рукояткой в кожаных ножнах
Всего:15	64 погребения	М – 53 Ж – 7 Д – 2 ? – 2			
<i>курганно-грунтовые могильники</i>					
Сар	2*	М	левое бедро	1	
	5*	?	левое бедро	1	в кожаных ножнах
	6 (6/7) *	М	левое бедро	1	
	9*	М	левое бедро	1	привешен слева и сзади к поясу
	36*	М	левое бедро	1	
БМ	кЛ.п.1	М	левое бедро	1	
Кар	кЛ.п.2	М	левое бедро	1	рукоятка и кончик ножа обломаны
Кор	к.3.п.1	М	правое бедро	1	
	к.7.п.1	М	левое бедро	1	с деревянной рукояткой
	к.8.п.1	М	левое бедро	1	в кожаных ножнах
	к.9.п.1	Ж	на груди	1	
	15*	М	левое бедро	1	конец обломан
	1В*	?	?	1	кости не сохранились
	1Д*	М	на поясе справа	1	конец обломан
	1Д*	Ж	слева на груди	1	
Лоб	к.2.п.1	М	левое бедро	1	
Рыб	4	?	у левой ноги	1	
	7	М	не указано	1	
	б/н2	М	левая тазовая кость	1	
	б/н5	М	левая тазовая кость	1	
	15	М	левый пояс	1	
	16	М	левая рука	1	
	19	М	правая рука	1	
	21	М	левая рука	1	
Саб	кЛ.п.1	М	правое бедро	1	
Тор	К.2.П.3	М	левое бедро	1	
	к.3.п.5	М	левое бедро	1	
	к.3.п.6	М	левая тазовая кость	1	
	к.4.п.7	М	в области ног	1	
Всего: 8	29 погребений	М – 24 Ж – 2 ? – 3			
Ито- го: 24 могиль- ника	93 погребения	М – 77 Ж – 9 Д – 2 ? – 5		94	

* - грунтовые погребения

Таблица 31

Месторасположение тесла в погребениях

Шифр м-ка	грунтовое/ подкурганное	Шифр погр.	к-во пред	Пол погребенного	Месторасположение
1	2	3	4	5	6
Нар	грунтовое	5	1	Ж	левая тазовая кость
Кор	подкурганное	К1.п.1	1	М	в ногах
Всего	1/1	1/1	2		

Таблица 32

Месторасположение топора в мужских погребениях

Шифр м-ка	Тип могильника/ тип погребения	Шифр погр.	Кол-во предм.	Месторасположение	Примечание
1	2	3	4	5	6
<i>грунтовые могильники</i>					
Ан	грунтовой/ грунтовое	2	1	бедро	острием кверху
Арм	грунтовой/ грунтовое	1	1	вдоль левой берцовой кости	обухом к колену, топориком к руке
Ард	грунтовой/ грунтовое	1	1	справа от черепа	обухом к черепу
Н	грунтовой/ грунтовое	11	1	левая тазовая кость	
		19	1	левая голень	
Всего: 4		5	5		
<i>курганно-грунтовые могильники</i>					
Кор	курганно- грунтовой/ подкурганное	к.2.п.1	2	в ногах	топоры разных типов
		к.5.п.1	1	у ступней	
Саб	курганно- грунтовой/ подкурганное	к.1.п.1	1	с внешней стороны левой стопы	
Сар	курганно- грунтовой/ грунтовое	2	1	слева у черепа	за пределами гроба
		9	1	левое плечо	топориком вдоль туловища
		15	1	левая тазовая кость	
Тор	курганно- грунтовой/ подкурганное	к.2.п.3	1	правая голень	
		к.4.п.7	1	в области ног	
Всего: 4		8	9		
Итого: 8	4/4	5/8	14		

Таблица 33

Месторасположение кочедыка в мужских погребениях

Шифр м-ка	Тип могильника/ тип погребения	Шифр погр.	Кол-во предметов	Месторасположение
1	2	3	4	5
Нар	грунтовой/грунтовое	13	1	левая тазовая кость
Тот	грунтовой/грунтовое	1	1	?
	грунтовой/грунтовое	28	1	между голеньями
Кел	грунтовой/грунтовое	341	1	под гробовиной у СВ угла погребения
Сар	курганно-грунтовой/ грунтовое	2	1	левое бедро
Всего	3/1	4/1	4/1	

Таблица 34

Месторасположение оселка в мужских погребениях

Шифр м-ка	Тип могильника/ тип погребения	Шифр погр.	Кол-во предметов	Месторасположение
1	2	3	4	5
Нар	грунтовой/грунтовое	1/2	1	левая тазовая кость
Сар	курганно-грунтовой/ грунтовое	36	1	между голеньями
Всего	1/1	1/1	1/1	

Таблица 35

Месторасположение серпов в погребениях

Шифр могильника	Тип могильника/ тип погребения	Шифр погребения	Пол погребенного	Месторасположение	Примечание
1	2	3	4	5	6
Кор	курганно-грунтовой/ подкурганное	к.9.п.1	Ж	на груди	обращен к подбородку
Тот	грунтовой/грунтовые	9	Ж	левый локоть	
		14	Ж	левая голень	
		19	Ж	нижняя часть живота	поперек туловища
Всего	1/1	1/3			

Таблица 36

Месторасположение пряслиц в погребениях

Шифр м-ка	Шифр погр.	Пол погр.	Месторасположение	Примечание
1	2	3	4	5
<i>грунтовые могильники</i>				
Бел	3	Ж	правая стопа (с внешней стороны)	
Кел	273	Ж	слева у локтя	
	320	Ж	на груди	в окружении бус
Нар	1Ш	Ж	крестец	вместе с ножом и огнивом
	5	Ж	левая нога	
	23	Ж	?	
	27	Ж	в ногах	
Ред	7	Ж	левая тазовая кость	
Р	4	Ж	левый локоть	
С-Як	1/2	Ж	левая кисть	
Тот	8	Ж	у черепа слева	
	11	Ж	у черепа слева	
	14	Ж	правое плечо	
	16	Ж	?	
	18	Ж	левая голень	
	1	М	левый локоть	
Всего: 7	16	15 Ж, 1 М		
<i>курганно-грунтовые могильники</i>				
БМ	2	Ж	с правой стороны	
Кор	к.2.п.1	Ж	правое бедро	
	к.7.п.1	Ж	левый локоть	
	к.8.п.1	Ж	правое предплечье	
	к.9.п.1	Ж	грудь	
	к.15.п.1	Ж	левое бедро	у локтя - часть веретена
	A1*	Ж	слева у черепа	вместе с деревянным веретеном
	2В*	Ж	слева у пояса	
Сар	21*	Ж	правая кисть	
Тор	к.1.п.1	Ж	левое бедро	
Всего: 4	7/3	10 Ж		
Итого: 11	26			

* грунтовое погребение в курганно-грунтовой могильнике

Таблица 37

Месторасположение кечказа в женских погребениях

Шифр м-ка	Тип могильника/ тип погребения	Шифр погребения	Кол-во предм.	Месторасположение
1	2	3	4	5
Ан	грунтовой/грунтовое	1	1	у черепа слева
Ард	грунтовой/грунтовое	2	1	у черепа слева
Бел	грунтовой/грунтовое	3	1	у правой ступни с внешней стороны
Диг	грунтовой/грунтовое	3	1	не указано
Ред	грунтовой/грунтовое	7	1	слева от черепа
Лоб	Курганно-грунтовой/подкурганное	к.2.п.1/2	1	у правого локтя с внутренней стороны
Всего: 6	5/1	5/1	5/1	

Таблица 38

Редкие категории погребального инвентаря

Шифр м-ка	Шифр погреб.	Пол погр.	Название предмета	Месторасположение	Примечание
1	2	3	4	5	6
<i>грунтовые могильники</i>					
Ач	32	Ж	наперсток	грудь	с подвешенным к нему жетоном рядом с кресалом
Кел	160	М	шило	справа у таза	
	164	Ж	наперсток	под челюстью	на цепочке
	230	М	костяной инструмент	у левой тазовой кости	
	260	Ж	бронз. гирька	под правой кистью	
	274	Ж	вязальная игла (?)	на поясе в середине	
	283	Ж	наперсток	у черепа с правой стороны	
	285	Ж	вязальная игла	у таза справа	
	307	Ж	кольчужница	на груди среди украшений	
	309	Ж	железная кольчужница	под черепом	
	341	Д	стержневидный железный крюк	под гробовиной у СВ угла погребения	рядом с костяным кочедыком
	387	Ж	2 наперстка	на груди	
	396	Д/Ж до 14 лет	игольник игла шило	справа у нижней челюсти игольник из кожи с железным зажимом, внутри – фрагмент длинной железной иглы, здесь же – фрагмент железного шила в кожаном чехле с бронзовым зажимом	
	417	Д/М 9-12 лет	флейты-свистульки	в ЮЗ углу погребения	2 шт.
			глиняная погремушка	слева у пояса	
Кон	30	Ж	копоушка	грудь	в составе ожерелья
МП	22	М	обломок пинцета	под левой кистью	в кошельке
Н	18	Ж	решетка медная	не указано	
	21	Ж	решетка орнаментир.	не указано	
С1	1	Ж	игла	левый локоть	
<i>курганно-грунтовые могильники</i>					
Кор	к.3.п.1	М	пешня	правая ступня	
Сар	16	Ж	рыболовный крючок	рядом с черепом	

Таблица 39

Месторасположение наконечников стрел в мужских погребениях

Шифр м-ка	Тип могильника/ тип погребения	Шифр погр.	Кол-во предметов	Месторасположение	Примечание
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
Нар	Грунтовой/грунтовое	4	1	левое бедро	
		11	2	правый локоть	
Кор	курганно-грунтовой/ подкурганное	к.2.п.1	неск.	левый локоть	у лев. ступни – втулка копья
		к.3.п.1	3	правая тазовая кость	
		к.10.п.1	10	левая голень	
Тор	курганно-грунтовой/ подкурганное	к.3.п.5	1	правое бедро	
Всего	1/2	2/4			

Таблица 40

Характеристика монет

Шифр м-ка	Шифр погр.	Кол-во	Правитель	Номинал	Материал	Месторасположение	Год выпуска (правления)	Дата могильника	Примечание
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ач – 31 (28) погр.	4	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	Ю стенка могилы	1613-1645	нач. XVII - не позднее первого десятилетия XVIII в.	отверстие и петля
		1	не определен	не указан	серебро	центр могилы			с отверстием
	7	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	во рту	1613-1645		
		1	не определен	не указан	серебро	левая таз. кость			
	11	1	не определен	не указан	серебро	слева у черепа			
		1	не определен	не указан	серебро	на сюлгаме			с отверстием
	12	1	не определен	не указан	медь	нижняя челюсть			
		1	не определен	не указан	серебро	нижняя челюсть			
	13	2	Михаил Федорович	не указан	серебро	по сторонам черепа	1613-1645		
	14	3	Михаил Федорович	не указан	серебро	пояс справа	1613-1645		
		1	Михаил Федорович	не указан	серебро	пояс справа	1613-1645		с отверстием
		2	Михаил Федорович	не указан	серебро	на сюлгаме	1613-1645		с отверстием
		1	не определен	не указан	серебро	на сюлгаме			с отверстием
	15	1	не определен	не указан	серебро	во рту			плохой сохранности
	16	1	не определен	не указан	серебро	пояс			
	17	1	не определен	не указан	серебро	во рту			
	21	2	не определен	не указан	серебро	пояс			
		1	Михаил Федорович	не указан	серебро	на сюлгаме	1613-1645		с отверстием
	24	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	скопление костей	1613-1645		
	26	4	Михаил Федорович	не указан	серебро	в составе ожерелья	1613-1645		с отверстием
		1	не определен	не указан	серебро	в составе ожерелья			с отверстием
	27	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	на черепе	1613-1645		
	33	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	во рту	1613-1645		
	34	1	Алексей Михайлович	не указан	серебро	на груди	1645-1676		
		1	Алексей Михайлович	не указан	серебро	в серьге	1645-1676		с отверстием
	35	1	Алексей Михайлович	не указан	серебро	во рту	1645-1676		
	37	2	Михаил Федорович	не указан	серебро	в скоплении костей	1613-1645		
	38	4	Михаил Федорович	не указан	серебро	справа у черепа	1613-1645		
		1	не определен	не указан	серебро	справа у черепа			
		3	не определен	не указан	серебро	под черепом			с отверстием
		1	Михаил Федорович	не указан	серебро	под черепом	1613-1645		
	50	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	во рту	1613-1645		
		2	Михаил Федорович	не указан	серебро	на сюлгаме	1613-1645		с отверстием
	50	1	не определен	не указан	серебро	на сюлгаме			с отверстием
	51	1	Алексей Михайлович	не указан	серебро	у черепа	1645-1676		
	54	1	не определен	не указан	серебро	у черепа			
	55	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	под череп	1613-1645		
	56	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	левая стопа	1613-1645		
	57a	5	Михаил Федорович	не указан	серебро	справа у таза	1613-1645		
		1	Михаил Федорович	не указан	серебро	во рту	1613-1645		
	58	1	не определен	не указан	серебро	во рту			
	59	1	не определен	не указан	серебро	во рту			
		1	не определен	не указан	серебро	пояс			
	60	1	не определен	не указан	серебро	во рту			
		1	не определен	не указан	серебро	правая голень			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ач – 31 (28) погр.	61	1	Алексей Михайлович	не указан	серебро	под черепом	1645-1676		
	62	1	не определен	не указан	серебро	под черепом			
	63	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	на груди	1613-1645		
Ан -1	1	1	не указан	не указан	серебро	за черепом	XVII в.	XVII в.	
Ард- 2	1	1	Петр Алексеевич	не указан	серебро	между бедрами	1682-1725	кон. XVII в. - сер. XVIII в.	
	2	1	не указан	не указан	медь	под челюстью	1731		
Ат- 2	1	1	Петр Алексеевич	не указан	серебро	ниже таза	1682-1725	кон. XVII в. - сер. XVIII в.	
	2	1	не определен	не указан	не указано	во рту			
Бат	п.м.	1	Анна Иоанновна	деньга	медь		1733	сер. XVIII в.	
Бел- 1	2	1	не указано	не указан	серебро	правая рука	XVII в.	XVII в.	
Бут -5	10	1	не указано	не указан	не указано	под черепом			
		2	не указано	не указан	не указано	не указано			
	13	1	не указано	не указан	не указано	у черепа справа			
	17	1	не указано	не указан	не указано	левое предплечье			
		1	не указано	не указан	не указано	на позвоночнике			
		3	не указано	не указан	не указано	под грудной клеткой			
		2	не указано	не указан	не указано	не указано			
	21	1	не указано	не указан	не указано	не указано			
	28	1	не указано	не указан	не указано	не указано			
БМ- 2	к.3.п1	2	не указано	не указан	не указано	левое бедро			
	к.3.п1	1	не указано	не указан	не указано	грудь			
Верг - 8	р.1.5	1	Иван IV	не указан	серебро	шейные позвонки	1547-1584	сер. XVI - посл. четв. XVII вв.	
	7	1	Иван IV	не указан	серебро	не указано	1547-1584		
	14	1	Иван IV	не указан	серебро	левое бедро	1547-1584		
	16	1	Иван IV	не указан	серебро	не указано	1547-1584		
	24	5	Иван IV	не указан	серебро	шейные позвонки	1547-1584		
	р.3.3	1	Михаил Федорович	не указан		не указано	1613-1645		
	р.3.4	1	Михаил Федорович	не указан		не указано	1613-1645		
	р.3.7	3	не указано	не указан		шейные позвонки			
Диг – 1	1	5	Михаил Федорович	не указан	серебро	в сереге	1613-1645		с отверстием
Дубн	п.м.	1	Михаил Федорович	не указан			1613-1645	нач. - посл. четв. XVII в.	
Дубр	6	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	не указано	1613-1645		
Кар	к.1.п.1	1	не указано	не указан	не указано	таз			
Кор	1Д	4	Михаил Федорович	не указан	серебро	не указано	1613-1645	70-е гг. XV – 70-е гг. XVII вв.	
	к1.п.1	5	Иван III, Иван IV?	копейка	серебро	не указано	1462-1584		
		1	Иван III, Иван IV?	копейка	серебро	между ступнями	1462-1584		
	к.5п.1М	2	Федор Иоаннович	не указан	серебро	таз	1584-1598		
		2	Василий Шуйский	не указан	серебро	таз	1606-1610		
	к7 п1Ж	2	Иван IV	копейка	серебро	у стоп	1547-1584		
	к7п1Ж	1	Иван IV	копейка	серебро	грудь	1547-1584		
		17	Иван IV	копейка	серебро	левое бедро	1547-1584		
	к8 п1Ж	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	пояс	1613-1645		
Куз	к8п1М	4	Михаил Федорович	копейка	серебро	левое бедро	1613-1645		
	п.м.	1	Петр Алексеевич	полупшка	не указан		1720		
Кел – 74 (57)	159	1	не определен	не опред	серебро	в обл. груди	XVII в.	нач. XVII - сер. XVIII в.	
	160	2 1	не определен Михаил Федорович	не опред не опред	серебро серебро	левая тазовая кость	XVII в. 1613-1645		
	163	1	Михаил Федорович	не опред	серебро	ЮЗ угол гробовины	1613-1645		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Кел – 74 (57)	170	1	Михаил Федорович	не опред	серебро	правая тазовая кость	1613-1645	нач. XVII - сер. XVIII в.	
	171	1	не определен	не опред	серебро	таз			
	172	2	Михаил Федорович	не опред	серебро	слева у черепа	1613-1645		соединены проволокой
	174	5	не определен	не опред	серебро	под нижней челюстью			
		2	не определен	не опред	серебро	левая тазовая кость			
	177	1	не определен	не опред	серебро	во рту			
		1	Узбек	не опред	серебро	пояс	XIV в.		
Кел	178	1	не определен	не опред	серебро	во рту			
	181	1	не определен	не опред	серебро	справа у черепа			
	182	1	не определен	не опред	серебро	во рту			
	183	1	не определен	не опред	серебро	во рту			
	187	3	не определен	не опред	серебро	у черепа			
		1	Борис Федорович	не опред	серебро	в височном кольце	1598-1605		с отверстием
		1	Василий Иванович	не опред	серебро	привеска сюлгамы	1606-1610		с отверстием
		1	Алексей Михайлович	не опред	серебро	привеска сюлгамы	1645-1676		с отверстием
	190	1	не определен	не опред	серебро	во рту			
	193 207	1	Михаил Федорович	не опред	серебро	у черепа	1613-1645		с отверстием
		1	Михаил Федорович	не опред	серебро	на серьге	1613-1645		
		1	не определен	не опред	серебро	на серьге			с отверстием
	222	1	Петр Алексеевич	не опред	серебро	на железном кольце у черепа	1682-1725		с отверстием
	223	1	не определен	не опред	серебро	под правым плечом			
	229	неск	Петр Алексеевич	копейки	медь	в составе ожерелья	1682-1725		с отверстием
		неск	не определен	не опред	серебро	в височных украшениях			с отверстием
	230	1	не определен	не опред	серебро	во рту			
	237	1	не определен	не опред	серебро	во рту			
	260	8	Алексей Михайлович	не опред	серебро	на черепе	1645-1676		
		1	Михаил Федорович	не опред	серебро	на височном кольце	1613-1645		с отверстием
		1	Михаил Федорович	не опред	серебро	во рту	1613-1645		
		20	Михаил Федорович	не опред	серебро	в составе ожерелья	1613-1645		с отверстием
		1	Михаил Федорович	не опред	серебро	у таза	1613-1645		
	262	1	не определен	не опред	серебро	во рту			
	276	1	Петр Алексеевич		серебро	в засыпи			относится к разруш. погр?
	280	1	не определен		серебро	во рту			плох. сохр-ть
	281	1	Алексей Михайлович		серебро	под наконником			в сост украшения?
		1	не определен		серебро	таз			поверх ножа
	283	2	не определен		серебро	под черепом			плох. сохр-ть
		1	Петр Алексеевич		серебро	во рту			
		2	не определен		серебро	под черепом			в сост. украшения плох. сохр-ть
	285	2	Михаил Федорович		серебро	справа у черепа			в сост. украшения
		2	Михаил Федорович		серебро	в области шеи			нанизаны на веревочку
		6	в т.ч. Михаил Федорович		серебро	слева на костях таза			
		1	не определен		серебро	м/у верх. и нижн. челюстями (во рту?)			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Кел	302	1	Петр Алексеевич		серебро	под черепом		нач. XVII - сер. XVIII в.	разрушено
	306	2	Петр Алексеевич		серебро	слева у бедра			
		1	Петр Алексеевич		серебро	во рту			
	307	6	в т.ч. Петр Алексеевич		серебро	в области шеи и под черепом			все с отверстиями
		4	не определен		серебро	чешуйки			подвески к сюльгаме на груди, плох. сохран.
		1	не определен		серебро	во рту			плох. сохранности
	308	2	в т.ч. Петр Алексеевич		серебро	в обл. таза			с отверстиями
		1	не определен		серебро	во рту			плох. сохранности
	309	1	Петр Алексеевич		серебро	во рту			
	312	1	не определен		серебро	во рту			плох. сохранности
	317	1	Михаил Федорович			в засыпи			
	319	2	Михаил Федорович			справа у черепа			2 - на бронзовом височном кольце
		7	не определен		серебро	в области таза			7- в составе набедр. украшения?
	320	1	не определен		серебро	у черепа			в составе височн.укр.
	321	1	не определен		серебро	локоть правой руки (пояс?)			
		1	не определен			м\у верх. и ниж. челюстью (во рту?)			
	323	6	Михаил Федорович			у кистей прав.руки			
		9	Алексей Михайлович		серебро	у кистей лев.руки			
		1	не определен			под нижн. челюстью			
	324	1	не определен		серебро	под верх. челюстью			плохая сохранность
	327	1	Михаил Федорович		?	у черепа			
		2	не определен		серебро	слева у черепа			в сост. височ. украш.
		1	не определен		серебро	справа у черепа			в сост. височ. украш.
		1	не определен		серебро	грудь			подвеска к сюльгаме
		1	не определен		серебро	м\у верх. и ниж. челюстью			
	328	1	Михаил Федорович		серебро	под черепом			в сост. височ. украш.
	330	1	не определен		серебро	во рту			
	332	2 1	не определен не определен		серебро серебро	таз под черепом			
	339	1	Петр I		серебро	во рту			
	341	1	Михаил Федорович		серебро	во рту			
	342	1	Федор Алексеевич		серебро	во рту			
	345	1 1	Михаил Федорович Петр I		серебро серебро	у ступней ног под нижней чел.			
	348в	1	Михаил Федорович		серебро	во рту			
	349	1	Федор Алексеевич			слева от черепа			подвеска
	352	2	не определен	полушка	медь	в обл. груди	1734		
	353	1	не определен		серебро	м\у верх. и ниж. челюстью			плохая сохранность

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Кел	354	1	Михаил Федорович		серебро	слева у черепа		нач. XVII - сер. XVIII в.	на бронзовом височном кольце
	357	1	не определен		серебро	справа у черепа			на бронзовом височном кольце плохая сохранность
	359	1	Михаил Федорович		серебро	во рту			
	370	2	не определен		серебро	слева и под черепом			на бронзовых височных кольцах плохая сохранность
		?	Михаил Федорович		серебро	на груди			в сост. украшения
	372	1	не определен		серебро	у черепа			на бронзовом височном кольце плохая сохранность
		1	не определен		серебро	на груди			в составе украшения
		1	не определен		серебро	во рту			
	381	1	не определен			слева таз, под кремнем			плохая сохранность
		1	Федор Алексеевич		серебро	во рту			
	382	2	Михаил Федорович			череп			на 1 серьге
	385	1	Петр Алексеевич			под челюстью			с отверстием
	387	1	не определен		серебро	м/верхней и нижней челюстью			
	390	2	не определен		серебро медь	предплечье левой руки			под остатками шерстяной ткани
	391	1	не определен		серебро	грудь			с отверстием. в составе ожерелья?
	397	1	не определен		серебро	грудь, в составе бус			с отверстием плохая сохранность
		1	не определен		серебро	м/верхней и нижней челюстью			плохая сохранность
	398	1	Петр Алексеевич			в засыпи			с отверстием
	401	1	не определен		серебро	на поясе			с отверстием
	403	1	не определен		серебро	слева у бедра			плохая сохранность
		1	не определен		серебро	во рту			
	406	1	не определен		серебро	под нижн челюстью			
	407	1	Петр Алексеевич		серебро	под нижн челюстью			
	408	1	Михаил Федорович		серебро	под нижн челюстью (во рту)			
	410	1	Михаил Федорович		серебро	у черепа			на одной из бронзовых серег
		1	Михаил Федорович		серебро	на груди			на сюлгаме
		1	не определен		серебро	под нижн челюстью (во рту)			плохая сохранность
	412	1	не определен		серебро	между верхней и нижней челюстью			плохая сохранность
	413	1	не определен		серебро	под нижн челюстью			плохая сохранность
	417	1	не определен		серебро	под ребрами			плохая сохранность
Кон – 18 (17)	8	1	не определен	не опред	медь	таз, под правой кистью		60-е годы XVIII - нач. XIX вв.	
	31	2	Павел I Александр I	копейка 2 копейки	медь медь	правое бедро	1799 1821		
	36	3	не определен	не опред	медь	правое бедро			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Кон – 18 (17)	37	1	Петр Алексеевич	полушка	серебро	солнечное сплетен.		60-е годы XVIII - нач. XIX вв.	
	42	2	Александр I Павел I	2 копейки 2 копейки	медь медь	за пределами погребения (не определено)	1814 1801		разрушено
	46	3	Екатерина II Екатерина II Павел I	5 копеек копейка копейка	медь медь медь	под правой кистью	1787 1789 1800		в кошельке
	47	1	не определен		медь	у правой кисти			
	49	1	Александр I	2 копейки	медь	под левым предплечьем	1817		
	51	3	Елизавета Петровна Елизавета Петровна не определен	деньга деньга копейка	медь медь медь	под левой кистью, у бедра	1748 1749 XVIII в.		
	52	1	Елизавета Петровна	2 копейки	медь	под левым предплечьем	1758		
	54	4	Павел I Павел I Павел I Павел I	2 копейки 2 копейки 2 копейки 2 копейки	медь медь медь медь	правый локоть, с внешней стороны	1798 1799 1801 1801		
	57	1	не определен		медь	под правой бедренной костью			
	606	1	Екатерина II	2 копейки	медь	в нижней части погребения	1766		
	68	5	не определен	не опред	медь	левое бедро			в кошельке
	69	1	Елизавета Петровна	Деньга	медь	пояс	1743		
	70	1	Александр I	2 копейки	медь	слева у черепа	1823		
	72	4	Елизавета Петровна Елизавета Петровна Павел I Павел I	Деньга 2 копейки копейка копейка	медь медь медь медь	пояс справа	1743 1758 1800 1800		
	76	6	Елизавета Петровна Екатерина II Павел I Павел I Павел I	2 копейки 2 копейки 2 копейки 2 копейки 2 копейки	медь медь медь медь медь	на уровне бедра	1760 1790 1800 1800 1801		Гурт монеты счищен
	81	3	Елизавета Петровна Елизавета Петровна Анна Иоановна	Деньга Деньга Деньга	медь медь медь	в районе грудной клетки	1748 1753 1739		
	X. 22	1	Екатерина II	2 копейки	медь		1788		перечекан
Лоб	к2 п1м	1	не указан	не указан	серебро	левое бедро	нач. XVII в.	нач. - сер. XVII в.	
	к2 п1ж	7	не указан	не указан	серебро	правое бедро	нач. XVII в.		
		?	не указан	не указан	серебро	в серьгах	нач. XVII в.		с отверстием
		1	не указан	не указан	серебро	на скулгае	нач. XVII в.		с отверстием
Мач	?	1	Петр Алексеевич	копейка	медь	не указано	1707	нач. - сер. XVIII в.	с отверстием
	?	1	Анна Иоанновна	полушка	медь	не указано	1735г.		
	?	2	Елизавета Петровна	копейка	медь	не указано	1734		
МП - 5	12	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	у С стенки могилы	1613-1645	нач. -70-е годы XVII в.	
	16	2	не указан	не указан	не указано	грудь			
	22	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	в кошельке	1613-1645		
	78	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	в серьге	1613-1645		с отверстием
	104	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	в центре могилы	1613-1645		
Нал – 1	1	1	Анна Иоанновна	деньга	медь	грудь	1731	середина XVIII в.	
Нар – 4	3	1	Михаил Федорович	деньга		под черепом	1613-1645	XVII в.	с отверстием
	8	4	не указан	не указан	серебро	на груди	не указано		
	11	1	не указан	не указан	не указано	правая ключица	не указано		
	14	1	не указан	не указан	медь	не указано			
	п.м.	1	Михаил Федорович	не указан	серебро		1613-1645		
		1	Алексей Михайлович	не указан	серебро		1645-1676		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
П	б/н	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	под челюстью	1613-1645	нач. -70-е годы XVII в.	
	б/н	2	Михаил Федорович	не указан	не указан	на сюльгаме	1613-1645		с отверстием
	7	?	не указан	не указан	не указан	грудь			жетоны (?)
Рев – 3	1	?	не указан	не указан		на груди		нач. -70-е годы XVII в.	жетоны (?)
	3	8	не указан	не указан	не указан	между бедрами			
	4	1	не указан	не указан	не указан	у черепа			
		1	не указан	не указан	не указан	не указано			
		1	не указан	не указан	не указан	у правого локтя			
		1	не указан	не указан	не указан	у челюсти			
Ред – 2	2	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	в серьге	1613-1645	нач. -70-е годы XVII в.	с отверстием
	9	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	в серьге	1613-1645		с отверстием
Руз – 2	1м	1	не указан	полушка	не указан	в кисете		кон. XVII - сер. XVIII вв.	
		1	Петр Алексеевич	копейка	серебро	в кисете	1682-1725		
	1ж	1	не указан	полушка	не указан	таз			
		1	Петр Алексеевич	копейка	серебро	таз	1682-1725		
Рыб	10	1	не указан	полушка	не указан	не указано		сер. XVII- сер. XVIII вв.	
	б/н2	1	Алексей Михайлович	не указан	серебро	в кошельке	1645-1676		
		1	не указан	не указан	медь	в кошельке			
	15	1	не указан	не указан	не указано	не указано			
	24	3	Петр Алексеевич	не указан	серебро	у левой ноги	1682-1725		
РМ - 3	7	1	не указан	не указан	не указан	правое плечо	XVII в.	XVII в.	
		1	не указан	не указан	не указан	между бедрами	XVII в.		
	16	1	не указан	не указан	не указан	таз	XVII в.		
	19	1	не указан	не указан	не указан	в скоплении костей	XVII в.		
		1	не указан	не указан	не указан	левое бедро	XVII в.		
Саб	?		Петр Алексеевич	полушка	медь	не указано	1682-1725	нач. XVII - сер. XVIII вв.	
	П.М.	2	Михаил Федорович	не указан	серебро		1613-1645		с отверстием
Сар	1	?	не указан	не указан	не указан	за черепом		нач. XVII - середина XVIII вв.	
		1	Московская	копейка	серебро	в правой руке	дата стерта		
	2	1	Михаил Федорович	копейка	серебро	в кармане	1613-1645		
	4	1	Михаил Федорович	не указан	серебро	в серьге	1613-1645		с отверстием
	10	1	не указан	копейка	серебро	в серьге			с отверстием
	11	1	не указан	копейка	серебро	в серьге			с отверстием
	12	1	не указан	полушка	не указан	в составе ожерелья	XVIII в.		с отверстием
	23	2	не указан	не указан	серебро	в серьге			с отверстием
	25	1	не указан	полушка	медь	в составе ожерелья	XVIII в.		с отверстием
	26	3	не указан	копейка	серебро	под черепом			с отверстием
	29	2	не указан	копейка	серебро	в серьгах			с отверстием
	35	1	Михаил Федорович	копейка	серебро	у правого плеча	1613-1645		
		1	не определен	не указан	серебро	левая кисть	дата стерта		
СД	п.м.	1	Анна Иоанновна	деньга	медь		1735		с отверстием
С-Як - 1	1м	?	Петр Алексеевич	копейка	серебро	область шеи	1682-1725	кон. XVII - сер. XVIII вв.	
	1ж	4	Петр Алексеевич	копейка	серебро	правый локоть	1682-1725		
		1	Анна Иоанновна	не указан	не указан	не указано			
С-Яб – 1	1	2	Петр Алексеевич	не указан	медь	во рту	1700	кон. XVII - сер. XVIII вв.	
		?	Петр Алексеевич	не указан	медь	под черепом	1682-1725		
		1	не указан	не указан	серебро	не указано	1721		

Таблица 41

[illegible]

Таблица 42

Дары в погребениях грунтовых могильников

Шифр могильника	Шифр погр.	Пол погр.	Шифр предметов									Месторасположение	Примечание
			1	2	3	4	5	6	7	8	9		
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>	<i>13</i>	<i>14</i>
Ан	1	Ж		1								в засыпи ямы	
Ард	1	М			2	1	3	4		+		внутренняя сторона левого бедра	рядом с женским погреб. + топор у черепа
							1	1		+		левое бедро	
									+			правая ступня с внутренней стороны	
							1		2			на груди, слева, бусина - у ключицы	
Ач	16	Ж	1				1					на крышке гроба	
Бут	26	Ж			1							у черепа	от головного убора?
							+					в ногах	
Кел	167	М			1							у затылка	от головного убора?
	169	М			1							у затылка (пряжка)	от головного убора?
	229	Ж			1							под черепом	от головного убора?
	323	М			3							справа от черепа – 2 сюлгамы, еще одна – под черепом	
	345	Ж					3					на уровне ступней ног	
	381	М			1							слева от черепа на дне могильной ямы	с подвесками из западноевропейских счётных жетонов и раковины каури
Кон	8	М					1					у черепа	рядом с яичной скорлупой
МП	22	М			1							слева от черепа	лопастями вверх
Нар	1/2	Ж		1								у подбородка	
	19	М		1								у левого плеча	
	22	Ж			1	1						под черепом	
Пасво	б/н	Ж			1							на черепе	
					1						2	в области черепа	от головного убора?
Прив	2	М			1							у левого колена	Лопастями вверх
											1	в ногах	
РМ	9	М					1					пояс	
	7	Ж			3							справа у черепа	сцеплены, одна без язычка
Руз	1	М					1					грудь	
СП	1	М					1					на груди	вместе с кремнем и деньгами
Тот	8	Ж		+	+							за черепом	
	19	Ж		+					+			за черепом	
Ш	4	М					1					под черепом	
Всего: 14	20	Ж -9 М -11	1	5	8	2	7	1	2	1	1		

Условные обозначения:

1 – подвеска; 2 – браслет; 3 – сюлгама; 4 – перстень; 5 – бусы; 6 – жетон (пфенниг);

7 – раковина-каури; 8 – фрагменты одежды; 9 – бубенчик

 – предмет предположительно отнесен к головному убору

Таблица 43

Вещевые жертвенные комплексы в курганно-грунтовых могильниках

Шифр могильника	Шифр погребения	Пол погр.	Шифр предметов								Месторасположение	Примечание
			1	2	3	4	5	6	7	8		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Кор	1Д*	Ж			2						у ступней с каждой стороны	
	К.1.п.1	Ж								+	у голени	
	К.2.п.1	Ж			2						у ступней	
		М			1	3					у ступней	
	К.3.п.1	Ж			2						у левой ступни	
						3					в области ног	
	К.5.п.1	М							+		у ступней	
	К.6.п.1	Ж?		3							середина бедра	
	К.7.п.1	Ж			1						за черепом	от головного убора?
				4							за черепом	
	К.8.п.1	М/Ж			1						между мужским и женским черепами	рядом с бурачком
		М				1					правая голень	
						1					левая голень	
					1						под черепом	от головного убора?
	К.9.п.1	Ж				2					на груди	
	К.10.п.1	М	+	+	+		+	+			правое плечо	
Сар	23	Ж			2	1					в 15 см выше черепа	сюлгамы поломаны
	4*	Ж			1						у черепа	от головного убора!
	6/7*	М					1				у правого бедра	украшение пояса?
	17*	Ж		1							правая голень	
	37*	Д					+				в засыпи	из более ранних погребений
							+				в ногах	
Тор	К.2.п.3	М			1						у черепа	от головного убора?
		Ж			1						у черепа	от головного убора?
Всего:	13	Ж – 7 М – 3 М/Ж – 2 Д – 1	1	4	6	5	3	1	1	1		

Условные обозначения:

1 – подвеска; 2 – браслет; 3 – сюлгама; 4 – перстень; 5 – бусы; 6 – раковина-каури; 7 – цепочка; 8 – бубенчик

* – грунтовые погребения

 – предмет предположительно отнесен к головному убору или украшению пояса

Таблица 44

Бурачок в погребениях курганно-грунтовых могильников

Шифр м-ка	№ кургана, погреб.	Пол погребенного	одиночное / парное	Расположение в могиле	Содержимое, шифр предмета								Примечание
					1	2	3	4	5	6	7	8	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Сар	п.1	Ж	одиночное	у черепа слева	1	1	1						
	п.4	Ж	одиночное	у черепа слева	1								
	7 (п.6/7)	Ж	парное	у черепа справа	1								
	п.10	Ж	одиночное	у черепа слева		1							
	п.35	Ж	одиночное	у черепа слева	1	1		+	+			1	сюлгاما смята
Кор	к.1.п.1	Ж	одиночное	у черепа справа	2		+			1	1		
	к.7.п.1	Ж	парное	у черепа слева	4								
	к.8.п.1	Ж	парное	между черепами									
	к.9.п.1	Ж	парное	у черепа слева							1		
	к.15.п.1	Ж	парное	у черепа слева	2	2					1		
Тор	к.1.п.1	Ж	одиночное	между бедер									обломаны
	к.3.п.4	Ж	парное	между бедер		3							
Итого	12	12	6/6		7	8	2	1	1	1	3	1	

Шифр предмета:

1 – браслет, 2 – сюлгاما, 3 – остатки ткани, 4 – бусы, 5 – раковины-каури, 6 – железная петля с крючком от одежды, 7 – гребень, 8 – куриная кость

Таблица 45

Общая характеристика христианских символов

№ погр. греб., шифр	Тип креста	Размеры, см			Материал	Аверс				Реверс				Примечания
		Высота	Ширина	Толщина		Эмаль	Бортик	Орнамент	Текст	Эмаль	Бортик	Орнамент	Текст	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
КОН 6	м	3.9	1.9	0.1	желтая медь		одинарная рамка		Выполнен выпуклыми буквами		одинарная рамка		выполнен выпуклыми буквами	нижняя часть перекладины утрачена
	м	3.9	1.9	0.1	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	
КОН 11	м	4	1.9	0.1	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	
КОН 18	ж	4.3	2.5	0.1	желтая медь	Голубая	одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	
КОН 19	м/ж	3.3	2	0.1	желтая медь		одинарная рамка	геометрический	Выпуклые буквы		одинарная рамка		плохо сохранился	
КОН 21	детс.	3.2	1.6	0.1	красная		одинарная рамка		Выпуклые буквы					
КОН 23	м	4	1.8	0.1	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	горизонтальная перекладина утрачена
КОН 23а	детс.	2.6	1.3	0.1	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		плохо сохранился	геометр		
КОН 25	ж	4.3	2.2	0.1	желтая медь		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	сломан
КОН 27б	м	4	1.9	0.1	желтая медь	Голубая	одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка	геометр		сломан
КОН 28	м/ж	5.4	3	0.1	желтая медь		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	сломан
КОН 31	м	4.4	2.5	0.1	олово		одинарная рамка		плохо сохранился		одинарная рамка		Выпуклые буквы	
КОН 33а	детс.	2.6	1.2	0.1	красная медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка			
КОН 33б	ж	4.	2.1	0.1	красная медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	
	казац-кий	5.6	3.8	0.1	олово		двойная рамка и кайма жемчужник		Выпуклые буквы		двойная рамка		выполнен выпуклыми буквами	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
КОН 36	м	1,2	1,9	0,1	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	нижняя часть утрачена
КОН 37	м		1,7	0,1	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	нижняя часть утрачена
КОН 38	ж	3,9	2	0,1	желтая медь		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	
КОН 39	ж	4,1	2,1	0,1	желтая медь		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	
КОН 41	ж	5,5	3	0,1	желтая медь	синяя голубая	одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	синяя	одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	
КОН 42	ж	3,7	1,9	0,1	желтая медь		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	
КОН 43	м	4	1,8	0,1	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	
КОН 44	ж	4	1,9	0,1	желтая медь	серая, белая	одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	серая, белая	одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	
КОН 45	детс.	2,6	1,2	0,1	желтая медь		плохо сохранился				плохо сохранился		Выпуклые буквы	
КОН 47	м	4,4	2	0,2	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	сломан
КОН 49	ж	5,4	3,	0,1	желтая медь		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	
КОН 50	ж	4,5	2,5	0,1	желтая медь	Голубая	одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	голубая	одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	
	ж	4	2	0,1	желтая медь		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	
КОН 53	ж	3,8	1,9	0,1	желтая медь	темно синяя, белая	одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	
КОН 78	м	4,8	2,3	0,2	желтая медь	темно-синяя	одинарная рамка		Выпуклые буквы	темно синяя	одинарная рамка		Выпуклые буквы	
КОН 79	м	5,2	1,9	0,2	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	
	м	3,9	1,8	0,1	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	
КОН 40 (вне)	м	3,9	1,8	0,1	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	
КОН х- 104	м	3,6	1,7	0,1	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	сломан

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
КОН х-96	ж	3,9	2	0,1	желтая медь		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	
х-102 КОН	м			0,1	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	Горизонтальная перекладина утрачена
х-77 КОН	ж				желтая медь		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы		одинарная рамка	растительный	Выпуклые буквы	
х-82 КОН	детс.	2,1	1,1	0,1	желтая медь									Покрывает патиной
х-55 КОН	казац- кий	6,4	4,8	0,2	красная медь		одинарная рамка	завитки и капли по контуру			одинарная рамка	Завитки и капли по кон- туру	Не сохранился	
х-53 КОН	м	4,1	2	0,2	желтая медь	Голубая	одинарная рамка		Выпуклые буквы	голубая	одинарная рамка		Выпуклые буквы	
х-6 КОН	Под- веска	2,2	1,2	0,1	олово			геометр, кайма "жемчужник"	Выпуклые буквы				Выпуклые буквы	
х-48 КОН	м	4,5	2,1	0,1	желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	
х-27 КОН	М/ж	4,1	2,3	0,1	желтая медь		одинарная рамка	геометр	Выпуклые буквы		одинарная рамка	геометр.	Выпуклые буквы	
х-11 КОН	м/ж	3,3	1,8	0,1	красная медь		одинарная рамка	волнистый край гориз. перека- дины	выполнен выпуклыми буквами		плохо со- хранился		плохо сохрани- лся	
х-33 КОН	м				желтая медь		одинарная рамка		Выпуклые буквы		одинарная рамка		Выпуклые буквы	сломан
КОН п.м.	детс.				красная медь		кайма "жемчужник"	геометр			кайма "жемчужник"	геометр		Концы переклады, нижний конец утрачены
ЛОБ П.м.	М/ж	2,7	1,6	0,3	Олово									Сохранилась только центральная часть
БАТ П.м.	Казац- кий	3,3	3	0,3	серебро		Одинарная рамка	Растительный						Фигурной формы с расширяющимися концами
БАТ П.м.	М	2,1	2,9	0,2	Красная медь	Белая голуб темно- синяя	Одинарная рамка		Выпуклые буквы	Темно- синяя	одинарная рамка		Выпуклые буквы	Нижний край утрачен

Таблица 46

Распределение сюлгам по могильникам. Группа I. Кольцевые

Шифр могиль- ника	Отдел 1											Отдел 2						
	А							Б				а		б				
	а			б			В	а		б								
	1	2	3	1	2	3		1	2	1	2	1	2	1	2	3	4	
АЧ				3	2								3	2	2	1		
Ад	2				1										1			
Ан	1	1																
Ард	2				1							2	3					
Бат										1		1						
Бел	4																	
Болд						4						4						
Вер	1									1	1							
Веч						1			1			1						
Диг	1				1							3						
Дуб					1							1						
Кел																		
Козл	1				9													
Кон	8	10			4		2	2	6									
Кор		1				3					1	2					2	
Лоб						1						5	2					
МДуб									1									
МП	2			3	6				1						4			
Нал								1										
Нар	1			1		20		2	1				3	1			9	
НП		2		1	4				1	12								
Отр		1							1									
Паево	2					1		1	1								3	
Прив	1	1			1													
Поп	1				5							3						
Рыб	1					1			3									
РМ																		
Ред	1					4						1					1	
Саб									2			1			1			
Сар	3	5		6	12			2			1							
СДев	1		1															
Ссел					1				1									
Тепл									1									
Тот	1	1		1	2	1						1					1	
Тор	1				1	13		11									3	
Ш		5					1											

 - Только 1 группа

Таблица 47

Распределение сюлгам по могильникам. Группа II. Лопастные

Шифр могиль- ника	Отдел 1										Отдел 2									
	а				б					а			б				в	г		
	1	2	3	4	1	2	3	4	5	1	2	3	1	2	3	4				
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19		
Ач	21	1	1	2		9	2	3		7	1		82	3	4					
Ад						1	1	1			2		1		2					
Вер								1												
Диг	1							1					5							
Кел	10		1		1	6				8	2		20							
Кор									3											
МП	2					13		2		1	1		3				2			
Нар						2														
НП													1							
Паево						3							4		1					
Прив	1					1														
Рыб						6	1	1		2			11		1			1		
РМ			1																	
Сар									7											
СДев													2		1					
Ч	1					2				1	1		1							
Ш												1				1				

Условные обозначения:

- только 1 группа

Таблица 48

Распределение счетных жетонов по могильникам

Правитель, годы правления	Шифр могильников
Вильгельм III, Английский, Шотландский, Ирландский (1688-1702)	РМ, СЯк,
Генрих IV	АЧ
Георг II Английский, Ганноверский (1727-1760)	КОН
Август III Польско-саксонский (1733-1763)	КОН
Людовик XIII (1610-1643)	ВЕЧ
Людовик XIV (1643-1715)	РУЗ, СП, СЯк, СЯб, ВЕЧ, САБ, Кел, КОН, АРМ2, С2, РЫБ, НП, Ч, ДУБ, ЛОБ
Людовик XV (1715-1774)	РУЗ, СЯк, САБ, ТЕПЛ, Ш, КОН, АРМ2
Людовик XVI (1774-1793)	Кон

Таблица 49

Сочетание этноопределяющих признаков в могильниках

Шифр могильника	Сюлгамы группы 1	Сюлгамы группы 2	Пулокерь	Ю ориентировка	С ориентировка	В ориентировка	З ориентировка
1	2	3	4	5	6	7	8
АД							
АН							
АРД							
АРМ							
АЧ							
БАТ				?	?	?	?
БЕЛ							
БОЛД				?	?		?
ВЕР							
ВЕЧ				?	?	?	?
ДИГ							
КЕЛ							
КОЗЛ							
КОН							
КОР							
ЛОБ							
МД				?	?	?	?
МП							
НАЛ							
НАР							
НП							
П							
ПАП				?	?	?	?
ПРИВ							
РЕВ							
РЕД							
РМ							
РЫБ							
САБ							
САР							
СД				?		?	
СС				?	?	?	?
ТЕПЛ				?	?	?	?
ТОР							
ТОТ							
Ш							

Условные обозначения:

? - нет данных

 - признак присутствует

Корреляция моделей погребений, погребального инвентаря и костюма по временным группам

[illegible]

Условные обозначения:

	- Признак представлен в более 40% погребений
	- Признак присутствует

Корреляция моделей погребений, инвентаря и костюма по этническому признаку

[illegible]

Иллюстрации

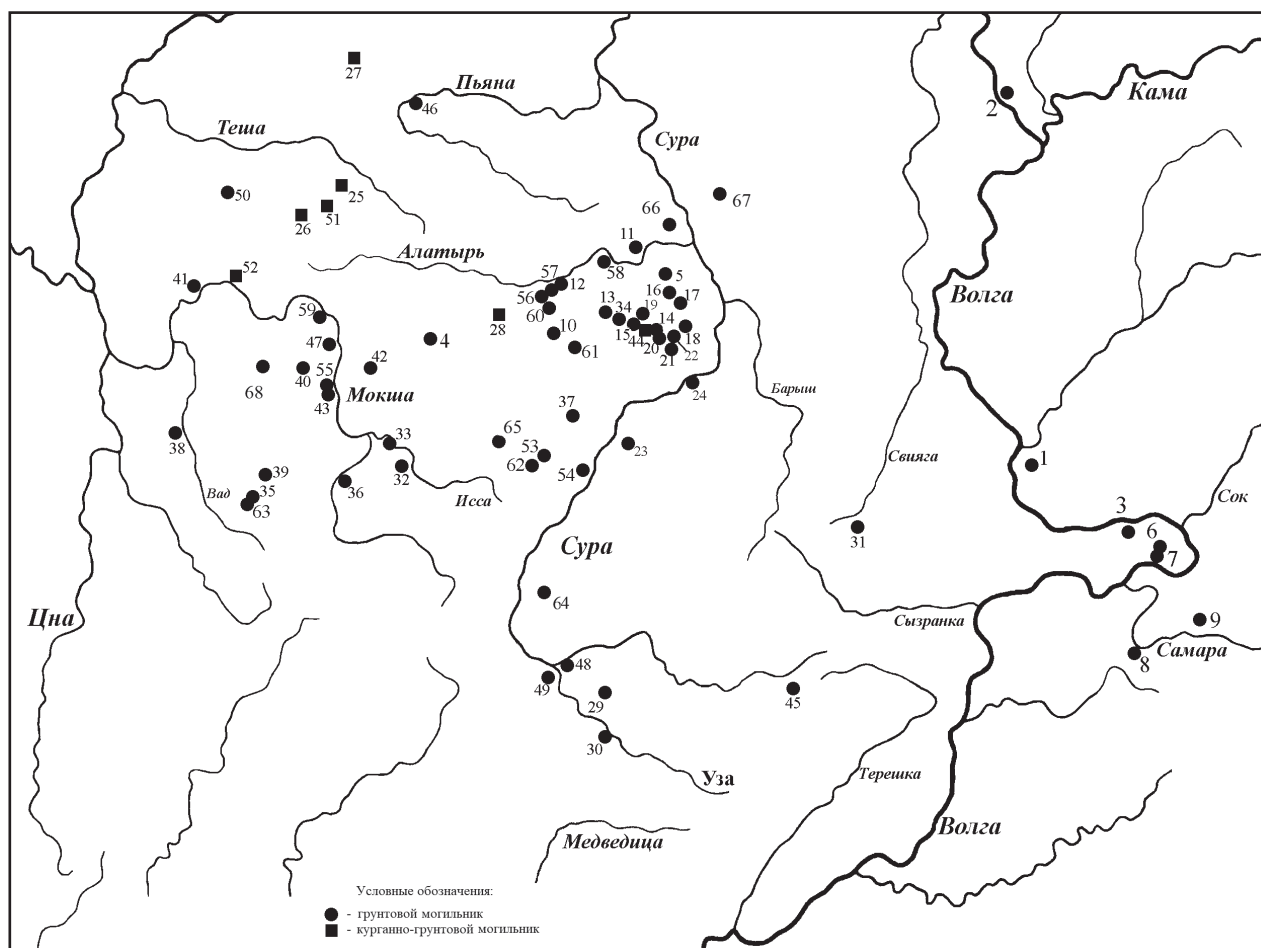

Рис. 1. Карта расположения могильников мордвы XVI – начала XIX вв.:

- 1 – Верхне-Сусканский; 2 – Карташихинский; 3 – Бахилловский; 4 – Вертелимский; 5 – Чукалинский; 6 – Торновской; 7 – Шелехметский 1; 8 – Утевский; 9 – Коноваловский; 10 – Козловский 1; 11 – Редкодубский; 12 – Селищенский; 13 – Дады; 14 – Поводимовский; 15 – Батушевский; 16 – Дюрки; 17 – Аловский; 18 – Кабаевский; 19 – Мордовские Дубровки; 20 – Дубенки; 21 – Ардатовский; 22 – Красно-Луговой; 23 – Налитовский; 24 – Беловодский; 25 – Коринский; 26 – Больше-Макателемский; 27 – Сарлейский; 28 – Лобаски; 29 – Армиевский 2; 30 – Мачкассский; 31 – Кузоватовский; 32 – Адашевский; 33 – Паевский; 34 – Атяшевский; 35 – Ачадовский; 36 – Бутский; 37 – Дигилевский; 38 – Журавкинский 3; 39 – Кельгининский; 40 – Мордовско-Паркинский; 41 – Нароватовский; 42 – Привольевский; 43 – Рыбкинский; 44 – Сабанчеевский; 45 – Старо-Печеевский; 46 – Ревезенский; 47 – Русско-Маскинский; 48 – Старо-Яксарский; 49 – Усть-Узинский; 50 – Тотторшевский; 51 – Кардавилевский; 52 – Торжок; 53 – Ново-Пырменский; 54 – Сабаевский; 55 – Черемисский; 56 – Болдасевский; 57 – Папулевский; 58 – Аютинский; 59 – Стародевиченский 2; 60 – Вечкусский; 61 – Отрадненский; 62 – Тепловский; 63 – Пичпандинский; 64 – Бутский; 65 – Левжа; 66 – Сыресинский; 67 – Бахтигильдинский; 68 – Сучкинский 2; 69 – Селиксенский 2.

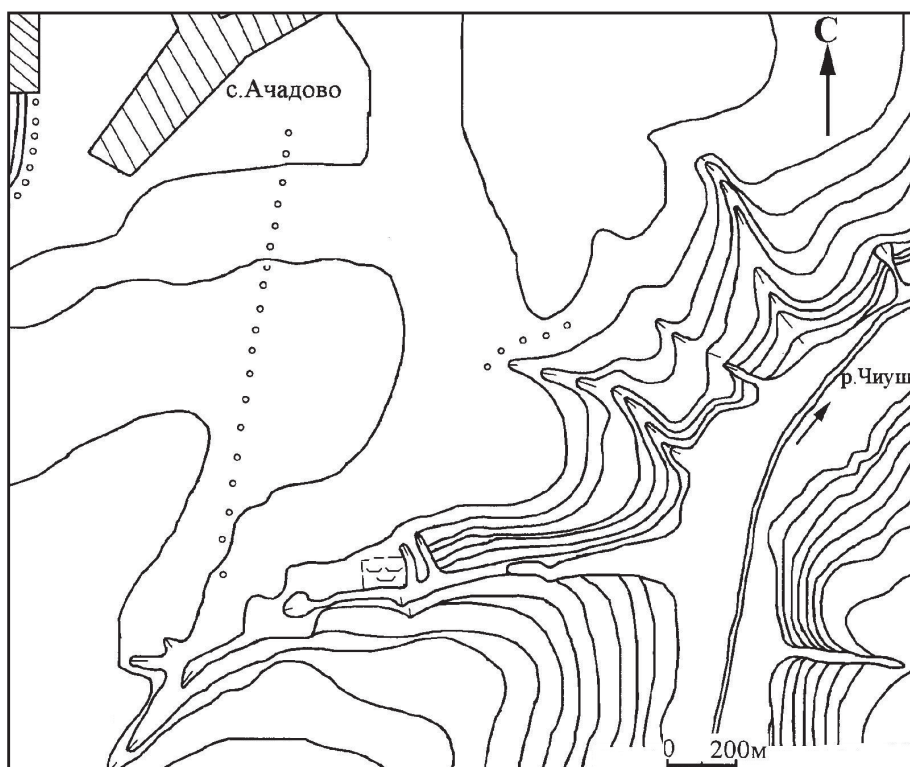

Рис. 2. Карта расположения Ачадовского могильника

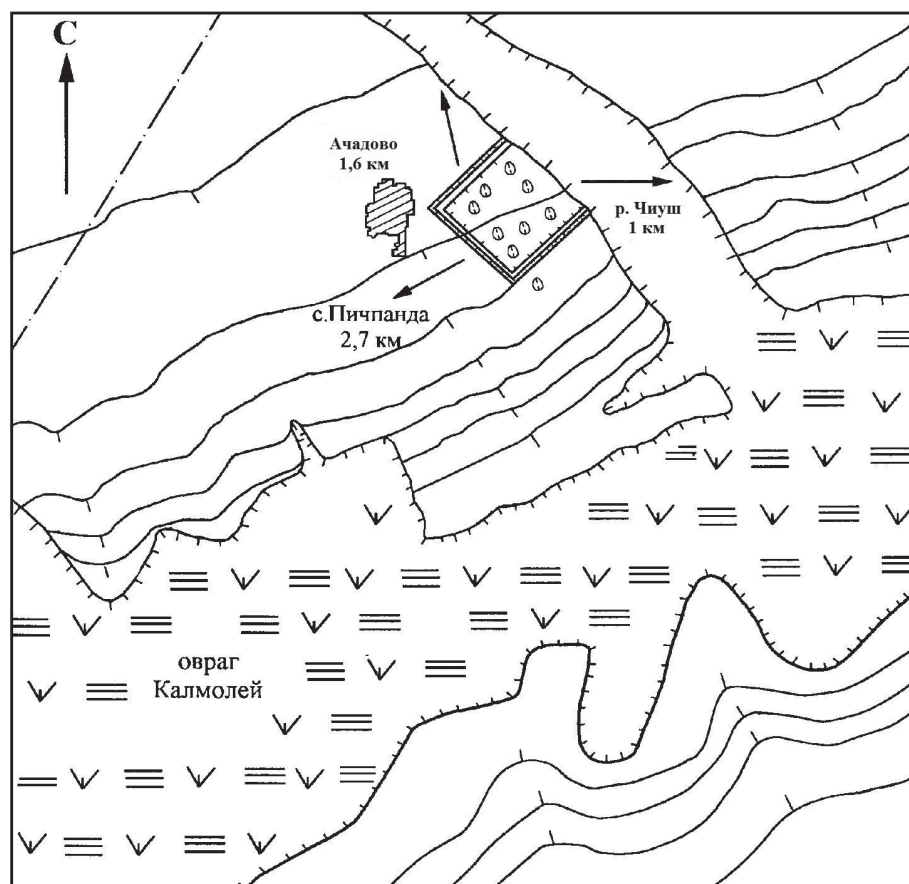

Рис. 3. План месторасположения Ачадовского могильника.

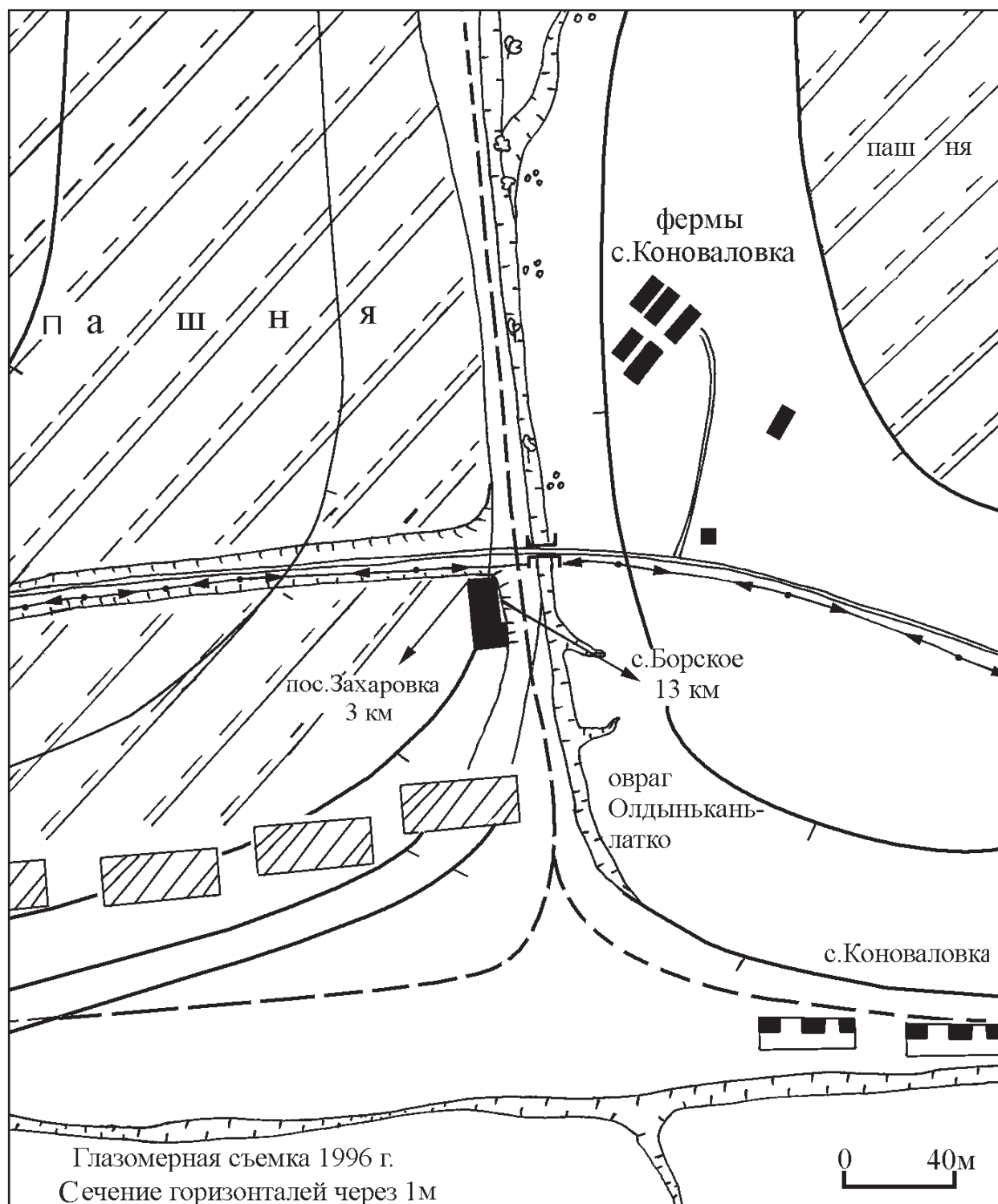

Рис. 4. План месторасположения Коноваловского могильника.

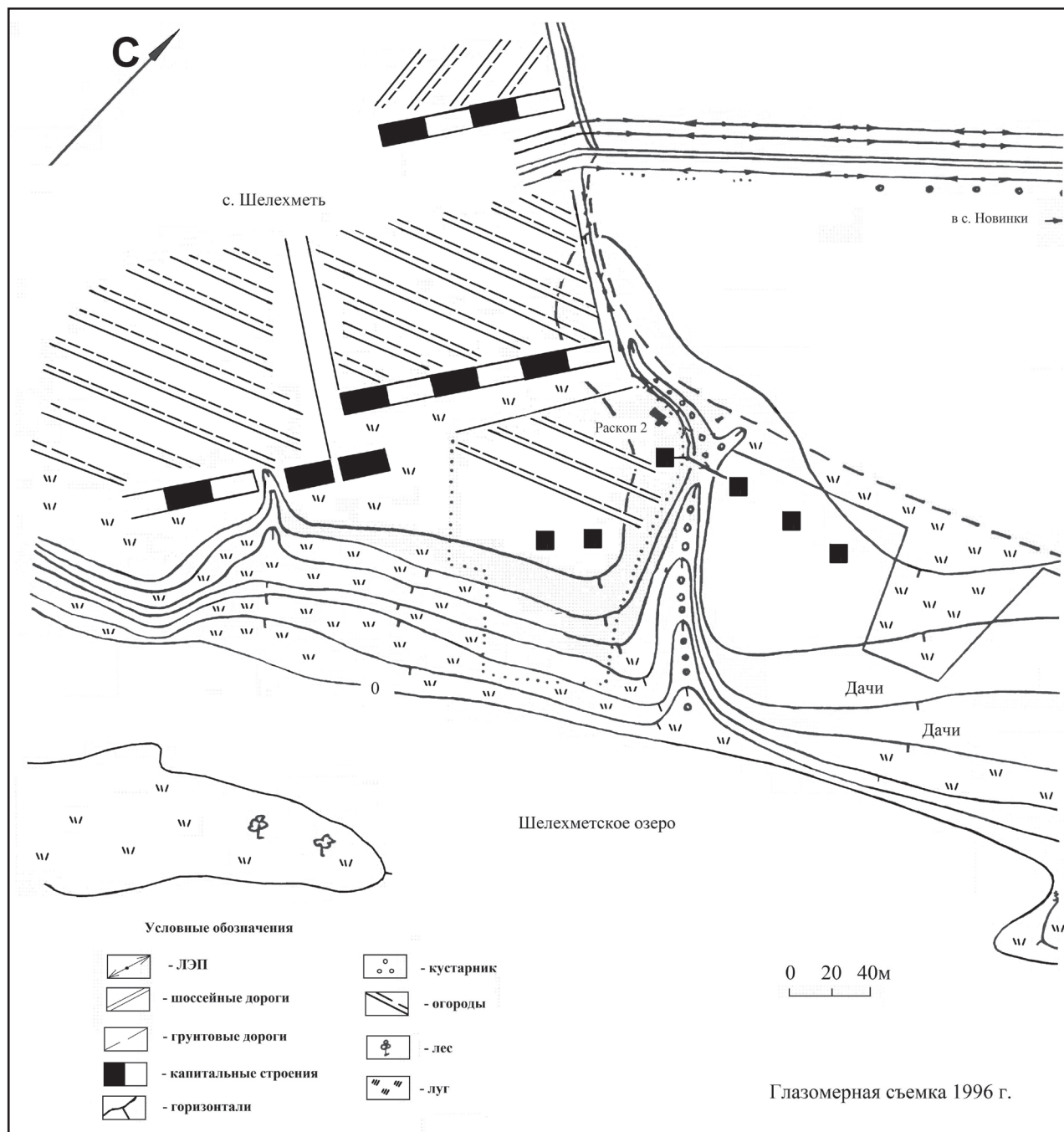

Рис. 5. План месторасположения Шелехметского могильника.

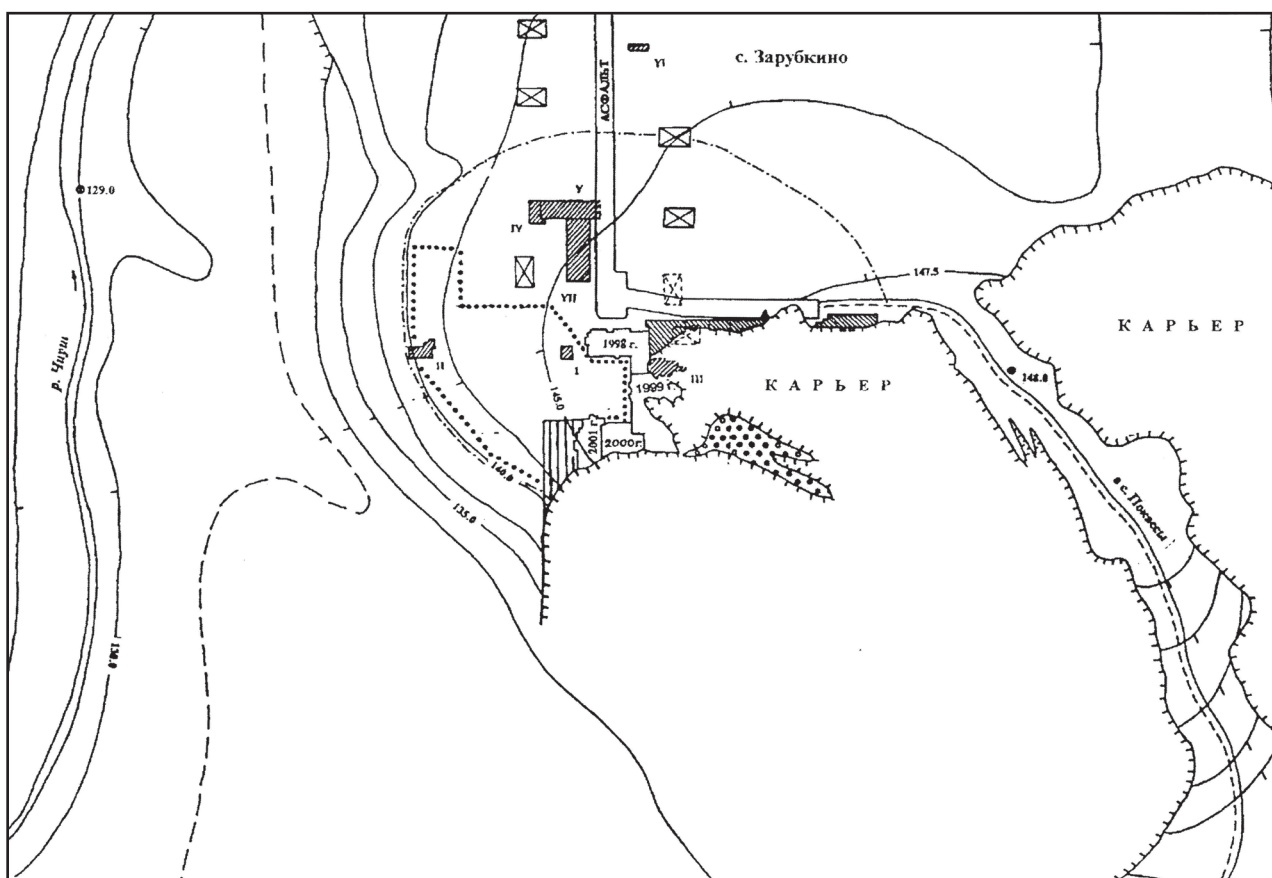

Рис. 6. План месторасположения Кельгининского могильника.

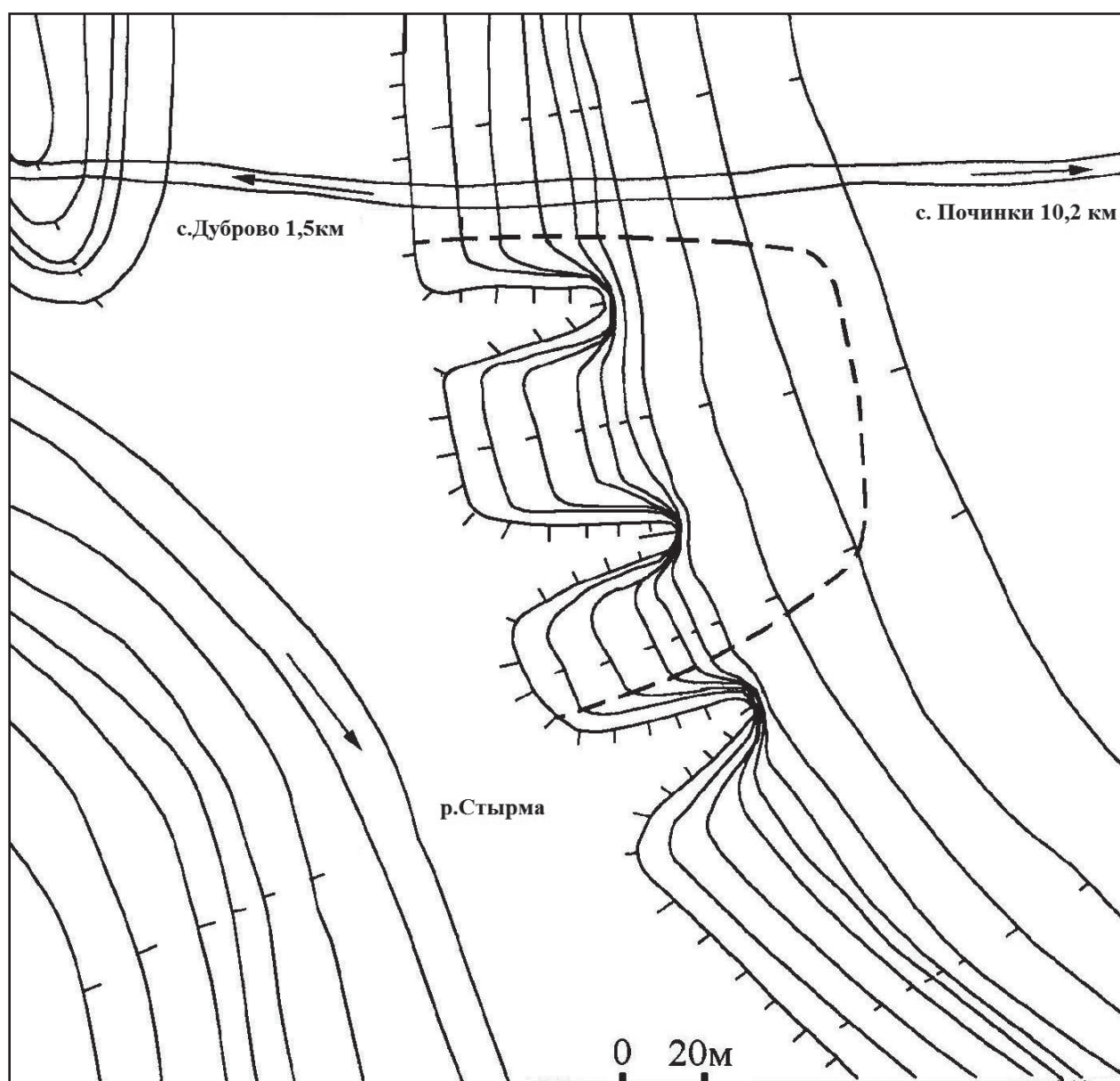

Рис. 7. План месторасположения могильника у с. Дуброво.

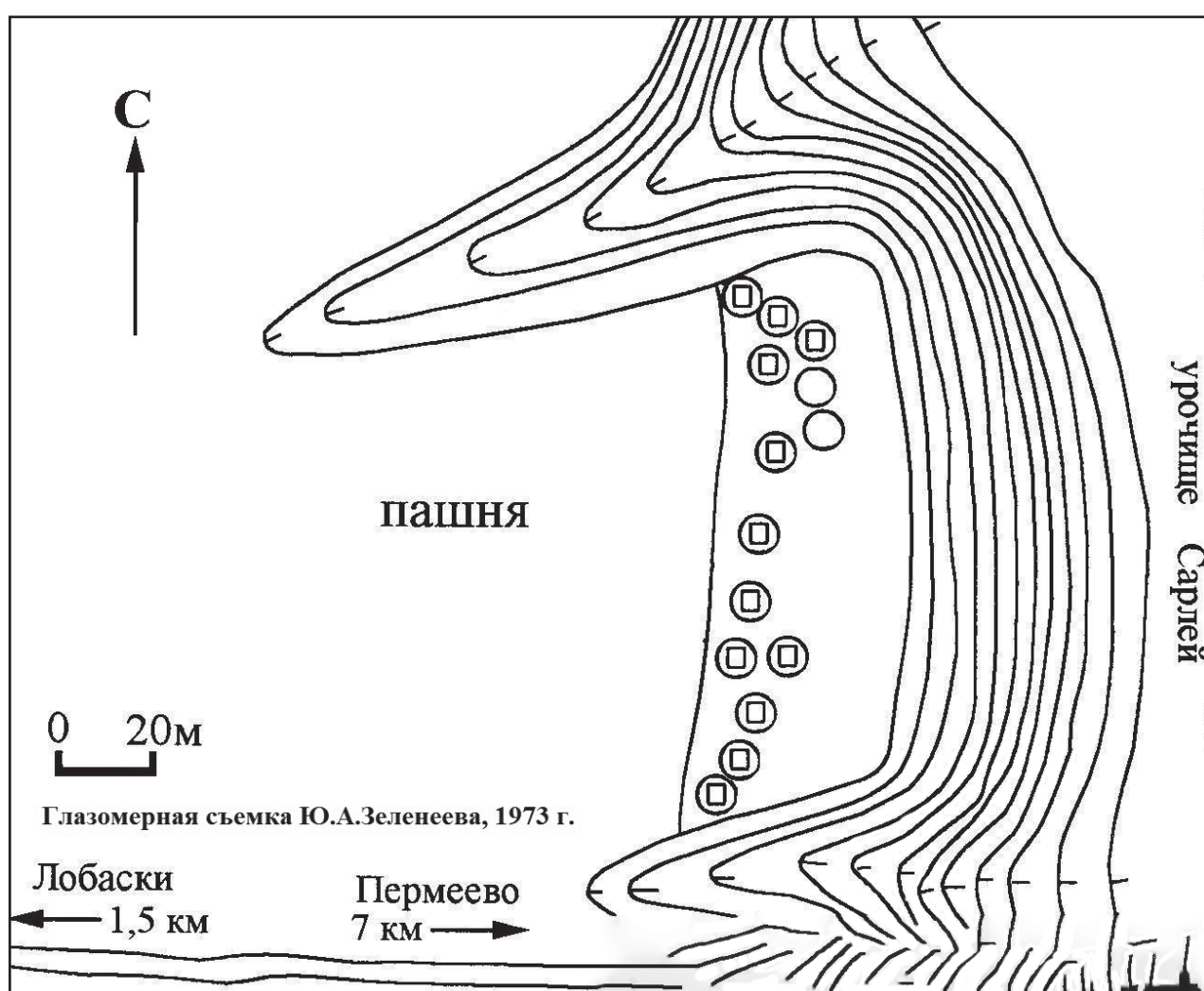

Рис. 8. План месторасположения могильника у с. Лобаски.

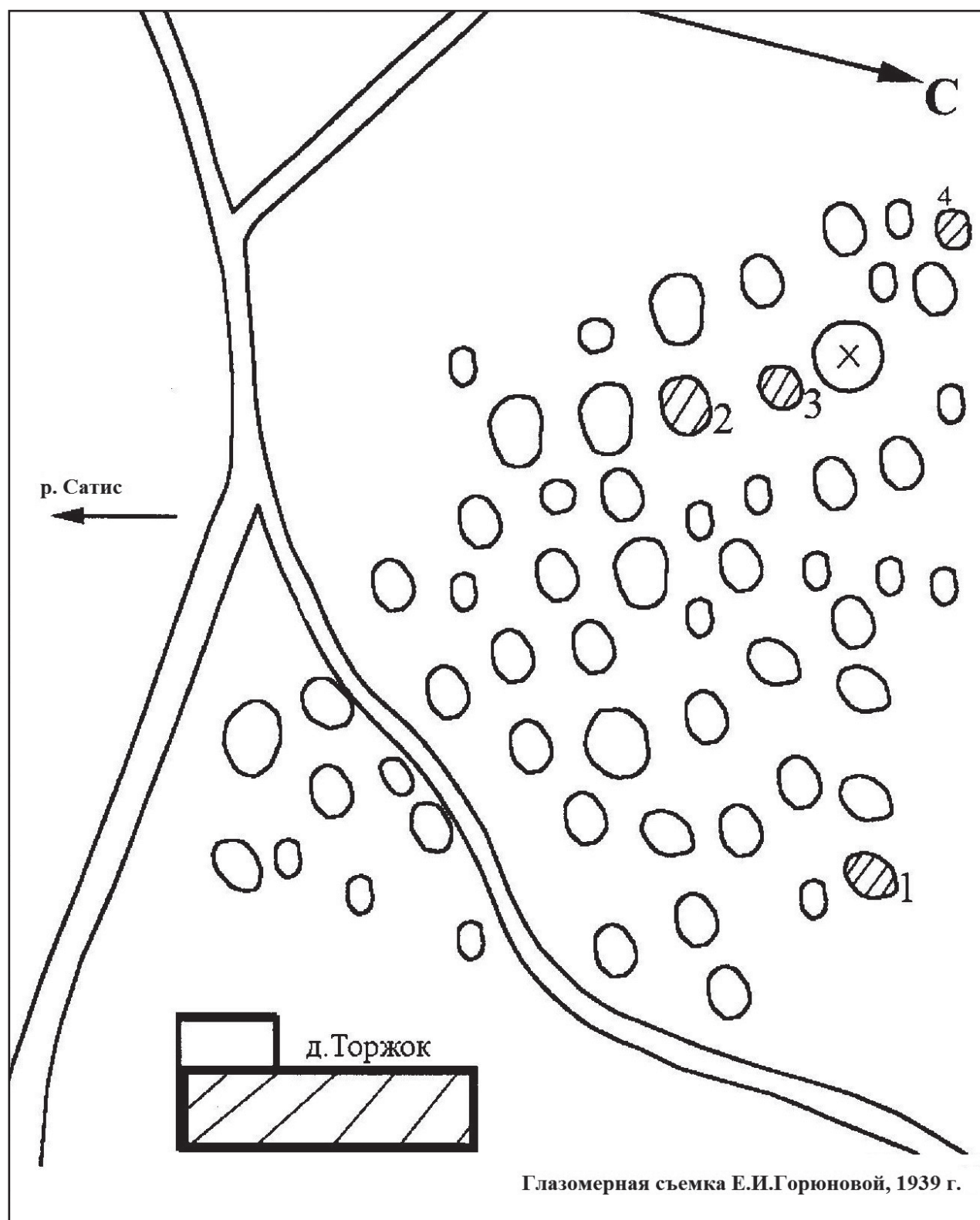

Рис. 9. Схема расположения курганов могильника у д. Торжок.

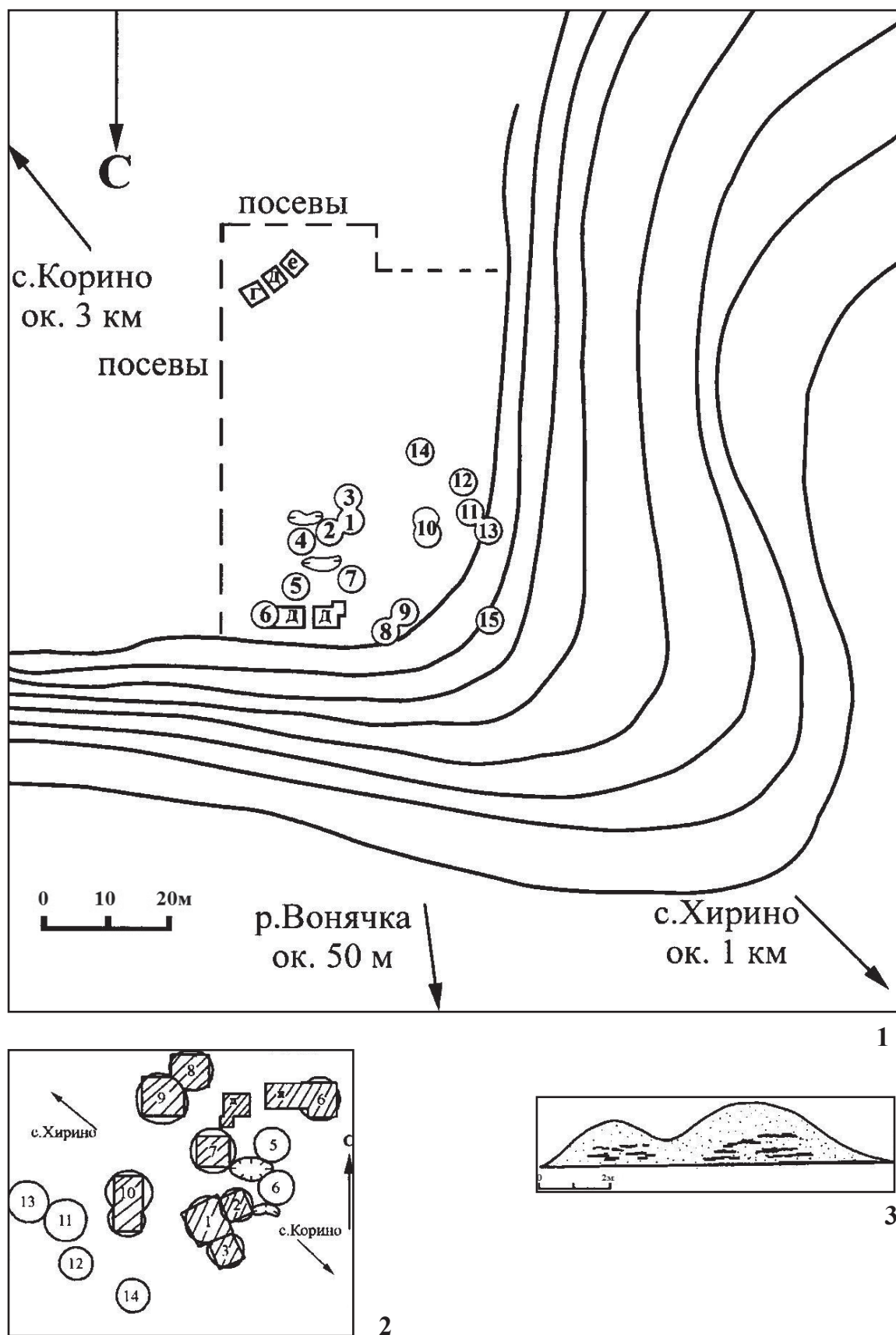

Рис. 10. Коринский могильник:

1 – схематический план; 2 – схема расположения курганов и раскопов; 3 – профиль кургана № 10.

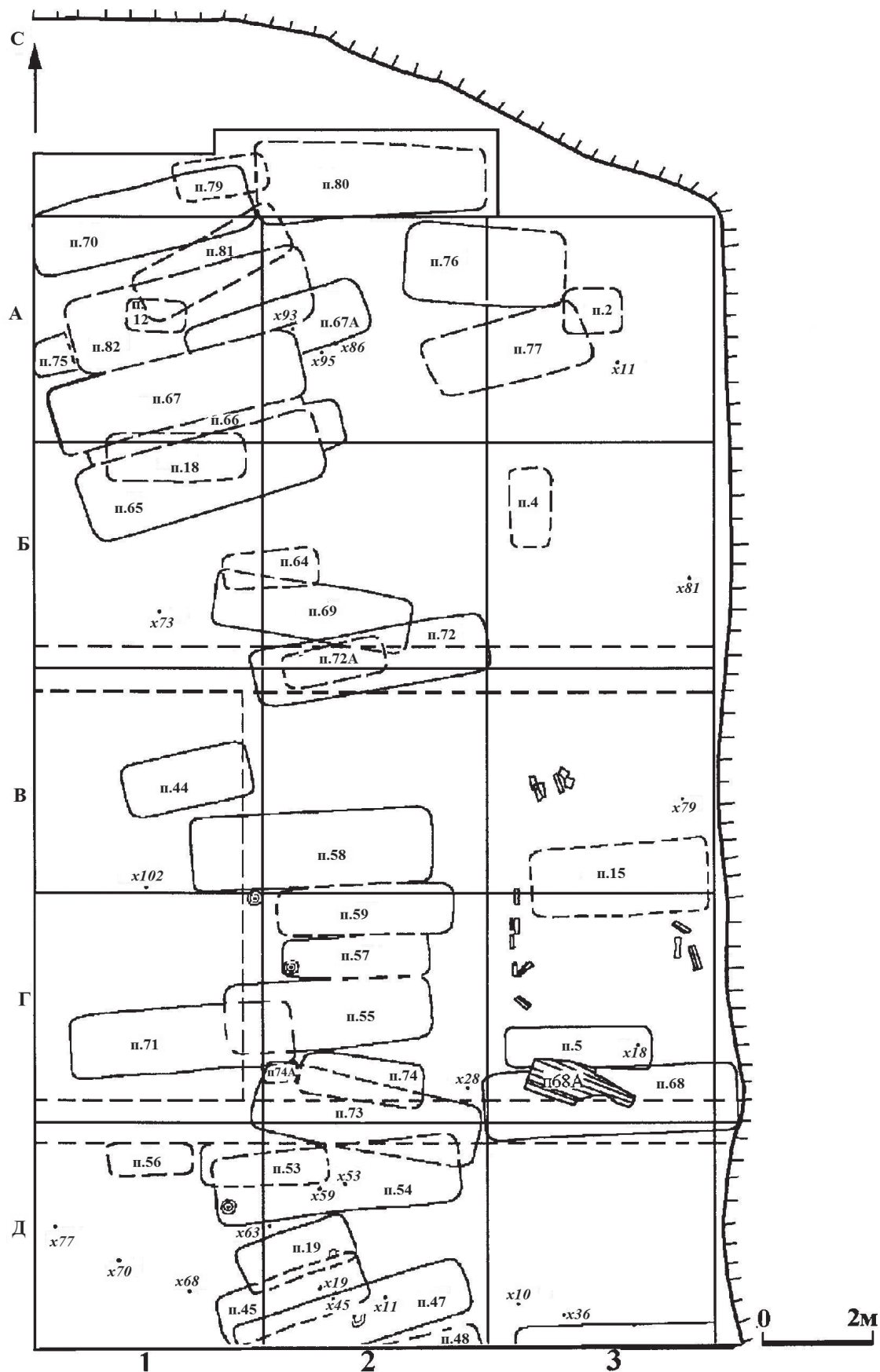

Рис. 11. План раскопа Коноваловского могильника, северная часть.

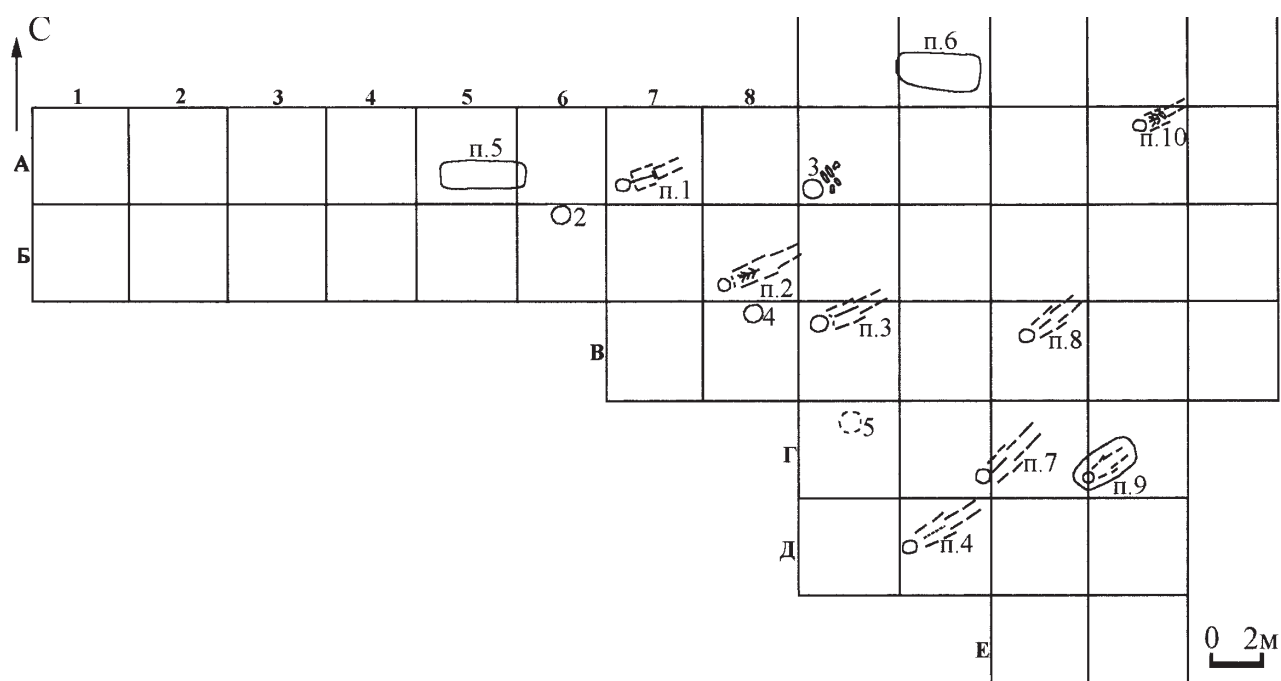

Рис. 13. План раскопа Шелехметского 1 грунтового могильника:
1 – сосуд баночной формы; 2–5 – развалы сосудов.

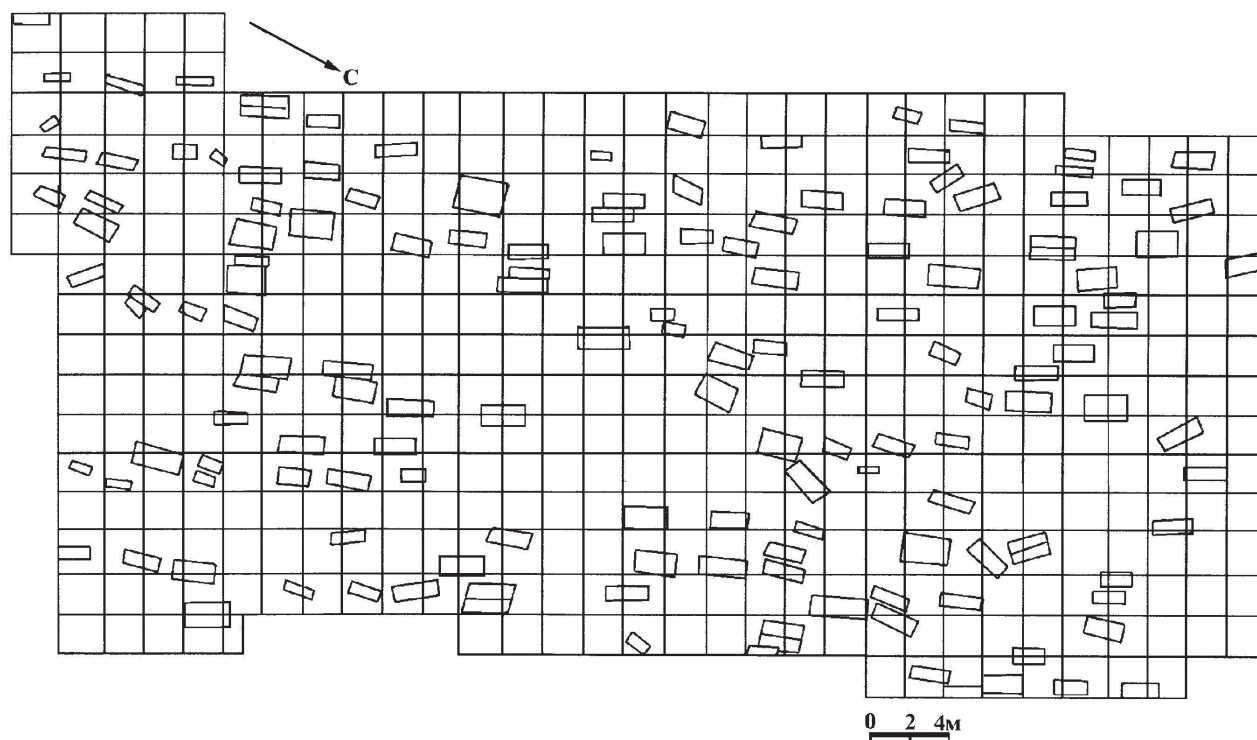

Рис. 14. План раскопа Ново-Пырменского могильника.

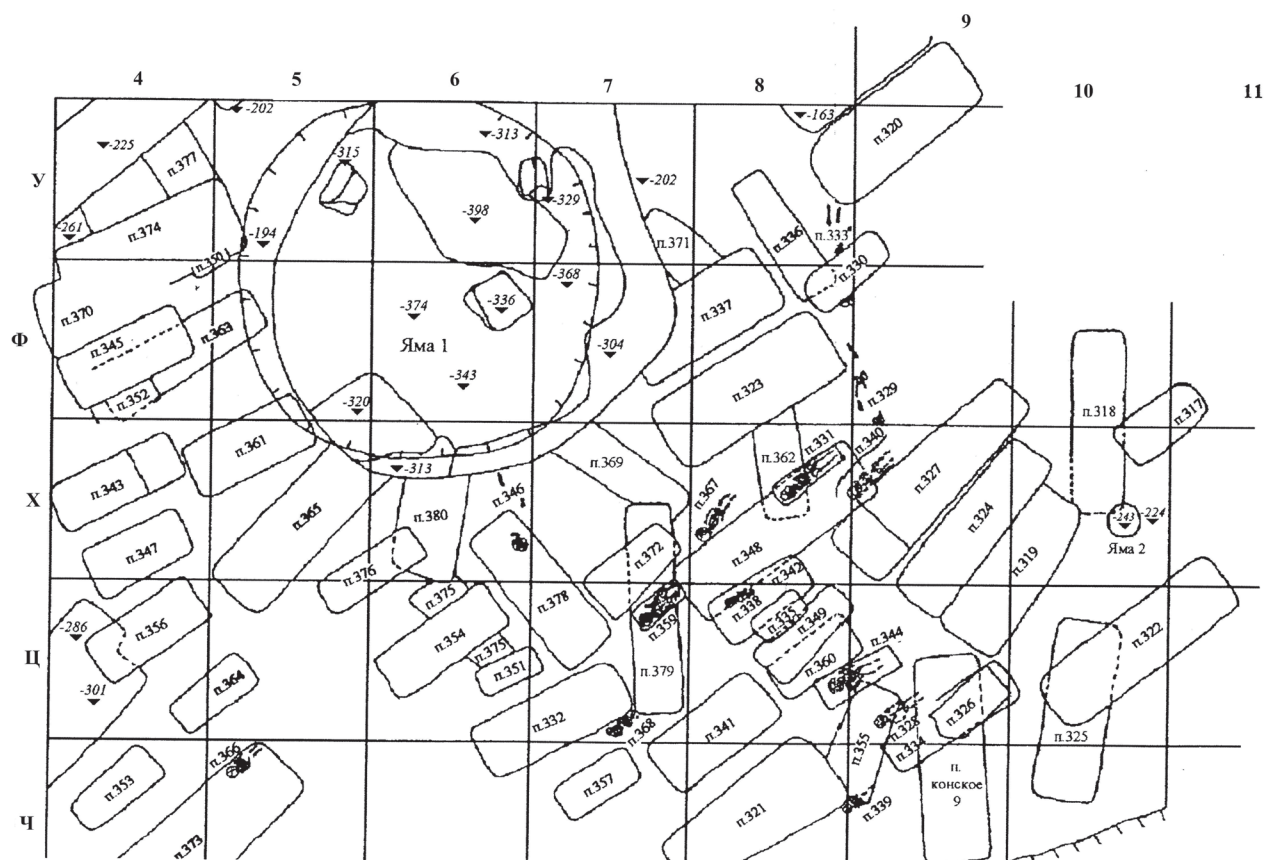

Рис. 15. План раскопа Кельгининского могильника 1999 г.

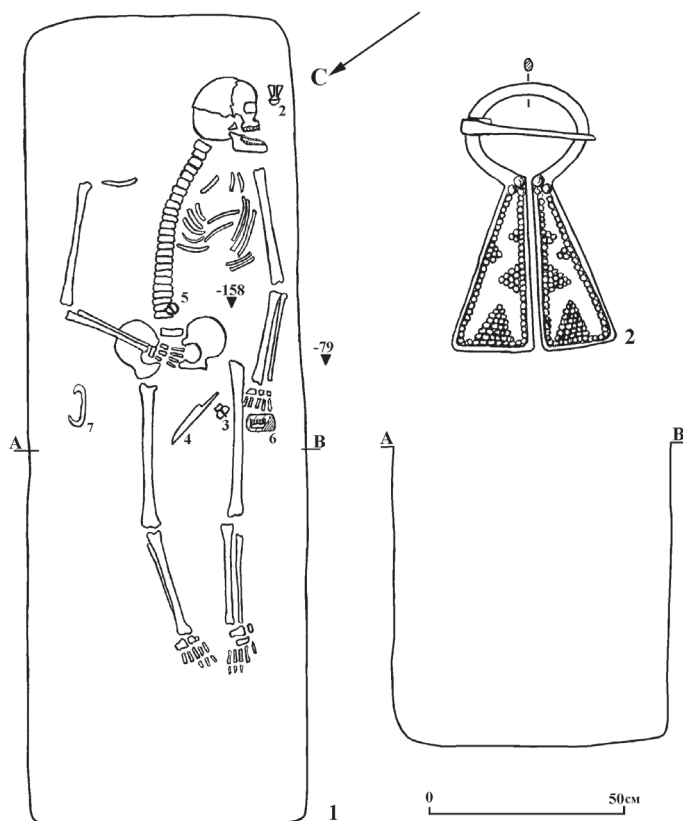
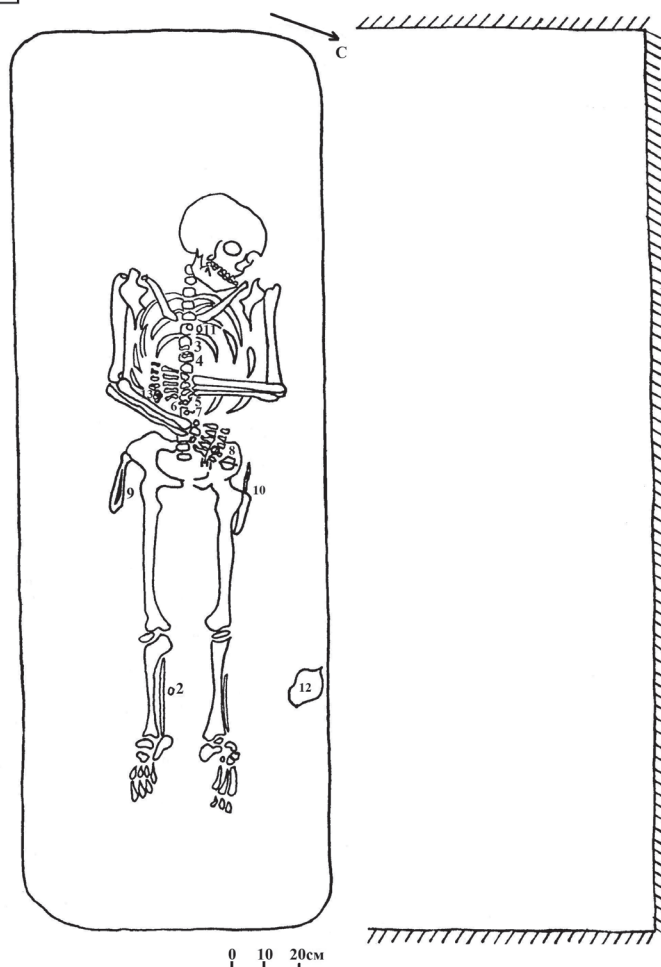

Рис. 17. Погребение 22
Мордовско-Паркинского могильника:
1 – план погребения; 2 – скулгама;
3, 5 – пряжка; 4 – нож; 6 – гребень;
7 – кресало.

Рис. 18. Погребение 60 Ачадовского
могильника: 1, 2 – серебряные монеты;
3–7 – бронзовые пуговицы; 8 – пряжка
бронзовая; 9 – кресало железное;
10 – нож железный; 11 – бубенчик;
12 – камень; 13–14 – перстни.

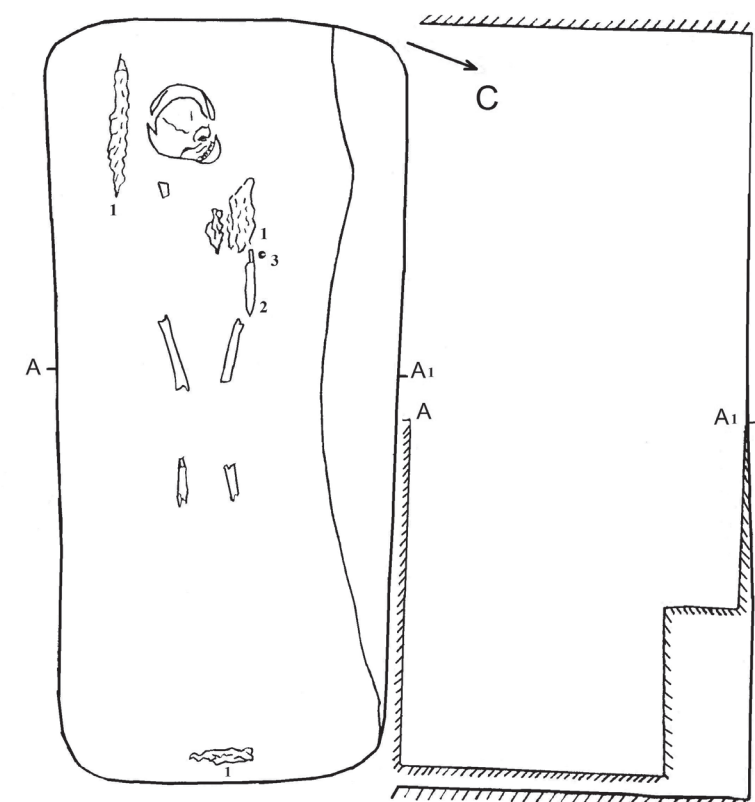

Рис. 19. Погребение 59 Ачадовского могильника: 1 – деревянный тлен; 2 – нож, 3 – монета.

0 10 20см

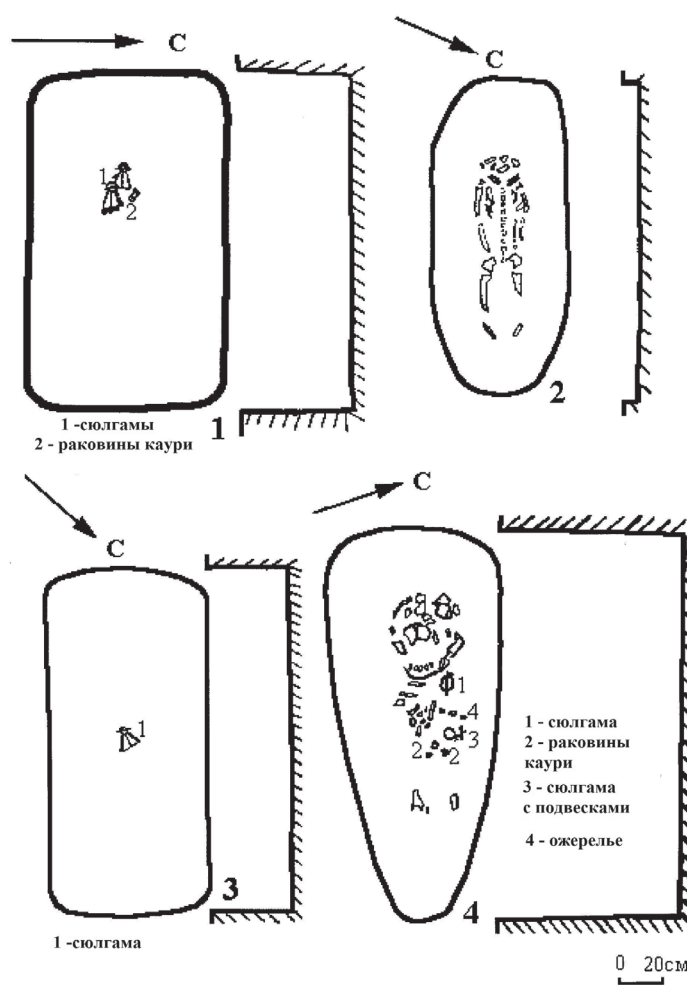

Рис. 20. План погребений 39, 40, 41, 31 Ачадовского могильника.

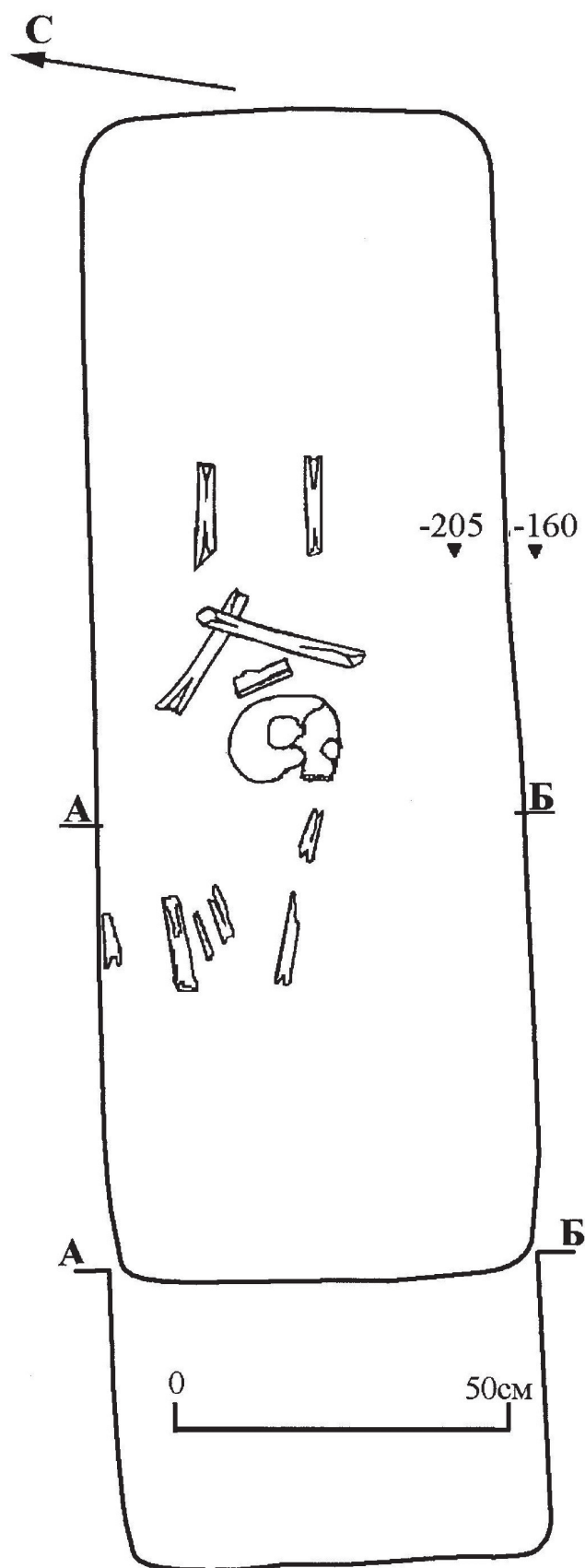
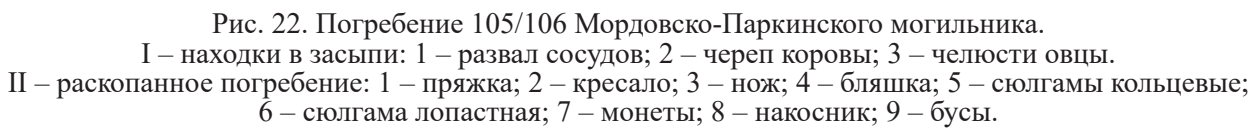

Рис. 21. Погребение 14 Мордовско-Паркинского могильника.

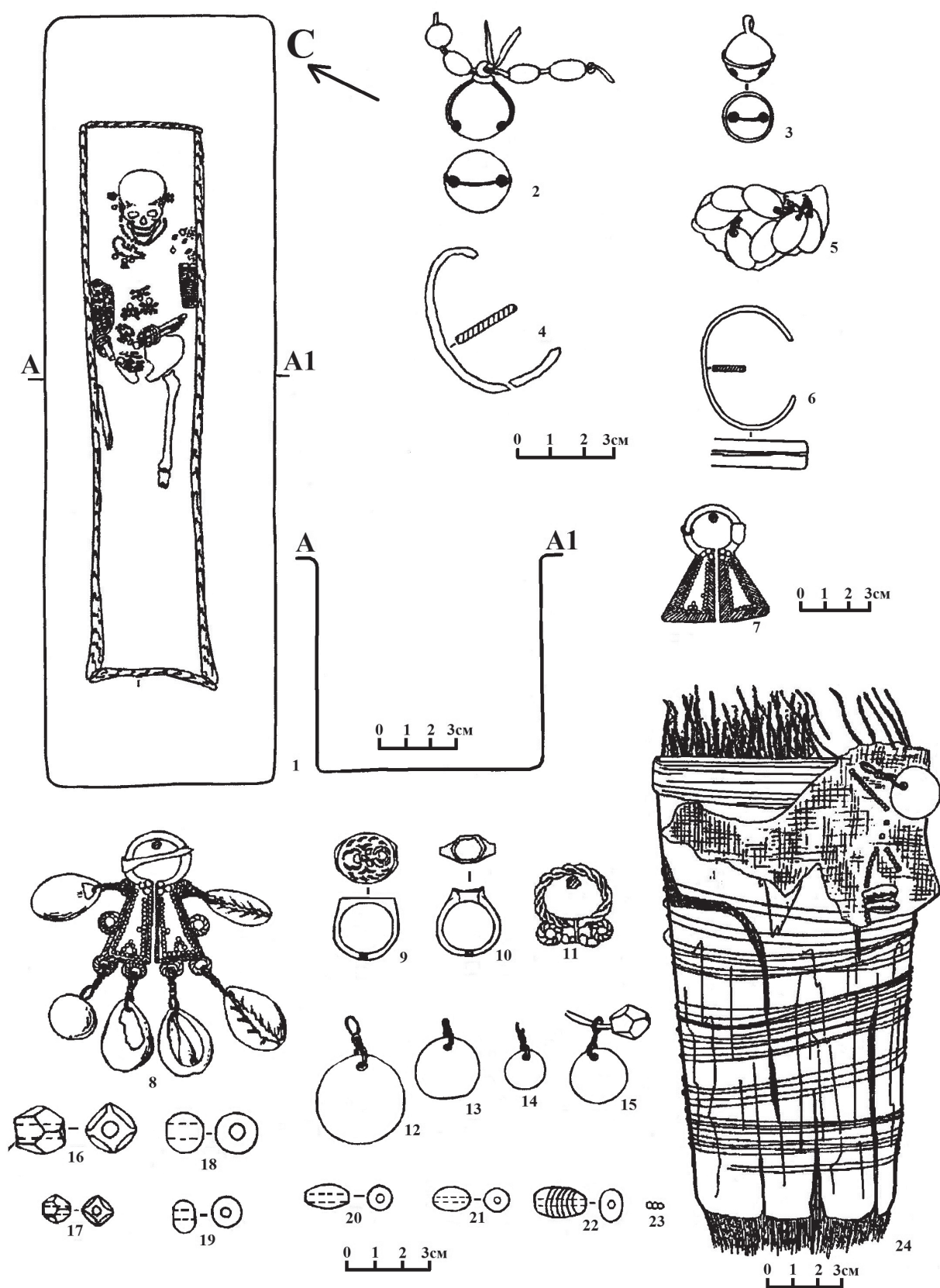

Рис. 23. Погребение 229 Кельгининского могильника:

1 – план погребения; 2–3 – бронзовые бубенчики; 4–6 – браслеты; 5 – раковины каури;
 7–8 – лопастные сюлгамы; 9–10 – перстни; 11 – бронзовая застежка; 12–15 – подвески из жетонов;
 16–23 – бусы; 24 – пулокерь.

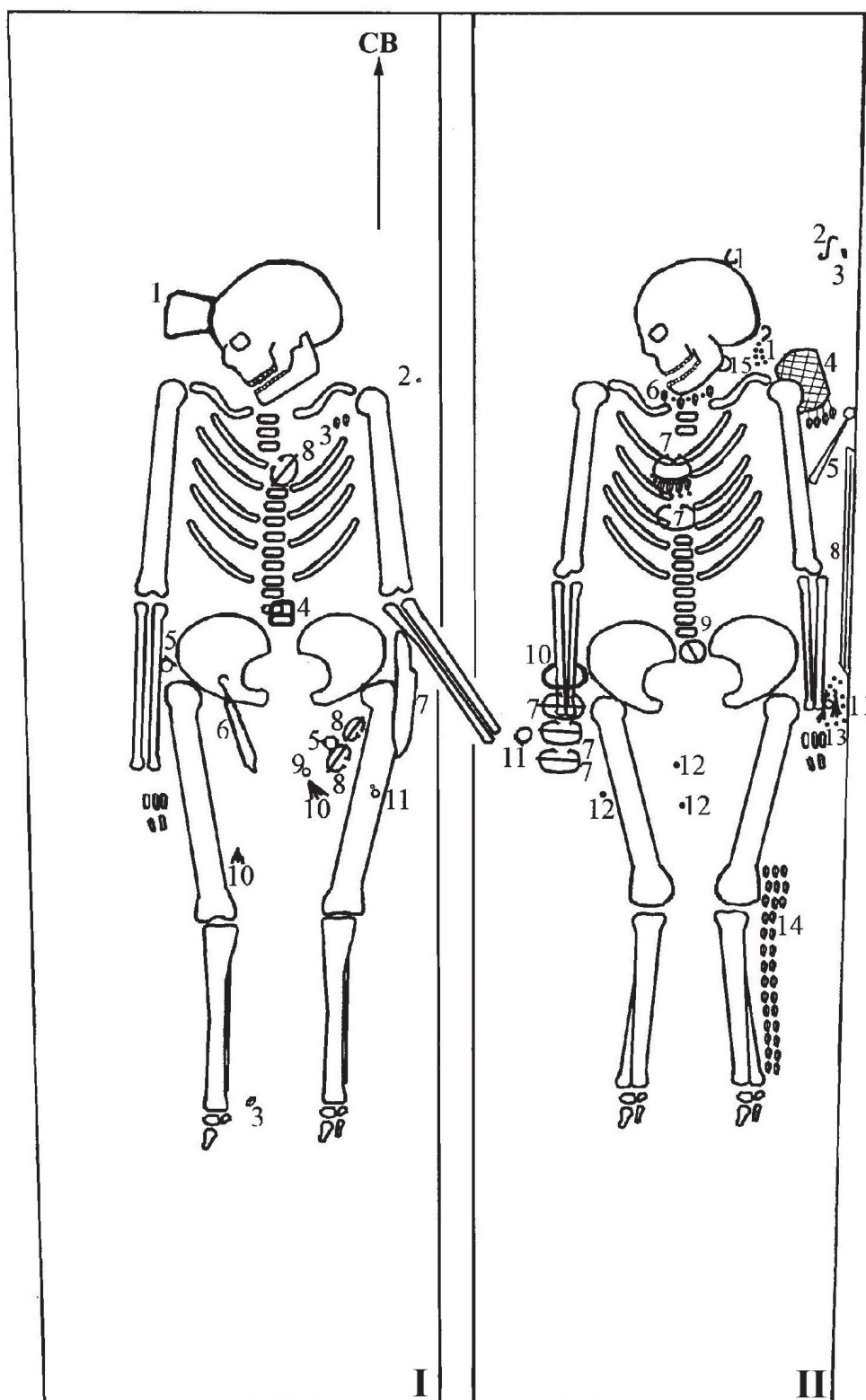

Рис. 24. Погребение 1 Ардатовского могильника.

I: 1 – топор; 2 – бусина; 3 – раковины; 4 – пряжка; 5 – перстень; 6 – кресало; 7 – нож;

8 – сюлгама; 9 – монеты; 10 – шерстяная кисточка; 11 – жетон и бусы.

II: 1 – височная привеска; 2 – кечказ; 3 – уголь; 4 – остатки панго; 5 – стержень; 6 – ожерелье;

7 – сюлгама; 8 – остатки гроба; 9 – пряжка; 10 – браслет; 11 – перстень; 12 – бусина;

13 – кисть и бисер; 14 – раковины каури; 15 – монета.

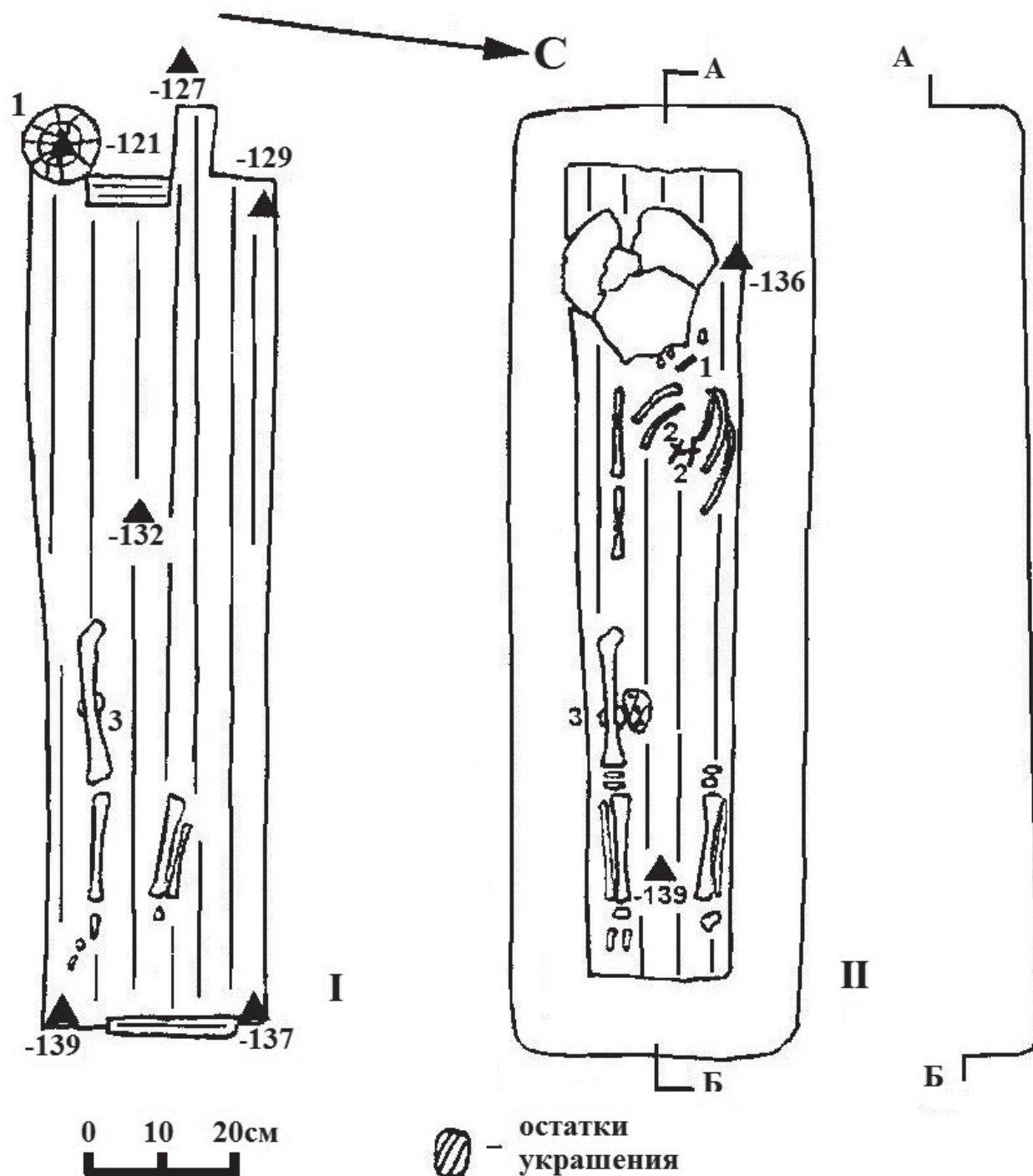

Рис. 25. Погребение 57 Коноваловского могильника.

I – деревянная конструкция: 1 – остатки столба.

II – раскопанное погребение: 1 – веревочка; 2 – крест; 3 – монета.

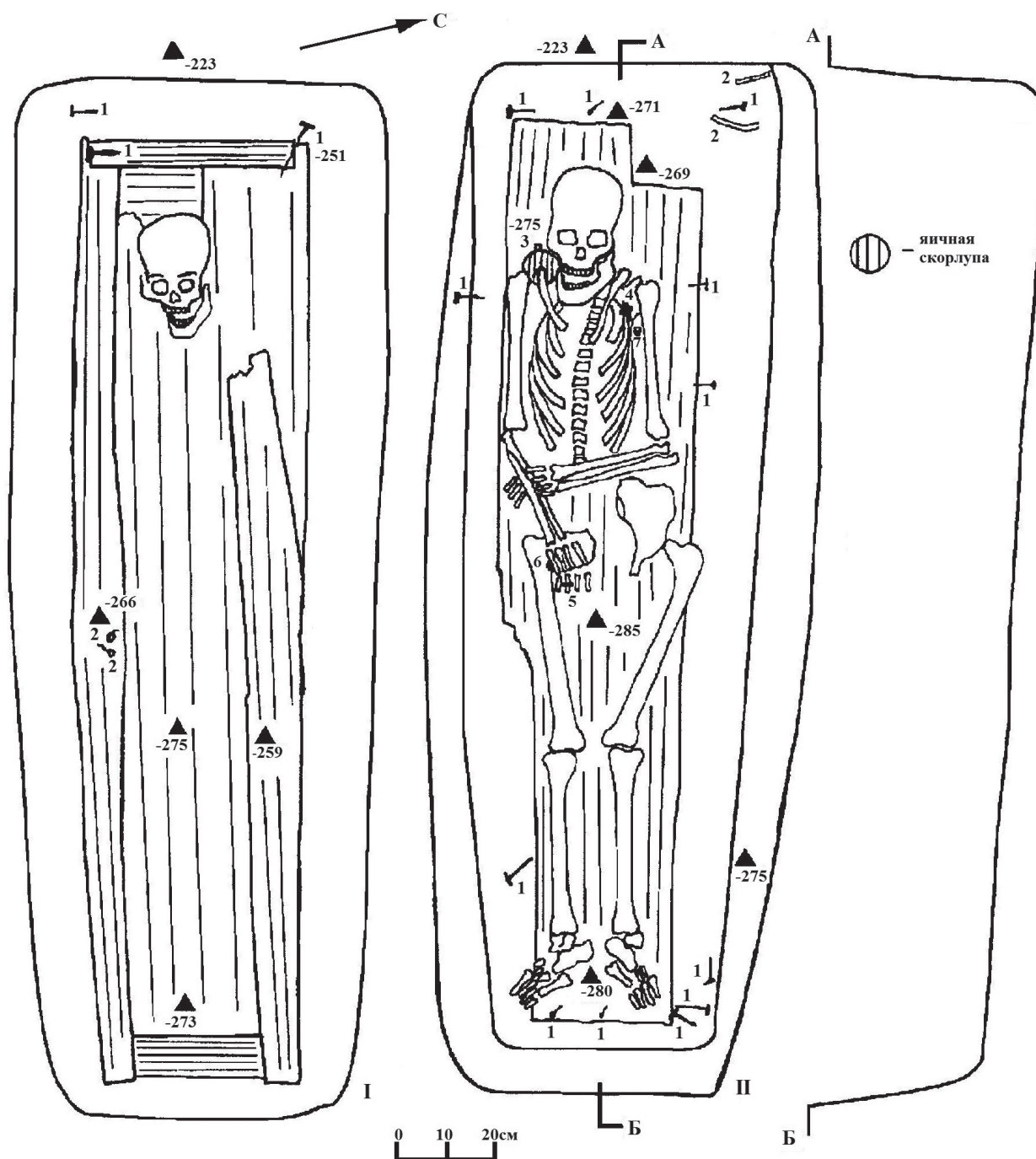

Рис. 26. Погребение 8 Коноваловского могильника.
 I – деревянная конструкция: 1 – гвоздь, жетон на цепочке.
 II – раскопанное погребение: 1 – гвоздь; 2 – птичья кость; 3 – бусина;
 4 – крест; 5 – кольцо; 6 – монета; 7 – пуговица.

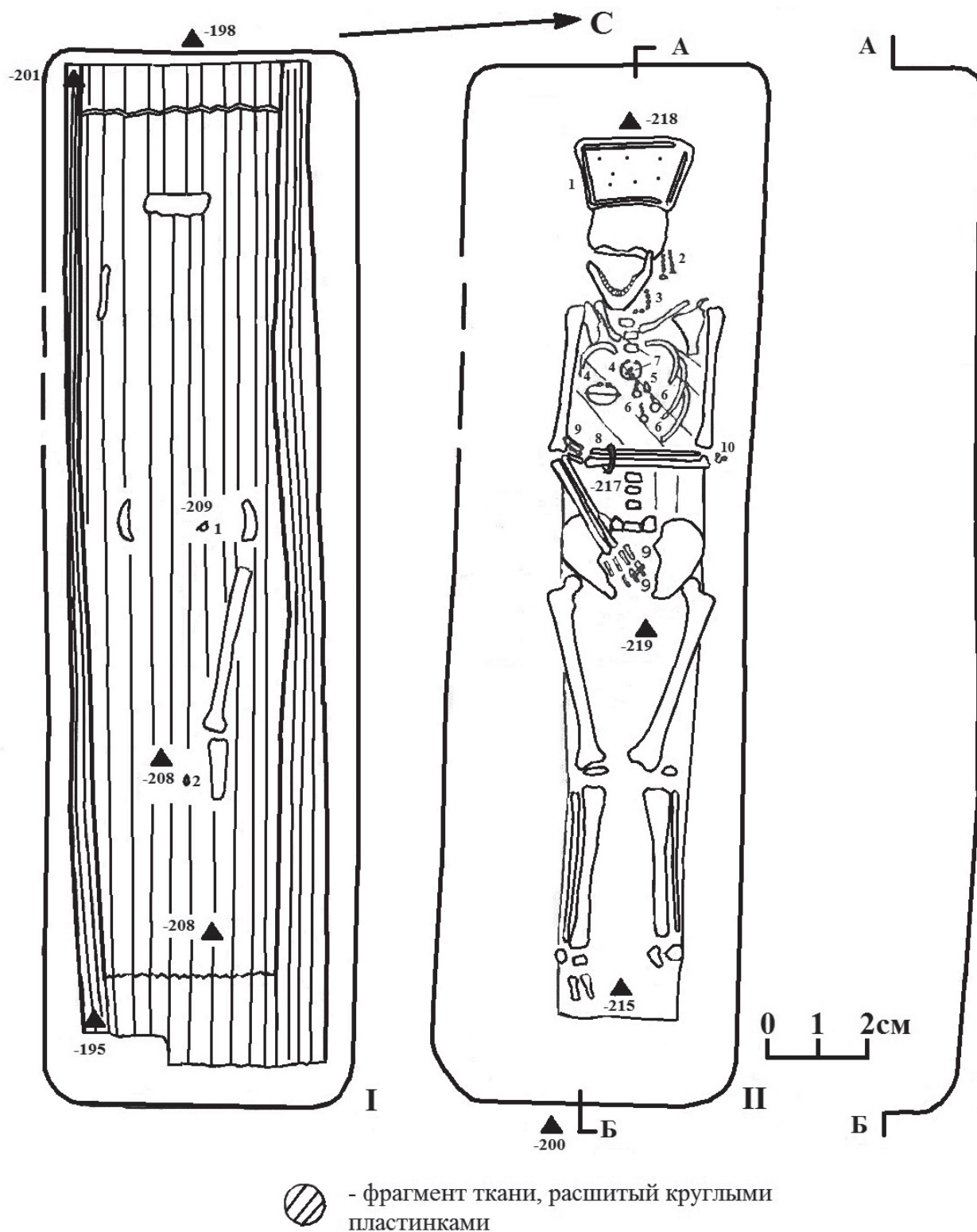

Рис. 27. Погребение 32 Коноваловского могильника.

I – деревянная конструкция: 1 – кольцо; 2 – серьга.

II – раскопанное погребение: 1 – головной убор; 2 – подвеска на нитке бус; 3 – ожерелье;
 4 – сюлгана; 5 – раковины каури; 6 – жетоны на цепочке; 7 – пуговица на цепочке; 8 – браслет;
 9 – перстень; 10 – крючок.

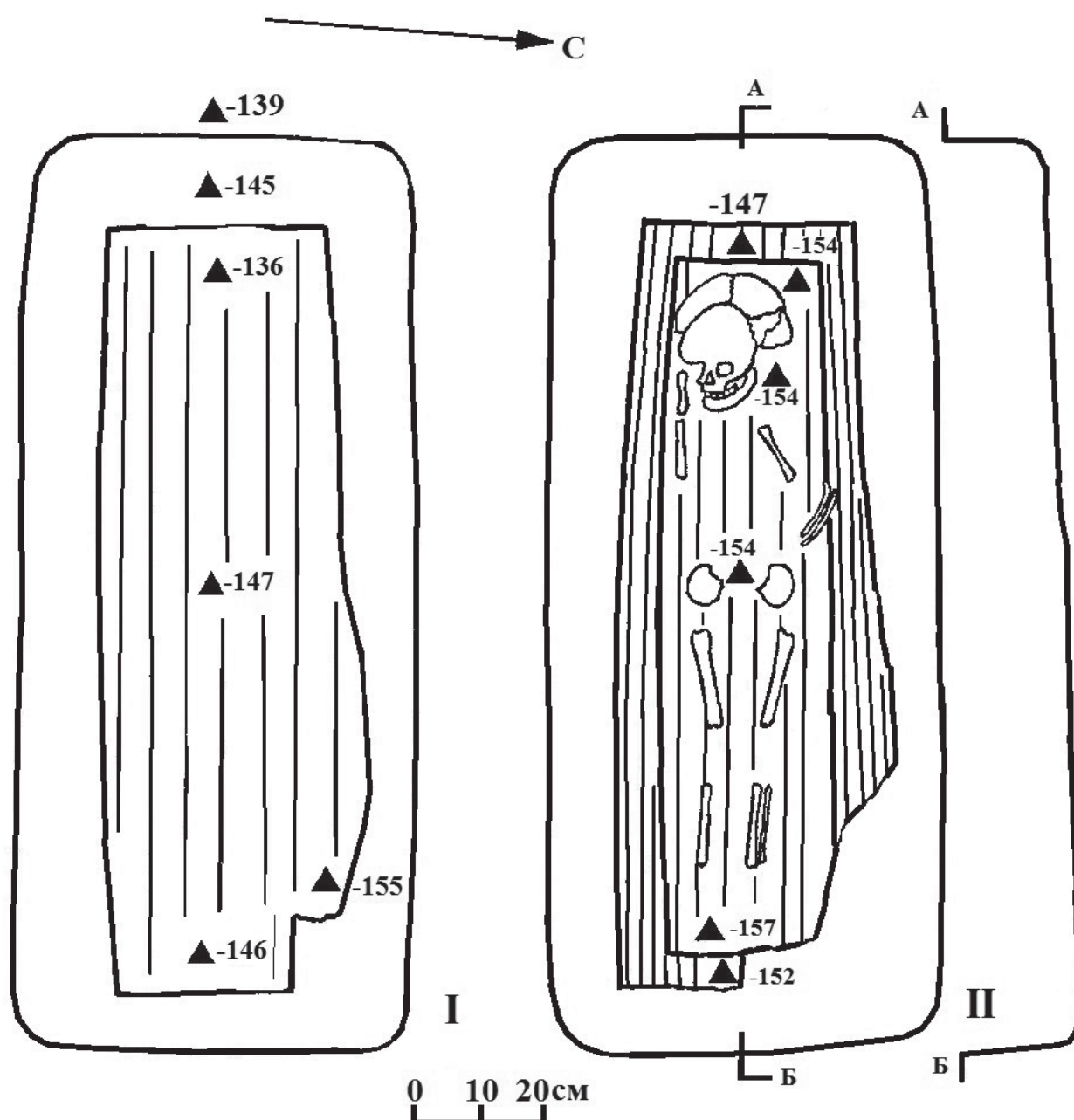

Рис. 28. Погребение 20 Коноваловского могильника:
 I – крышка деревянной конструкции.
 II – долбленная колода.

Рис. 29. Погребение 72 Коноваловского могильника:

I – крышка деревянной конструкции.

II – раскопанное погребение в колоде: 1 – серьга; 2 – сюлгама; 3 – кулон с изображением креста; 4 – бусы; 5 – перстень; 6 – браслет; 7 – 3 монеты; 8 – крест.

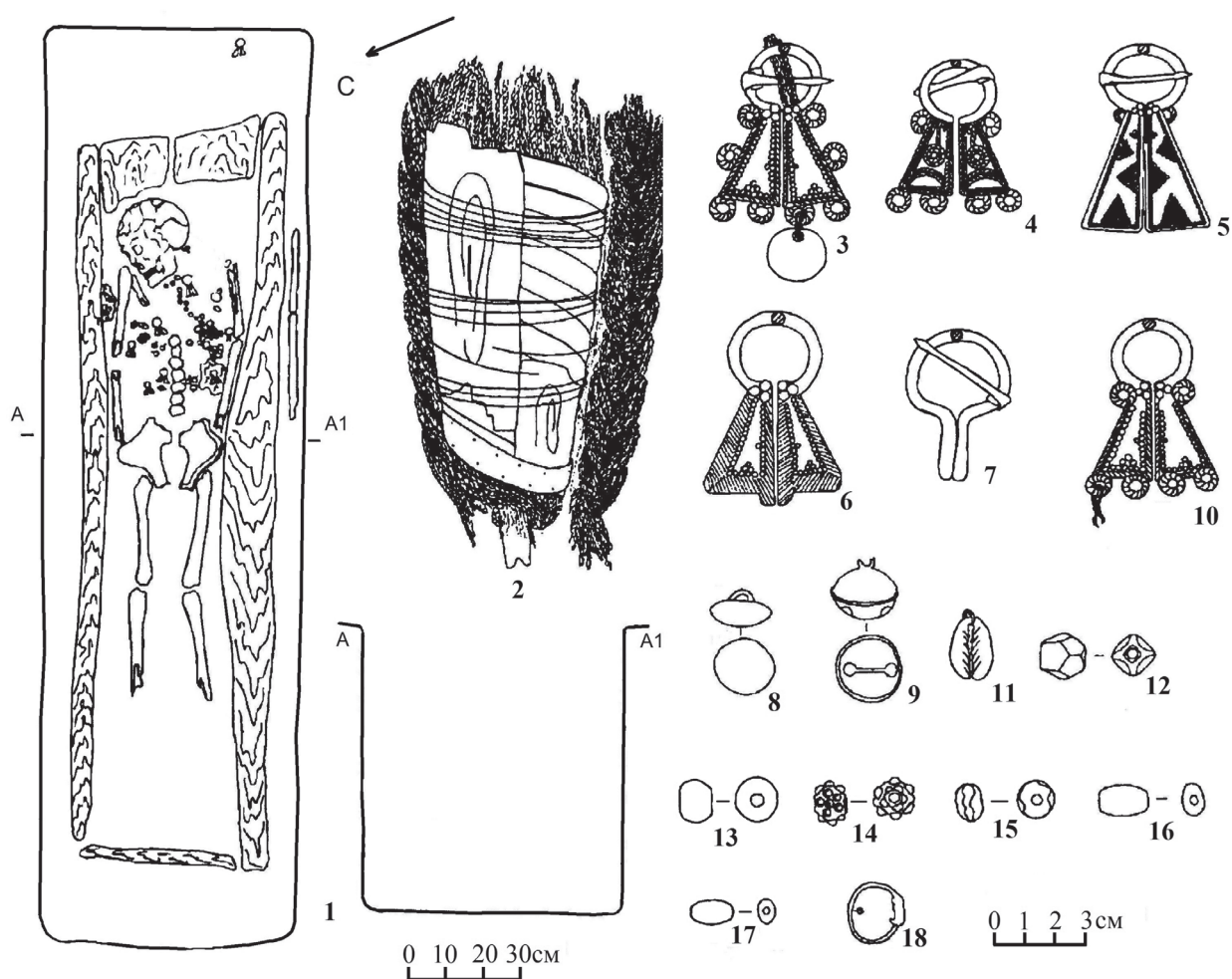

Рис. 30. Погребение 161 Кельгининского могильника: 1 – план погребения; 2 – накосник; 3–7, 8–9 – подвески; 10 – сюлгамы; 11 – раковина каури; 12–17 – бусы; 18 – серьга.

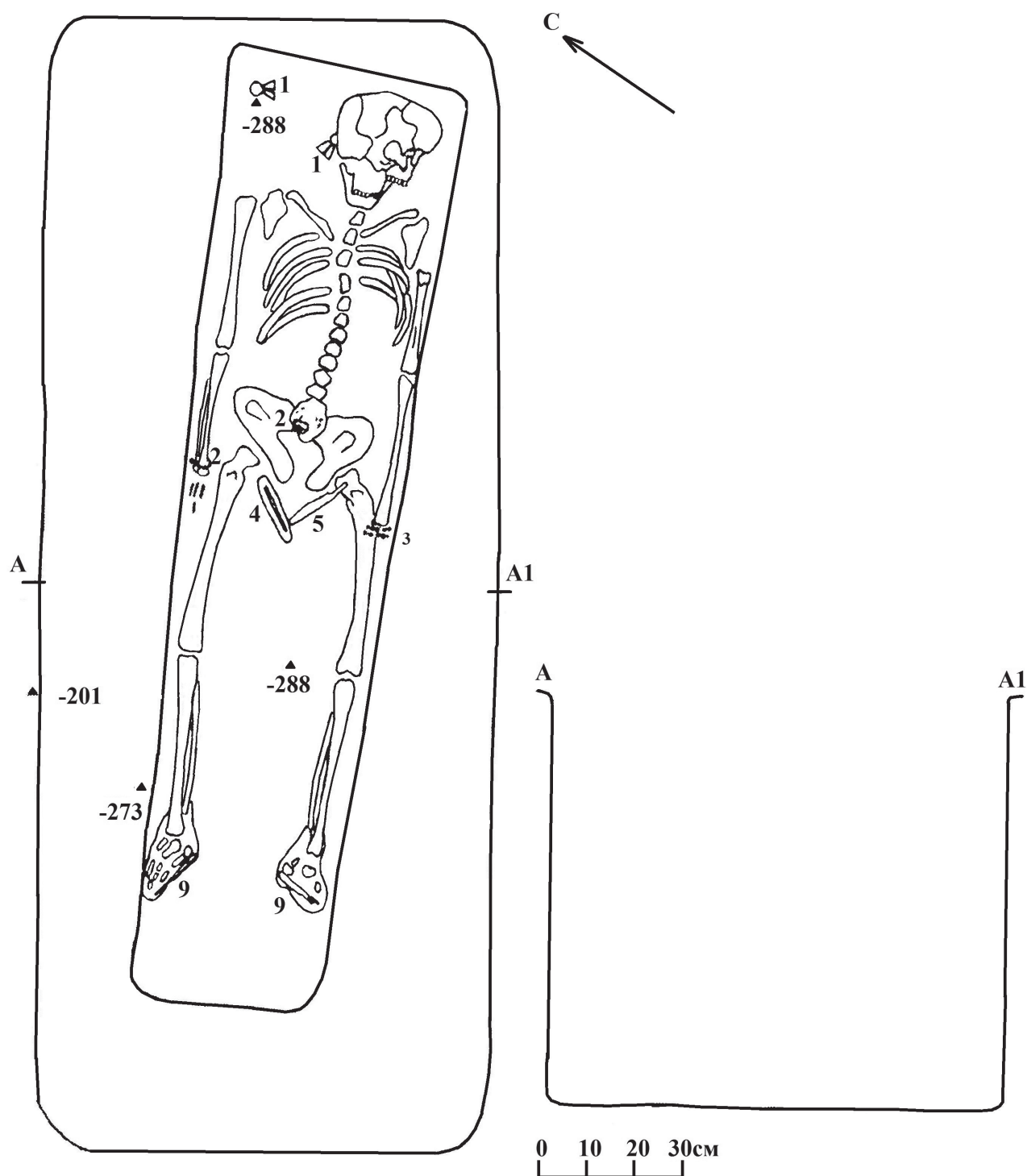

Рис. 31. Погребение 323 Кельгининского могильника:
1 – сؤلгама; 2 – пряжка; 3 – монеты; 4 – кресало; 5 – нож; 6 – обувь.

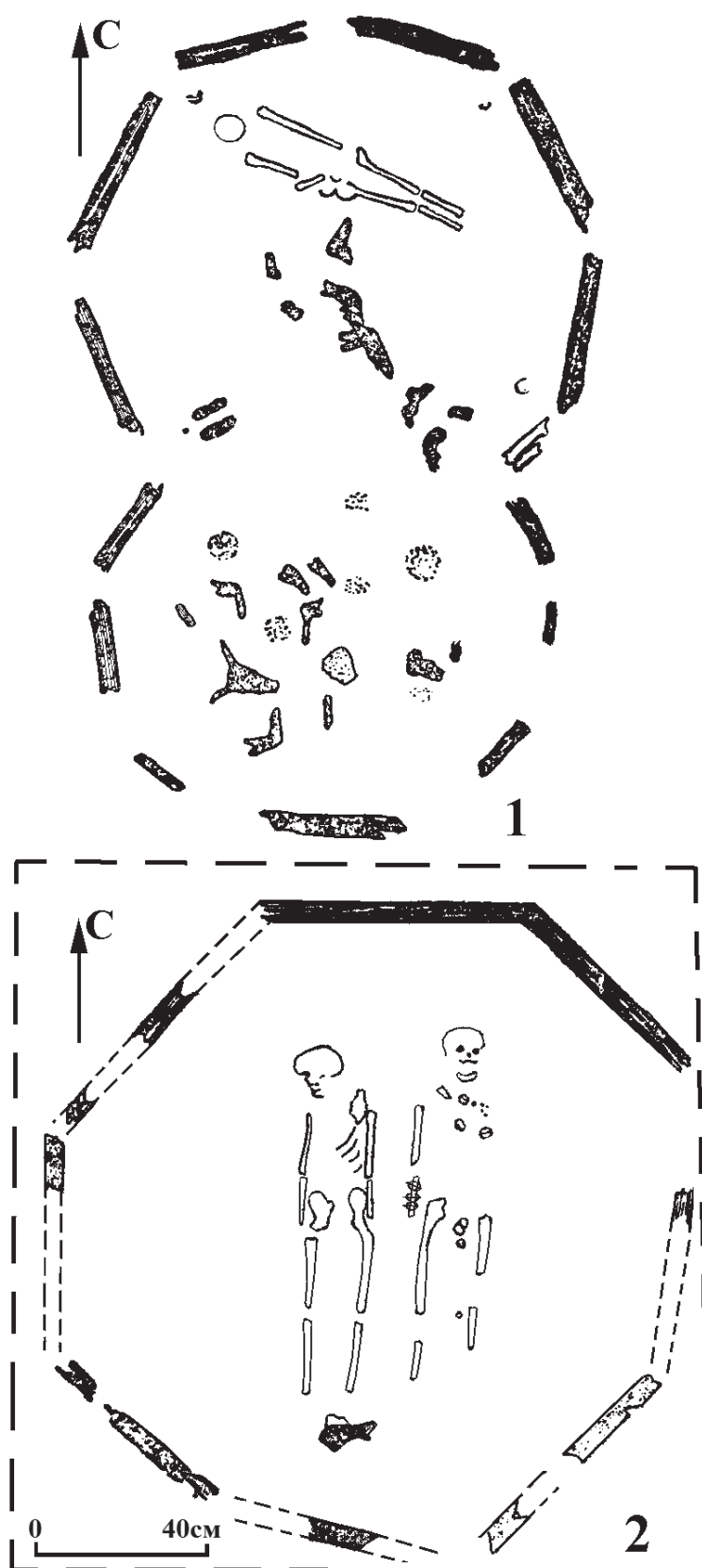

Рис. 32. Коринский курганно-грунтовой могильник:
1 – схема погребения в кургане 10; 2 – план погребения в кургане 5.

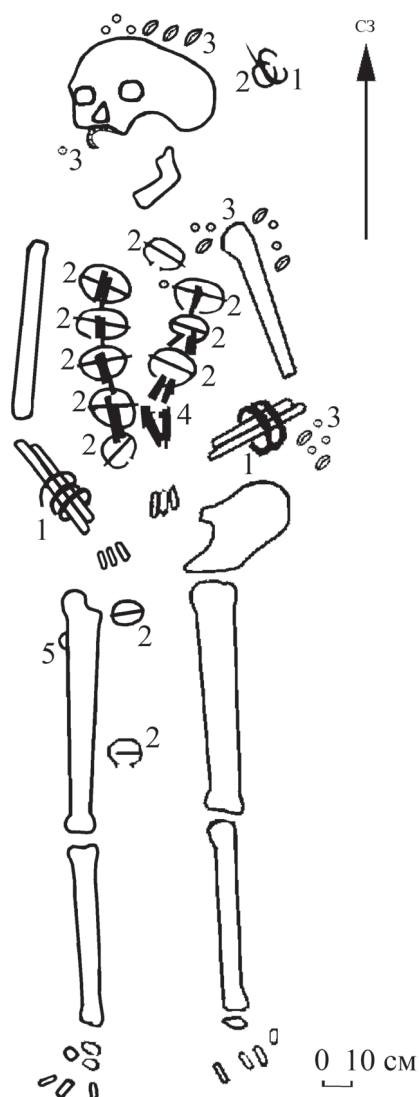

Рис. 33. Погребение 1 Сарлейского могильника:

- 1 – браслеты;
- 2 – сюлгاما;
- 3 – бусы и раковины каури;
- 4 – остатки вышивки;
- 5 – кольцо и монета.

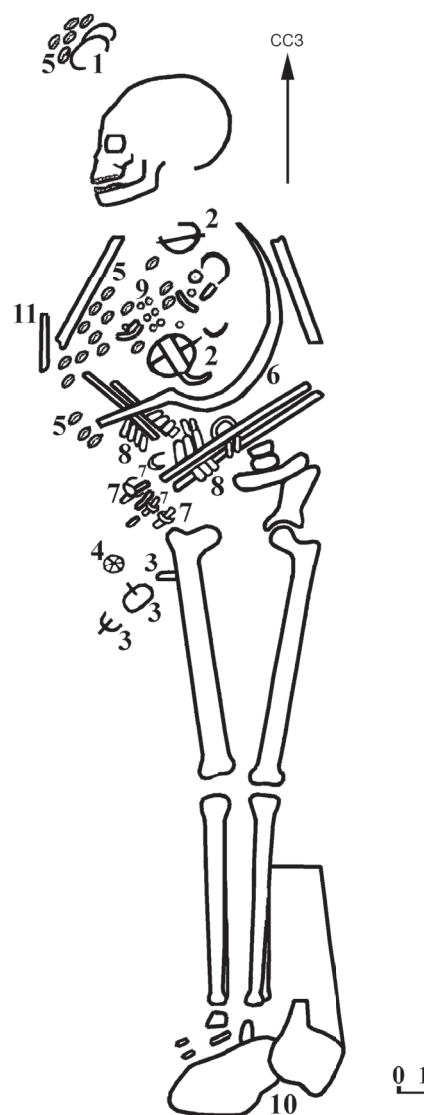

Рис. 34. Погребение 19 Тоторшевского могильника:

- 1, 8 – браслеты;
- 2, 3 – сюлгاما;
- 4 – подвеска;
- 5 – раковина каури;
- 6 – серп;
- 7 – перстень;
- 9 – бусы;
- 10 – остатки обуви;
- 11 – нож.

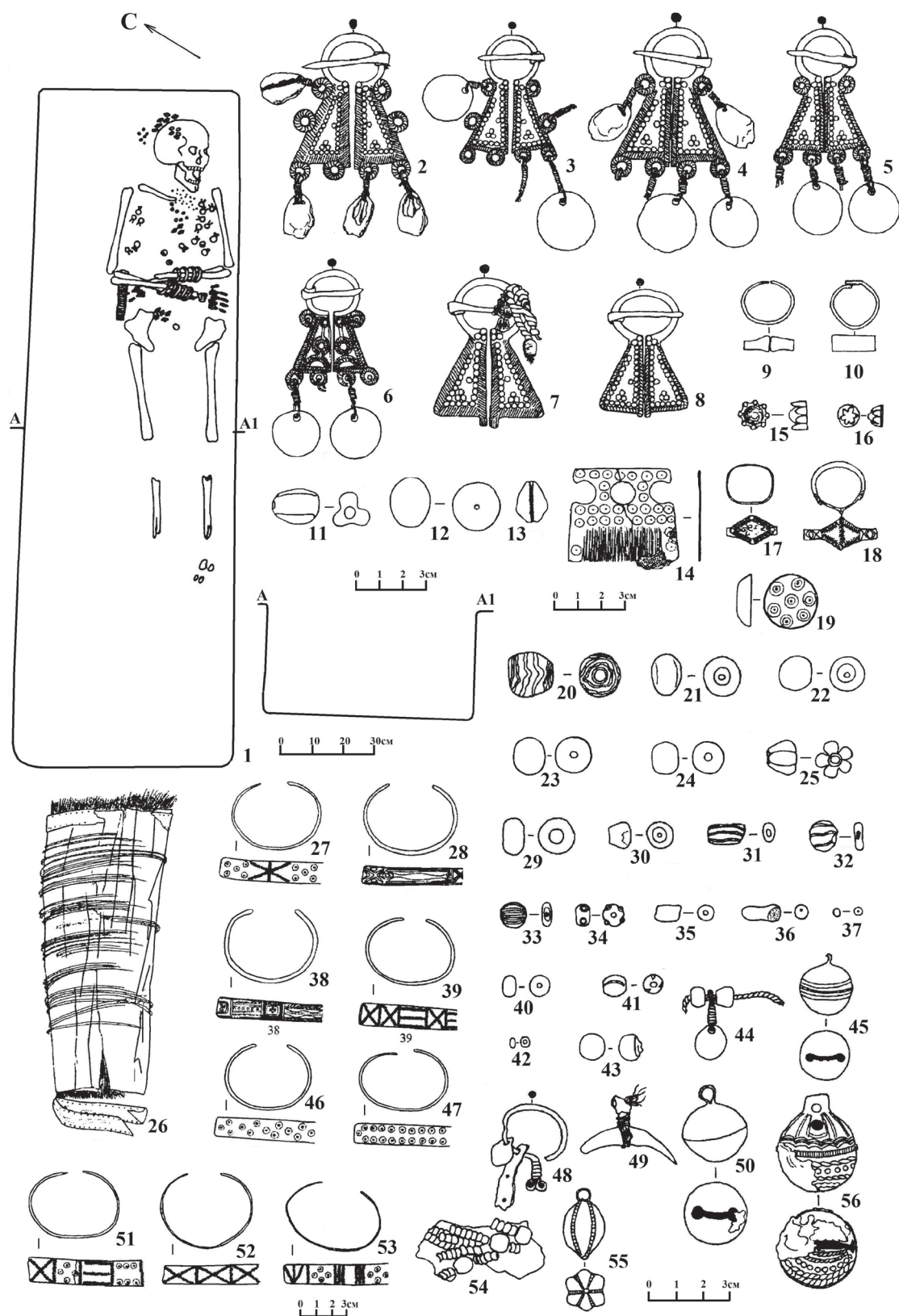

Рис. 35. Погребение 260 Кельгининского могильника:

1 – план погребения; 2–8 – лопастные сюлгамы; 9, 10, 17–19 – перстни;
 11–13, 15, 16, 20–25, 29–37, 40–43 – бусы; 14 – бронзовый гребешок; 26 – наконник-пулокерь;
 27, 28, 38, 39, 46, 47, 51–53 – браслеты; 48 – серьга; 49 – подвеска из клыка животного;
 45, 50, 55, 56 – бронзовые бубенчики.

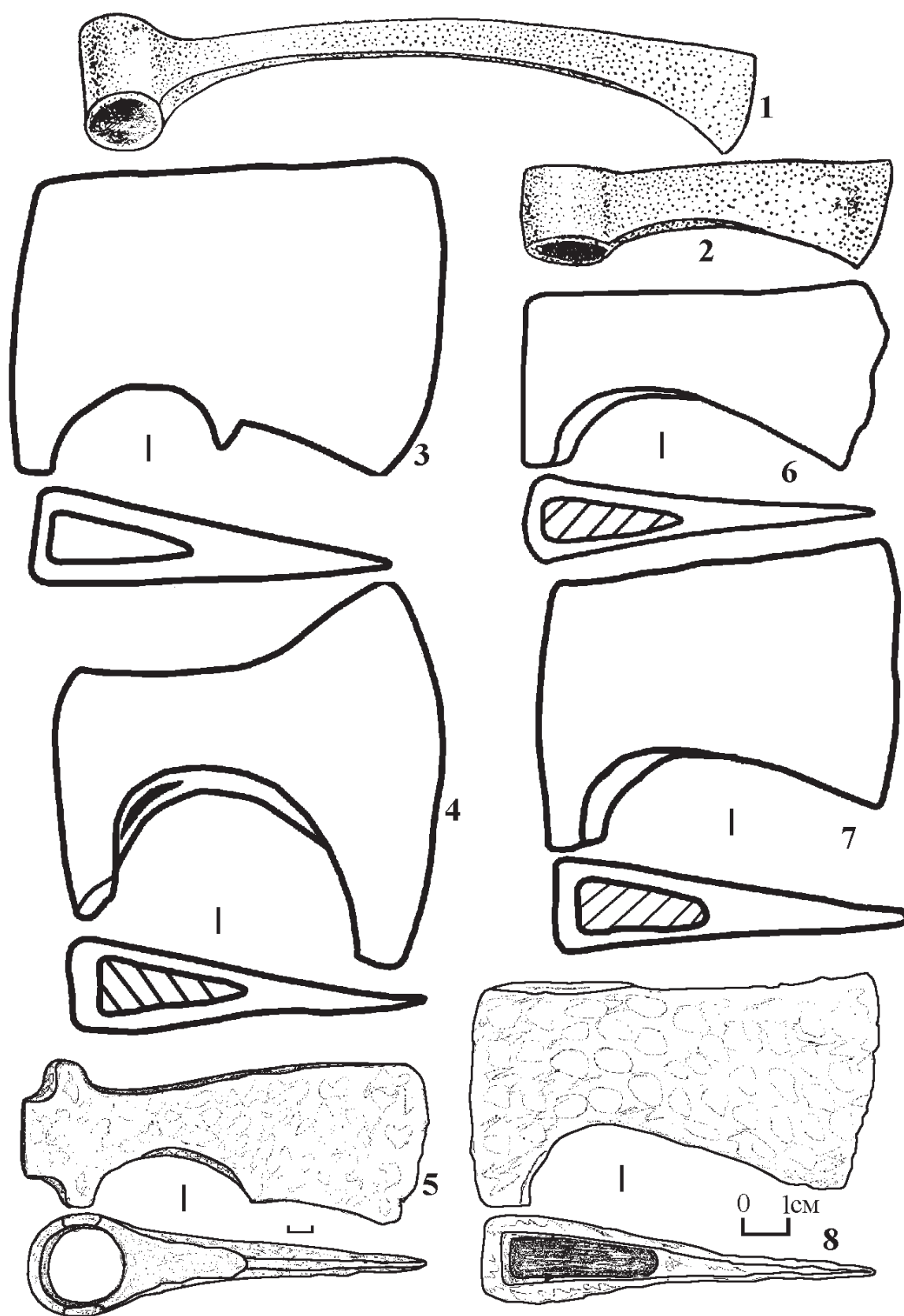

Рис. 36. Топоры из могильников:
1, 2 – Коринский; 3, 4, 6, 7 – Сарлейский; 5 – Тоторшевский; 8 – Ново-Пырменский.

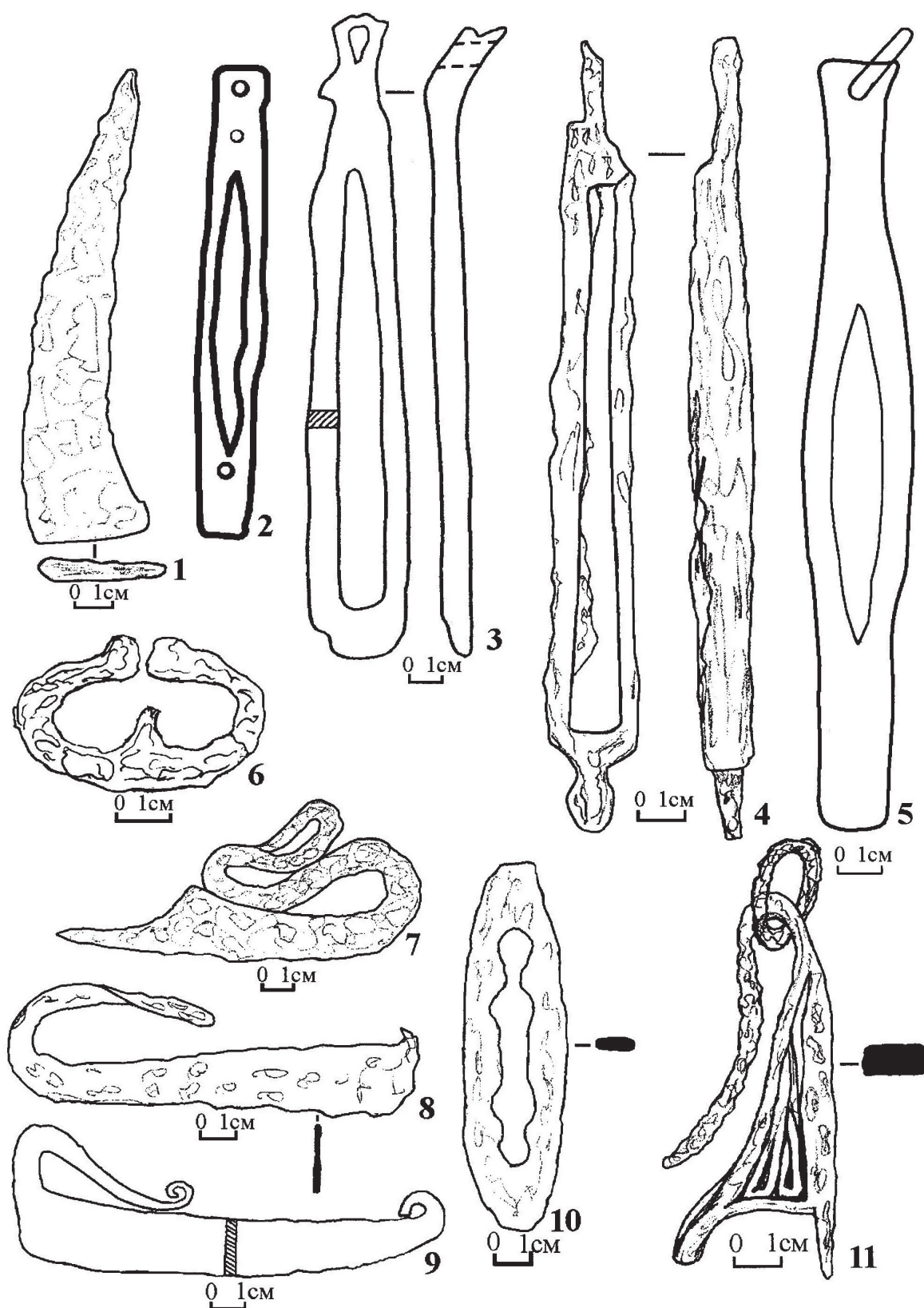

Рис. 37. Кресала из могильников: 1 – Торжок; 2 – Коринский; 3 – Ачадовский (погр. 60), 5 – (погр. 7); 4, 10 – Ново-Пырменский; 6 – Вертелимский (р. 1, уч. 3, погр. 15); 7 – Рыбкинский; 8 – Дигилевский; 9 – Мордовско-Паркинский (погр. 22); 11 – Сабаевский.

Рис. 38. Серьги и височные кольца из могильников: 1, 3, 4 – Рыбкинский; 2, 9 – Торжок; 5 – Батушевский; 6, 10, 12–14 – Коноваловский; 7 – Коринский; 8, 11 – Тоторшевский.

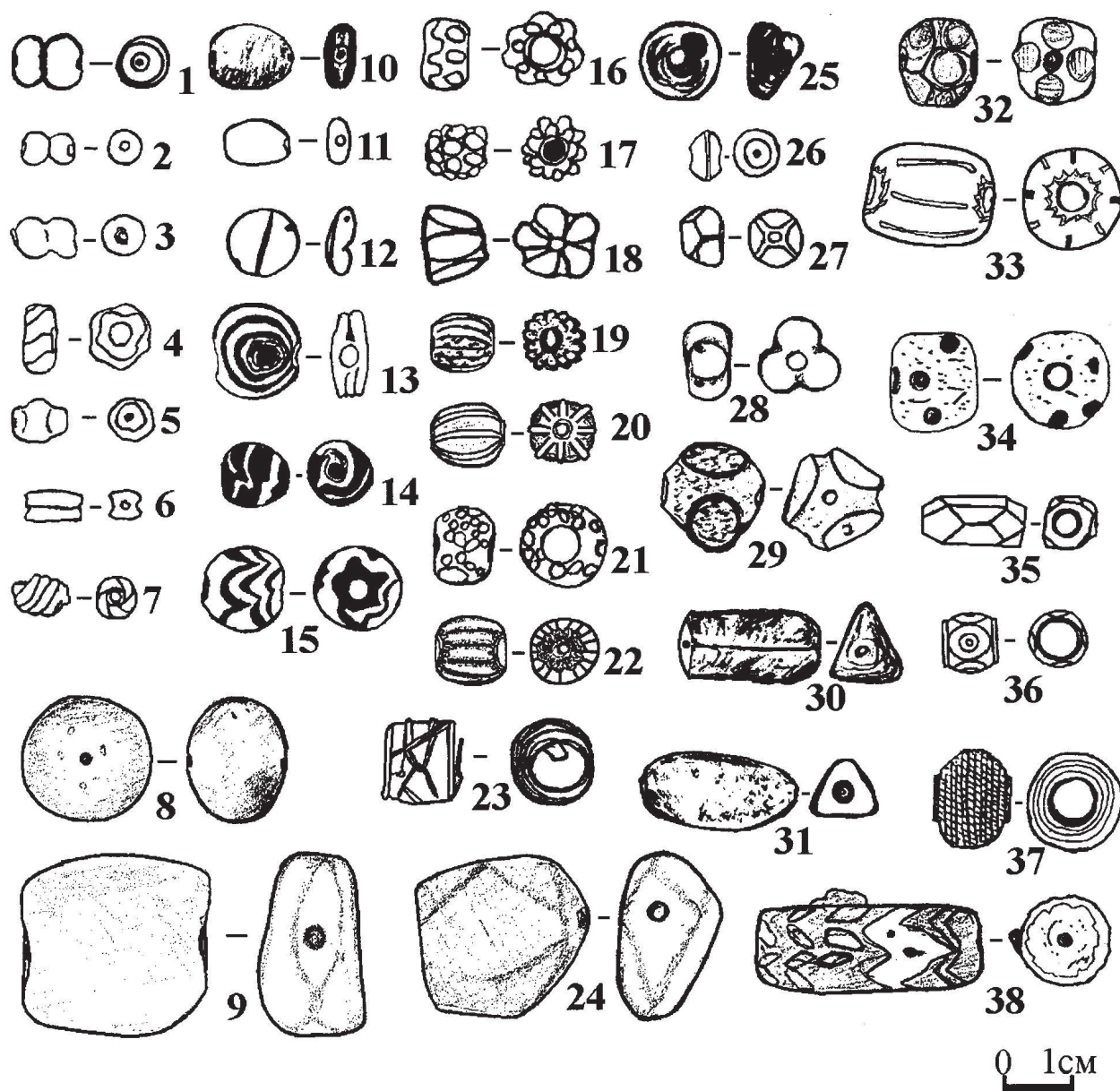

Рис. 39. Бусы из могильников:

15, 33 – Коржевский; 8, 9, 24, 38 – Торжок; 2–6, 11, 16, 26 – Коноваловка;
 1, 12, 17 – Шелехметь; 32 – Новая Пырма; 10, 13, 14, 19, 21, 29, 30, 31, 34, 35 – Редкодубский;
 18 – Ачадовский; 23, 25, 37 – Рыбкинский; 27, 36 – Кельгининский;
 20 – Тоторшевский; 22 – Дигилевский; 28 – Адашевский.

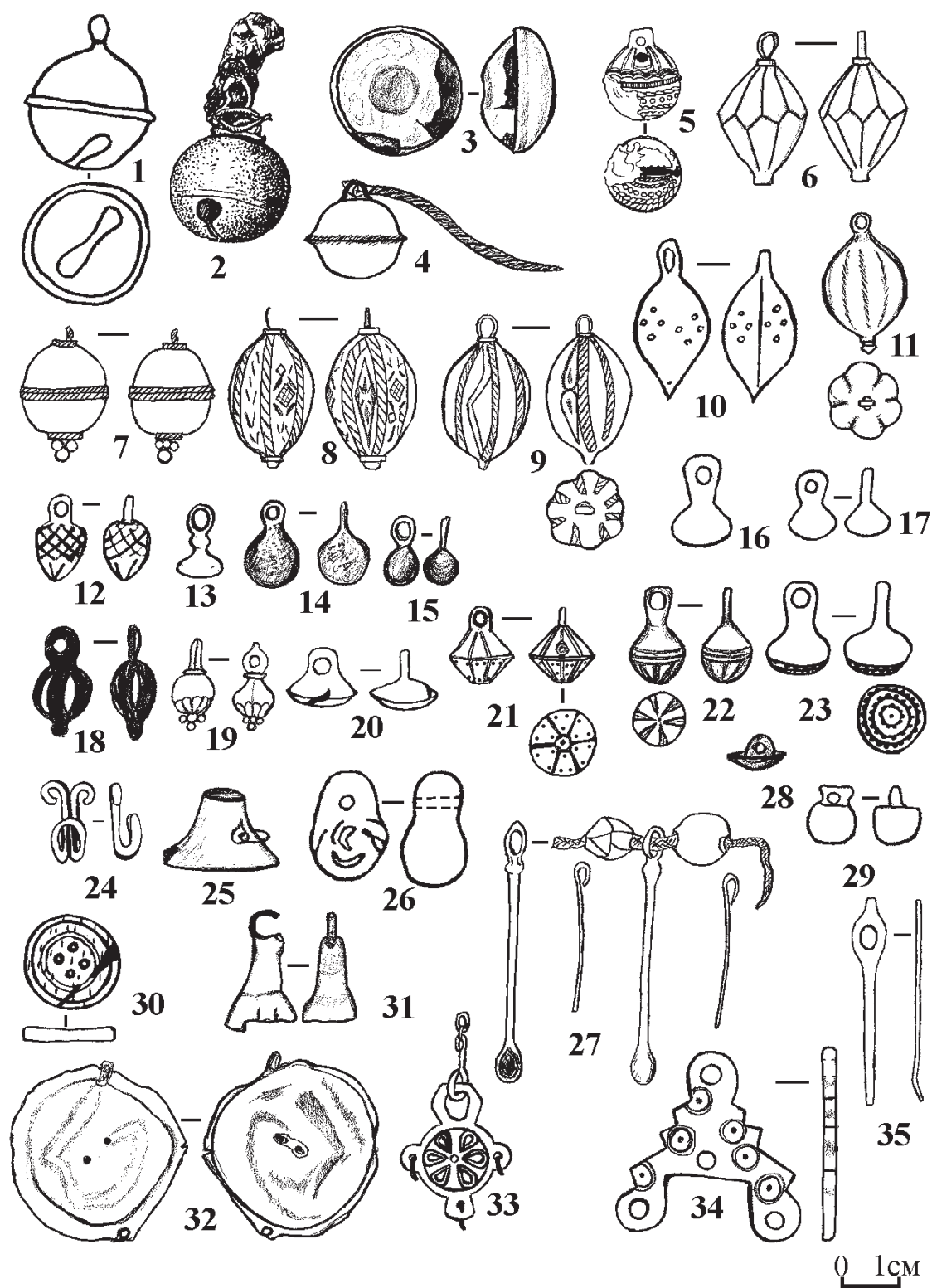

Рис. 40. Подвески, пуговица, крючок и пуговицы-подвески, копоушки из могильников:
 1, 10, 26, 31 – Ачадовский; 2 – Адашевский (погр. 5); 4, 13, 30, 33 – Шелехметский;
 6–8, 11, 31 – Привольевский; 9 – Тоторшевский; 12 – Лобаски; 14, 15, 19 – Папулевский;
 18 – Паевский; 16, 17, 20, 23, 24, 27, 35 – Коноваловский; 21, 22, 25 – Рыбкинский;
 28 – Старо-Девический; 32 – Ново-Пырменский; 34 – Коржевский.

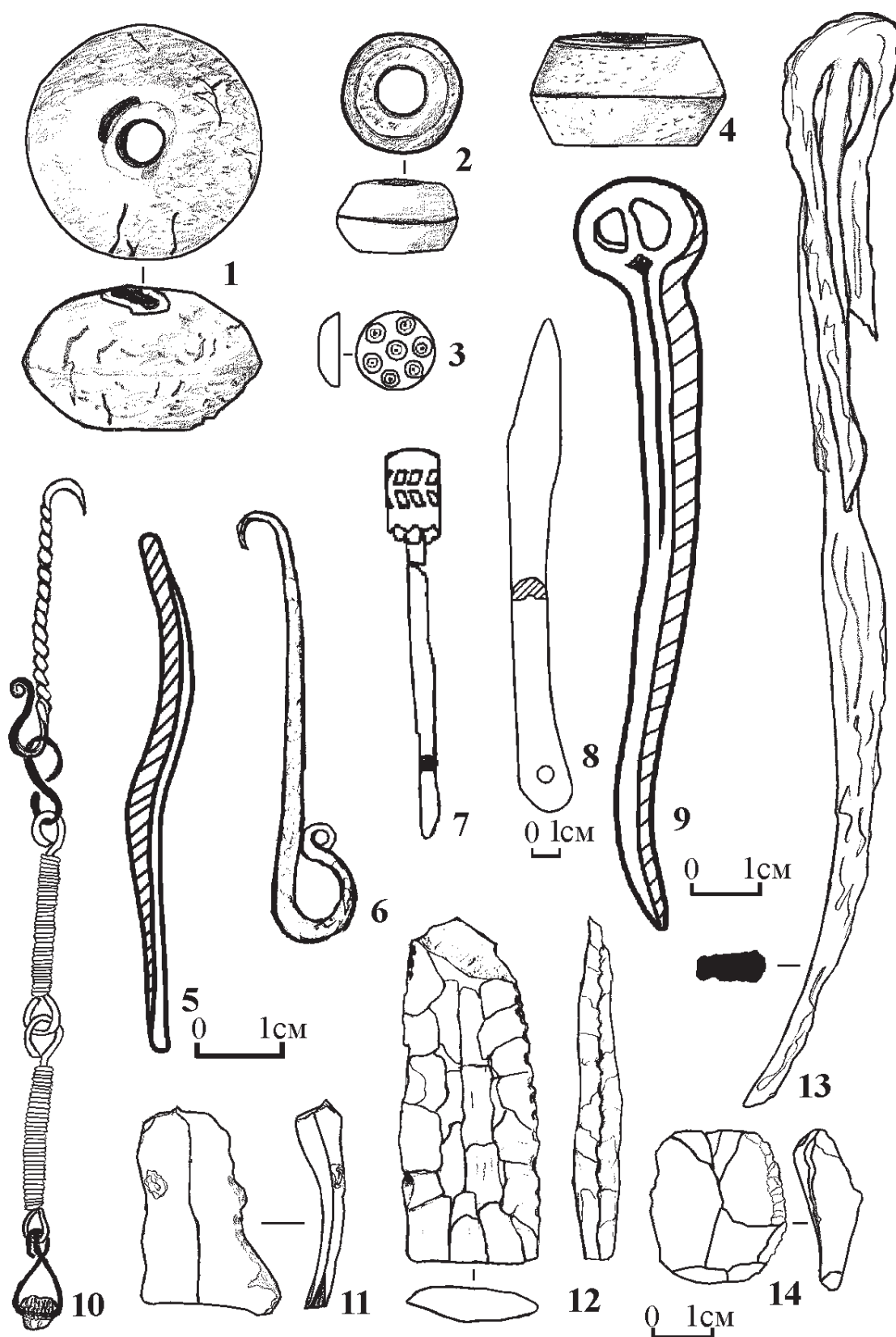

Рис. 41. Вещевой инвентарь из могильников:
 1 – Ново-Пырменский; 2 – Привольевский; 4, 11, 12, 13 – Нароватовский (погр. 5).
 1, 2, 4 – пряслица; 3 – гирька; 5, 9, 13 – кочедыки; 6, 10 – кечказ; 7 – шило;
 8 – костяной инструмент; 11, 12, 14 – кремни.

Рис. 42. Жетоны из Коноваловского могильника.

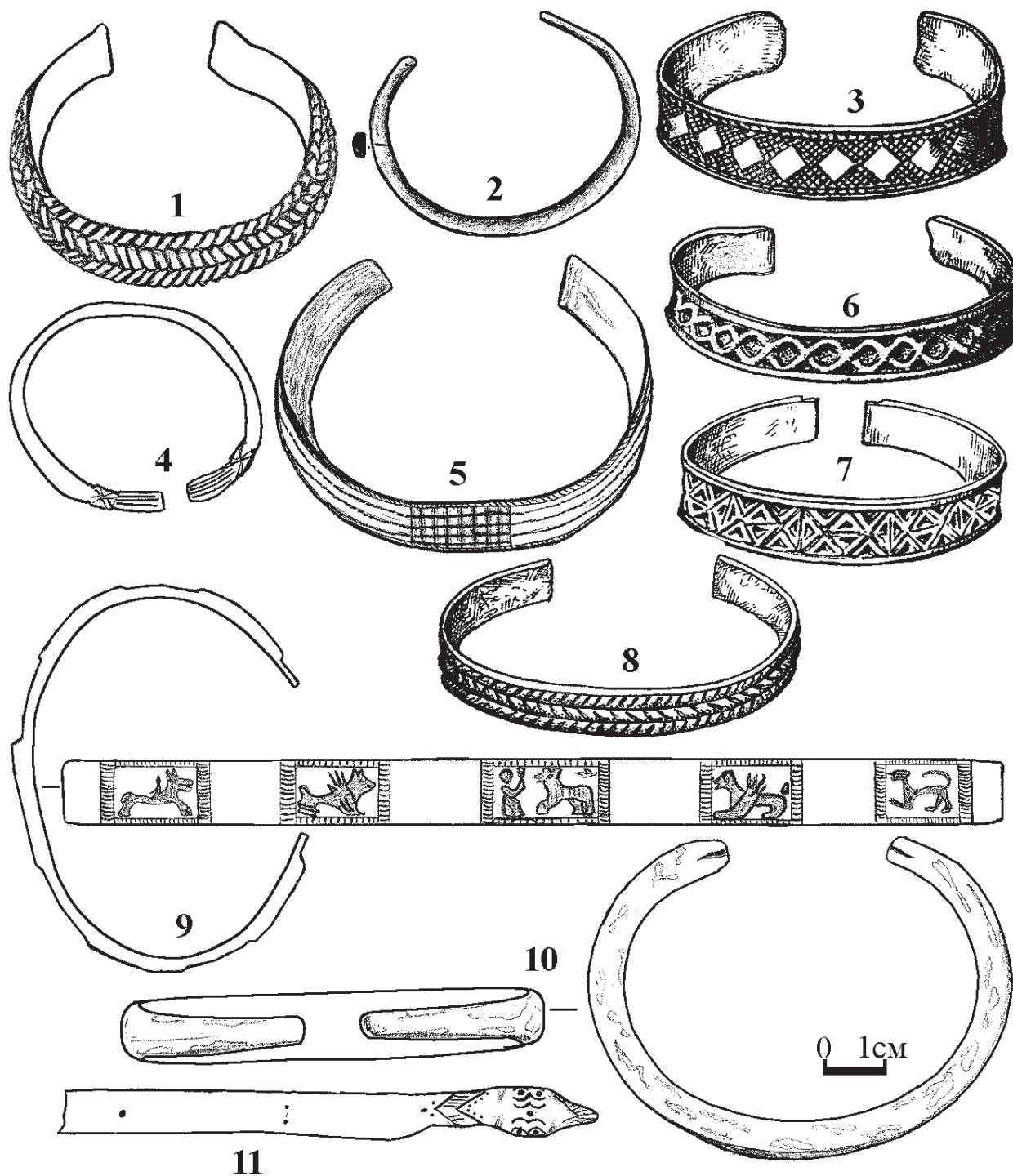

Рис. 43. Браслеты из могильников:
 1 – Папулевский; 2 – Нароватовский; 3, 6–8 – Ново-Пырменский;
 4 – Пичпандинский; 5, 11 – Торжок; 9, 10 – Тоторшевский.

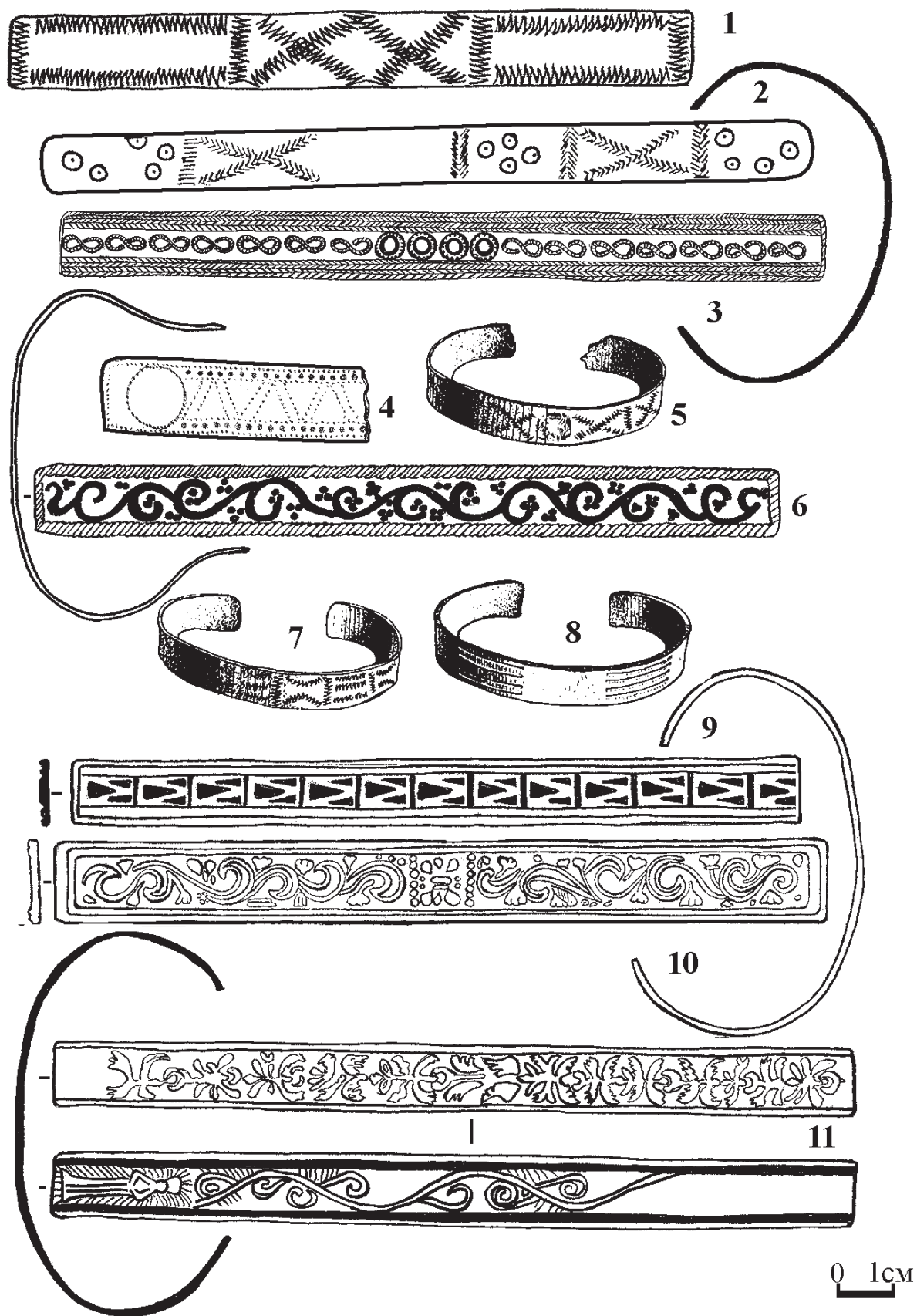

Рис. 44. Браслеты из могильников:
1, 3, 6, 9–11 – Коноваловский; 2 – Ачадовский; 4 – Нароватовский; 5, 7, 8 – Черемисский.

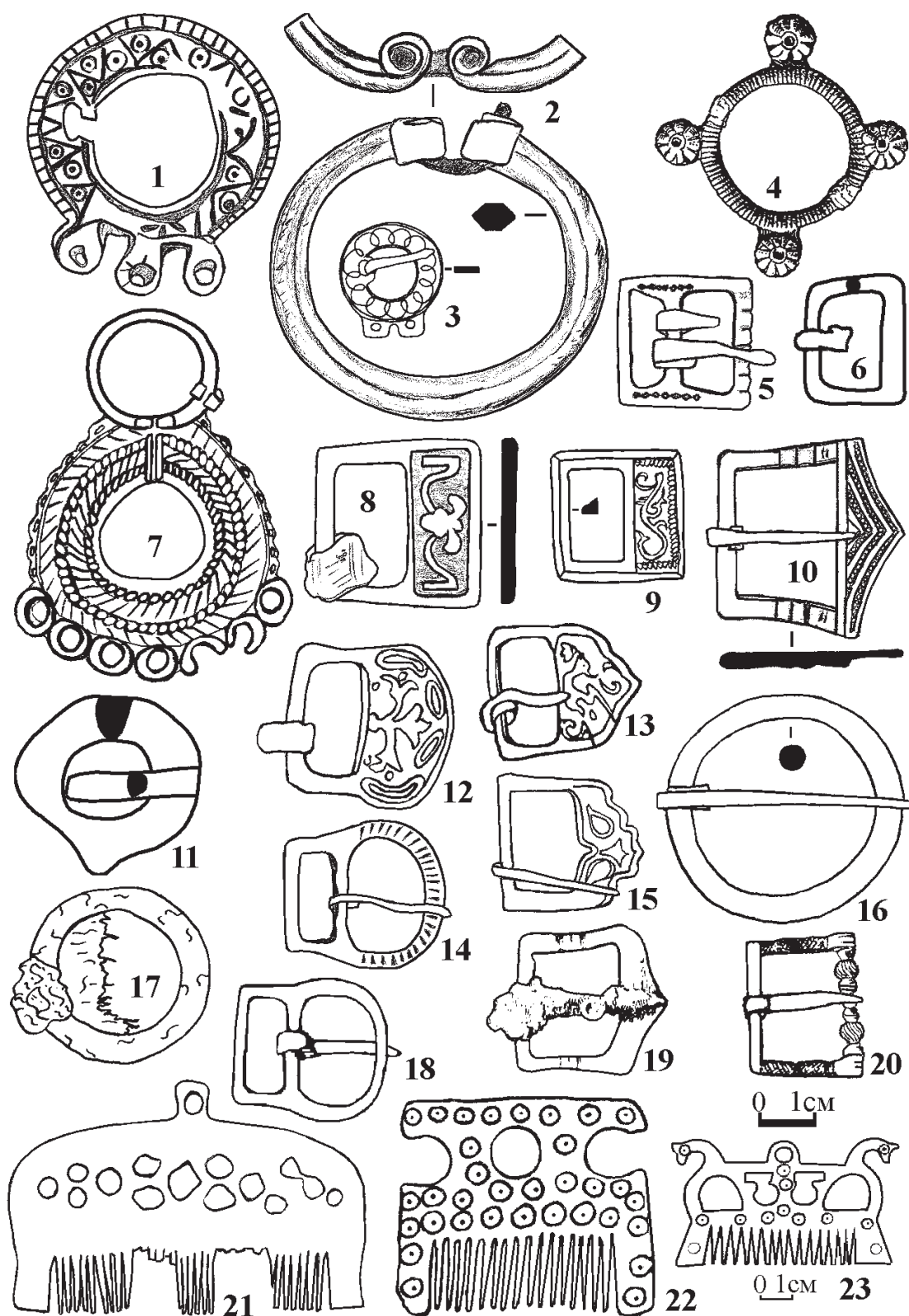

Рис. 45. Украшения костюма, гребни из могильников:

1 – Пичпандинский; 2 – Торжок; 3, 14 – Кельгининский (погр. 177); 4 – Паевский (погр. 12);
 5 – Нароватовский; 6 – Ачадовский (погр. 7), 22 – (погр. 43); 13; 7, 8, 18 – Рыбкинский;
 9 – Мордовско-Паркинский (погр. 105), 16 – (погр. 30); 15 – Коринский; 11 – Русско-Маскинский
 (погр. 12); 12 – Лобаски; 10, 19, 20 – Сарлейский; 21 – Тепловский (ПМ); 23 – Коноваловский 1–4.
 7 – застёжки; 5, 6, 8–20 – пряжки; 21–23 – гребни.

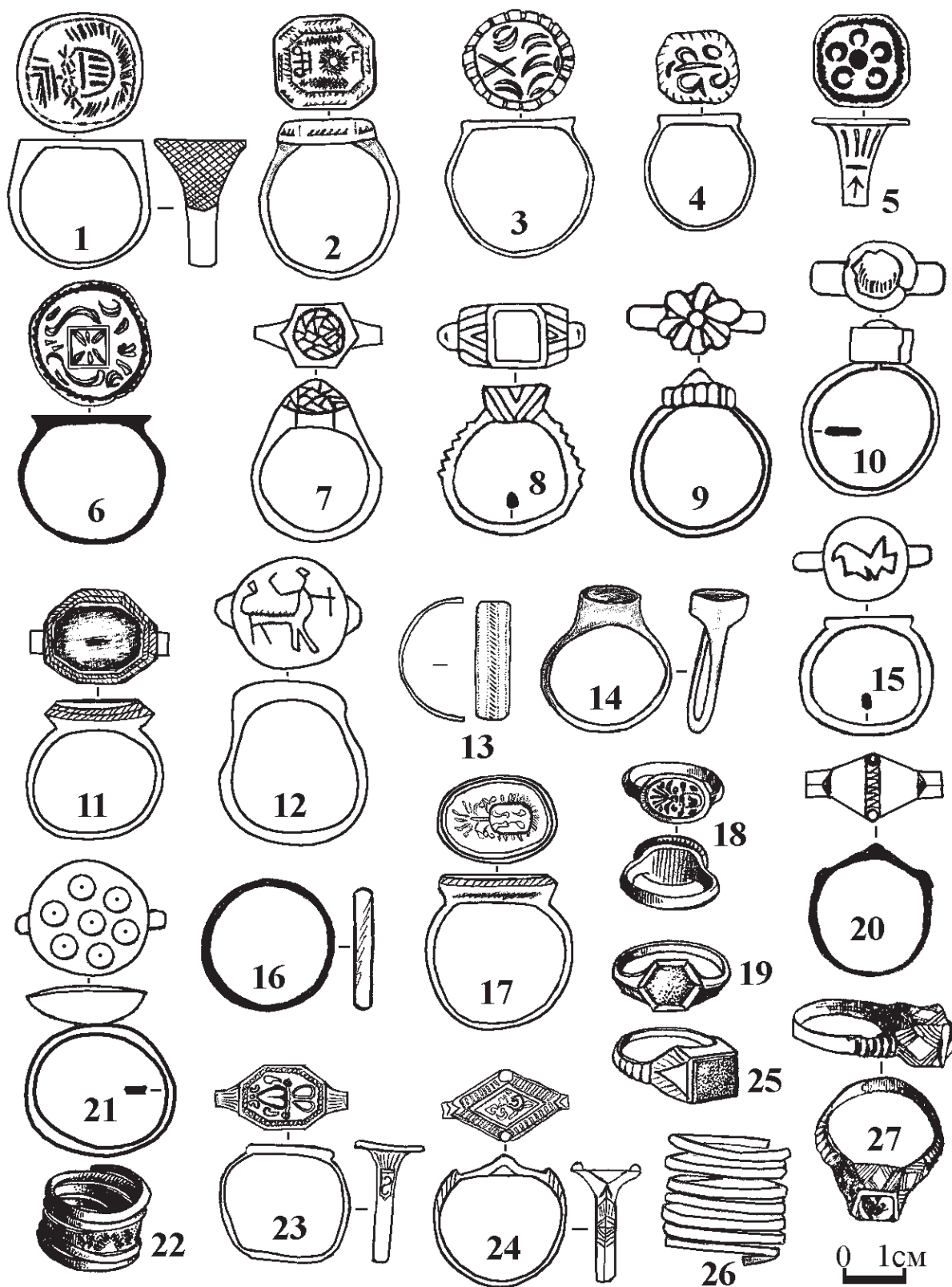

Рис. 46. Кольца и перстни из могильников:

- 1 – Рыбкинский; 2 – Пичпандинский; 5 – Коноваловский (погр. 5), 6 (погр. 81), 13 (погр. 11);
 10 – Ачадовский (погр. 21), 12 (погр. 57), 7 (погр. 15), 8, 15 (погр. 16), 21 (погр. 45);
 11, 23 – Лобаски; 18, 19, 22, 25 – Ново-Пырменский; 17 – Сабаевский; 24 – Тоторшевский;
 26 – Дигилевский; 27 – Сарлейский.

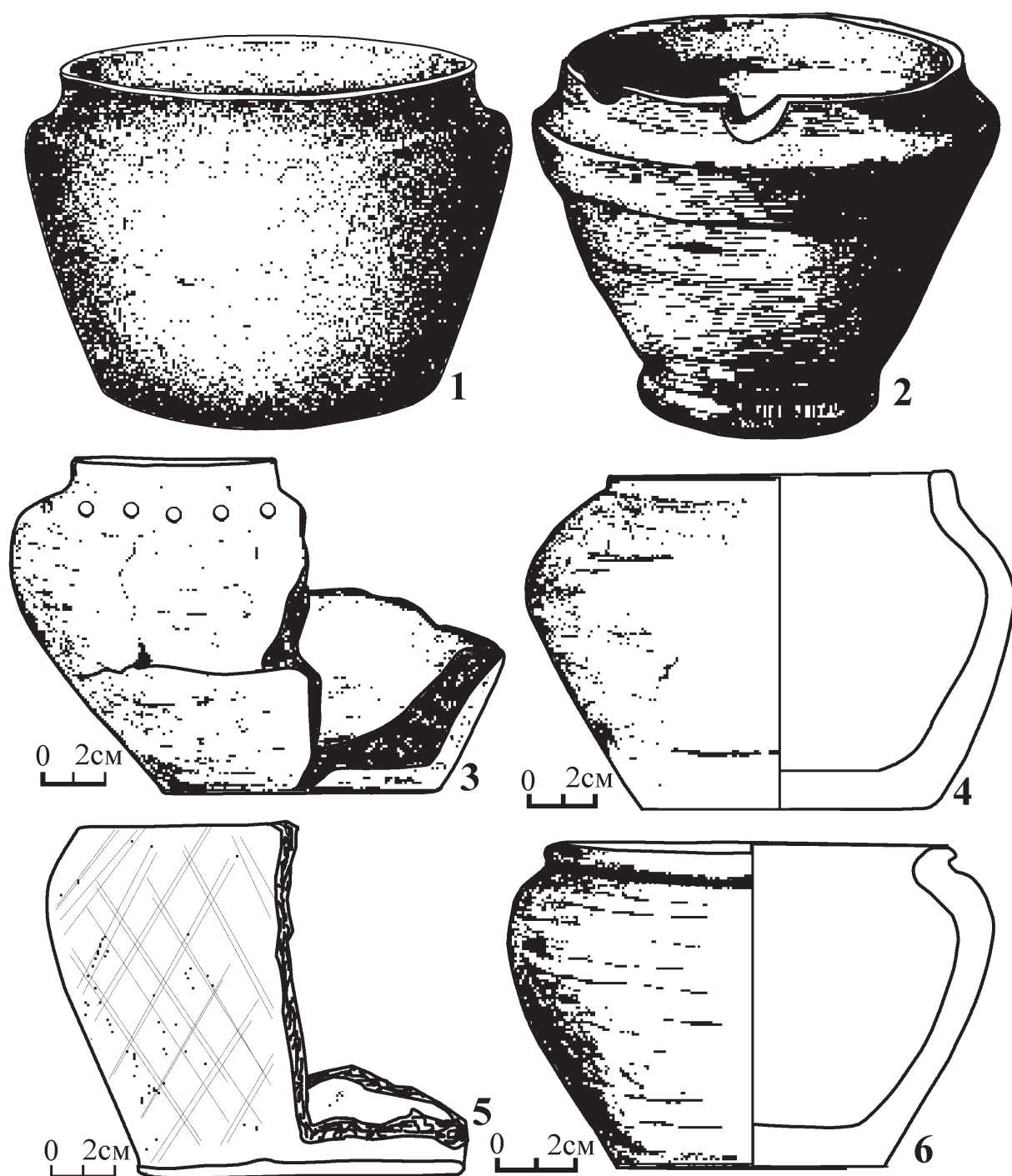

Рис. 47. Сосуды из могильников:
1 – Ново-Пырменский; 2 – Черемисский; 3, 4, 6 – Лобаски; 5 – Сабаевский.

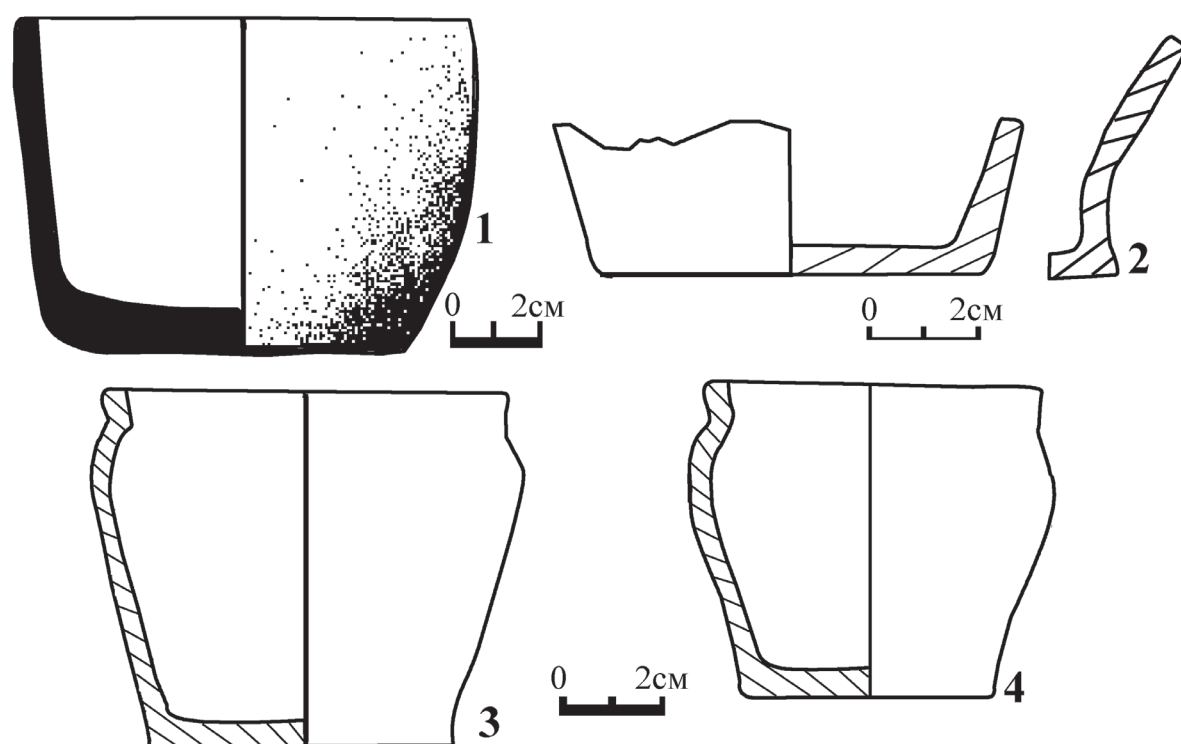

Рис. 48. Сосуды из могильников: 1 – Шелехметский (погр. 5); 2 – Мордовско-Паркинский (погр. 6); 3 – Шелехметский, кв. Г9; 4 – Шелехметский (погр. 6).

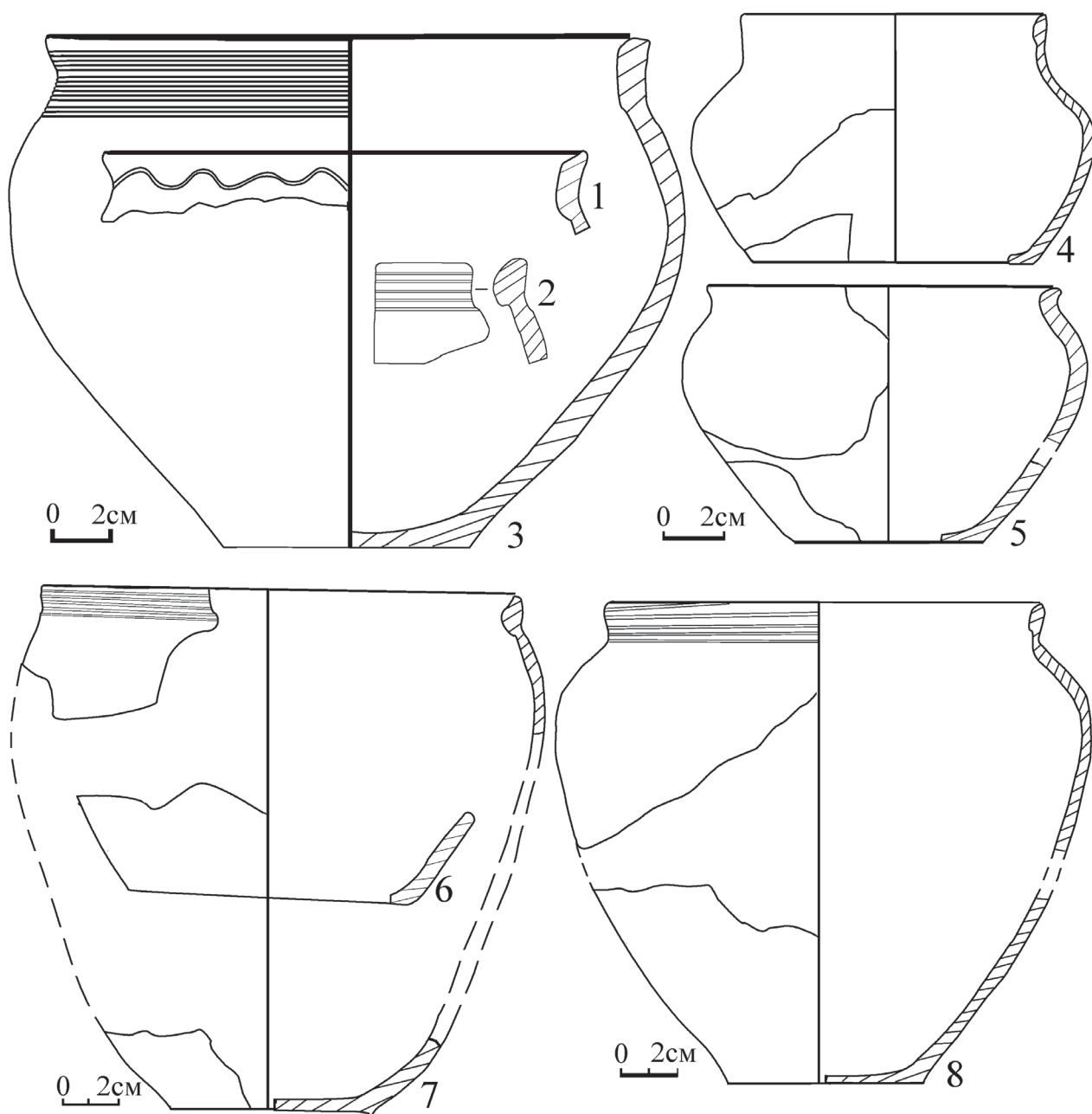

Рис. 49. Сосуды из Ачадовского могильника:
1 – погр. 56; 2, 6 – погр. 7; 3 – погр. 50; 4 – погр. 54; 5 – погр. 37; 7 – погр. 4; 8 – погр. 60.

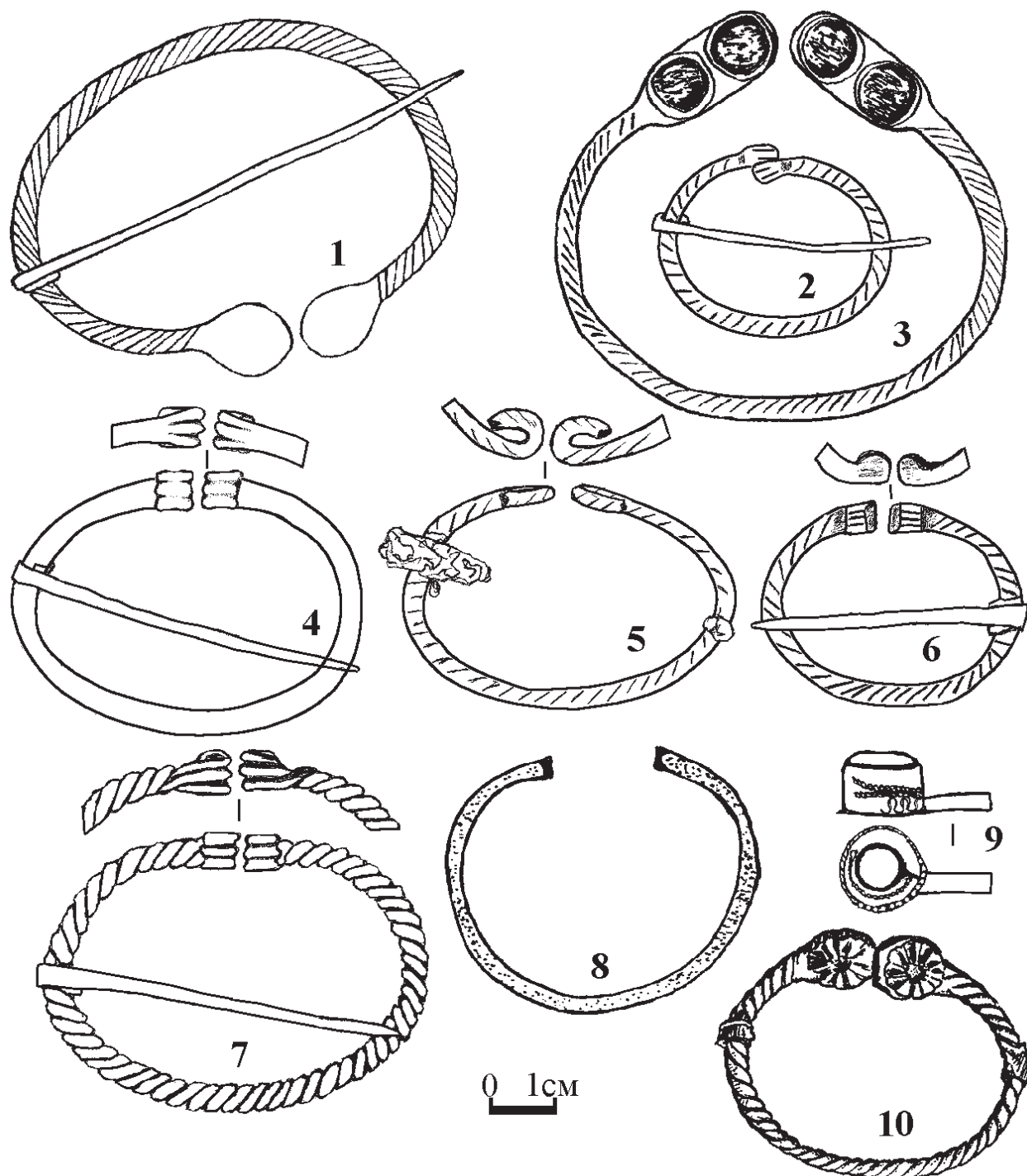

Рис. 50. Сюлгамы кольцевые из могильников:
 1, 3, 8 – Коноваловский; 2, 4 – Торжок; 5 – Ново-Пырменский; 6 – Нароватовский;
 7 – Ачадовский; 9 – Рыбкинский; 10 – Адашевский.

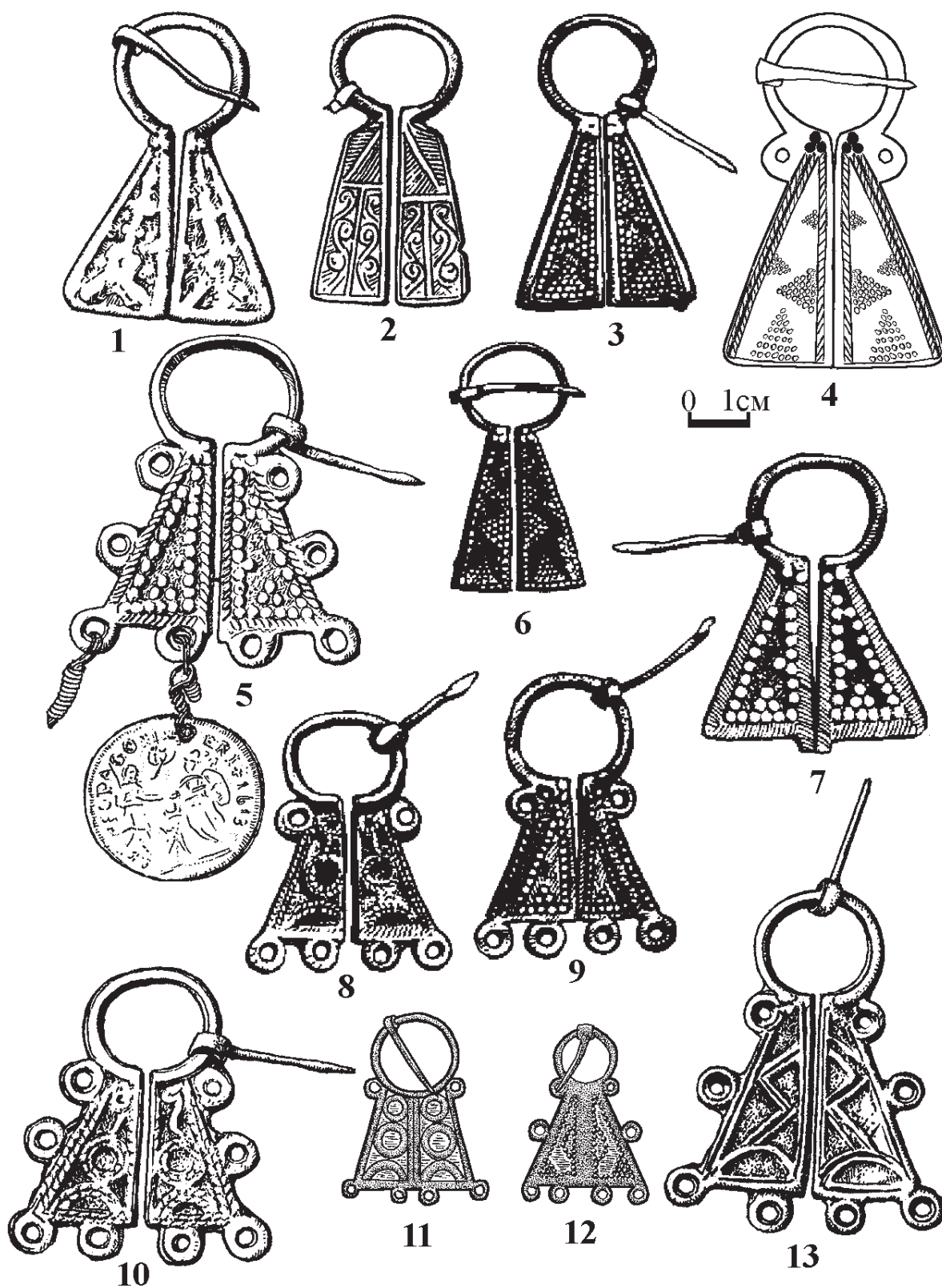

Рис. 51. Сюлгамы лопастные из могильников:
 1, 2, 5, 10, 13 – Адашевский; 2 – Кельгининский; 4 – Рыбкинский;
 6–9 – Черемисский; 11, 12 – Шелехметский.

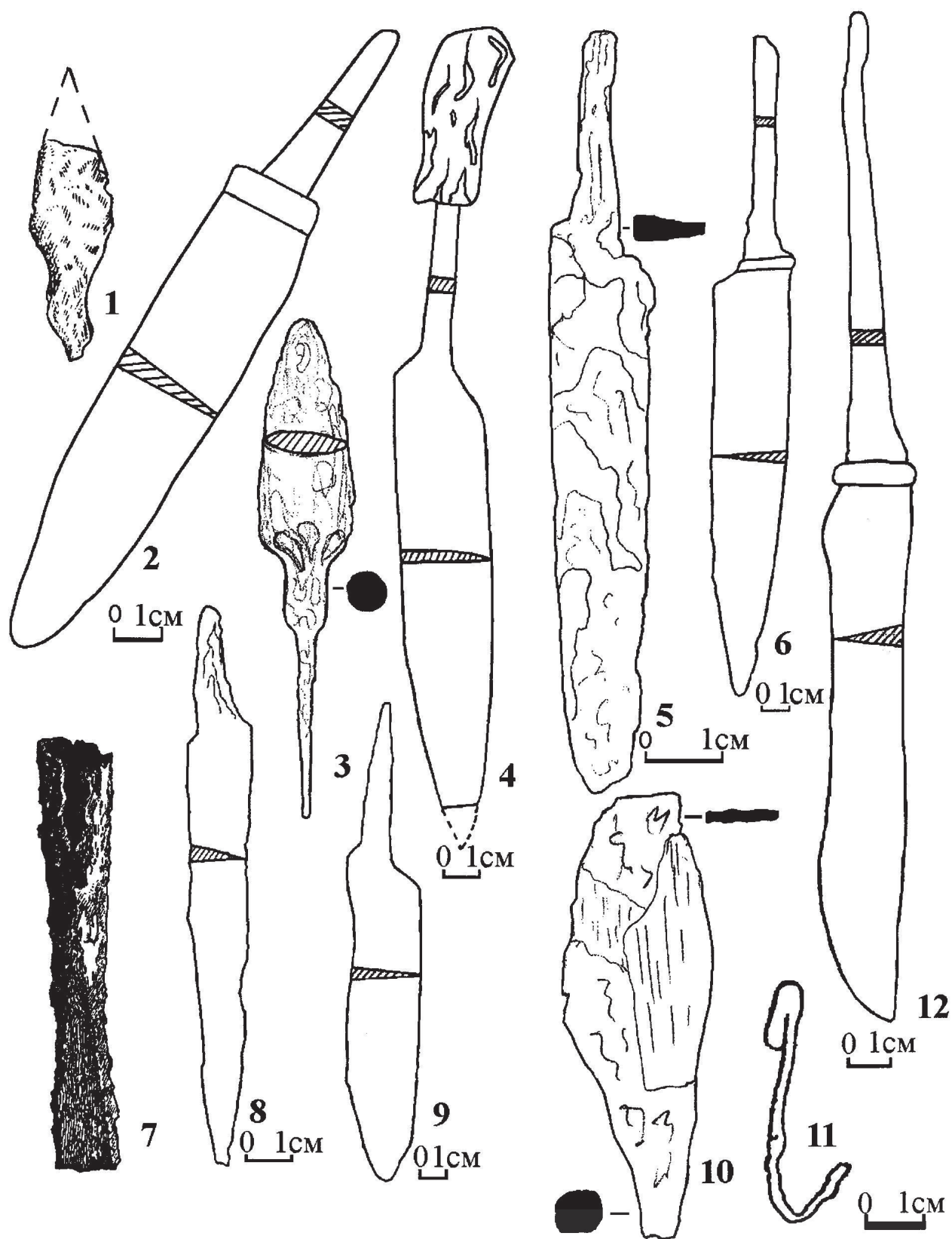

Рис. 52. Вещевой инвентарь:
1-3 – наконечники стрел; 2, 4-6, 8-10, 12 – ножи; 7 – тесло; 11 – рыболовный крючок.

Рис. 53. Вещевой инвентарь и остатки костюма из могильников:
 1–4, 11–14 – Коноваловский; 5, 6 – Шелехметский; 7, 9 – Кельгининский; 8, 10 – Рыбинский.
 1, 2 – манжеты; 3–11 – украшения костюма; 10 – подкова; 12–14 – кошельки.

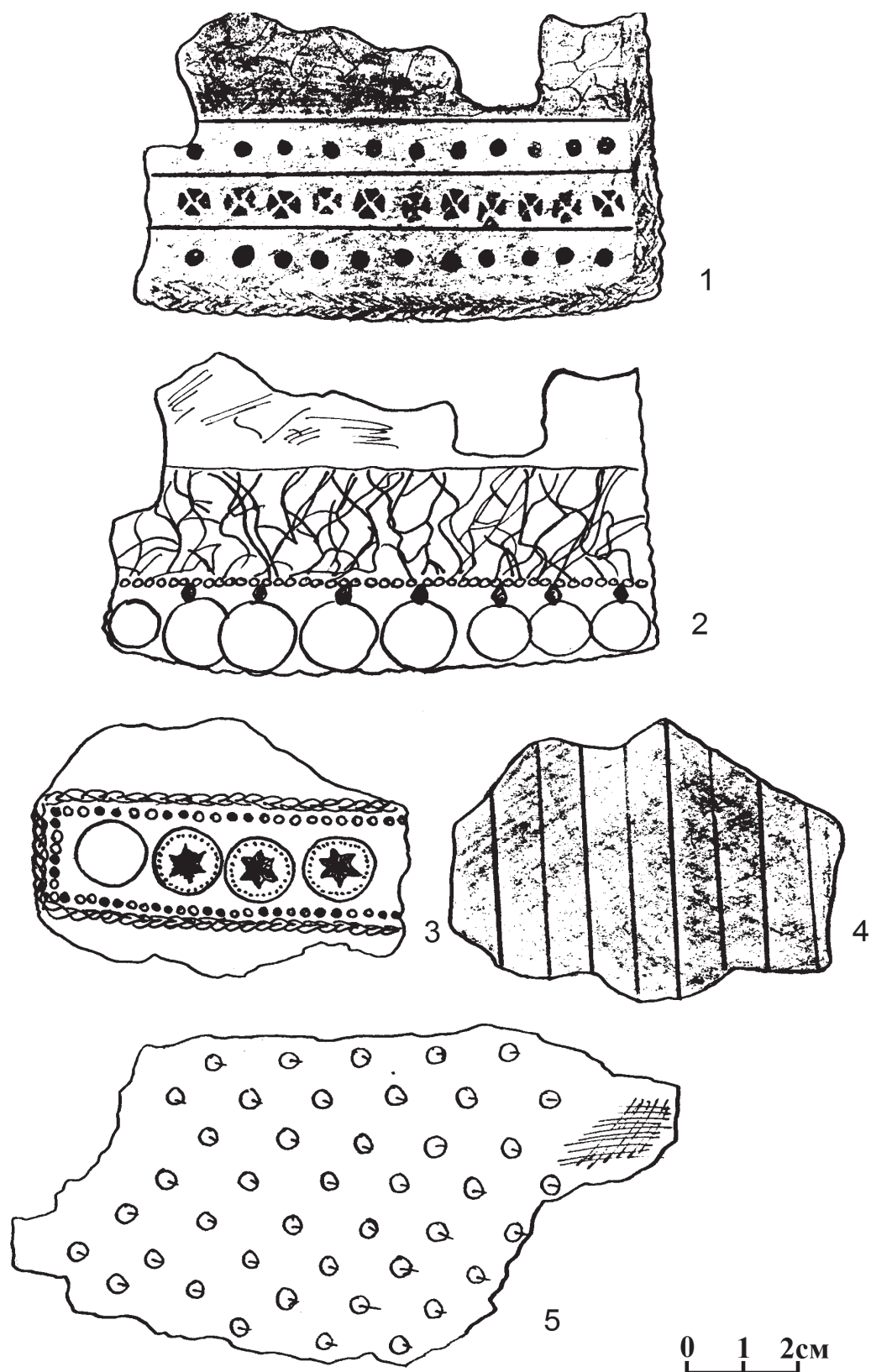

Рис. 54. Детали головного убора из погребения 32 Коноваловского могильника:
1, 4 – прорисовка орнамента на фрагменте пуло; 2, 3 – реконструкция нашивных украшений
на фрагменте пуло; 5 – фрагмент ткани с нашитыми пластинками.

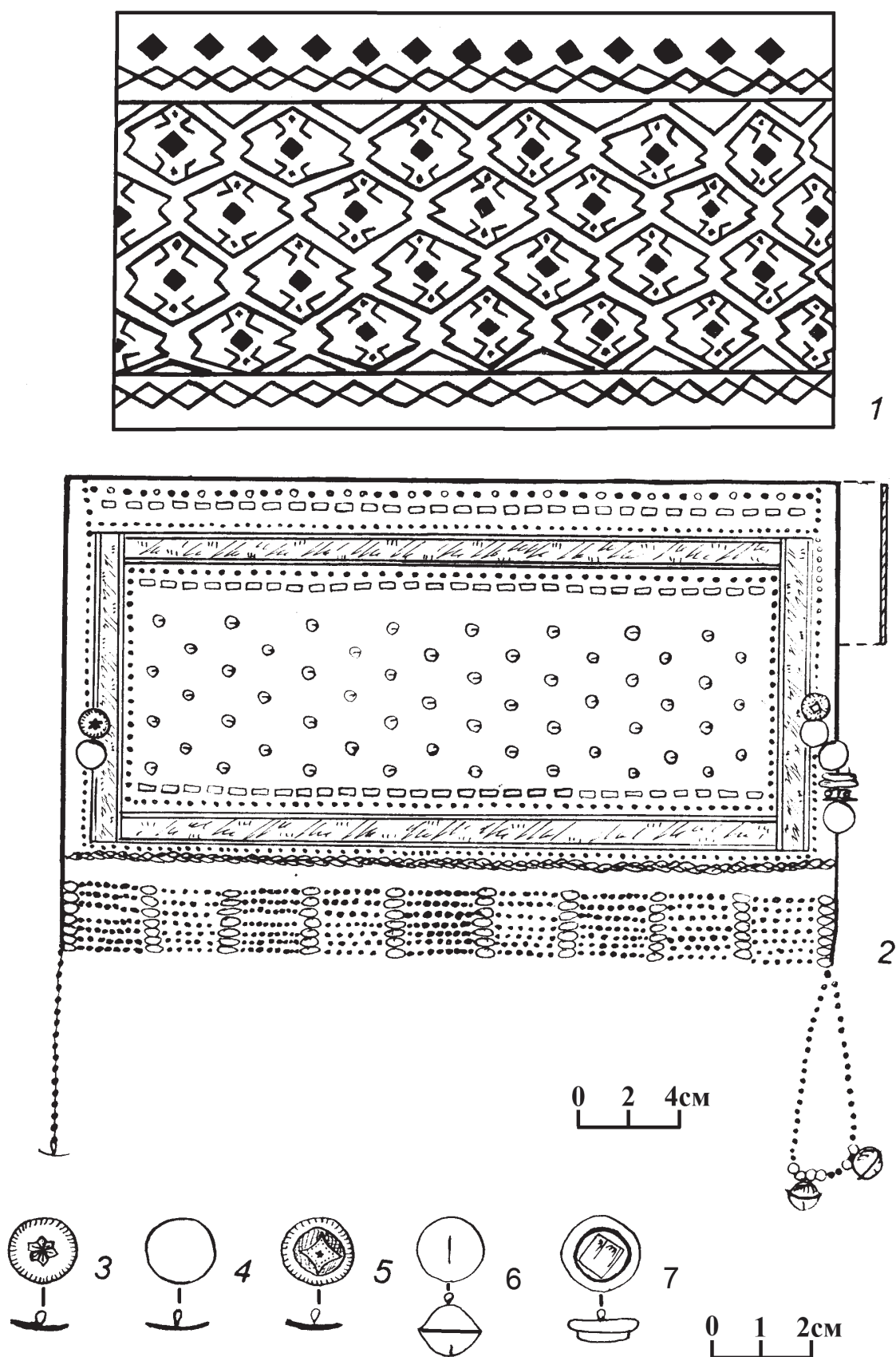

Рис. 55. Головной убор из погребения 32 Коноваловского могильника:
1 – прорисовка орнамента; 2 – прорисовка нашивных украшений; 3–7 – пуговицы-подвески.

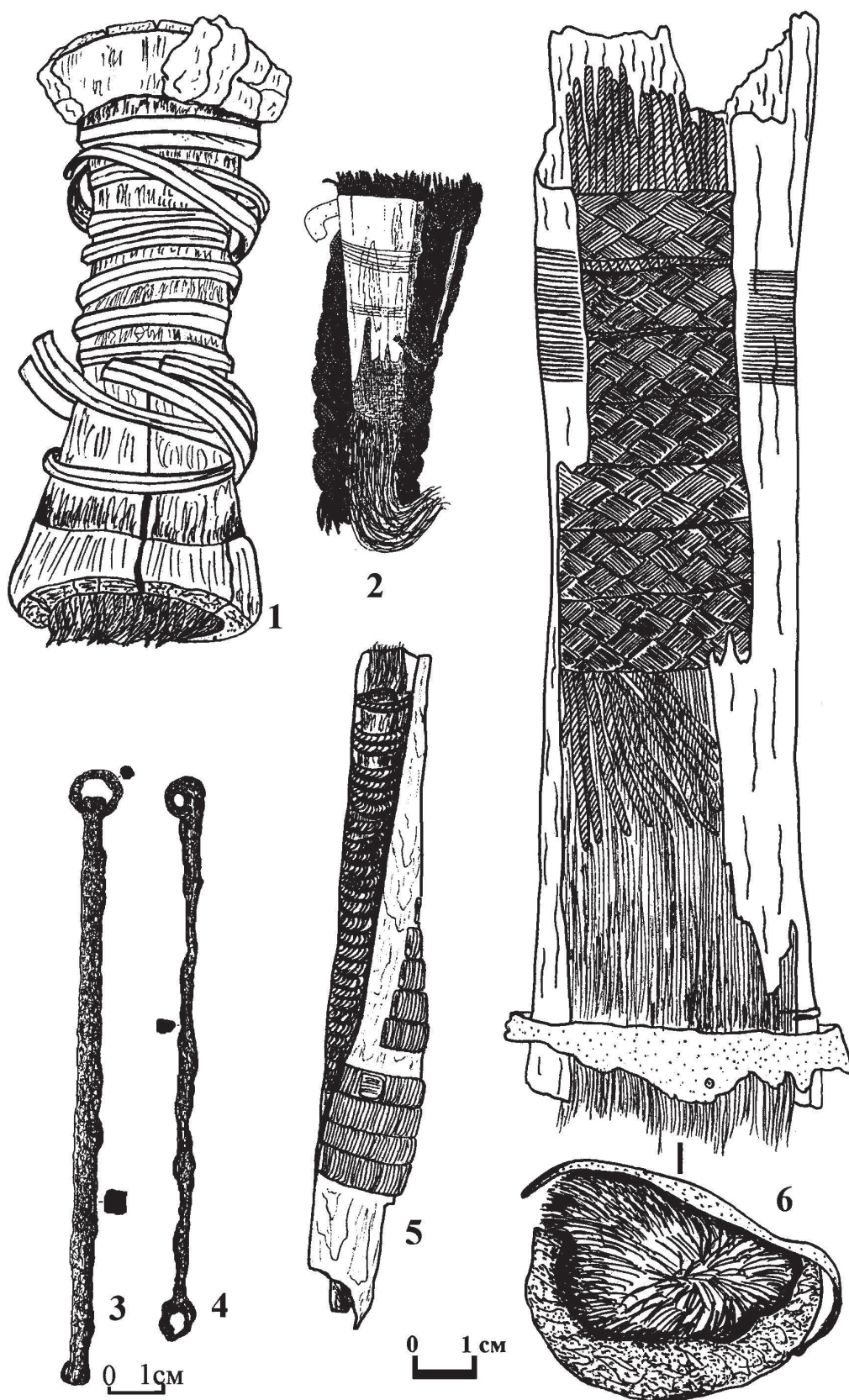

Рис. 56. Накосники и стержни к ним из могильников:
1, 3 – Ново-Пырменский; 2 – Кельгининский; 4 – Дигилевский; 5 – Рыбкинский.

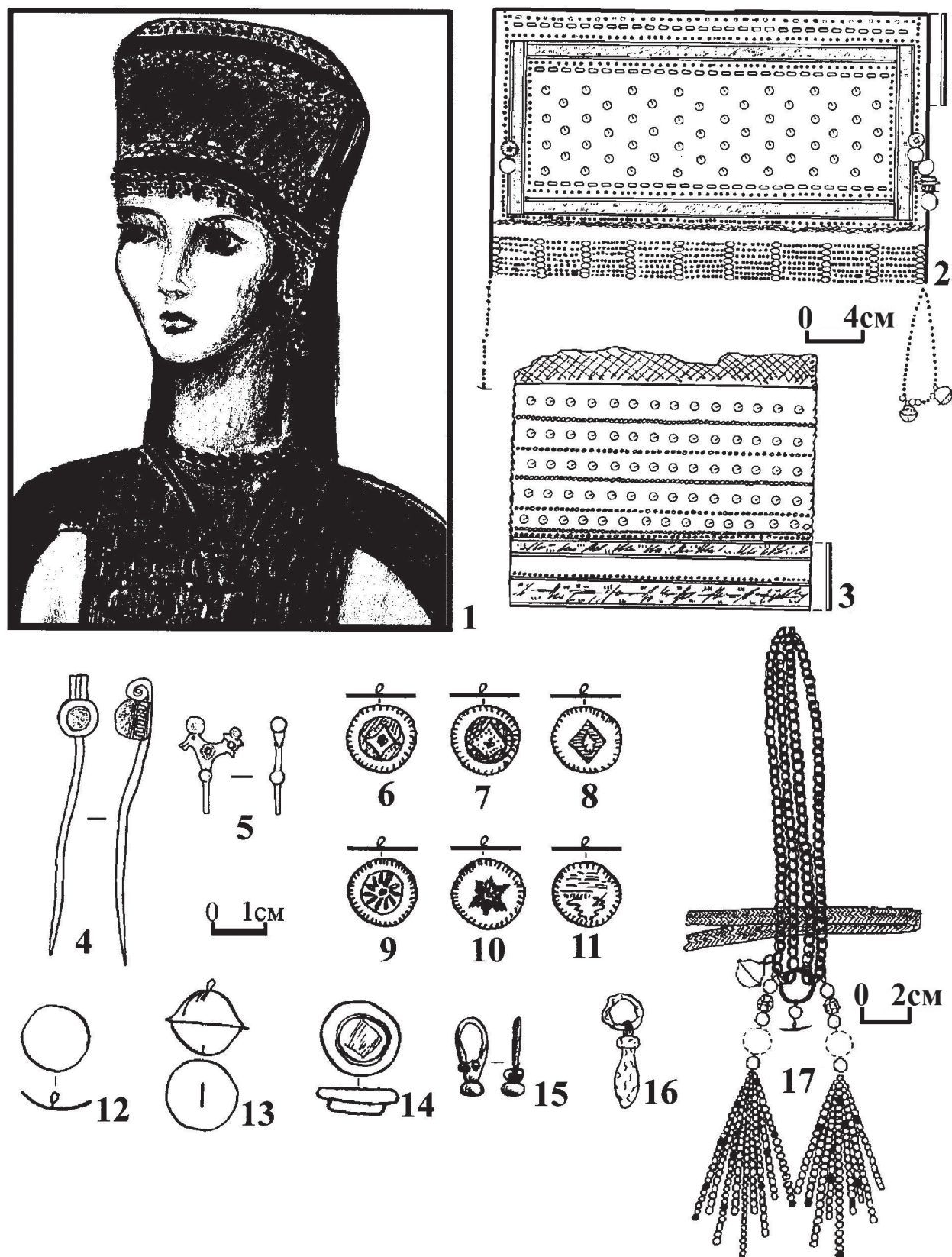

Рис. 57. Головные уборы и их украшения из могильников:
 2–3, 6–17 – Коноваловский; 4 – Сарлейский; 5 – Тоторшевский.
 1 – реконструкция; 2 – головной убор, 3 – пуло; 4–5 – булавки; 6–16 – подвески; 17 – наконик.

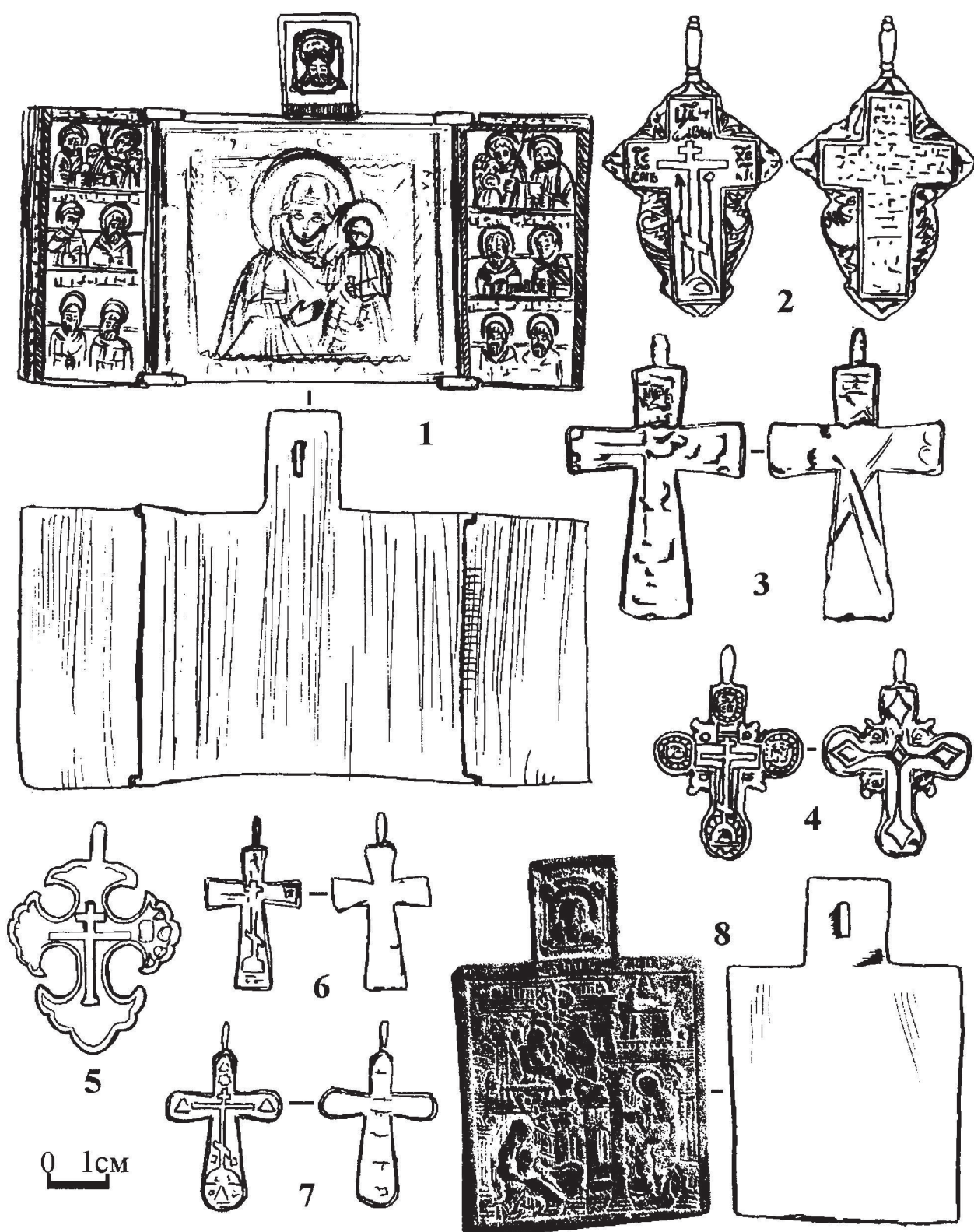

Рис. 58. Иконы и кресты из могильников: 1–4, 6–8 – Коноваловский; 5 – Батушевский.

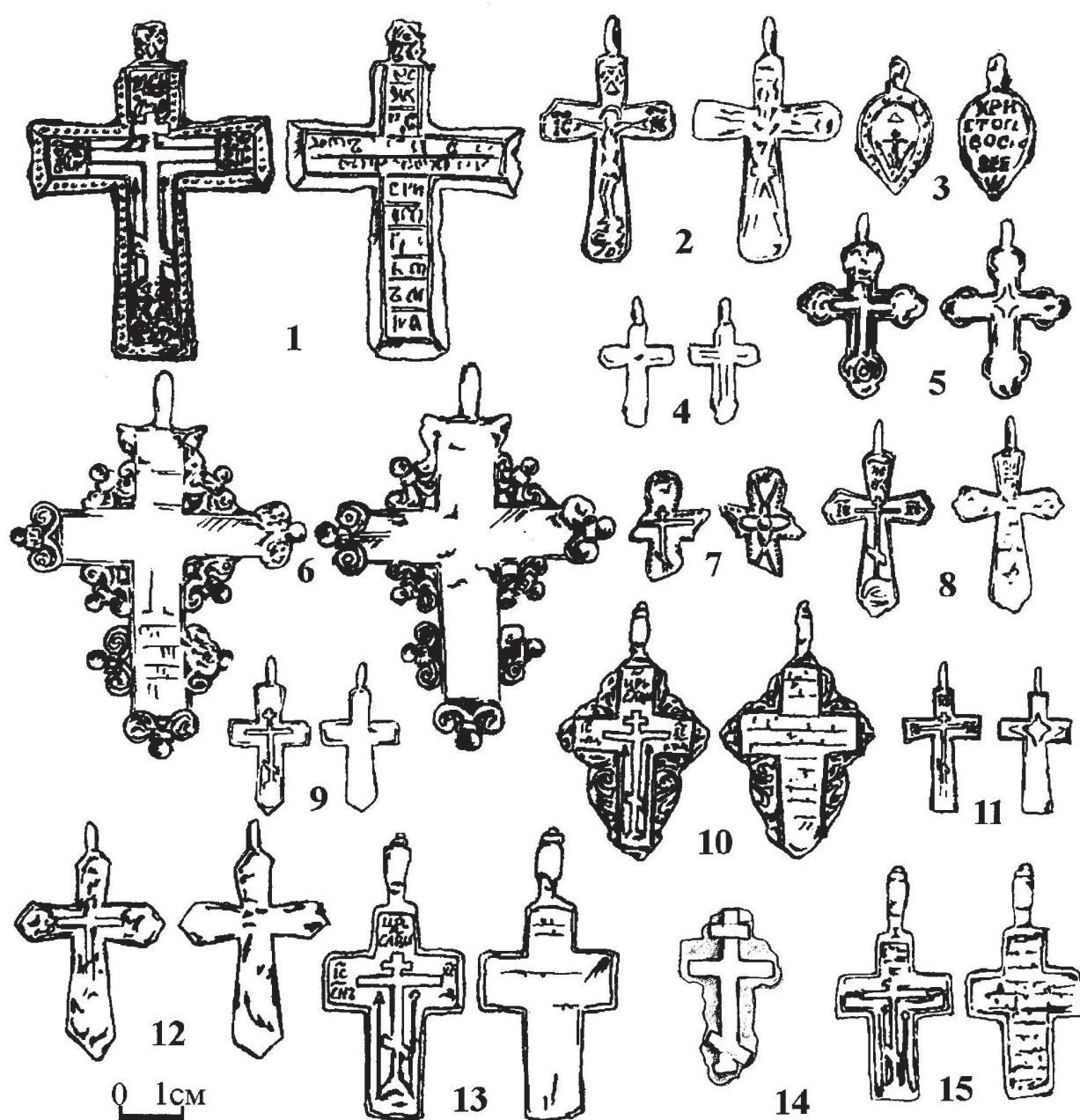

Рис. 59. Кресты из Коноваловского могильника.

Научное издание

Наталья Михайловна Малкова

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ МОРДВЫ
В XVI – НАЧАЛЕ XIX ВВ.**

Монография

Оригинал-макет – *Г.Ш. Асылгараева*

Техническая редакция и коррекция – *И.А. Першагина*

Рисунки подготовлены автором

Подписано в печать 20.09.2025 г. Формат 60×84 ¹/₈

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,9

Общий тираж 500 экз. Первый завод 200 экз.

Заказ № 20/9

Издательство Академии Наук Республики Татарстан
420111, Казань, Баумана, 20

16+